

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-АРМЯНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

II

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌԻ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ

Ս. ՆԵՐՍԻՍՅԱՆ

ՌՈՒՍ - ՀԱՅԿԱԿԱՆ
ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՉ

ԳԻՐՔ ԵՐԿՐՈՐԴ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌԻ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1961

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

9(47.825) М. НЕРСИСЯН

ИЗ ИСТОРИИ
РУССКО-АРМЯНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1961

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Армянской ССР*

Во вторую часть книги «Из истории русско-армянских отношений» (первая часть вышла в свет в 1956 г.) включены две работы автора: 1. «Новые материалы о пребывании Д. В. Давыдова в Армении» и 2. «Декабристы в Армении». Последнее исследование является сокращенным переводом книги, вышедшей в свет в 1958 г. на армянском языке (Ереван, Госиздат Армении).

На основании богатого архивного и литературного материала автор — академик Академии наук Армянской ССР, профессор М. Г. Нерсисян показывает военную и дипломатическую деятельность знаменитого поэта — партизана Д. В. Давыдова в Армении в 1826 г. и участие сосланных на Кавказ декабристов в деле присоединения Армении к России.

В книге говорится также о встречах и знакомстве декабристов с армянскими деятелями и освещается ряд других вопросов, связанных с историей русско-армянских отношений в начале XIX века.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О
ПРЕБЫВАНИИ
ДЕНИСА ДАВЫДОВА
В
АРМЕНИИ

В русско-персидской войне 1826—1828 гг. принимали участие многие передовые люди России того времени. В числе них был и прославленный герой Отечественной войны 1812 г. талантливый поэт Денис Васильевич Давыдов.

По приказу Николая I знаменитый партизан в середине августа 1826 г. выехал из Москвы на Кавказ в распоряжение командира Отдельного Кавказского корпуса генерала от инфантерии А. П. Ермолова. Вскоре после прибытия в Тифлис Давыдов был назначен командиром отряда, перед которым стояла задача нанести удар эриванскому хану и очистить северные провинции Армении — Лори, Памбак и Шорагял от его грабительских орд, занявших эти районы в результате внезапного и вероломного нападения. Давыдов, имевший в то время чин генерал-майора, успешно разрешил эту боевую задачу, сыграв тем самым значительную роль в деле присоединения Армении к России¹. Именно в связи с осуществлением плана освобождения указанных провинций от персидских войск и организацией там обороны русских границ храбрый генерал пробыл в северных районах Армении около трех месяцев (сентябрь — ноябрь 1826 г.), развернув энергичную военную и дипломатическую деятельность.

Об участии Дениса Давыдова в русско-персидской войне, о его пребывании в Армении мы до сих пор располагали незначительными, весьма неполными данными. Некоторые сведения можно было найти в его автобиографии и переписке, а также в бумагах «проконсула Кавказа» Ермолова, изданных примерно сто лет тому назад. Но эти данные отрывочны, скудны и носят весьма общий характер². Можно без преувеличения сказать, что многогранная деятельность Давыдова в Армении в 1826 г. еще не освещена.

В настоящее время имеется возможность восполнить этот пробел. Обнаруженные нами архивные материалы содержат в себе богатые фактические данные по интересующему нас вопросу и проливают новый свет на одну из интересных страниц жизни и деятельности славного партизана³. Познакомимся кратко с этими материалами.

1

В Центральном государственном Военно-историческом архиве (Москва), в фонде 194, который содержит бумаги и разные документы Д. Давыдова, сохранились три весьма интересных дела под № 33—35. В первом из них, имеющем заглавие «Журнал исходящий по отряду генерал-майора и кавалера Давыдова», записаны предписания и рапорты Давыдова за период с 16 сентября по 23 ноября 1826 г. Второе дело именуется: «Тетрадь для записывания приказов по отряду, отдаваемых г. Давыдовым». Первый приказ, включенный в «Тетрадь», датирован 15 сентября, а последний — 22 ноября 1826 г. В тре-

твом деле («Рапорты генерал-майору Давыдову от разных лиц, 1826 г.») собраны письма, донесения и рапорты, посланные на имя Давыдова, его черновые бумаги и другие документы, в том числе и «Журнал входящих бумаг в отряде под командою генерал-майора и кавалера Давыдова». Журнал этот охватывает период от 25 сентября по 22 ноября 1826 г.

Помимо этих материалов, в упомянутом архиве, в фонде ВУА, находятся еще два дела, относящиеся к нашей теме. Первое наименовано: «Журнал военным действиям в провинциях Бамбак и Шурагель против войск персидских в 1826 году», второе — «Извлечение из журнала военных действий российских войск против персиян в Бамбаке и Шурагеле под начальством полковника князя Севарсемидзева и генерал-майора Давыдова в 1826 году». Очевидно, что последнее представляет сокращенный вариант первого документа¹.

В названных материалах содержатся прежде всего подробные данные о военной деятельности Давыдова и об операциях его отряда в северной Армении. Документы показывают, что генерал-майор Денис Давыдов прибыл в Джалалоглы (ныне Степанаван, районный центр Армянской ССР) 15 сентября 1826 г. и в тот же день принял на себя командование местными войсками. В первом приказе по отряду от 15 сентября он писал: «1-е. Прибыв сего числа к отряду, расположенному в Бамбакской провинции на урочище Джелалоглы, начальством мне вверенному, предписываю начальникам частей, состоящих в оном, относиться во всем по службе ко мне. 2-е. Командиру 7-го карабинерного полка полковнику Муравьеву

1-му поручаются распоряжения для исполнения приказаний, мною отдаваемых; для исправления же должности адъютанта по отряду назначается Тифлисского пехотного полка подпоручик Нелюбов»*.

Ознакомившись с состоянием воинских частей, Давыдов 17 и 18 сентября отдает ряд приказов и распоряжений для подготовки отряда к выступлению против неприятеля. Оставив часть войск в Джалалоглы, Давыдов рано утром 19 сентября выступил в поход. За несколько часов до этого двинулся авангард отряда под командованием полковника Севарсемидзева, который должен был руководствоваться следующим предписанием Давыдова: «Предлагаю вашему сиятельству завтрашнего числа в 4-м часу полудни выступить с вверенным вам отрядом (авангардом. — *М. Н.*), который усиливается 60-ю человеками грузинской конницы уезда. По дороге к Амамлам и при встрече по дороге конных неприятельских партий стараться преследовать и захватить оных, употребляя на сие грузинскую конницу. По прибытии к Беканту и встрече там неприятеля стараться сколь возможно сбить онаго и преследовать, донося мне немедленно записками о всякой могущей случиться встрече с оным. Грузинскую же конницу поручаю вам употреблять наиболее для преследования, нежели к атакам, дабы пылкостью своею не были увлечены слишком далеко. По прибытии в Бекант или Калтахчи и не найдя там неприятеля, вы не можете уже иметь надежду настичь онаго, ибо я, выступив с отрядом к Амамлам, возьму направление на Артик

* ЦГВИА, ф. 194, л. 34, л. 2.

для пересечения дороги Гассан-хану. И в случае, что не встречу его там, обращусь сам, не дойдя до Артика к Миракам для общего нашего соединения. Обоз вашего отряда имеете взять с собою весь»*.

Совершив переход через Бзовдальский перевал и не встретив в пути неприятеля, отряд Давыдова к вечеру 19 сентября остановился вблизи селения Киншляк, которое до этого уже было занято авангардом. В этот же день Давыдов войсковому старшине Басову приказал: «Ваше высокоблагородие завтрашнего числа имеете следовать в с. Караклис (ныне Кировакан. — М. Н.) с 25-ю казаками для наблюдения дороги, ведущей к Болыхчаю, и ущелью, ведущего от Караклиса через Узунляр в Борчалинскую дистанцию; на предмет сей вы будете усилены 90 человеками грузинской конницы, коя имеет к вам явиться с своим начальником. Посылая разъезды в обе стороны, вы будете иметь в виду, дабы вступить в связь с разъездами, имеющими высылаться борчалинским главным приставом капитаном Орбельяновым, на каковой предмет вы постараетесь доставить непременно к нему приложенное при сем письмо, коим я предлагаю ему меру сию. Вы же с своей стороны присовокупите письменные извещения к приставу о распоряжениях, которые вы сами сделаете и какие с его стороны потребны. Дабы в точности исполнялись сии меры предосторожности, необходимые для прикрытия Безобдальской дороги и обитателей, живущих по Узунлярскому ущелью. Главный же предмет поручения, на вас возлагаемого, состоит в при-

* ЦГВИА, ф. 194, д. 34, л. 4.

крытии движения, мною предпринимаемого, и потому вы должны держаться на посту, если неприятель будет в меньших силах, в противном же случае, если неприятель будет в превосходных силах, то пост ваш будет извещательный, и тогда, нисколько не упорствуя в удержании онаго, вы немедленно должны, известив меня о том, сами отступать по дороге через Безобдал»*.

На рассвете 20 сентября отряд Давыдова двинулся к Мираку. В пути, недалеко от селения Амамлу, он имел стычку с неприятельской конницей. Об этом в архивных материалах мы читаем: «Приближаясь к селению Амамлам, авангард заметил конницу неприятельскую в числе 300 человек, занимающую правый берег реки Бамбака; но по мере приближения войск наших, отступала она по дороге к Мираку. Желая схватить языка, генерал-майор Давыдов послал конницу грузинскую в погонь за неприятелем. Грузины, догнав персиян верстах в 5-ти от Амамлов, имели небольшую с ними стычку, в которой им однако не удалось взять пленных. Опасаясь встретить засаду, гоняясь за отступающим неприятелем, удержал генерал конницу и, пройдя верст 7-мь от Амамлов, остановился ночевать. Грузины в сей день потеряли убитыми: простолюдин 4, ранен дворянин 1. Об уроне неприятельском ничего неизвестно, но должно полагать, что он был несравненно значительнее нашего»**.

На следующий день, 21 сентября, на склонах горы Алагез (Арагац), вблизи разрушенной деревни

* ЦГВИА, ф. 194, д. 33, л. 4.

** ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4297, л. 16.

Мирак, произошло решающее сражение. Отряд Давыдова, в котором находилось немало грузинских и армянских ополченцев, нанес врагу сокрушительные удары. 4-тысячная конница Гасан-хана потерпела тяжелое поражение и обратилась в бегство. Это сражение в «Журнале» отряда описано следующим образом: «21-го числа, в 7-м часу утра выступил отряд к Мираку. Спустившись в долину, ведущей к Абарань-полю, показалась неприятельская конница под начальством Гассан-хана. Зажигая траву, отступала она многими толпами вне пушечного выстрела. Генерал-майор Давыдов, достигнув с авангардом высоты, открывающую начатое нами на Мирак укрепление, увидел неприятеля, занимающего высоты около и вправо от укрепления⁵. Тотчас отправил он полковника князя Севарсемидзева с авангардом и, придав ему всю конницу грузинскую и приставших к отряду конницу и пехоту армянских, приказал сбить правый фланг неприятеля с высоты около укрепления. Конница с быстротою атаковала персиян, но они, занимая позицию выгодную и будучи в числе превосходном, держались упорно. Приближение стрелков армянских и пехоты нашей, которая быстро сбежала на высоты, принудило неприятеля поспешно очистить оные, притерпевшая значительный урон от картечи и огня батального. В лощине реки Мирак персияне снова собрались, но полковник князь Севарсемидзев, не дав им времени, опрокинул с большею потерей за речку Мирак. Между тем значительная толпа неприятельская бросилась вправо в лощину маленькой речки, впадающей с правой стороны в реку Мирак, дабы взять войска наши во фланг. Генерал-майор Давы-

дов, видя сие, отрядил полковника Муравьева с ротой Тифлисского пехотного полка и стрелками от двух рот 7-го карабинерного полка, двумя орудиями и всеми казаками, дабы отрезать ей обратный путь; крайнюю высоту на правом фланге нашем приказал он занять ротой 7-го карабинерного полка, а сам находился в центре с двумя ротами Тифлисского пехотного полка и 3-мя орудиями, имея на левом фланге авангард. Обоз остался под прикрытием двух рот 7-го карабинерного полка с одним орудием. Полковник Муравьев занял высоту между правым берегом малого ручейка и рекою Мираком, левый же берег сей последней был занят конницею персидскою. Генерал, видя, что взятием сих высот левый фланг неприятельский будет отрезан, приказал полковнику Муравьеву атаковать персиян. Скоро он исполнил приказание и, сбив персиян с возвышений, занял левый берег Мирака. Левый фланг неприятельский, видя себя вправо отрезанным полковником Муравьевым, влево обойденным ротой 7-го карабинерного полка, между тем как генерал приближался к середине, притом претерпевая от сильного огня пушечного, принужден был искать спасения в крутизнах горы Алагеза»*.

Преследуя врага, отряд Давыдова 22 сентября вступил в границы Эриванского ханства. «Беспрепятственно войска дошли до деревни Кулюджи, 9-ть верст от Мирака, авангард перешел 2 версты за дефиле Судаген. Генерал-майор Давыдов остановился здесь, дабы дать отдохнуть войскам»**. Но в этот

* ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4297, л. 17.

** Там же, л. 18.

же день Давыдов получил предписание Ермолова, предлагавшего ему прекратить преследование неприятеля и возвратиться в Джалалоглы. Исполнив приказ начальства, войска Давыдова днем 23 сентября вернулись обратно и, нигде не встречая неприятеля, 25-го прибыли в Гюмри (ныне Ленинакан). Через три дня, 28 сентября, отряд выступил из Гюмри и к вечеру 29-го прибыл в Джалалоглы (арьергард отряда под командованием полковника Севарсемидзева прибыл 30 сентября). Таким образом, боевая задача — нанести решающий удар врагу и изгнать его войска из северных районов Армении — была решена успешно⁶.

Миракское сражение явилось одним из важных и крупных военных событий русско-персидской войны⁷. В своем письме к Адлербергу Давыдов весною 1827 г. справедливо писал: «Миракское мое дело... важнее как бои и последствиями своими... ибо прежде миракского дела персiane делали набеги к Акзебиюку и к Башкичет в пятидесяти верстах от Тифлиса, а после изгнания их мною за границу ни один персидский всадник не переступил за черту оной до сего времени»*.

Высоко оценив «миракское дело» и боевые заслуги его участников, Давыдов представил начальству список штаб- и обер-офицеров, отличившихся в этом сражении. В его бумагах хранится черновик этого документа. В нем мы читаем: «Докладная записка господину начальнику Главного Штаба его Имп. ве-

* «Сочинения Дениса Васильевича Давыдова». Т. 3. СПб. 1893, стр. 163—164.

личества! Состоящий по кавалерии генерал-майор Давыдов, представляя на уважение заслуги гг. штаб- и обер-офицеров, под командою его в сражении 21-го сентября 1826-го года при селении Мирак, отличившихся храбростью и усердием, осмеливается всепокорнейше просить не оставить благосклонным ходатайством у государя императора о всемилостивейшем пожаловании им спрашиваемых по подносимому у сего списку наград⁸. Марта 1827 года, Тифлис»*.

Далее следует список, куда включены 24 человека, в том числе и следующие лица: командир Тифлисского пехотного полка полковник Севарсемидзев, командир 7-го карабинерного полка Муравьев, командир резерва барон Фридерикс 2-й, квартирмейстерской части поручик Коцебу 2-й, лейб-гвардии сводного полка прапорщик Ховен, казак Вишневской, переводчик Бастам Бастамов, начальник грузинского ополчения Давид Тарханов, коллежский ассессор князь Арсентий Бебутов, князь Иван Меликов и др. Говоря о деятельности каждого из них, Давыдов, например, о Севарсемидзеве писал: «Командовал авангардом. 21-го числа храбро опрокинул неоднократно напиравшую на него куртинскую конницу. Занял редут Миракской и расстроил правый фланг неприятеля, гнал оный за реку Мирак огнем и штыками». Деятельность Муравьева охарактеризована следующим образом: «Сверх командования баталионом полка, ему вверенного, исправлял должность начальника штаба отряда, мне вверенного. Выбил штыками из средних каменистых высот засевше-

* ЦГВИА, ф. 194, д. 35, л. 120.

Д. В. Давыдов

го в них неприятеля, расстроив толпы оного картечными выстрелами, разорвал средину его линий, преследовал оного до наступления ночи и первый поставил ногу на неприятельскую землю». Переводчик Бастамов, писал Давыдов, «сам отправился от меня в наездники и вел себя весьма храбро». О Бебутове и Меликове сказано: «Вели себя чрезвычайно храбро»⁹ против куртинских наездников»^{*}.

Ходатайство Давыдова о награждении офицеров, отличившихся в миракском сражении, осталось без внимания; сам он удостоился лишь «высочайшего благоволения». В этом факте, несомненно, еще раз проявилась та скрытая, упорная ненависть, которую питал реакционный генералитет к Денису Давыдову за его «дерзости и вольнодумство»¹⁰.

2

Отгнав персидские войска из Памбака и Шорагяла, Давыдов, как мы уже видели, в конце сентября вернулся в Джалалоглы, где остался примерно два месяца. В этот период в северной части Армении было спокойно, и поэтому ему не пришлось вести новые сражения с неприятелем. Как показывают архивные материалы, Давыдов в эти дни был занят другими вопросами.

Перед Давыдовым прежде всего стояла задача: охранять русские границы от новых вторжений персидских войск и до наступления зимы закончить строительство укрепления в Джалалоглы, имевшего

* ЦГВИА, ф. 194, л. 35, лл. 121—122.

важное военное значение. Войсковые части Давыдова зорко следили за неприятелем и предпринимали необходимые меры, чтобы предупредить его вылазки. По приказу командира отряда «ежедневные разъезды ездили в одну сторону чрез Безобдал до Кишляка. Караклиса и по прямой дороге от Джелал-Оглу до Амамлов, в другую на Карагач»*.

Давыдов призывал своих командиров проявлять осторожность и действовать «совокупно». В предписании на имя полковника Севарсемидзева от 18 ноября 1826 г. он писал: «Защита Лорийской степи предоставляется вам и остается совершенно на вашей ответственности. Хотя по настоящему времени года и по известиям, дошедшим до меня о неприятеле, нет ни малейшего сомнения, что он остается в бездействии, при всем том предлагаю вам никогда не терять из виду осторожность, а с оной вместе и главное военное правило: *совокупность*, ибо чрез рассеяние войск в большой обширности и размещение оных по деревням ваш отряд будет везде слаб и не в состоянии будет соединиться там, где нужда требует. Понстине, выгоднее и покойнее войскам расположение просторное, но сим покоем и сими выгодами надобно уметь жертвовать, когда польза службы сего требует»**.

Хорошо зная ландшафт и топографию северной Армении, Давыдов давал конкретные и подробные указания об организации обороны ее границ. В упомянутом предписании к Севарсемидзеву говорилось

* ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4297, л. 19.

** ЦГВИА, ф. 194, л. 33, л. 30.

«Я сужу о защите Лорийской степи так: три главных отверстия ведут к оной с Бамбака и Шурагеля: 1) чрез Узулиярское ущелье, 2) чрез Безобдал, 3) чрез Карагач. Первые два не столько требуют внимания, как последнее. Я думаю, что стоит только пригласить сотню армян, живущих в Марсе или в других деревнях вдоль по ущелью, и приказать им наблюдать оное и извещать вас немедленно о появлении там неприятеля, то сего будет достаточно для удержания оного до прибытия вашего с несколькими ротами... О безобдальском проходе нечего и говорить. Гергер, занятый тремя ротами и двумя орудиями, и оконченное и сооруженное уже укрепление при Джелал-Оглу, где ваше сиятельство остаетесь с главными силами, достаточно ручается, что с сей стороны нет возможности явиться неприятелю. Теперь остается Карагачинское отверстие, самое важнейшее, во-первых, потому, что оно плоскостью своею способствует для прохода войск, во-вторых, что оно ведет в часть земли более открытую, в-третьих, что оно от вас в расстоянии 20 верст, почему трудно успеть вам прибыть вовремя на помощь селам, атакованным и ныне привлекающим добычею неприятеля... Вот пункт Лорийской степи, за коим нельзя достаточно употреблять наблюдения. Вследствие сего предлагаю вашему сиятельству следующее размещение отряда, вам вверенного. В Гергере: 3 роты, 2 орудия и несколько казаков. В укреплении Джелал-Оглу: 4 роты, 8 орудий и казачий Андреева полк. На Джилге: 2 роты, два орудия и 1 сотню Андреева»*.

* ЦГВИА, ф. 194, д. 33, л. 31.

Давыдов немало внимания уделял и строительству военного укрепления в Джалалоглы. Правда, этим делом непосредственно занимался инженер-подполковник Литов, но общее руководство осуществлял он сам. Из архивных материалов видно, что Давыдову часто приходилось давать важные указания Литову и предпринимать необходимые меры для ускорения строительства крепости.

На строительные работы джалалоглинской крепости привлекались, кроме солдат, и местные жители. Несмотря на это, чувствовался острый недостаток рабочей силы. Давыдов старался обеспечить широкое участие крестьян в строительстве этого укрепления и, насколько это возможно, удовлетворить их требования. 12 октября он предписал штабс-капитану Тифлисского полка Ростованову: «По недостатку рабочих у крепости, предлагаю вашему благородию усугубить меры к выбивке жителей на работу»*. 19-го того же месяца Давыдов писал полковнику Севарсемидзеву: «Жители, находящиеся на работе при укреплении, приносят мне ежедневно жалобы о недостатке в хлебе, почему предлагаю вашему сиятельству сделать на сей предмет зависящее от вас распоряжение и вместе с сим приказать, как пополнить выданный им уже в разные времена провиант под расписки батальонных адъютантов 7-го карабинерного подпоручика Туркевича и Тифлисского пехотного полков, порутчика Греньковского и находящегося у хлебопечения подпоручика Павлоцкого и что ва-

* ЦГВИА, ф. 194, д. 33, л. 17.

ним сиятельством по сему учинено будет уведомить меня»*.

Благодаря принятым мерам строительство джалоглинской крепости шло удачно. В начале ноября оно было полностью завершено¹¹.

Частые набеги персидских войск не давали возможности крестьянам Памбака и Шорагяла убирать хлеб. Чтобы оказать им необходимую помощь, Давыдов выделил из своего отряда специальные части, задачей которых было не допускать грабительских набегов неприятеля и тем самым обеспечить мирный труд хлеборобов. В этом отношении характерен приказ Давыдова от 18 октября 1826 г., в котором он предлагал полковнику Севарсемидзеву «занять линию от Гумров до Кишляга для прикрытия жителей Бамбакской и Шурагельской дистанции во время уборки в их пользу оставшегося на корню хлеба и для сего поручаю вам 5-ть рот полка вам вверенного, 5 орудий, 3 лег. гренадерской роты, 100 казаков и столько армянской конницы, сколько вы собрать можете»**.

Осенью 1826 г. в районе Лори скопилось значительное число армянских беженцев из Шорагяла, спасшихся от погромов персидских войск. Судьба этих бедных и беспомощных крестьян занимала и Давыдова. Об этих беженцах 4 октября 1826 г. он писал отношению исполняющему должность грузинского гражданского губернатора генерал-майору Ховену, который 13 октября ответил Давыдову: «На отноше-

* ЦГВИА, ф. 194, д. 33, л. 23.

** Там же, л. 22.

ние Вашего превосходительства от 4-го октября № 43 сим ответствовать честь имею, что как по воле г. главноуправляющего в Грузии генерала от инфантерии и кавалера Ермолова, Бамбакской и Шурагельской провинции жители, на Лорийской степи собравшихся, предположено разместить по армянским селениям Борчалинской дистанции и поручено иметь попечение о них г. полковнику князю Севарсемидзеву»*.

О решении начальства относительно армянских беженцев Давыдов 17 октября сообщил Севарсемидзеву и по этому вопросу сделал ему ряд распоряжений.

По поручению А. П. Ермолова Давыдов занимался и вопросами, связанными с организацией военной разведки¹². Так, 1 октября командиру казачьего полка подполковнику Андрееву он отдал следующий приказ: «Предписываю вашему высокоблагородию к исполнению следующее: посылать ежедневно два разезда для открытия неприятеля; каждый разезд должен состоять из 15 казаков, из коих первый будет ходить с покоса... по дороге до Амамлов, а второй отсюда к урочищу Элидара (что за Карагачем)... Делать разездным казакам наставление, на шот предосторожности, которую они брать должны, но между тем напоминать им, что они должны доставлять сведения, основанные на личной уверенности и что ими дознано будет доносить мне лично»**.

Чтобы получить необходимые данные о положении в персидских ханствах и турецких пашалыках, о

* ЦГВИА, ф. 194, л. 35, л. 30.

** Там же, л. 33, лл. 10—11.

планах и намерениях неприятеля, Давыдов посылал в Ахалцих, Чилдир, Карс, Эривань и другие места специальных людей — лазутчиков, которые доставляли ему важные сведения¹³. Сообщения лазутчиков Давыдов передавал высшему начальству.

Давыдову приходилось заниматься также обеспечением своих войск провиантом, подготовкой для них зимних квартир, разбором жалоб местных жителей, разрешением споров, возникавших между ними, и т. д.

Будучи командиром русского отряда в провинциях Лори и Памбак, Денис Давыдов фактически являлся военным и гражданским начальником в этой части Армении. Поэтому круг вопросов, занимавших его, был весьма широк и разнообразен.

3

Следует особо отметить, что в архивных материалах сохранилась переписка Д. В. Давыдова с некоторыми представителями турецких властей. Весьма интересная во многих отношениях, эта переписка в частности показывает, что поэт-партизан во время своего пребывания в Армении занимался и вопросами, относящимися скорее всего к области дипломатии.

Еще 24 сентября 1826 г., после того как Памбак и Шорагял были очищены от грабительских банд эриванского хана, Денис Давыдов приказал полковнику Севарсемидзеву вести переговоры с карским пашой с целью закупить у него провиант для русских войск¹⁴. Через два дня, 26 сентября 1826 г., Давыдов получил от Севарсемидзева рапорт, в котором сооб-

дилось: «По прибытии в деревню Баншорагель отпустил человека к паше карскому, сделал бы нам пособие провиантом, и сверх сего известился я, что в Карсе соть пленные наши немцы, прошу пашу возвратить их, за что получит плату и находящихся там грузин и армян нахичеванских, бывших на богомолье, отпустил бы ко мне. Когда я переправился Арпачай, жители всех деревень ушли к Карсу, полагая, что мы будем их грабить. От пашин приехал ко мне Дели баша с кевками, которого я заверил, чтоб немало не опасались нас, и приказал бы паша возвратиться жителям в свои места, которой возвратился поспешно объявить паше. Какой получу ответ, буду рапортовать, и как скоро придут из Карса наши жители, тот же час возвращуся»^{*}.

Хорошо понимая, что в создавшихся условиях необходимо установить дружественные отношения с турецкими властями, Давыдов был сильно встревожен этим сообщением¹⁵. Опасаясь, что поступок Севарсемидзева (переход с отрядом турецкой границы) может вызвать осложнение отношений между Россней и Турцией, он приказал немедленно исправить допущенную ошибку. 27 сентября Давыдов писал Севарсемидзеву: «Письмо ваше, любезнейший князь, я получил, а немного погодя получил и рапорт. Признаюсь вам, что я, отделя вас от отряда моего для продовольствия оному, никак не воображал, чтобы вы перешли Арпачай и вошли в турецкую область. Я весьма опасаясь, чтоб чрез ваш сей самовольный залет турки не вошли в претензию и чтобы не про-

^{*} ЦГВИА, ф. 194, д. 35, л. 9.

изошло чего-нибудь весьма неприятного между обеими державами. Ваше дело теперь исправлять то, что вы сделали и выйти из границ Турции как можно дружелюбнее... Сделайте мне одолжение, также и на свою пользу уладьте так, чтобы от нашей Карсской никакой не было жалобы...»^{*}.

Но дело не ограничилось только ошибкой полковника Севарсемидзева. Независимо от этого, турецкие власти были обеспокоены тем, что русские войска, заняв район Шорагяла, могут напасть на Карсский пашалык. Давыдов решил вступить в непосредственную переписку с карсским пашой и эрзерумским сераскиром, чтобы успокоить их, показать беспочвенность таких опасений и тем самым предупредить возможные недоразумения между Россией и Турцией, а кроме того попытаться закупить в Карсском пашалыке хлеба и скот для своего отряда. Воспользовавшись тем, что представитель турецких властей прибыл в Гюмри и явился к русскому начальству, Давыдов 27 сентября послал карсскому Осман-паше следующее письмо: «В самое время выступления моего из деревни Харума в Гюмри прибыл ко мне посланный от вашего высокостепенства Гаджи Ибрагим, которой, изъявив мне дружеское расположение ваше, сообщил мне, что деревни Шурагельского...** узнав о прибытии моем сюда бежали внутрь земли, опасаясь с нашей стороны нападения, прося меня известить его, для доклада вам, о намерении нашем и о происшествиях, случившихся в Грузии при теперешних военных обстоятельствах. Исполняя

* ЦГВИА, ф. 194, д. 33, л. 7.

** Пропуск в тексте документа.— М. Н.

с удовольствием желания вашего высокостепенства, я при изъявлении вам дружбы и благоприязни моей имею честь известить вас, что двинувшись из Джелалоглы с войском в границы персидские, я разбил при Мирагах Гассан хана, хотевшего противиться вторжению моему в границы общего врага нашего и прибыв в с. ериванские, истребил их несколько и теперь возвращаюсь в Гумри для занятия сперва мест, нам принадлежащих, и приведения их в устройство, причем прошу ваше высокостепенство быть совершенно покойным на щот деревень ваших, лежащих по границам... При сем я прошу вас, благоприятель мой, доставить ко мне в скорейшем времени в Гумри продовольствие для войск мукою и скотом, обязываясь заплатить жителям, кои оное доставят, плату. Полагаясь на дружбу вашу, я также прошу вас о присылке ко мне обратно грузин, захваченных с арбами, везшими соль, а также и немцов, захваченных в плен в недавнем времени Шариф Агою.

Посланному от вас Гаджи Ибрагиму поручите от меня изустно сообщить вашему высокостепенству о происшествиях, случившихся в Карабаге, не имея времени изложить их теперь письменно, впротчем*.

Через день, 28 сентября, Давыдов послал письмо и эрзерумскому сераскиру — непосредственному начальнику карсского паши. Вот текст этого письма:

«Высокостепенный, высокопочтенный паша, сераскир Арзрюмский, истинный благоприятель мой!

Прибыв к отряду, расположенному при Лори, я по воле брата моего высокопревосходительного ге-

* ЦГВИА. ф. 194, л. 33, л. 8.

нерала и главнокомандующего Алексея Петровича Ермолова выступил с частью войск, находящихся при Джелал-оглу, для изгнания неприятеля нашего из границ наших и для занятия, во ожидании дальнейших приказаний деревень разоренных вторгнувшимися, подобно разбойникам, персиянами. Гассан-хан, грабивший страну сию, узнав о намерении моем, немедленно бежал, не смея противиться оружием, войскам великого государя моего, как человек дерзающий только нападать на мирных и безоружных жителей. Преследуя его чрез Мираг во владения персидские, я достиг его однакож довольно близко и разбил на самой границе, занял деревни, Ирану подвластные, где и расположившись с войском своим с нетерпением ожидал по дошедшим до меня слухам прибытия сардаря Ериванского, в надежде с ним сразиться, но ожидания мои были тщетны и даже сам Гассан-хан исчез пред победоносным войском, коим я предводительствовал. Не имея дальнейших приказаний от начальства моего и нуждаясь в хлебе, я пошел к Гумрам и просил карского Осман пашу, дабы он снабдил меня за плату хлебом и рогатым скотом: но так как и до сих пор еще не имею я ответа на сей предмет, то нахожусь принужденным возвратиться к Лори, где находятся запасы наши.

Извещая о сем ваше высокостепенство, я обращаюсь к вам, как к подданному государя союзного с нашим, полагая, что по дружественному расположению вашему к брату моему и по доброжелательству вашему вы не оставите предписать Осман паше карскому, дабы он по требованию моему снабжал меня за деньги всем нужным продовольствием для войск,

в команде моей состоящих, чем самым и доставите мне средство в скором времени возвратиться в Гумри, для продолжения наступательных действий ныне предпринятых и приостановленных единственно от недостатка продовольствия в деревнях бамбакских и мурагельских, совершенно разоренных. Прося вас покорнейше, благоприятель мой, уведомить меня о распоряжениях ваших по сему предмету с нарочною доверенною особою в Лори или Гумри, где я буду ожидать ответа вашего.

Пользуясь случаем сим, дабы поручить себя в дружеское расположение ваше и при пожелании всякого благополучия засвидетельствовать вам чувства дружбы и почтения, с коим пребуду доброжелатель ваш»*.

Письмо Давыдова не осталось без ответа. Карсский паша с подчеркнутой любезностью писал ему: «Высокопочтенный и истинный приятель мой генерал, Ваше превосходительство!.. Получив письмо Ваше о твердой дружбе нашей свидетельствующей, мы порадовались изъявлению приязни вашей. Так как вы желали иметь от меня муки и скота, то извещаю вас, что моя собственность все равно что ваша. Но если мы теперь вам отдадим продовольствие сие, то неприятли наши персияне пошлют войско разорять бедных жителей наших. Но когда вы подвинитесь с войском вперед, тогда все, что вам нужно будет вам будет доставлено»**.

* ЦГВИА, ф. 194, д. 33, л. 9.

** В бумагах Д. Давыдова имеется русский перевод письма (см. ЦГВИА, ф. 194, д. 35, л. 17).

30 сентября Давыдов послал карсскому паше новое письмо:

«Высокостепенный, высокопочтенный Осман паша, истинный благоприятель мой!

Письмо ваше доставил ко мне посланный от вас Гайта-башни Магмет. Мне весьма приятно было видеть дружеское расположение ваше ко мне и я, основываясь на обещании, мне данном, доставить для войска моего все нужное продовольствие, при следовании онаго в персидские владения, остаюсь в полной уверенности получить вспомоществование сие и воспользуюсь при следовании моем вперед дружбою вашею, известив вас в то время с нарочным о количестве муки и скоте для меня нужных, которое прошу вас, благоприятель мой, заблаговременно иметь в готовности, полагая, что мера сия будет соответственна дружбе и доброму согласию, существующим между двумя великими державами.

Впрочем, поручая себя в расположение ваше, остаюсь с совершенным почтением и душевною преданностию доброжелателем вашим»*.

Несмотря на неоднократные обращения командования русского отряда, карсский паша по разным мотивам не соглашался на продажу продовольствия. Однако главная задача была разрешена удачно. В результате этих писем Давыдова, составленных довольно искусно и в дипломатических тонах, удалось избежать осложнений и трений между русскими и турецкими войсками.

* ЦГВИА. ф. 194, л. 33, л. 10.

Д. В. Давыдов покинул Армению 23 ноября 1826 г. Накануне, 22 ноября, он отдал свой последний приказ по отряду, в котором указывалось: «Отъезжая по случаю распускания отряда мне вверенного, и по распоряжению высшего начальства 23-го числа сего м-ца в г. Тифлис, я передаю командование оставшимися в Джелал-оглу и окрестностях войсками полковнику князю Севарсемидзеву, к коему Кавказской гренадерской артиллерийской бригады 3 легкая рота, казачий подполковника Андреева полк и находящееся здесь отделение Тифлисского артиллерийского гарнизона имеют во всем по службе относиться, состоя в непосредственном у него распоряжении; между тем, оставляя войска начальству моему вверенные, я ставлю себе в приятную обязанность благодарить как начальников оных, так и нижних чинов за усердную их службу и за то не ослабое радение к исполнению своих обязанностей, коим они ознаменовали себя¹⁶ во все время пребывания моего среди их»*.

В архивных материалах, как мы уже отметили, можно найти много интересного о жизни и деятельности Дениса Давыдова в период его пребывания в Армении. Среди этих документов особое значение имеют рукописи и другие бумаги самого Давыдова, некоторые из которых даны в приложении к настоящей книге.

* ЦГВИА. ф. 194, л. 34, л. 12.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. В статье «Известия о жизни Д. В. Давыдова», написанной сыном прославленного партизана, отмечается, что в 1816 г. Д. Давыдов был принят в члены литературного общества «Арзамас» и что все члены этого общества «получали прозвища, заимствованные из баллад Жуковского. Давыдов назывался «Армянином» (см. «Сочинения Дениса Васильевича Давыдова». Часть вторая. М. 1860, стр. 101). На этот факт указывал также А. О. Круглый — автор статьи о литературной деятельности Д. Давыдова (см. «Собрание сочинений Д. В. Давыдова». Т. 1. СПб. 1893, стр. XI). — 7

2. В автобиографии Давыдова, написанной в третьем лице, мы читаем: «Со вступлением на престол императора Николая. Давыдов снова оплечается знаками военной службы и опоясывается саблею. Персияне вторгаются в Грузию. Государь император удостаивает его избранием в действующие лица на ту единственную пограничную черту России, которая не звучала еще под копытами коня Давыдова. Он вырывается из объятий милого ему семейства и спешит из Москвы в Грузию: в десять дней Давыдов за Кавказом. Еще несколько дней — и он с отрядом своим за Безобдалом, в погоне за неприятелем, отступающим от него по Бамбакской долине. Наконец, еще один сутки — и он близ заоблачного Алагеза поражает четырехтысячный отряд известного Гассан-хана, принудив его бежать к Эриванской крепости, куда спешит и сам сардарь эриванский с войсками своими от озера Гохчи. Тут открывается глазам Давыдова Арарат в полном блеске, в своей снеговой одежде, с конем голубым небом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода человеческого.

После этой экспедиции Давыдов занимается строительством крепости Джалал-оглу, которую довершает около декабря месяца. Зимой, во время бездействия, он получает от генерала Ермолова отпуск в Москву на шесть недель, но едва успевает он обнять свое семейство, как снова долг службы влечет его за кавказские пределы. Но эта поездка не приносит ему успеха прошлого дня: на этот раз перемена климата не благоприятствует Давыдову, и недуг принуждает его удалиться к кавказским целительным водам, где, тщетно ожидая себе облегчения, он находится вынужденным уже безвозвратно отбыть в Россию» (см. «Сочинения Дениса Васильевича Давыдова». Часть первая. М. 1860).

В начале 1830-х годов Д. Давыдов приступил к написанию «Воспоминаний о 1826-м году», но, к сожалению, они остались незаконченными; автор написал лишь о своем путешествии из Москвы до Владикавказа и Коби (см. там же).

В рапорте генерала Ермолова от 30 сентября 1826 г., отправленном на имя царя (см. АКАК, т. VI, ч. II, стр. 380—381, 382; «Записки Алексея Петровича Ермолова». Часть II. М. 1868. Приложение, стр. 291; кетати, оригинал рапорта см. Центральный государственный исторический архив древних актов, фонд Ермоловых, д. 311, л. 25 об.), а также в аттестате, выданном Ермоловым Давыдову (см. «Сочинения Д. В. Давыдова». Часть третья. М. 1860, стр. 135—136), сообщаются некоторые данные о нем и его отряде. О военной деятельности Давыдова в 1826 г. упоминается мимоходом, в нескольких строках и в периодике того времени (см., например, «Московские ведомости», 1826, № 90; «Journal des Debats» от 22 ноября 1826 г. и др.).

О Д. В. Давыдове и в частности о военных действиях его отряда в северной Армении в 1826 г. говорится в записках Н. Н. Муравьева (см. «Русский архив», 1889, № 2, 4). Однако автор записок, искажая общезвестные факты, дает весьма отрицательную характеристику Давыдову.

В своих книгах В. Потто («Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях», Т. 3. Вып. 2. СПб. 1887), Н. Дубровин («История войны и владычества русских на Кавказе», Т. VI. СПб. 1888) и некоторые другие

говорят об участии Д. Давыдова в персидской кампании 1826 г. Но они по существу не прибавляют ничего нового к тому, что уже было сказано в автобиографии Давыдова и в бумагах Ермолова. В советской историографии вопрос этот остался вне поля зрения исследователей. — 8.

3. В связи с 160-летием со дня рождения Д. В. Давыдова была напечатана наша статья «Денис Давыдов в Армении» (газ. «Коммунист» от 30 июля 1944 г., Ереван), написанная на основе опубликованных материалов. — 8.

4. «Журнал военным действиям в провинциях Бамбак и Шурагель против войск персидских в 1826 году» содержит интересные данные о русско-персидской войне и, в частности, о присоединении Армении к России. Этот документ с некоторыми сокращениями опубликован нами в 1959 г. (см. «Историко-филологический журнал», Ереван, 1959, № 4, стр. 289—308) — 9.

5. Еще весной 1826 г. на урочище Мирак, близ разрушенного, заброшенного селения того же названия, русские войска начали строительство военного укрепления, которое в официальных документах именуется «Миракским укреплением». Однако, в результате вторжения персидских войск в провинции Шорагяль и Лори-Памбак в июле 1826 г., строительство этого укрепления осталось незаконченным (ЦГВИА, ф. 194, д. 36. л. 1). — 13.

6. В стихотворении «Полу-солдат», впервые опубликованном в «Московском вестнике» в 1827 г. (№ 3), Давыдов напоминал о своем участии в персидской кампании 1826 г.:

«Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож и шашку кабардинца».

В этом же стихотворении Давыдов вдохновенно писал:

«Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,
И Алагёз, нахмуясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;
И веет с пурпурных садов

Зефир восточным ароматом,
И сквозь серебристых облаков
Луна плывет над Араратом».

В примечании к слову «Алагёз» Давыдов объяснял: «Заоблачная гора, на Эриванской области» (см. Денис Давыдов, Полное собрание стихотворений. Л. 1933, стр. 114—116). — 15.

7. О миракском сражении Н. Н. Муравьев-Карсский в своих записках пишет: «21-го числа (21 сентября 1826 г. — М. Н.), в 7-м часу утра отряд следовал далее к Мираку. Перейдя хребет гор и спустившись в долину, мы увидели неприятельскую конницу под предводительством самого Гассан-хана, занимавшую высоту впереди нас. Персияне, зажегши траву в степи, отступали многими толпами вне пушечного выстрела; достигнув возвышения, с которого открывалось начатое нами укрепление на Мираке, мы увидели неприятеля, занимавшего высоты, около и вправо от укрепления лежащая. Остановив войска свои, Давыдов послал немедленно Севарсемидзева с авангардом вперед, и придал ему всю грузинскую конницу и приставших к отряду армян конных и пеших, приказав сбить правый фланг неприятеля с высоты около укрепления. Конница атаковала персиян... Персияне отступили; но между тем толпа их бросилась вправо и уже обнимала нас почти в тылу. Давыдов отрядил меня с ротой Тифлисского полка, стрелками двух рот моего полка, двумя орудиями и всеми казаками, коих было едва 120 человек, дабы толпе сей отрезать обратный путь. Крайнюю высоту на правом фланге нашем приказал он занять ротой моего полка, а сам находился в центре с главными силами, то есть с двумя ротами Тифлисского полка и тремя орудиями, имея авангард почти на левом фланге своем. Обоз оставался под прикрытием двух рот моего полка с одним орудием... Неприятель стрелял по нас с правой стороны из ружей, но никого не ранил. Я выслал застрельщиков, и он несколько удалился; тогда я быстро занял высоты, лежащая между левым берегом малаго ручья и рекою Мираком. Неприятельская конница, находившаяся на сих высотах, стремительно удалилась; затем я последовал далее и занял последнюю высоту, лежа-

щую при соединении обеих рек. Тогда открылась у меня влево одна неприятельская толпа, отступившая на горы, а вправо другая, тянувшаяся со стороны Бечканта, дабы соединиться с первою. Сия последняя, удивленная моим внезапным прибытием, не нашла другого средства, как удалиться в крутизны горы Алагёза. Я оборачивал орудие свое на обе стороны и действовал ядрами. Персияне с обеих позиций своих поспешно ушли» («Русский архив», 1889, № 4, стр. 597—598). — 15.

8. Очевидно, что этот документ (представление об отличившихся в миракском сражении воинах) Давыдов составил от имени А. П. Ермолова. По всей вероятности оригинал документа был представлен Ермолову на подпись. — 16.

9. О поручике Коцебу Давыдов писал: «...Отличного достоинства офицер, оказавший отличную храбрость, сведениям по своей части и деятельностью. Он уже заслуживает внимания и за прежние дела, особенно при Джелал-оглу. При Мираке же служба его можно сказать превзошла прежнюю». Лейб-гвардии сводного полка прапорщик Ховен, продолжал Давыдов, «развозил мимо и между наездников приказания мои, вел себя весьма храбро. Сей молодой офицер достоин особого внимания» (ЦГВИА, ф. 194, д. 35, л. 121). — 17.

10. На протяжении почти всей своей военной деятельности Д. В. Давыдов преследовался царской военной бюрократией и, как он сам писал, «был сто раз обойден, часто притесняем и гоним людьми бездарными, невежественными и часто зло-вредными». Именно этим нужно объяснить и тот факт, что Николай I не согласился назначить Давыдова начальником Кавказской линии. Прав Вл. Орлов, когда замечает, что «ни одно из представлений Ермолова, желавшего определить Давыдова начальником пограничной кавказской линии, где он мог бы широко развернуть свое военное дарование, не увенчалось успехом: при дворе о прославленном партизане держались «прежних невыгодных мыслей», и в конце концов Ермолову, по его же словам, «было отказано таким образом, что он и рта не мог более разинуть»... У жандармов Давыдов по-прежнему находился в подозрении по части политической благонадежности; дело доходило до того, что к нему подсыла-

ли профессиональных шпионов» (см. Денис Давыдов. Стихотворения. Л. 1959. Вступительная статья Вл. Орлова, стр. 23).

Характерен и следующий факт. Как показывают архивные материалы, письма, отправленные Петром Давыдовым из Тифлиса в Москву на имя своего брата Дениса Давыдова (в 1827 г., после того, как последний покинул Кавказ), попадали в руки полиции (см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4377). — 17.

11. Утверждение, будто Д. Давыдов закончил строительство крепости Джалаалоглы в декабре 1826 г. (см. «Собрание сочинений Д. В. Давыдова». Часть третья. М. 1860, стр. 105), неправильно. Как мы видели, Давыдов уехал из Армении 23 ноября 1826 г. (см. ЦГВИА, ф. 194, д. 34, л. 12). — 21.

12. Среди бумаг Д. В. Давыдова хранится одна из его рукописей, где мы читаем: «Прежде, нежели описывать военные действия в Бамбаках и Шурагеле, а наконец, и вторжение в Ереванскую область, необходимо представить соотношение сил, состоявших под командою генерала Ермолова, с силами персидскими Абаз-Мирзы и Сардаря Ериванского. После того мы бросим взор на топографическую поверхность театра войны, доставшегося в удел отряду, мне вверенному, а потом представим и мгновенное действие его» (ЦГВИА, ф. 194, д. 38, л. 9). Далее, примерно на двух листах, говорится о Ермолове, и на этом рукопись прерывается. По всей вероятности, это часть материалов, подготовленных Давыдовым для написания книги о А. П. Ермолове. Но, как известно, это намерение осуществить не удалось. — 22.

13. В рапорте от 27 октября 1826 г. полковник Севарсемидзев писал из Гюмри Давыдову, что лазутчик прибыл из Эривани и сообщает, что «сардарь находится близ Еревана, шах его требует к себе, но он отзывается слабостию здоровья, Асанхан в Сардарабаде собрал всю конницу и один батальон сарбазов. Намерен был сделать набег на Лори, и когда получил известие о переходе наших войск Бзовдала, полагали, что мы идем в Ереван, начали собирать все деревни; и неизвестно ему, сделают ли какое предприятие. Я же имею все предосторожности» (ЦГВИА, ф. 194, д. 35, л. 67). — 23.

14. В «Журнале» отряда Д. В. Давыдова имеется следующее упоминание: «Полковник князь Севарсемидзев из Хору-

ма был отправлен на Арпачай с двумя ротами Тифлисского пехотного полка, 2-мя орудиями, всею армянскою и до 100 человек грузинскою конницею, дабы постараться закупить в Турции провнанту. Он перешел через Арпачай, но, найдя селения все пустыми, не успел в своем намерении. 28-го он пришел к Гумрам. Паша Карсский писал к генералу (Д. Давыдову.—*М. II*), что он снабдит его хлебом, если войска наши займут опять Шурагсль, ежели же пребывание их там только временное, то должен отказать, ибо боятся мести персиян» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4297, л. 9). — 23.

15. Полковник Севарсемидзев 26 сентября 1826 г. рапортовал Давыдову: «Посланный мною в Карс армянин Мартинрос прибыл ко мне и доставил бывших на богомолни армян, грузин и с плену из колонистов одну девку и двух мальчиков, с которым прибыли ко мне присланные с письмом от карсского наши из числа почтенных особ: Аба-ага Енгичар агаси, Аджи Магмуд эфенди и Ибрагим ага Кападжи-Мир бейук баши. Они, имея разные нужные поручения ко мне, просили остаться до утра здесь.

По предложению сих, также ожидая следующих ко мне 15 семей, увлеченных персиянами в плен, я почел нужным остаться до следующего утра, а к утру следую отсель к отряду, Вашему превосходительству вверенному» (ЦГВИА, ф. 194, д. 35, л. 14). — 24.

16. В этом же приказе Д. Давыдова сказано: «Объявляю совершенную мою благодарность исправлявшему должность отрядного адъютанта Тифлисского пехотного полка подпоручику Нелюбову за ревностное усердие и точное исполнение возложенной на него обязанности во все время пребывания моего в отряде. Равномерно онаго же полка подпоручику Павлоцкому за точное и успешное исполнение возложенной на него порученности» (ЦГВИА, ф. 194, д. 34, л. 12). — 30.

ДЕКАБРИСТЫ
В
АРМЕНИИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ССЫЛКА НА КАВКАЗ

1

В декабре 1825 г. славная плеяда дворянских революционеров выступила с оружием в руках против царского самодержавия. «В 1825 году,— отмечал В. И. Ленин,— Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами»*.

О декабристах А. И. Герцен писал: «Это какие-то богатыри, кованцы из чистой стали с головы до ног, воины-пророки, вышедшие сознательно на явную гибель, чтоб разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабоплепия»**.

Декабристы потерпели поражение, но их дело не пропало. Восстание 1825 г. имело огромное значение для дальнейшего развития революционного движения в России.

* В. И. Ленин. Сочинения. Т. 23, стр. 234—235.

** А. И. Герцен. Избранные сочинения. М. 1937, стр. 319.

Разгромив восстание декабристов, главарь феодально-помещичьей реакции царь Николай Палкин жестоко расправился с побежденными героями. Пятеро наиболее выдающихся из них — Павел Иванович Пестель, Кондратий Федорович Рылеев, Сергей Иванович Муравьев-Апостол, Михаил Павлович Бестужев-Рюмин и Петр Григорьевич Каховский — были повешены, многие — отправлены на каторгу, в ссылку, разжалованы в солдаты и дико наказаны.

Большинство декабристов было сослано в Сибирь на каторгу или поселение. В числе них — В. К. Кюхельбекер, И. И. Пущин, Н. А. Бестужев, А. А. Бестужев, И. Д. Якушкин, Никита Муравьев, С. П. Трубецкой, Е. П. Оболенский, Д. И. Завалишин, А. П. Барятинский, Н. И. Тургенев, А. В. Поджио, А. П. Юшневский, И. И. Горбачевский, М. С. Лунин, А. И. Якубович, А. И. Борисов, Н. В. Басаргин, Н. И. Морер, И. И. Сухинов, В. Н. Соловьев и другие. Все они оказались в самых тяжелых условиях. Многие из них погибли, а некоторые сошли с ума от жестокого каторжного режима, жандармского преследования, тяжелых болезней и недостатка питания. О каторжной работе декабристов в Нерчинских рудниках и о положении декабристов — ссыльно-поселенцев в Сибири М. В. Нечкина пишет: «Каторжная работа производилась под землей, в «ужасных подземных ходах». Эти ходы были так низки, что, как вспоминает Е. Оболенский, заключенные версты полторы должны были идти согнувшись, чтобы добраться до места работы... Строгий каторжный режим, грязь и паразиты в тесных «чуланах»-казематах, грубое и оскорбительное обращение тюремного начальства делали

пробывание в Нерчинских рудниках чрезвычайно тяжёлым. Очень трудно было и положение ссыльно-поселенцев: каторга в Сибири, вопреки предположениям правительства, оказалась чуть ли не более «легким» наказанием, чем поселение. Нередко «город» или селение, выбранные царскими жандармами для ссылки, оказывались «посёлком» из нескольких юрт. Ссыльно-поселенцы страдали от невыносимо тяжёлых условий, скудности питания и отсутствия медицинской помощи»*,

Часть декабристов была выслана на Кавказ — в Отдельный Кавказский корпус². Царское правительство считало, что и Кавказ является «подходящим» местом для ссылки своих врагов. Характерно, что в 1820-х годах в «теплую Сибирь» были отправлены, помимо декабристов, и другие «злоумышленники». Так, в этот период на Кавказ были сосланы большое число участников восстания Семеновского полка, многие польские «бунтари» и другие «политические преступники»³.

Высылая декабристов на Кавказ, где в это время разгорелись кровопролитные военные действия, Николай I рассчитывал, что они найдут там свою гибель гораздо раньше, чем в суровой Сибири. «Мстительный обладатель трона» давал строгие указания отправлять их на самые опасные участки военных действий, на верную смерть. И надо сказать, что воля царя-убийцы исполнялась со всей точностью. Командир Кавказского корпуса генерал И. Ф.

* М. В. Печкина. Движение декабристов. Т. II М. 1955, стр. 429.

Паскевич в рапорте от 15 июля 1828 г. писал начальнику Главного штаба И. И. Дибичу: «Вообще разжалованных (декабристов. — *М. И.*) во всех сражениях употреблял я в первых рядах или в стрелках, и всегда там, где представлялось наиболее опасности»*.

Высылка декабристов и связанных с ними лиц на Кавказ произошла не сразу. Еще 27 марта 1826 г. царь отдал приказ о переводе в Отдельный Кавказский корпус подпоручика лейб-гвардии Преображенского полка Николая Васильевича Шереметева и корнета Кавалергардского полка Николая Николаевича Демпрерадовича. Первый был определен в 43-й егерский полк, а второй — в Нижегородский драгунский полк**. Через два месяца, 28 мая, Николай I подписал приказ, по которому штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка Владимир Федорович Волков был переведен в Тенгинский полк, поручик того же полка Алексей Александрович Брокке — в Мингрельский пехотный, а поручик лейб-гвардии Финляндского полка Александр Александрович Добринский — в 43-й егерский полк. 7 и 21 июля последовали новые приказы царя: на Кавказ были высланы капитан Семичев 2-й, поручики Малютин, Гудим, Гангеблов, Корсаков, подполковник Миклашевский, прапорщик Рынкевич и другие***.

Начиная с августа 1826 г., в связи с возникновением русско-персидской войны, часть декабристов,

* «Русская старина», т. 114, 1903, июнь, стр. 486.

** Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (ЦГИАГ). ф. 518, оп. 1, д. 77, лл. 13—14.

*** Там же с. л. 20.

сосланных в Сибирь, была переведена в Отдельный Кавказский корпус. В период русско-турецкой войны 1828—1829 гг. из Сибири на Кавказ прибыл еще ряд декабристов.

Сколько лиц и кто именно были сосланы и переведены на Кавказ? В архиве Главного штаба Кавказской армии сохранилось несколько списков военных чинов, переведенных в Отдельный Кавказский корпус «по происшествию 14-го декабря 1825 года». В одном из них, составленном в ноябре-декабре 1828 года и озаглавленном «Список штаб и обер-офицерам, находящимся в войсках Отдельного Кавказского корпуса и состоящим под секретным надзором по прикосновенности к делу о злоумышленных обществах», упоминаются: командир Херсонского гренадерского полка полковник Бурцов, полковник Мингрельского пехотного полка Леман, полковник 42-го егерского полка Миклашевский 1-й, подполковник того же полка Гвоздев, капитан Нижегородского драгунского полка Семичев, капитан конно-артиллерийской № 13 роты Пыхачев; поручики — Мингрельского пехотного полка Брокс, Куринского пехотного полка Корсаков, Кабардинского пехотного полка Гангеблов, 41-го егерского полка Добринский; подпоручики — Севастопольского пехотного полка Малютин и Вадковский, Куринского пехотного полка Рынкевич, 42-го егерского полка Искрицкий и Кожевников; прапорщики — Конно-артиллерийской № 13 роты граф Коновницын*, Нашебургского пехотного полка Арцыба-

* Иван Петрович Коновницын, брат Петра.

шев, войска Донского полковника Карпова полка сотник Сухоруков*.

В другом списке, составленном в Главном штабе в июле или в начале августа 1830 г. и озаглавленном «Список чинам, находящимся на службе по делу о происшествии 14-го декабря 1825 г. и о злоумышленных обществах, с показанием меры прикосновенности к оному», значатся: Леман, Добринский Александр Александров, Миклашевский, Искрицкий Демьян Александров, Кожевников Андрей Львов, Корсаков Михайло Матвеев, Жуков Иван Петров, Брое Алексей Александров, Малиутин Михайло Петров, Вадковский Александр Федоров, Арцыбашев Дмитрий Александров, Гапгеблов Александр Семенов, Семичев Николай Николаев, Пушин Михайло Иванов, Коновницын Петр Петров, Лачинов, Оржицкий Николай Николаев, Цебриков Николай Романов, Вишневский Федор Гаврилович, Бестужев Петр Александров, Фок Александр Александров, Бодиско 1-й Борис Андреев, Мусин-Пушкин Епифродит Степанов, Кожевников Нил Павлов, Ведянянин 2-й Алексей Васильев, Акулов Николай Павлов, Лаппа Михайло Демянов, Берстель Александр Карлов, Чернышев Захар Григорьев, Голицын Валериан Михайлов, Бестужев Александр Александров, Толстой Владимир Сергеев, Ледуховский граф Нестор**.

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 489.

** Там же, д. 137, лл. 16—38. О Ледуховском в «Списке» сделана следующая оговорка: «Нижеозначенный офицер, хотя оказался неприкосновенным к обществам, по по сему же делу переведен на службу в Грузию» (см. там же, л. 38).

Приведенные официальные списки неполны. В них по разным причинам не упоминаются Н. В. Шереметев, В. Ф. Волков, Н. Н. Депрерадович, граф В. А. Мусси-Пушкин, А. А. Авенарнус, Н. А. Васильчиков, П. П. Титов, И. П. Гудим, В. Д. Вольховский, И. П. Шипов, Павел Александрович Бестужев (брат Петра) и некоторые другие. Но архивные и литературные материалы, в том числе дневники, записки и воспоминания как самих декабристов, так и других, позволяют дополнить и уточнить эти списки.

Перевод декабристов на Кавказ происходил, главным образом, в 1826—1829 гг. Но процесс этот продолжался и в последующие годы. Так, в 1830—1839 гг., когда были предприняты новые военные экспедиции против кавказских горцев, из Сибири и Бобруйской крепости на Кавказ прибыли: С. И. Кривцов, А. О. Корнилович, С. М. Палицын, К. И. Игельстром, А. И. Вегелин, А. И. Одоевский, А. Е. Розен, М. М. Нарышкин, В. Н. Лихарев, Н. И. Лорер, М. А. Назимов, А. И. Черкасов, Н. А. Загорецкий, В. А. Дивов, П. Д. Мозган, Александр и Петр Беляевы*, а также В. С. Норов, А. С. Войнилович. В 1848 г. из Сибири был переведен член Северного общества поручик лейб-гвардии Гренадерского полка А. Н. Сутгоф. Его определили в егерский князя Воронцова полк рядовым¹.

В 1826 г. на Кавказ переводились и целые войсковые части, сформированные из солдат, принимавших участие в восстании декабристов,— из солдат лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков,—

* А. В. Фадеев. Декабристы на Дону и на Кавказе. Ростов-на-Дону. 1950, стр. 25.

и из матросов Гвардейского экипажа, выступивших на Сенатской площади. Героический Черниговский полк, поднявший знамя вооруженного восстания против царского самодержавия на юге России, также был расформирован и сослан на Кавказ.

Как видим, на Кавказ было переведено много «мятежников». Общее число сосланных сюда декабристов и «прикосновенных к их делу лиц» (включая и рядовых участников восстания — солдат и матросов) составляло свыше трех тысяч человек.

2

За всеми сосланными на Кавказ декабристами и связанными с ними «государственными преступниками» были установлены строжайший надзор и усиленная слежка. По приказу Николая I, из Кавказа в Петербург посылались ежемесячные донесения о «поведении злоумышленников»⁵. Царь и его агенты зорко следили за тем, чтобы в отношении декабристов не было проявлено ни малейшего либерализма и снисхождения. Так, начальник Главного штаба генерал Дибич в своем предписании от 15 октября 1827 г. на имя Паскевича сообщал: «...Касательно обращения особенного внимания за поведением унтер-офицеров Дорохова⁶, Коновницына и Пущина, по высочайшему повелению, честь имею сообщить вам, милостивый государь, что его величество хотя уверен, что вообще за всеми разжалованными из офицеров по происшествию 14-го декабря 1825 г., приняты самые строгие меры на счет отправления ими настоящей своей службы и наблюдения за их поступками; но как мо-

М. И. Пушин

жет быть, что по большому их числу при вверенных вам войсках и по обширности других важнейших занятий ваших, ваше высокопревосходительство не могли сами входить во все подробности, к сиим разжалованным касающиеся; почему его величество желал бы знать: как они располагаются по квартирам и в лагерях, т. е. вместе ли с прочими нижними чинами, или совершенно отдельно от оных? О чем я покорнейше прошу ваше высокопревосходительство меня уведомить, для доклада его величеству.

При сем честь имею присовокупить, что в таком случае, если означенные разжалованные располагаются по квартирам совершенно отдельно от прочих нижних чинов, хотя сия мера полезна с той стороны, что они тем лишены способов сообщать прочим нижним чинам какие-либо вредные внушения, но его величество находит то неудобство, что они, не имея ни с кем никакого сообщения и живя только одни, могут с большею удобностью утверждать себя в вредных мнениях и иногда покуситься на какие-либо злые намерения. В отвращение чего, его величество полагает удобнейшим располагать их по квартирам и в лагерях вместе с прочими нижними чинами, но с препоручением их в надзор надежным старослуживым унтер-офицерам, которые должны иметь строгое и неусыпное наблюдение за тем, чтобы они не могли распространять между товарищами каких-либо вредных толков»*.

* Исторический музей Грузинской ССР (ИМГ), отдел рукописей, ф. Вейденбаума, д. 360, лл. 50—51.

В ответ на это предписание Паскевич 30 ноября 1827 г. рапортовал: «...За всеми вообще офицерами и разжалованными за проступки, со времени прибытия их в корпус, наблюдаем был строжайший присмотр: последние, а в том числе Дорохов, Коновницын и Пуцин, причислены, вследствие высочайшего повеления, в полки и роты, где содержались совершенно наравне с прочими нижними чинами и под особенным надзором полковых и ротных командиров, на коих и в сем случае мог надеяться»^{*}.

Отношение к сосланным на Кавказ декабристам резко ухудшилось после того, как на должность командира Отдельного Кавказского корпуса был назначен царский холод, реакционер И. Ф. Паскевич. «Смена «неблагонадежного» и своеобразно причастного к движению декабристов А. П. Ермолова И. Ф. Паскевичем (апрель 1827 г.) ознаменовала резкий поворот к худшему»^{**}.

Декабристы, служившие в кавказских войсках, подвергались невыносимым грубостям и унижениям со стороны «верноподданных» начальников. Разжалованных в солдаты «злоумышленников» можно было производить в унтер-офицеры только по приказу царя, «тогда как в обыкновенном порядке службы право это принадлежит даже полковому командиру»^{***}. «Злоумышленников» можно было переводить из одной воинской части в другую и предоставлять

^{*} ЦГАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 89.

^{**} М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. II, стр. 448.

^{***} Е. Вейденбаум. Декабристы на Кавказе, «Русская старина», т. 114, 1903, стр. 484.

им отпуск, положенный военному служащему, лишь с ведома и согласия Николая. Вот что писали из Главного штаба командиру Отдельного Кавказского корпуса 16 декабря 1826 г.: «Государь император высочайше повелеть соизволил, чтобы об увольнении в отпуск штаб и обер-офицеров, кои были прикосновенны к делу о злоумышленных обществах, всегда испрашиваемо было предварительно высочайше на то разрешение»*.

Отличные военные знания, высокая доблесть и героизм, проявленные декабристами в походах и сражениях, «не замечались» и не оценивались. «Злоумышленников» награждали с неохотой и очень редко. Даже те представления о награждении декабристов, которые были сделаны со стороны Паскевича, «вызывали в Петербурге несомненные неудовольствия»**.

Николай I неоднократно отвергал, а в отношении некоторых декабристов вообще запрещал подобные представления и ходатайства. «Ближайшим нашим начальникам,— писал декабрист Н. Лорер,— не позволялось таксировать наших заслуг и представлялось только прописать «на всемилоостивейшее воззрение». Каждый из нас мог снять звезду с неба, и это не дало бы ему права получить награду, ежели бы случилось, что царское зрение в недобрую минуту не упало бы на эту строчку»***.

* ИАГ, отдел рукописей, ф. Вейденбаума, д. 360, л. 44.

** Князь Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. 3. СПб. 1891, стр. 327.

*** «Записки декабриста Н. И. Лорера». М. 1931, стр. 217.

В ноябре 1828 г. было отменено представление в Петербург ежемесячных донесений о декабристах, но в то же время Главный штаб дал указание командиру Отдельного Кавказского корпуса продолжать «тайный и бдительный надзор за их поведением и при первом случае отступления их от порядка, или когда что в поведении их замечено будет, доносить непременно и немедленно»*.

Несмотря на жестокий режим и тяжелые условия, сосланные декабристы не пали духом. Как однажды признался сам Паскевич, многие из них «не оставили прежних мыслей»**. По этому же вопросу декабрист Гангелов в своих воспоминаниях писал: «...Вообще говоря, в настроении духа декабристов нисколько не замечалось, чтобы они приуныли, чтобы выражали сожаления о том, что жизненные надежды каждого из них им изменили. Где ни встречались, где ни сходились они, начиная с Арзрума, всегда они казались веселыми, приветливыми как между собою, так и с другими»***.

Сосланные на Кавказ декабристы, как видно из их воспоминаний, часто встречались между собою и беседовали на политические темы; некоторые пытались даже распространять свои революционные идеи⁷. В периодической печати того времени они публиковали письма и корреспонденции (в большинстве случаев без подписи) о Кавказе, о событиях русско-турецкой войны.

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 488.

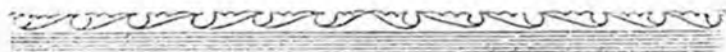
** Князь Шербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 3, стр. 328.

*** «Воспоминания декабриста Александра Семеновича Гангелова». М. 1888, стр. 126.

В отличие от верноподданных генералов и чиновников, проводивших колониальную политику царизма на Кавказе, сосланные декабристы проявляли уважение и внимание к местным народам, приветствовали идею освобождения народов Закавказья от иноземных поработителей и с подлинным вдохновением сражались против персидских и турецких войск. Русские революционеры того времени побывали во многих местах Армении, Грузии и Азербайджана, интересовались жизнью, бытом, литературой, культурой и историей их народов, устанавливали связь с их деятелями; некоторые изучали местные языки и с большой симпатией писали о населении края.

Почти все они вместе с русскими солдатами и ополченцами из Грузии, Армении и азербайджанцев принимали активное участие в русско-персидской и русско-турецкой войнах, имевших огромное значение в исторических судьбах братских народов Закавказья.

По-разному сложилась судьба декабристов, сосланных на Кавказ. Многие из них погибли здесь на поле битвы или от болезней. В числе героически павших И. Г. Бурцов, А. А. Бестужев-Марлинский, А. М. Миклашевский, А. К. Берстель, В. И. Лихарев, Б. А. Бодиско. Скончались от тяжелых болезней Н. Н. Семичев, Е. С. Мусин-Пушкин, Д. А. Искрицкий, А. И. Одоевский и другие. Остальные, спустя много лет, после долгих мучений и страданий вышли в отставку и вернулись в Россию. Но они и после этого находились еще долгое время под строгим надзором царских жандармов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

УЧАСТИЕ ДЕКАБРИСТОВ В ОСВОБОЖДЕНИИ АРМЕНИИ ОТ ИГА ПЕРСИДСКИХ ХАНОВ

1

Большинство декабристов, сосланных на Кавказ, побывало в Армении и приняло активное участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг., сыгравшей огромную роль в исторических судьбах армянского народа. В течение почти двух лет декабристы вместе со своими боевыми друзьями, в числе которых было немало армян-ополченцев, храбро и самоотверженно сражались против войск персидских ханов, веками угнетавших армянский народ. Герои восстания 14 декабря с оружием в руках участвовали в деле освобождения Восточной Армении от тяжелого ига персидских поработителей и присоединения ее к России.

В июле 1826 г., как известно, началась новая русско-персидская война. Подстрекаемые агентами английского правительства, войска персидского шаха напали на русские границы в Закавказье. Воспользовавшись малочисленностью и неподготовленностью русского Кавказского корпуса, персидский шах вначале сумел добиться некоторых успехов. Ше-

стидесятитысячная армия наследного принца Аббас-мирзы вступила в Карабах, блокировала крепость Шуша, заняла город Гянджу и готовилась к наступлению на Тифлис. Войска эриванского хана вторглись в Ширак и Памбак, сжигая и истребляя все на своем пути. В ряде мест Закавказья ханы и беки, связанные с персидским шахом, подняли реакционные восстания.

Получив необходимые подкрепления, Кавказский корпус, которым в то время командовал генерал Ермолов, начал контрнаступление. Уже 3 сентября русский отряд под командованием генерал-майора Мадатова у Шамхора одержал блестящую победу над авангардом армии Аббас-мирзы. 13 сентября под Гянджой русские войска нанесли персидской армии тяжелейший удар⁸. Армия Аббас-мирзы в беспорядке отступила. Потерпели поражение также войска эриванского хана. Отряд во главе с героем-партизаном Отечественной войны 1812 г. генерал-майором Денисом Васильевичем Давыдовым 19 сентября вступил в Памбак. Через два дня у урочища Ширак Давыдов напал на ханскую кавалерию, которая быстро рассеялась и обратилась в бегство. Таким образом, за несколько дней были очищены Памбак и Ширак. Сам Ермолов, лично командовавший специальным отрядом, усмирил мятежных ханов. К концу года были очищены Карабах и все провинции, занятые неприятелем в начале войны.

В марте 1827 г. Ермолов был отозван с поста командира Кавказского корпуса, и на его место был назначен генерал И. Ф. Паскевич. Вскоре возобновились военные действия. В апреле 1827 г. аван-

гард русских войск под командованием генерала Бенкендорфа вступил в Эриванское ханство и занял Эчмиадзин. В июне под командованием самого Паскевича сюда прибыли и главные силы, которые 26-го числа заняли Нахичевань, 7 июля — крепость Абасабад, 20 сентября — Сардарабад, а 1 октября — Эривань. Продолжая наступление, русские войска 13 октября заняли Тавриз, а в конце 1827 и начале 1828 гг. — Урмию, Ардебил и ряд других городов южного Азербайджана. 10 февраля 1828 г. был заключен Туркманчайский мирный договор, и война окончилась. Согласно одной из статей этого договора, Восточная Армения, точнее, большая часть ее, была присоединена к России, что явилось актом огромного исторического значения, сыгравшим большую прогрессивную роль в жизни армянского народа.

Кто же из декабристов участвовал в этих знаменательных событиях? Из сосланных на Кавказ декабристов и «прикосновенных», принимавших активное участие в военных действиях за Восточную Армению, следует прежде всего упомянуть Е. Е. Лачинова, М. И. Пушнина, Н. Н. Депрерадовича, А. С. Гангеблова, Н. Н. Семичева и Ф. Г. Вишневого.

Евдоким Емельянович Лачинов (1799—1875) был членом Южного общества декабристов. Накануне восстания он служил в квартирмейстерской части главного штаба 2-й армии в чине поручика. В апреле 1826 г. его арестовали и предали военному суду, решение которого было утверждено царем 25 ноября 1826 г. Лачинова разжаловали в солдаты, лишили чинов, ордена, дворянского звания, «переломили над ним перед войсками шпагу по снятии

военного мундира»* и в конце ноября, после восьмимесячного заключения в Тираспольской крепости, отправили на Кавказ⁹ служить в качестве рядового в действующих батальонах полков 20-й пехотной дивизии**.

В начале января 1827 г. Лачинов прибыл в Тифлис, и через несколько дней его определили в 39-й егерский полк. В июне полк вместе с другими частями главных сил Кавказского корпуса вступил в Эриванское ханство, и спустя несколько дней Лачинов принял участие в осаде крепости Эривань. Об этих днях в своих записках он писал: «Первый батальон, занимая г. Эривань, размещался в магометанском монастыре, каравансарае и нескольких домах; второй же большею частию в балаганах, не за недостатком квартир, а по военным соображениям. Расположение наше было выгодно во всех отношениях. Строения прикрывали взаимное сообщение наше, защищали секреты и стрелков, которые наблюдали движение неприятеля и, заметивши слишком отважных, выстрелами напоминали им об опасности и тем стесняли выход их в поле; некоторые даже кровию заплатили за свою смелость, тогда как пули осажденных свистали чрез ограды над головами нашими, без малейшего вреда... Случались нередко перестрелки и с секретами их в тех местах, где оные могли выходить за укрепления, но и перестрелки эти оканчивались без урона. Ночью заметна была большая осторожность со стороны осажденных: несколько раз

* Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 48, оп. 1, д. 147, л. 15.

** ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., л. 61, ч. 135, л. 3.

с факелами обходил дозор по стенам; сверх того, бросались в ров и на гласис зажженные пламенники и отблеск разливался далеко по форштату. Команды наши ходили в окрестности косить траву и пшеницу, которую мололи ручными жерновами; за немением же лесу вынуждены были на дрова выламывать дерево из строений и оттого в продолжение двухмесячной блокады почти все ближайшие дома к занимаемым постоям потерпели разорение, а также пострадали и многие деревья в садах; но когда война не влечет за собою разрушений?»*.

Осада крепости была временно снята из-за сильной жары и массовой заболеваемости солдат. Начальник эриванского отряда генерал-лейтенант Красовский решил оставить Эривань и перевести войска на склоны Арагаца, чтобы дать им отдохнуть и оправиться. В конце июня отряд Красовского расположился лагерем в районе Баш-Абарана, в урочище Джангили. Лачинов здесь провел весь июль и первую половину августа. Но вскоре ему довелось быть участником большого и кровопролитного сражения.

В начале августа крупные силы персидской армии блокировали Эчмиадзин, защищавшийся батальоном русских войск и кавалерийской сотней армянских ополченцев. Осажденные не могли долго устоять, им нужна была помощь. Когда весть о тяжелом положении Эчмиадзина дошла до Красовского, он поспешил на выручку его защитников. Отряд, в составе которого было не более 2800 человек, в том числе и 1-я армянская дружина, двинулся к Эчмиа-

* ИМГ, отдел рукописей, д. 372 («Дневник Лачинова»).

дзину, но, не дойдя до него, под деревней Ошакан встретился с вражескими войсками, насчитывавшими до 30 000 пехотинцев и кавалеристов. Это произошло 17 августа. Отряд Красовского был окружен, завязался ожесточенный кровопролитный бой. Русские солдаты с замечательной отвагой и храбростью опрокидывали яростные атаки сильного и многочисленного врага. Неравная битва, начавшаяся с утра, продолжалась до заката солнца. Несмотря на все усилия Аббас-мирзы, отряд Красовского не был побежден. Проявляя беспримерный героизм, он прорвал цепь персидских войск, дошел до Эчмнадзина и спас его от погрома и истребления. В этом кровопролитном бою русские войска потеряли около 1150 человек, а персидская армия — 3000¹⁰.

17 августа в сражении под Ошаканом принимал активное участие и декабрист Лачинов. В своих записках он писал: «Сильно действовала артиллерия неприятельская, но битва сия и по всем отношениям может быть причислена к битвам жестоким, особенно взявши во внимание несоразмерность сражающихся сил и положение наше. В один этот день мне удалось видеть все ужасы браней: огнестрельные орудия всякого рода, даже неупотребляемые в Европе, были обращены на нас, но истребление, ими производимое, не могло сравниться с тем, когда на изнуренных воинов наших бросались свежие толпы наездников, когда в ручной вступили бой и засверкали в глазах наших кинжалы их и засвистали над головами сабли»*.

* ИМГ, отдел рукописей, д. 372 («Дневник Лачинова»).

В середине сентября Лачинов уже в рядах войск, осаждавших крепость Сардарабад. «Егерская бригада,— писал он,— в которой состою я, осталась в Эчмиадзине, но я был прикомандирован к батальону Крымского полка и потому имел случай быть при осаде и взятии Сардарабада». Сардарабад был осажден 14 сентября. 18-го началась сильная бомбардировка, а рано утром 20-го числа крепость оказалась уже в руках русских войск. О занятии Сардарабада Лачинов рассказывает: «Осада продолжалась деятельно: бомбы приводили жителей в отчаяние; тяжелая артиллерия громила стену; легкая заставляла молчать орудия неприятельские и сбивала защищающих крепость; гарнизон приметно ослабевал духом и, теряя надежду воспрепятствовать действиям нашим, менее оказывал бесполезного упорства; смешанный шум был слышен в крепости во время канонады. Все показывало скорую сдачу, и 19 вечером сбежавшие через пролом армяне объявили, что Гасан-хан с гарнизоном ушел, а обыватели готовы отворить ворота. В ту же минуту крепость занята, а конница пустилась за бегущими персиянами¹¹: много погибло их, много взято в плен, но Гасан-хан с большею частию успел ускользнуть от преследования»*.

Лачинов, как и многие другие декабристы, принимал активное участие также в занятии города и крепости Эривань. «С позволения главнокомандующего,— пишет он,— вся наша братия-горемыки (разжалованные декабристы.—М. Н.) были прикомандированы к начальнику траншей для беспрерыв-

* ИМГ, отдел рукописей, д. 372 («Дневник Лачинова»).

ного нахождения при осадных работах, и потому мне удалось видеть весь ход осады и узнать некоторые подробности».

В своих записках Лачинов подробно рассказывает об осаде и покорении крепости Эривань, сообщая при этом много интересных данных. О последнем дне осады он пишет: «С 30-го на 1 октября положено венчать гласис. Смерклось; рабочие с турками, фашинами и инструментами пришли ко рву; сильная пальба показала, что нас заметили; в одно мгновение огонь разлился по всем фасадам и осветил окрестности. Персияне думали, что русские идут на приступ и отчаянною защитою намеревались спасти себя от всех ужасов оною, отдалить минуту, в которую разъяренные тщетным упорством их противники насильственно вторгнутся в твердыни, ими обороняемые, и не будет никому пощады. На стенах зажглись пламенники; треск ружей, взрывы пушек смешивались с шумом и воплями обывателей; но как изобразить то время, когда загорелся воздух и застонала земля от действия нашей артиллерии. Взревели орудия и тысячи ружейных залпов заглушались перекатами громов их. Это были адские минуты, и слишком час продолжались они. Мало-помалу крепость начала умолкать, выстрелы были реже и реже, слышнее и слышнее становился шум осажденных. Скоро все стихло, и частые оклики часовых раздались в воздухе. Смолкли и наши батареи и восстановился обычный порядок стрельбы: опять можно было разбирать, как быстрое ядро или граната, едва успевши вырваться из жерла, уже врывались в стену и как далеко оставляли они за собою медленную бомбу, прежде

их пущенную. Вдали послышался выстрел, другой, третий; в разных местах казачьей цепи загорелась перестрелка. Гасан-хан со своими пробовал и отсюда уйти, но, встречая везде преграды, принужден был возвратиться. Взошло солнце; работы продолжались. В 8 часов показались на стенах сарвазы и обыватели, махали платками, бросались через пролом в ров и, прибежавши к нам, объявили, что жители и один батальон сарвазов сдаются, но остальные два батальона намерены еще держаться. Наши кинулись в брешь, перелезли через стену, взошли на другую и расставили на оной часовых¹²; несколько рот подведены к воротам на гласисе и разбросали камни, которыми оные были изнутри завалены»*.

Следует сказать, что в осаде и занятии крепостей Сардарабад и Эривань по «желанию» Паскевича участвовали почти все декабристы, находившиеся тогда в составе главного отряда Кавказского корпуса. «Во время блокады крепостей Сардар-Абада и Эривани,— писал Паскевич начальнику Главного штаба генералу Дибичу,— мною дозволено всем офицерам и разжалованным, желающим изгладить усердною службою прежнее свое поведение, находиться при открытии траншей»**. В связи с этим многие разжалованные декабристы специально были прикомандированы в Сардарабад и Эривань. В их числе был и Лачинов.

За активное участие в военных действиях 1827 года, за храбрость и отвагу Лачинов был про-

* ИМГ, отдел рукописей, д. 372 («Дневник Лачинова»).

** ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 89.

изведен в унтер-офицеры*. Осень и конец года он провел в Армении и служил в штабе войск генерала Красовского. Ему довелось вместе с этим храбрым генералом, в то время исполнявшим должность начальника Эриванского Временного управления, совершить ряд путешествий по Восточной Армении, о чем подробно рассказывается в его записках. В 1828—1829 гг. Лачинов принял участие в русско-турецкой войне, но об этом — в следующей главе. Лачинов был уволен с военной службы в декабре 1832 г. по болезни.

Михаил Иванович Пущин (1800—1869), младший брат известного декабриста и одного из близких друзей А. С. Пушкина — Ивана Ивановича Пущина (1799—1859), накануне восстания декабристов служил в Лейб-гвардии военно-пионерном эскадроне в чине капитана. Был арестован 15 декабря, т. е. через день после восстания на Сенатской площади. Обвинялся в том, что, зная о подготовке восстания, не донес об этом правительству. В июле 1826 г. он был приговорен к лишению чинов и дворянства и «к отдаче в солдаты до выслуги»**. Пущина сослали в Красноярский гарнизонный батальон, но вскоре, с началом русско-персидской войны, его и некоторых других перевели в Отдельный Кавказский корпус. В конце 1826 г. М. Пущин отправился из Сибири на Кавказ.

В феврале 1827 г. М. И. Пущин прибыл в Тифлис, где был зачислен в 8-й пионерный (саперный)

* ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1826, д. 61, ч. 135, л. 4.

** ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 137, л. 25.

батальон*. До начала военной кампании 1827 г. ему было поручено проводить с саперами практические занятия, что он и выполнял с успехом. В апреле 70 саперов из этого батальона под начальством Пущина, в составе авангарда главных сил Кавказского корпуса, вступили в Эриванское ханство. Вместе с другими частями авангарда саперы принимали активное участие во всех военных действиях, происходивших в апреле-июне в районах Эчмнадзина, Эривани и Сардарабада. Говоря об отдельных стычках с неприятелем, происшедших в середине апреля, Пущин рассказывает: «Стоя около Эривани лагерем, мы предпринимали частые экспедиции по окрестностям, сделали одно ночное движение к кр. Сардарь-Абаду. Встретивший гарнизон крепости открыл по нас сильный огонь совершенно безвредный; но одна граната с потерянной трубкою, пролетев между мною и Бенкендорфом, осыпала нас пороховою мякотью. Это был первый неприятельский порох, который я, так сказать, понюхал. Бенкендорф послал коменданту предложение о сдаче крепости, на что конечно комендант отвечал одними усиленными выстрелами»**.

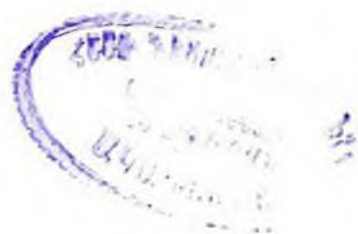
М. И. Пущин занимался главным образом вопросами, связанными с осадой Эривани. Он собрал нужные сведения и подготовил материалы для осады этой крепости. «Расположив пионеров в эриванских садах,— пишет Пущин,— я сек виноградные лозы, вязал фашины, плел туры, рубил колья и подготовил все материалы к предстоящей осаде, снял подробный

* ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826, д. 61, ч. 125, л. 172.

** «Записки М. И. Пущина» («Русский архив», М., 1908, № 12, стр. 509).

Н. Н. Оржницкий

план местности и укреплений эриванских. Часто в персидском одеянии ходил я по вечерам в крепость».

Но осада Эривани временно была снята. Поэтому Пущин вместе со своим батальоном оказался под крепостью Абасабад, обложение которой русскими войсками началось в первых числах июля. По приказу Паскевича Пущин принимал деятельное участие в составлении плана осады и в организации инженерно-саперных работ. Под его непосредственным руководством был построен плавучий мост через реку Аракс. «Два дня после начатой нами осады,—рассказывает Пущин,—по другой стороне Аракса показался Абас-Мирза с армиею своею, желая принудить нас снять осаду. Паскевич, не ожидая его нападения, решился сам его атаковать, для чего приказал мне устроить мост на Араксе. Все бурдюки от духанщиков поступили ко мне, кузнечные меха их надували, и на другой день мост через Аракс был наведен, пехота и артиллерия по нем перешли, а кавалерия перешла реку вброд, и мы так внезапно напали на Абас-Мирзу, что он после самого слабого сопротивления от нас бежал». 7 июля крепость Абасабад была занята русскими войсками.

В середине сентября 1827 г. Паскевич приступил к осаде крепости Сардарабад. Ее занятие представляло трудную задачу. «Крепость Сардарабад,—пишет В. Потто,—построенная эриванским ханом лет десять-двенадцать перед тем, стояла на обширной равнине, расстилавшейся от Эчмиадзина к стороне Алагеза. Двойные, высокие стены ее, расположенные правильным четверугольником, с огромными башнями и воротами,—придавали ей вид весь-

ма внушительный и требовали сил и искусства для овладения ею. Правда, двухтысячный гарнизон ее находился под командою внука Гасан-хана, молодого человека, совершенно неопытного, и на это обстоятельство возлагались немалые надежды Паскевича. Но надежды эти, конечно, были весьма призрачными и, подходя к Сардарабату, Паскевич, действительно, узнал, что ночью пробрался туда и принял начальство над гарнизоном сам Гасан-хан»*.

По приказу Паскевича, начальником осадного отряда был назначен генерал Красовский. Одновременно главнокомандующий решил широко привлечь к осадным работам М. И. Пущина, способности и опыт которого ему были хорошо известны. Разжалованный декабрист развернул здесь энергичную деятельность. Вспоминая эти дни под Сардарабатом, он писал: «На другой день нашего прибытия к Сардар-Абаду пионерный батальон был командирован за 15 верст от крепости в виноградники для заготовки туров и фашии. Только что я, находясь при батальоне, успел там расположиться, казак от Паскевича прискакал за мною с приказанием немедленно к нему явиться, а батальону на другой день присоединиться к отряду. Явившись к Паскевичу, я от него узнал, что после рекогносцировки крепости назначено было выстроить мортирную батарею для действия навесными выстрелами в крепость; поручено это Фило-софову, который выстроил батарею так далеко от крепости, что бомбы до нее не долетали. Паскевич

* В. Потто, Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 3, СПб. 1887, стр. 494—495.

выразил мне, что он видит, что без моего содействия в осадных работах не будет никакого толка и поручил мне осмотреть крепость, для чего в прикрытии предложил взять сколько хочу войска. Я просил позволения взять Коновницына и Дорохова, приказать сотне казаков приблизиться к крепости и по выстрелу от нас скакать к нам на выручку. Сам с ружьем я пошел в сады, окружающие крепость, Коновницына поставил при входе в сады, Дорохова на сто саженей далее в садах и, приблизившись на 150 саженей к крепости, высмотрел место для брешь-батарей; каждый из нас, заметив какое-либо движение со стороны неприятеля, должен был выстрелом известить готовых нам на выручку казаков»*.

Далее, касаясь штурма крепости, Пущин писал: «Засветло я с некоторыми пионерами пошел к крепости и до прибытия рабочего отряда и прикрытия отчетливо, на знакомом мне месте, разбил все части батарей. К рассвету батареи начала громить крепость, и в то же утро можно было штурмовать, чем мы сейчас воспользовались и вслед за начальником штаба Сакеном, который первый вошел в одну из защищаемых башен, вошла штурмовая колонна в крепость. Защита была слабая, и в то время, как мы входили с переднего фаса, гарнизон крепости уходил из нее с заднего фаса; но очень мало кому удалось укрыться от преследования кавалерии и казаков. Час после атаки крепость взята со всем гарнизоном, часть которого облеклась в белые рубахи с целью защищаться на смерть, до последней капли

* «Русский архив», 1908, № 12, стр. 512.

крови, но не устояла в своей по-видимому не очень твердой решимости»*.

Об участии М. Пущина в осаде крепости Сардарабад имеются скудные упоминания и в официальных документах**.

После Сардарабада наступила очередь крепости Эривань, которую многие в то время считали неприступной. «По-прежнему стояла она (крепость Эривань. — М. Н.) на крутом, утесистом берегу быстрой Занги, по-прежнему ее высокие, гордые твердыни, ее бастионы и башни грозно смотрели из-за глубоких, наполненных водою рвов, недоступных для эскалации»***.

Необходимость взятия крепости Эривань диктовалась ее военно-стратегическим значением. 23 сентября русские войска уже стояли на берегу Занги. Началась осада. Пущин и его многие друзья-декабристы и здесь развернули кипучую самоотверженную деятельность. Паскевич часто совещался с Пущиным и давал ему важные задания. «...Мы поспешили к Эривани, куда прибыли 23 сентября,— пишет Пущин,— и на другой день, под распоряжением прибывшего из Тифлиса генерала Трузсона, начались осадные работы по моему предложению со второй параллели. Работа шла быстро, особенно на левом фланге работ под моим распоряжением. При начале работ Паскевич спросил меня, как думаю я, долго может продлиться осада; я ему тогда предсказал, что в Покров день покроем крепость. С сентября

* «Русский архив», 1908, № 12, стр. 513—514.

** «Кавказский сборник». Т. 23, стр. 115—116.

*** В. Потто. Кавказская война... Т. 3, стр. 504.

30-го, когда мы устранивали третью параллель, под вечер меня с левого фланга позвали к Паскевичу... Паскевич, сердившийся за что-то на Трузсона, отдавал ему какие-то приказания. Паскевич встретил меня вопросом, можно ли сегодня короновать гласис. «Почему не можно, если вы это желаете, отвечал я, вам стоит только отдать на это приказание». Трузсон на это возразил: «Я любопытен видеть, как вы это приведете в исполнение». — «Он вам покажет, как», сказал Паскевич и приказал мне сейчас же сделать все приготовления к коронованию гласиса»*.

Задача эта была трудной. Но Пущин разрешил ее с большим умением и храбростью.

Следует отметить, что во время осады выдался момент, когда хорошо продуманный план Пущина и героические усилия русских войск могли провалиться из-за ошибочных приказов Паскевича. Только благодаря настойчивости Пущина и его богатому опыту положение было исправлено. Однажды, в разгар осадных работ, рассказывает сам Пущин, «к моему удивлению доходит до нашего слуха отбой в траншеях, я не верю своим ушам, иду к полк. Шипову, командующему сводным гвардейским полком в прикритии, от него получаю приказание оставить работу и возвращаться в траншеи; я никак на это согласиться не мог, потому что, если бы тогда оставить работу в беспорядке и уйти, то нам бы пришлось потом от Эривани отступить или еще долго возиться с осадой. Несмотря на отбой, я никого из рабочих не отпустил, никого из них не потерял и продолжал работу, что-

* «Русский архив», 1908. № 12, стр. 516.

бы окончить кавальер и как следует его вооружить. У Шипова было несколько убитых и раненых; он после отбоя не решился самовольно оставаться для прикрытия моих рабочих, которые также по его приказанию должны были возвратиться, и, сказав мне: делайте, как знаете, сам с полком отступил к траншеям. На пути отступления у него еще перебило несколько человек. Паскевич, после донесения ему Шипова, что я с рабочими остался под крепостью оканчивать работу, прислал Баговута с приказанием тотчас отступить. Прежде чем исполнить это категорическое приказание, я вместе с Баговутом пошел к Паскевичу и, сказав ему то же, что Шипову, умоляя его позволить мне окончить мою работу и отменить свое приказание, возвратить ко мне прикрытие, и я ему ручаюсь в том, что завтра крепость будет наша. Тогда я узнал, что Паскевич приказал бить отбой потому, что выстрелами из крепости, к которым неприятель нас не приучил, выбито в траншеях много людей, не соблюдавших осторожность. Я просил приказать, чтобы люди не выходили из траншей и плацдармов, и тогда Паскевич отменил свое приказание об отбое, послал опять Шипова с полком прикрывать рабочих и сверх того усилил мой рабочий отряд для более успешного окончания коронования гласиса. К полному моему торжеству случилось по моему. Несколько часов после огня с кавальера стена Эривани рухнула, в брешь вошел гвардейский полк, и вслед за тем Эривань сдалась»*.

* «Русский архив». 1908, № 12, стр. 516.

Пушкин играл огромную роль в сражениях при взятии Эривани. Об этом хорошо знали многие его друзья, сослуживцы и современники. А. С. Гангеблов, один из сосланных на Кавказ декабристов, принимавший активное участие в военных действиях 1827 года в Восточной Армении, говоря о роли Пушкина при взятии Эривани и других городов, писал: «Он (Пушкин. — М. Н.) руководил и мелкими, и крупными работами от вязания фашин и туров, от работ киркой и лопатой до устройства переправ и мостов, до траншировки и возведения укреплений, до ведения апрошей и кроме того исполнял множество важных поручений. Он же, в той же солдатской шинели, присутствовал на военных советах у главнокомандующего, где его мнения почти всегда одерживали верх (о чем мне известно было через Вальховского и Ушакова). Этот человек как бы имел дар одновременно являться в разных местах»^{*}.

Подвиги Пушкина вынуждено было отметить и командование, сделавшее о нем несколько представлений. Но мстительный царь всегда отклонял их и согласился лишь, в связи с занятием Эривани, проинформировать Пушкина в унтер-офицеры, о чем Пушкин в своих воспоминаниях с иронией и досадой писал: «Так совершилось 1 октября знаменитое взятие Эривани, за что в армию посылалось множество наград, по правде сказать мало заслуженных. Паскевич получил графство Эриванское, главный же деятель (сам Пушкин. — М. Н.) был произведен в унтер-офи-

^{*} «Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова». М. 1888. стр. 160.

церы с приказанием «не употреблять его выше его звания, т. е. не позволять ему распоряжаться военными действиями, а позволить, как милость, заведывать капральством». Следует добавить, что Николай I до конца своей жизни мстил Пущину и преследовал его.

В марте 1828 г. Пущин получил чин прапорщика, а в 1831 г. был уволен с военной службы, после чего поселился в имении своего отца в Минской губернии и долгое время находился под строжайшим тайным надзором с запрещением въезда в Петербург*. Пущин скончался в 1869 г., будучи в должности коменданта Бобруйской крепости.

О Пущине с любовью и уважением отзывались знающие его лица. Так, например, Петр Александрович Бестужев, тоже сосланный на Кавказ как «государственный преступник», в памятных записках о нем писал: «Не много можно найти людей с столь строгими правилами, с таким твердым характером, с таким безукоризненным поведением, как он»**. В 1857 г., в одном из писем к П. В. Анненкову, Л. Н. Толстой характеризовал М. Пущина как прелестного и добродушного человека***.

Корнет кавалергардского полка Николай Николаевич Депрерадович (1802—1884) состоял членом Южного общества. В известном «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществ и лицам,

* ЦГИАМ, ф. 109, 1826 г., д. 61, ч. 125, л. 205.

** «Воспоминания Бестужевых. Редакция, статья и комментарии М. К. Азадовского». М.—Л. 1951, стр. 366.

*** Л. Майков, Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб. 1899, стр. 387.

прикосновенным к делу», составленном в 1827 г., о нем сказано: «При допросе он сознался, что принят в Общество в 1823 году Вадковским, в квартире Свистунова, где находился и Пестель, что слышал о намерении Общества ввести республиканское правление с истреблением императорской фамилии и что дал Пестелю клятву с жаром действовать»*.

Вскоре после ареста, приказом царя от 27 марта 1826 г., Депрерадович был переведен на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк. 13 апреля 1826 г. под Гянджой он принял активное участие в крупном сражении русских войск с армией наследника персидского престола Аббас-мирзы. О мужестве Депрерадовича, проявленном в этом сражении, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Ермолов сообщил царю в рапорте от 11 ноября 1826 г. В ноябре-октябре Депрерадович участвовал в экспедиции за Араксом. В январе 1827 г. он был произведен в поручики.

В 1827 г., находясь в главном отряде Кавказского корпуса, Депрерадович участвовал во многих битвах с персидскими войсками. Так, в начале июля он храбро сражался под Джеван-Булагом, за что был награжден орденом св. Анны 4-й степени. Вместе с русскими солдатами и армянскими, грузинскими и азербайджанскими ополченцами он с отвагой и мужеством принимал участие в штурме крепостей Сардабад и Эривань. Командир Нижегородского драгунского полка Н. Н. Раевский о Депрерадовиче пи-

* «Восстание декабристов. Материалы». Т. VIII, Л. 1925, стр. 77. См. также ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., д. 61, ч. 252, л. 1.

сал: «При осаде крепостей Сардар-Абада и Эривани, во всех случаях, вел себя с отличною храбростью»*.

О мужестве и активном участии Депрерадовича в военных действиях, происходивших в Армении и Азербайджане, писал и сам Паскевич. В рапорте на имя Николая I от 30 ноября 1827 г. он отмечал, что поручик Депрерадович в делах против неприятеля показал себя неустрашимым**. Приказом Николая I от 12 мая 1828 г. Депрерадович был переведен в Санкт-Петербургский уланский полк. Уволили его с военной службы в 1846 г.

Член Северного общества Александр Семенович Гангеблов (родился в 1801 г., по происхождению — грузин) накануне восстания 14 декабря состоял поручиком лейб-гвардии Измайловского полка. Был арестован и заключен в Петропавловскую крепость 23—24 декабря. В официальных документах о нем сказано: «Вступил в Северное общество в 1825-м году. Знал, что цель оного состояла в введении республиканского правления. Слышал, что нашелся уже один молодец, который хотел покуситься на жизнь покойного государя императора (Александра I. — М. Н.), но не допустили его потому, что еще рано... Во время произшествия находился в Петергофе, где расположен батальон Измайловского полка»***.

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 340.

** Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 36, оп. 5/848, св. 31, д. 22, л. 148.

*** ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 142, л. 1.

Приказом Николая I от 7 июля 1826 г. Гангеблов «за прикосновение о злоумышленных обществах» был переведен во Владикавказский гарнизонный полк с указанием «ежемесячно доносить о поведении». Примерно через год — 5 июля 1827 г. — он был прикомандирован к Кабардинскому пехотному полку «для употребления против персиян»*. В составе этого полка Гангеблов прибыл в Эривань в сентябре 1827 г., в те дни, когда Паскевич готовился к ее осаде. Здесь вместе со многими декабристами он принимал активное участие в военных действиях. В своих воспоминаниях об осаде Эриванской крепости Гангеблов пишет: «...Когда началась осада, и я услышал, что все декабристы собраны в траншеи, я обратился с просьбой к генер. Красовскому перевести и меня туда же. Красовский велел своему адъютанту меня отвести к начальнику траншей полк. Гурке... Когда совсем стемнело, Гурко, отправляясь в обход крепости, взял меня с собою и дополнил мое вооружение одним из пары своих кухенрейтеров. Ночь была темная; мы вдвоем шли в таком от крепости расстоянии, что при осторожности с нашей стороны отсюда нас не могли ни слышать, ни видеть; но нам иногда слышен был говор внутри крепости»**.

Рассказывая далее о взятии Эривани, Гангеблов сообщает: «Дня через два после почти непрерывной канонады стало заметно, что в крепости происходило что-то необычайное, и тревога все росла и росла, а вскоре на одной из башен показались поднятые

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, л. 137, л. 66.

** «Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова», стр. 143 — 144.

вверх белые флаги. С тем вместе к крепостной стене с этой стороны двинулся сводный гвардейский полк, а против другой ее стороны, из форштата, показался Красовский в голове своего отряда... Я присоединился к свите Красовского, в то время как он давал приказания аудитору Белову, знавшему местный язык, чтоб он подошел к самым воротам и сказал им, что ежели они заставят самих нас разбить ворота, то им пощады не будет. С Беловым пошел я и еще какой-то офицер в качестве ассистентов. Полы ворот не вплоть были притворены. Едва Белов приложил лоб к этой щели и произнес два-три слова, как оттуда раздался выстрел, и Белов повалился, брызнув меня в лицо своим мозгом. «Что там такое?» — тревожно спросил генерал, когда мы, ассистенты, к нему выбежали. Когда я сказал, что Белов убит, поставлено было орудие, чтоб разбить ворота; но прежде чем выстрел последовал, ворота растворились. Красовский, окидывая нас взглядом, у меня спросил: «Вы здесь зачем?». Я объяснил, что прислан от начальника траншей. «Кстати, сказал он: вот вам два телохранителя, идите в ворота и продолжайте идти, а за вами пойдем и мы». С двумя гренадерами, «ружья на перевес», мы очутились среди невообразимого смятения: оглушительный вопль, шальная беготня, драка между собою, визг женщин... Когда мы отошли от ворот шагов на полтора-два, из ворот показался Красовский с отрядом. Таким образом Эривань была взята с этой стороны»*.

* „Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова“, стр. 144 — 146.

После взятия Эривани Гангеблов в составе своего полка участвовал во взятии ряда городов Южного Азербайджана, в том числе города Урмия, где провел примерно два месяца. В начале 1828 г. он вернулся в Эривань и был назначен помощником коменданта крепости полковника Кошкарева, который, по словам самого Гангеблова, пострадал «по бунту Семеновского полка». Приказом Паскевича от 19 марта 1828 г. Гангеблов был назначен «для исправления должности при Эриванском областном правлении»*. Эту должность он исполнял до середины мая¹³. К сожалению, мы не знаем, чем именно занимался Гангеблов в Эриванском областном правлении. В своих воспоминаниях он об этом ничего не пишет.

Гангеблов скончался в конце 80-х или в начале 90-х годов.

Николай Николаевич Семичев в 1825 г. служил в Ахтырском гусарском полку в чине ротмистра. Он являлся одним из участников Отечественной войны 1812 г. и под Бородином получил тяжелое пулевое ранение в грудь. Семичева арестовали в декабре 1825 г. По приказу царя его заключили в Петропавловскую крепость сроком на шесть месяцев. В июле 1826 г. в чине капитана его перевели на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк**.

Находясь в личном составе главного отряда, командиром которого был Паскевич, Семичев активно участвовал почти во всех сражениях военной кам-

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 386.

** ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 169, л. 2.

пании 1827 г. Из его формулярного списка видно, что в мае он находился в селении Шулаверы, в июне — в Эчмиадзине и Нахичевани, в начале июля — под Абасабадом, в августе — в Карабабе, в сентябре и октябре — в Сардарабаде, Эривани и Тавризе. Семичев с 14 сентября 1827 г. находился «в следовании до крепости Сардар-Абада и обложении оной с того же числа по 20-е при действительной осаде, взятии и при следовании гарнизона сей крепости, 22-го в походе к Эривани, с 24 сентября по 1-ое октября при действительной осаде и покорении сей важной крепости со всем находившимся в ней гарнизоном, причем взят в плен Гасан Хан Сардарь и многие другие чины и чиновники, и за оказанные при осаде оной отличия получил высочайшее благоволение; с 7 по 19-е октября в походе от Эривани в город Тавриз»*.

Начальник 2-й уланской дивизии генерал-майор барон Розен в своем рапорте от 11 января 1828 г. писал Паскевичу: «Командир Нижегородского драгунского полка полковник Раевский 3-й представляет мне, что вверенного ему полка переведенный из Ахтырского гусарского капитан Семичев, прикосновенный к делу злоумышленного тайного общества, за оказанную им отличную храбрость в сражении под Джеван-Булаком, несмотря на тяжелую рану, полученную им в 1812 году при сел. Бородине, заслужил высочайшее благоволение; после того по разрешению вашего высокопревосходительства будучи прикомандирован к войскам, осаждавшим Эривани».

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 461.

вань, заслужил от командира сводного полка полковника Шипова блестящий отзыв непоколебимой неустрашимости и неусыпной деятельности»*.

Тот же генерал Розен в другом своем отношении о Семичеве писал: «При осаде Эривани, находясь волонтером, он заслужил особенное внимание начальства и в продолжение всего похода служил во всех отношениях примером всему полку»**.

Полковник Н. Н. Раевский — непосредственный начальник Семичева — высоко оценивал его мужество и способности. О капитане Семичеве Раевский писал: «Был в сражении противу персиян при урочище Джеван-Булах 5-го июля 1827 года, за оказанном в оном отличии и храбрость получил высочайшее благоволение. При осаде крепости Сардар-Абада и Эривани, во всех сих случаях вел себя с отличной храбростью»***.

В начале января 1828 г. Раевский просил у начальства разрешения назначить Семичева командиром эскадрона. Эта просьба была удовлетворена лишь в мае 1829 г. До этого Семичев был произведен в майоры.

Семичев принял деятельное участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Скончался он от холеры в 1830 г. в Тифлисе.

Член Северного общества, лейтенант Гвардейского экипажа Федор Гаврилович Вишневский был разжалован в солдаты с определением в «дальние

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, лл. 101—102.

** Там же, л. 104.

*** Там же, л. 340.

гарнизоны». В феврале 1827 г. его перевели на Кавказ, где он, будучи одним из солдат главного отряда Кавказского корпуса, принял весьма активное участие в боях за Восточную Армению. В формулярном списке Вишневского сказано, что 14 апреля 1827 г. он находился «в деле противу персидской конницы у деревни Верхней Айнанлу; 16 в перестрелке с куртинскою конницею под монастырем Эчмиадзинским, того же числа при канонаде против крепости Сардарабада; 24 в деле против многочисленной конницы, предводимой Гасан Ханом... и части гарнизона Эриванского под пушечными выстрелами со стен сей крепости при занятии 25-го Ираклиевой горы, 26-го северного Эриванского форшта-та; с того же времени по 15-е июня при блокаде крепости Эривани»*.

Далее Вишневский находился в войсках, занявших город Нахичевань и крепость Абасабад. В сентябре он опять под Сардарабадом, после взятия которого был награжден военным орденом. 14 сентября Вишневский находился «в следовании до крепости Сардарабада и обложении оной, с того же числа по 20 при действительной осаде и взятии и преследовании гарнизона сей крепости; за отличие в сем сражении награжден знаком отличия военного ордена св. Георгия»**.

Вишневский — один из активных участников осады и взятия Эривани. В его формулярном списке отмечено, что 22 сентября 1827 г. он находился «в

* ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 128, л. 19.

** Там же.

походе к Эривани. С 24-го сентября по 1-е октября при действительной осаде и покорении сей важной крепости со всем находившимся в ней гарнизоном, причем взят в плен Гасан Хан... и прочие другие ханы и чиновники; за отличие в сем сражении по высочайшему повелению произведен в унтер-офицеры*.

В конце 1827 и начале 1828 гг. Вишневский участвовал в походе русских войск на Южный Азербайджан. В июне 1832 г. он был произведен в мичманы и в январе 1833 г. переведен во флотский экипаж, но в том же году по болезни был уволен с военной службы. Вишневский скончался в Москве в 1863 г.

2

В освобождении Восточной Армении от ига персидских ханов принимали участие также А. Ринкевич, Н. Шереметев, М. Малютин, Н. Оржицкий, В. Сухо-руков, А. Веденяпин, Б. Бодиско, Н. Акулов (Окулов), Н. Цебриков.

Корнет лейб-гвардии конного полка Александр Ефимович Ринкевич (1802—1829) состоял членом Северного общества**. После ареста и заключения в Петропавловскую крепость, по приказу царя от 7 июля 1826 г. его перевели в Бакинский гарнизонный батальон прапорщиком, установив над ним тайный надзор. В марте 1827 г. Ринкевич был командирован на время военных действий в Ширванский пехотный полк «с тем, что если будет отличать

* ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 128, л. 19.

** ЦГИАМ, ф. 48, оп. 1, д. 62, л. 11.

себя по службе, то представить о настоящем переводе его в оный полк»*.

Ширванский полк уже в апреле вместе с другими частями авангарда главных сил Кавказского корпуса двинулся в Эриванское ханство. Тогда же А. Е. Ринкевич принял участие в стычках с неприятелем под Эчмиадзином, Сардарабадом и в предпринятой генерал-адъютантом Бенкендорфом блокаде крепости Эривань. Впоследствии этот генерал, в своем рапорте от 28 июня 1827 г. на имя Паскевича, писал, что прапорщик Ринкевич «участвовал в делах бывшего при блокаде крепости Эриванской и показывал примерное хладнокровие против неприятеля»**.

Летом 1827 г. Ринкевич участвовал в занятии Нахичевани и Абасабада. 31 августа командир Ширванского полка из лагеря близ реки Арпачай писал Паскевичу, что Ринкевич «ведет себя отлично хорошо; ревностно занимается службою и в делах противу неприятеля неустрашим»***.

Ринкевич принимал энергичное участие и в боях, которые развернулись за Сардарабад и Эривань в сентябре и начале октября 1827 г. Именно в связи с этими событиями Паскевич в рапорте от 29 октября 1827 г. писал царю, что «прапорщик Ринкевич в делах против неприятеля оказал себя неустрашимым»****. За участие в персидской кампании 1827—1828 гг. Ринкевич был произведен в подпоручики.

В конце 1827 и начале 1828 гг., во время похода

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 28.

** Там же, л. 67.

*** Там же, л. 224.

**** ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848, св. 31, д. 22, л. 77.

русских войск на Южный Азербайджан, Ринкевич побывал в Тавризе. Приказом Николая I от 21 июня 1828 г. он был переведен в Куринский полк, где через год скончался.

Член Северного общества подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Николай Васильевич Шереметев (1804—1849) после ареста и заключения в Кронштадтскую крепость приказом царя от 27 марта 1826 г. был отправлен на Кавказ, в 43-й егерский полк. В начале 1827 г. его перевели в Ширванский пехотный полк, а в мае того же года — в лейб-гвардии Сводный полк*. В составе этого полка Шереметев летом и осенью 1827 г. сражался в боях за Абасабад, Сардарабад, Эривань и ряд городов Южного Азербайджана. В рапорте от 30 ноября 1827 г. Паскевич доносил царю, что подпоручик Шереметев в делах против неприятеля проявил бесстрашие**. За участие в военной кампании 1827 г. Шереметев был произведен в поручики. В начале июля 1828 г. вместе с лейб-гвардии Сводным полком он покинул Кавказ и в декабре 1832 г. вышел в отставку.

Михаил Петрович Малютин в 1825 г. служил в лейб-гвардии Измайловском полку в чине подпоручика. Малютин являлся племянником К. Ф. Рылеева и находился под его влиянием***. Он был арестован как «прикосновенный» к делу декабристов и затем приказом царя от 7 июля 1826 г. переведен на Кавказ, в Севастопольский пехотный полк. Малю-

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 75.

** ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848, св. 31, д. 22, л. 148.

*** ЦГИАМ, ф. 48, оп. 1, д. 52, л. 8.

тин участвовал в сражении под деревней Ошакан 17 августа 1827 г. и далее — в осаде и занятии крепостей Сардарабад и Эривань. После окончания русско-персидской войны он остался служить в Армянской области. Командир Севастопольского пехотного полка полковник Вейде в рапорте от 27 июля 1828 г. писал из крепости Сардарабад Паскевичу: «...Вверенного мне полка подпоручик Малютин, бывший прикосновенным к делу о злоумышленных обществах, находится в откомандировке по воле начальства с 4-го апреля сего года при Эриванском комитете для переселения армян»*.

В 1834 г. Малютин получил чин поручика** и вышел в отставку в 1842 г.

Отставной штаб-ротмистр Николай Николаевич Оржицкий (1796—1861) был арестован и заключен в Петропавловскую крепость 23 декабря 1825 г. Обвинялся в том, что знал о существовании тайного общества и его целях, но не сообщил об этом правительству. Верховным уголовным судом Оржицкий был отнесен к IX разряду государственных преступников и приговорен к лишению чинов и дворянства и разжалованию в солдаты. Сперва Оржицкий был отправлен в Кизлярский гарнизонный батальон, а потом, в январе 1827 г., в Нижегородский драгунский полк. Принимал участие в военных событиях 1827 г. и, в частности, в сражении под Джеван-Булахом, в осаде и занятии крепостей Сардарабад и Эривань. За храбрость в кампании 1827 г. Оржицкий был про-

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, л. 77, л. 411.

** ЦГВИА, ф. 395, оп. 268/856, св. 999, л. 24, л. 6.

Н. Р. Цебриков

изведен в унтер-офицеры, а затем — в прапорщики*. Вышел в отставку в 1832 г.

Поручик лейб-гвардии Казачьего полка, историк и журналист Василий Дмитриевич Сухоруков (1795—1841) был одним из друзей Ф. Глинки, В. Кюхельбекера, А. Бестужева, К. Рылеева и А. Корниловича**. В официальных документах он фигурирует как причастный к движению декабристов. В июле 1826 г. Николай I приказал «оставить его на Дону, не отправляя лейб-гвардии в казачий полк, иметь за ним бдительный тайный надзор и ежемесячно доносить о поведении»***. Приказом военного министра от 28 мая 1827 г. Сухоруков был отправлен в Отдельный Кавказский корпус, где его определили в Донской казачий полковника Карпова полк. Сухоруков принял участие в осаде и взятии крепостей Сардарабад и Эривань, а также в военных действиях конца 1827 и начала 1828 гг. Одновременно он выполнял разные задания в штабе Паскевича.

Александр Васильевич Веденяпин (1803—1847) был членом Общества соединенных славян. В 1825 г. служил в чине прапорщика в 9-й артиллерийской бригаде. После ареста был разжалован в солдаты и в июле 1826 г. отправлен в Верхнеуральский гарнизонный батальон, а в январе следующего года — на Кавказ, в 42-й егерский полк****. Принимал активное участие в боевых действиях, развернувшихся в Армении и Азербайджане.

* ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., д. 61, ч. 122, л. 91.

** А. В. Фадеев, стр. 8.

*** ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 247, л. 2.

**** Там же, д. 61, ч. 127, л. 12.

Лейтенант Гвардейского экипажа Борис Андреевич Бодиско (1800—1828) за участие в восстании 14 декабря был арестован, разжалован в матросы и отправлен во Владикавказ, а затем определен в Тифлисский пехотный полк рядовым. Принимал участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг. За отличия в этой войне в апреле 1828 г. был произведен в унтер-офицеры*.

Николай Павлович Акулов (Окулов), лейтенант из Гвардейского экипажа, за участие в восстании 14 декабря был арестован и разжалован в рядовые. В июле 1826 г. был определен в Томский гарнизонный батальон, а в марте следующего года переведен на Кавказ, в 42-й егерский полк**. Участвовал в военных действиях 1827—1828 гг.

Поручик лейб-гвардии Финляндского полка Николай Романович Цебриков, как указано в «Алфавите» декабристов, «на площади был в толпе мятежников». После заключения в Петропавловскую крепость был приговорен «к лишению дворянства и к разжалованию в солдаты без выслуги». В марте 1827 г. был назначен в Ширванский пехотный полк***. Цебриков участвовал в персидской кампании 1827—1828 гг. Декабрист Н. Лорер в своих воспоминаниях указывал, что Цебрикова перевели из Оренбурга на Кавказ и что он «попал в самый разгар персидской и турецкой кампании и участвовал во всех сражениях этой войны. Храбрость его была

* ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., д. 61, ч. 120, л. 1.

** Там же, д. 61, ч. 130, л. 1.

*** Там же, ч. 124, л. 46.

замечена, и он получил Георгиевский крест, бывши рядовым»*. В марте 1829 г. Цебриков был произведен в унтер-офицеры. Скончался в Петербурге в 1860 г.

3

В Армении и Азербайджане в 1827—1828 гг. против персидских войск сражались, помимо названных выше «злоумышленников», Добринский, Лаппа, Искрицкий, Кожевников, Гвоздев, Арцыбашев, Васильчиков, Пыхачев, Фок, Лашкевич, Авенариус и некоторые другие.

Поручик лейб-гвардии Финляндского полка, декабрист, член Южного общества Александр Александрович Добринский после ареста и следствия приказом царя от 28 мая 1826 г. был переведен в Отдельный Кавказский корпус, сначала в 43-й, а затем в 41-й егерский полк**. В 1850 г. служил в чине подполковника в Эриванском карабинерном полку. Скончался в 1860 г.

Подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка декабрист Матвей Демьянович Лаппа в июле 1826 г. был разжалован в солдаты и отправлен на Кавказ, сперва в Петровский гарнизонный батальон, а затем, в марте 1827 г., в Тифлисский пехотный полк***. В мае 1828 г. за активное участие в военных действиях против персидских войск он был произве-

* «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 239.

** ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 137, л. 17.

*** ЦГИАМ, ф. III отд. I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 132, лл. 1—2.

ден в унтер-офицеры. Вышел в отставку в 1835 г. Скончался в 1841 г.

Поручик гвардейского Генерального штаба член Северного общества Демьян Александрович Искрицкий приказом Николая I был переведен в гарнизон Орской крепости, а спустя некоторое время — в Кавказский корпус, в 42-й егерский полк. Следует отметить, что хотя он числился в полку, но в действительности нес службу офицера Генерального штаба как в персидской, так и в турецкой кампании*. В одном официальном документе об Искрицком сказано, что он «в течение всей войны персидской... находился везде, где дела службы требовали»**. Скончался Искрицкий в Кубе (в Азербайджане) в сентябре 1831 г. в чине штабс-капитана.

Подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка член Северного общества Нил Павлович Кожевников был лишен дворянства, разжалован в рядовые и сослан в Оренбургский гарнизонный полк. В январе 1827 г. он был переведен в Тифлисский пехотный полк. За участие в военных действиях 1827 и начала 1828 гг. был произведен в унтер-офицеры, а в июне 1828 г. переведен в 42-й егерский полк***. Скончался в 1837 г.

Подполковник квартирмейстерской части Генерального штаба Гвоздев, арестованный и преданный суду при главной квартире 1-й армии в связи с де-

* ИМГ, отдел рукописей, картотека Вейденбаума — «Д. А. Искрицкий».

** ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 170, л. 2.

*** Там же, ч. 123, л. 7.

лом декабристов*, был в 1827 г. переведен на Кавказ, в 42-й егерский полк. Весною и летом 1828 г. Гвоздев «в крепости Шуше исправлял должность военно-окружного начальника трех провинций за отсутствием генерал-майора кн. Абхазова»**. Скончался в конце 1828 г.***

Корнет Кавалергардского полка член Северного общества Дмитрий Александрович Арцыбашев в июле 1826 г. был переведен в Таманский гарнизонный полк, а потом в Нашебургский пехотный полк. Скончался в 1831 г.****

Корнет того же полка декабрист Николай Александрович Васильчиков в июле 1826 г. как «прикосновенный к делу о злоумышленных обществах» был переведен на Кавказ, в Серпуховский уланский полк*****, а затем, в апреле 1828 г., — в Харьковский уланский полк. С военной службы уволился в 1830 г. Скончался в 1864 г.

Капитан конно-артиллерийской роты № 5 Матвей Иванович Пыхачев, арестованный как причастный к движению декабристов, приказом Николая I от 7 июля 1826 г. был переведен на Кавказ, в конно-артиллерийскую роту № 13*****. Военную службу оставил в 1836 г.

Подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка Александр Александрович Фок после заключения в

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 38.

** Там же, л. 407.

*** ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 238, лл. 2—3.

**** Там же, ч. 171, л. 9.

***** ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 96.

***** ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., д. 61, ч. 221, л. 2.

Петропавловскую крепость был разжалован в солдаты и отправлен в «дальние» гарнизоны. В марте 1827 г. его перевели на Кавказ, в 41-й егерский полк. Был произведен в унтер-офицеры в ноябре 1828 г.* Умер в 1854 г.

Штабс-капитан Лашкевич был арестован как «прикосновенный» к делу декабристов и отправлен на Кавказ, сперва в Бакинский гарнизон, а затем в Ширванский полк**. Вместе со своим полком он в 1827 г. принимал активное участие в боях за Восточную Армению.

Полковник Александр Александрович Авенариус был членом Союза благоденствия. С 1821 г. командовал 41-м егерским полком, участвовал в русско-персидской войне с первых же ее дней. Отличился, в частности, в известном сражении под Гянджой (Елисаветполем) 13 сентября 1826 г. Вместе со своим полком участвовал также во многих боях в Азербайджане и Армении в 1827 г.*** Скончался в 1828 г.

Подпоручик Антон Станиславович Войнилович в связи с восстанием Черниговского полка был переведен на Кавказ, в Кабардинский полк****. В 1827 г. находился в рядах войск, сражавшихся в Восточной Армении.

В числе участников персидской кампании находились также В. Ф. Волков, И. П. Гудим, Н. К. Ледуховский и другие.

* ЦГИАМ, ф. 109, 1 экзп., д. 61, ч. 131, л. 1.

** ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, лл. 164, 193.

*** «Кавказский сборник». Т. 28, стр. 207, 211, 215, 217—218.

**** «Восстание декабристов. Материалы». Т. VI, стр. 196.

В кампании 1827 г. из числа «прикосновенных» лиц принимали активное участие также А. А. Суворов и Л. А. Молчанов.

Внук великого русского полководца, генерал-искусуса А. В. Суворова — Александр Александрович Суворов (1804—1882) был «вмешан» в дело декабристов. В то время он являлся корнетом лейб-гвардии конного полка. В «Алфавите» декабристов о Суворове сказано: «При допросе он отвечал, что, узнав от Одоевского, что есть люди, желающие блага государству и занимающиеся сим, он согласился взять в том участие, ежели не увидит ничего противного чувствам и совести. Более ничего не знал и ни с кем из членов сношений не имел. При производстве Комиссиею следствия, он был только наименован в числе членов Общества»*.

Ввиду отсутствия прямых доказательств его принадлежности к «тайным обществам», Суворов был освобожден и затем «за прикосновенность к движению декабристов... послан на Кавказ, в распоряжение Ермолова»**. Здесь его зачислили сперва в отряд генерал-лейтенанта Эристова, а потом — в главный отряд Кавказского корпуса, командуемый И. Ф. Паскевичем. Принимая активное участие в русско-персидской войне, А. А. Суворов «с отличием участвовал в сражениях при Аббас-Абаде, Сардар-Абаде и Эривани, за что получил орден Владимира 4-й ст. с бантом, чин поручика и золотую шпагу, а 28-го

* «Восстание декабристов. Материалы». Т. VIII, стр. 186.

** «Архив Раевских». Т. I, СПб. 1908, стр. 358—359.

февраля 1828 г., уже по возвращении в Петербург — звание флигель-адъютанта»*.

В период своего пребывания на Кавказе Суворов установил дружественные отношения со многими декабристами. М. И. Пущин в своих записках рассказывает, что, когда он прибыл из Сибири в Тифлис и у Ермолова встретился с Раевским и Суворовым, последний просил Раевского познакомить его с ним. «...И знакомство наше, — продолжает Пущин, — тут начатое, обратилось в задушевную дружбу во все время пребывания Суворова на Кавказе»**.

А. А. Суворов пользовался большим уважением и любовью среди сосланных на Кавказ декабристов. Так, один из них — Петр Бестужев — о Суворове писал: «Молодой человек с возвышенным характером, чистою нравственностью, благородною и чувствительною душою, с умом и военными способностями, не помрачающими славу великого деда его. Редко появляются на отуманенном обстоятельствами горизонте отечества нашего метеоры таких чистых, картинных красот. Враг всякой несправедливости и несконный, напитанный высокими идеями, мужественный в опасностях, гордый с высшими, кроткий и любезный с равными и низшими, он украшает собою бедный полк наш, — человечество гордится, считая его в числе друзей своих»***.

В 1827 г. на Кавказ был выслан и состоявший в лейб-гвардии конно-пионерном батальоне прапор-

* «Архив Раевских». Т. I, стр. 359.

** «Русский архив», 1908, № 11, стр. 463.

*** «Воспоминания Бестужевых», стр. 364.

В. М. Голицын

щик Лев Александрович Молчанов. В 1826 г. он был «привлечен к следствию и суду по делу о запрещенном отрывке из стихотворения Пушкина «Андрей Шенье в темнице». Как известно, царские сатрапы в этом отрывке хотели видеть определенный намек на события 14 декабря. Жандармы нашли запрещенный отрывок «у кандидата Московского университета Андрея Леопольдова, который получил его от Молчанова»*. В связи с этим Молчанов был привлечен к суду, после чего его перевели в Закавказье, в Нижегородский драгунский полк, где он оставался до апреля 1828 г. Вместе со своим полком Молчанов участвовал почти во всех сражениях, происходивших в Армении в 1827 г. За храбрость и военные подвиги во время занятия крепости Сардарабад командир полка Н. Н. Раевский представил Молчанова к ордену св. Анны 3-й степени.

Небезынтересно отметить, что в военных действиях 1827 г., в результате которых Восточная Армения была присоединена к России, принимал участие также брат великого русского поэта А. С. Пушкина — Лев Сергеевич (1805—1852). В марте 1827 г. он поступил в Нижегородский драгунский полк юнкером и вскоре после этого участвовал в ряде сражений. 5 июля 1827 г. Пушкин отличился в сражении с персидскими войсками при Джеван-Булахе, за что был произведен в прапорщики; участвовал также в боях под Сардарабадом и Эриванью. За храбрость при взятии Эривани был представлен к ордену св. Анны 3-й степени. В формулярном списке Л. С.

* «Архив Раевских». Т. I, стр. 351.

Пушкина записано: «С 12-го мая по 8-е июня 1827 г. находился в походе отдельного Кавказского корпуса, под личным начальством генерала Паскевича от селения Шулавер к монастырю Эчмиадзину. С 15-го по 29-е июня был в походе от Эчмиадзина через Нахичевань по Тавризской дороге, к крепости Абаз-Абады. С 1-го по 8-е июля принимал участие в осаде означенной крепости до ее сдачи. 5-го августа отличился в сражении против персиян, коими начальствовал принц Аббас-Мирза, и награжден чином прапорщика. С 20-го по 22-е июля был в походе от крепости Абаз-Абады до селения Карабаба. С 26-го августа был в походе от Карабаба к Эчмиадзину. 9-го сентября от Эчмиадзина до р. Аракс. С 12-го по 17-е сентября, под командой генерал-лейтенанта графа Сухтелена, — до соляной ломки у сел. Кульпы и обратно. С 14-го сентября по 20-е принимал участие в движении к крепости Сардар-Абада, осаде и взятии ее. 22-го участвовал в походе к Эривани. С 24-го сентября по 1-е октября был при осаде и покорении этой крепости со всем ее гарнизоном. С 7-го по 19-е октября участвовал в походе от Эривани в г. Тавриз»*.

Декабрист Н. Лорер, друживший на Кавказе с Л. С. Пушкиным, писал: «Лев Пушкин — один из приятнейших собеседников, каких я когда-либо знал, с отличным сердцем и высокого благородства... Много написал он хороших стихотворений, но из скромности ничего не печатает, не дерзая стоять на лестнице поэтов ниже своего брата... Вечно весел и над

* Л. Майков, стр. 37.

всем смеется и обыкновенно бывает очень находчив и остер в своих ответах. Лев Пушкин пьет одно вино,—хорошее или дурное все равно,—пьет много, и никогда вино на него не действует... Память имеет необыкновенную и читает стихи вообще и своего брата в особенности... Всю экспедицию он сделал с одной кожаной подушкой, старой поношенной шинелью, парой платья на плечах и шашкой, которую никогда не снимал»*.

О жизни Л. С. Пушкина в 1827—1830 гг. В. Потто пишет: «Лев Сергеевич Пушкин определился в полк (Нижегородский драгунский. — М. Н.) из департамента духовных дел иностранных вероисповеданий почти одновременно с назначением Раевского, с которым связывала его тесная дружба. Приятный собеседник в обществе, он оригинал и чужак в жизни, он сделал весь поход с одною кожаной подушкой, кутаясь в какую-то старую, пеструю шаль, с которой никогда не расставался... Среди опасностей военного похода, всегда у стремени своего начальника, Пушкин, в первом же Джеванбулахском бою, выказал то замечательное хладнокровие, которое позже удивляло всех, служивших с ним в Турции и на берегах Черного моря. Его-то мы видели бесстрашно скачущим по боевому полю с приказаниями от одного эскадрона к другому»**.

Л. С. Пушкин дружил со многими сосланными на Кавказ «злоумышленниками», служившими

* «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 197.

** В. Потто. История 44-го Нижегородского драгунского полка. Т. 3, стр. 40—41.

в Нижегородском драгунском полку и в других воинских частях. Так, в 1827 г., во время русско-персидской войны, Л. Пушкин находился в близких отношениях с Оржицким, Семичевым, Молчановым, Пуцциным, братьями Коновницыными, Ринкевичем и другими. Ему всячески покровительствовал близкий друг его брата Николай Раевский, командовавший в это время Нижегородским драгунским полком. Л. Пушкин принимал активное участие и в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.¹⁴

В военных действиях, развернувшихся за Восточную Армению, участвовали также декабристы братья Бестужевы, Коновницыны, И. Шипов, И. Бурцов, В. Вольховский и другие, а также большое число солдат и матросов, сосланных на Кавказ за участие в восстании декабристов. О них будет сказано в следующих главах.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УЧАСТИЕ ДЕКАБРИСТОВ В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1828—1829 ГОДОВ

1

В апреле 1828 г. вспыхнула новая война между царской Россией и османской Турцией. Образовались два основных фронта военных действий — Балканский и Кавказский.

На Кавказском фронте военные действия развернулись главным образом в Западной (Турецкой) Армении и Грузии. 14 июня 1828 г. основные силы Кавказского корпуса под командованием генерала Паскевича, выступив из Гюмри, перешли границу реки Арпачай и двинулись к Карсу. 17 и 19-го произошли первые столкновения, 20-го, после ряда схваток с неприятелем, русские войска начали осаду Карса. В результате сильной бомбардировки и решительного штурма 23 июня крепость, считавшаяся неприступной, была занята. Следует сказать, что еще за восемь дней до занятия Карса, 15 июня, русский отряд под командованием генерал-майора Гессе овладел крепостью Поти.

Главный отряд Кавказского корпуса 24 июля занял также крепость Ахалкалаки, а в начале августа приблизился к Ахалциху, где были сосредоточены крупные силы неприятеля. Ахалцихский гарнизон состоял из 10 тысяч человек. К нему на помощь спешила 30-тысячная турецкая армия. Между тем русский отряд, который был выделен для покорения Ахалциха, насчитывал всего 8 тысяч человек.

Под Ахалцихом разгорелись кровопролитные бои. 9 августа многочисленные турецкие войска потерпели тяжелое поражение. 15 августа в результате героического штурма русских войск пала крепость Ахалцих. Вскоре был занят и г. Ардаган.

В то время, когда происходили эти события, малочисленный отряд русских войск под командованием генерал-майора Чавчавадзе двинулся к Баязету и 28 августа без особых трудностей занял его. Через некоторое время почти весь Баязетский пашалык был очищен от турецких войск. Таким образом, уже в сентябре 1828 г. Кавказский корпус овладел Карским, Ахалцихским и Баязетским пашалыками.

С октября 1828 г., в осенние и зимние месяцы, военные действия временно прекратились. Только в феврале 1829 г. под крепостью Ахалцих произошли новые битвы. Война фактически возобновилась весной 1829 г.; военные действия разгорелись опять в основном в Ахалцих-Ардаганском, Карс-Эрзерумском направлениях и в районе Баязета. В начале июня русский отряд нанес тяжелый удар неприятельским войскам, шедшим к Ахалциху. 19 и 20 июня в соганлугских горах русские войска разгромили главные силы турецкой армии и спустя три дня за-

няли крепость Гасан-Кала. Еще через несколько дней, 27 июня, русские войска, не встречая сопротивления, вступили в Эрзерум. Вскоре были заняты также города Байбурд, Хинис, Муш и т. д.

Летом 1829 г. отряд русских войск под командованием генерала Попова сражался в Баязетском пашалыке. В августе–сентябре русские войска одержали новые блестящие победы. Тяжелое поражение потерпели турки и на Балканском фронте. В сентябре 1829 г. война окончилась заключением Адрианопольского мира¹⁵.

В русско-турецкой войне участвовало большое число декабристов, сосланных и переведенных на Кавказ Николаем I. Многие из них в 1826—1827 и в начале 1828 гг. сражались, как мы видели, против персидских войск. С июня 1828 г. им пришлось воевать и против турецкой армии. К числу этих декабристов и «прикосновенных» лиц принадлежали Е. Лачинов, М. Пущин, А. Гангеблов, Н. Семичев, Ф. Вишневский, Д. Искрицкий, В. Сухоруков, А. Добринский, Н. Оржицкий, Н. Депрерадович, А. Веденяпин, А. Фок, Д. Арцыбашев, Н. Цебриков и другие.

Е. Е. Лачинов в июне 1828 г. в составе 39-го егерского полка принял активное участие в осаде и взятии города и крепости Карс. В своих письмах он подробно описывает военные действия, развернувшиеся за эту крепость. «Наконец, с 22-го на 23-е июня,— писал Лачинов,— и нам приказано взяться за дело; к рассвету на возвышениях левого берега (реки Карсчай. — М. Н.) сделаны две батареи, против западной стороны укреплений, а на правом — главная,

образующая первую параллель... С восхождением солнца действие 20-ти батарейных орудий, 6-ти легких и 4-х мортир изумили турок: цитадель, крепость и башни форштата начали отстреливаться, дым, не успевая разноситься, покрыл окрестности; непрерывные взрывы гранат и бомб, свист ядер показывали, что с обеих сторон не шутя намерены драться и что не легко будет овладеть Карсом... Скоро замечено волнение между защищающими укрепленную высоту над армянским форштатом, и командир роты 39-го егерского полка, прикрывавший всю ночь работы центра, решился без приказа двинуться вперед и занять кладбище. Пули и картечь посыпались на приближающихся, но Лабинцов, видя возможность овладеть высотой и батареею, на оной устроенною, дождавшись на своем месте егерей 42-го полка, бросился на шанцы неприятельские. Пустивши батальный огонь, турки не успели более зарядить ружья и таким же образом, разрядивши pistols свои, принялись за сабли, кинжалы, а некоторые вздумали отбиваться камнями,— без выстрела подошли наши к шанцам и закипела рукопашная схватка. Ужасны были минуты эти»*.

Описывая другие картины ожесточенных схваток, Лачинов показывает героизм русских войск. В заключительных строках, относящихся к взятию Карса, Лачинов писал: «Несколько раз опускались знамена на башнях, в знак того, что крепость покоряется... Турки, видя невозможность устоять, решились сдаться. Испуганный паша с важнейшими чи-

* «Кавказский сборник». Т. 1, стр. 138—139.

новниками скрылся в цитадель, пославши к графу с предложением условий. Вся крепость в наших руках и часть войск стояла у запертых ворот цитадели, и стены оной усеяны были гарнизоном, который с обращенными на нас ружьями ожидал окончания переговоров. На улицах страшное смятение; вооруженных неприятелей повсюду гораздо более, нежели наших, но они испытали, что ни многолюдство, ни завалы, ни самые стены не спасают их, и жестокий урок, им данный, отнимал у самых решительных последнюю отважность; всякий уверился в невозможности противостоять»^{*}.

После этих побед Лачинов служил в Карсском гарнизоне¹⁶. В середине августа он был в экспедиции, имевшей целью помочь армянским жителям нескольких сел Ардаганского района переселиться в Карсский пашалык, занятый уже русскими войсками. Лачинов рассказывает, что русскому отряду удалось вместе с армянскими ополченцами обратить в бегство турецкую воинскую часть, пытавшуюся насильно угнать армянских крестьян в глубь турецкой территории. Под охраной русских солдат армянские крестьяне Ардагана были переселены в безопасные места в районе Карса. В эти дни, как пишет Лачинов, установились самые теплые отношения между русскими солдатами и армянскими крестьянами.

В конце августа русские войска заняли город и крепость Ардаган. Здесь был и Е. Лачинов. «Ардаганский бек,— писал он,— узнавши о приближении нашем, бежал в горы; за ним последовали все маго-

^{*} «Кавказский сборник». Т. 1, стр. 140—141.

метане, армяне же встретили нас с покорностию и ключами... Крепость Ардаганская гораздо хуже и меньше Карсской... Строек хороших нет, дом бека довольно велик, но в нем конюшня лучше всех комнат. Базар небольшой и вообще наружная бедность дает право заключать, что Ардаган не слишком процветал. Здесь найдено 31 орудие, порядочный запас артиллерийских принадлежностей и незначительное количество провианта. В пороховых и хлебных хранилищах заметны были признаки, что в последние дни из них тащил кто хотел и как хотел — видно пробегающее войско турецкое не забыло снабдить себя здесь всем необходимым для дальнейшей боевой жизни»*.

После покорения Ардагана Лачинов возвратился в Карс. Из его записок видно, что он еще в декабре 1828 г. служил в Карсском гарнизоне. За участие в русско-турецкой войне Лачинов получил чин прапорщика**.

М. И. Пущин с первых же дней турецкой кампании находился в рядах действовавших русских войск. 19—20 июня 1828 г., когда русские подошли к Карсу, Пущин вместе с саперами 8-го пионерного батальона развернул энергичную деятельность. Об этих днях он писал: «Приблизившись к крепости Карс, после рекогносцировки крепости, я воспользовался стогами крепости, сложенными в большом количестве на пушечный выстрел от крепости, и в ту же ночь выстроил, незамеченный с крепости, сильную батарею

* «Кавказский сборник». Т. 1, стр. 172—173.

** ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 135, лл. 3—4.

под прикрытием стогов. Неожиданная и незамеченная батарея произвела в крепости разрушительное действие. Чтобы воспользоваться этим стогом, надо было рабочим и прикрытию переправиться через быструю речку Карс-чай; по необходимости нужно было перекинуть мост, который мне удалось очень хитро устроить на арке, утвердив для этого в берегах под острым углом толстые деревянные брусья и посередине соединив их продольными брусьями; мост этот был так устойчив, что выдержал перевозку осадных орудий».

23 июня пал Карс, и в этом деле немало заслуг Пущина и его друзей-санеров. Через месяц, 24 июля, русские заняли Ахалкалаки. «После одной ночи осады Ахалкалака,— пишет Пущин,— мы разрушили его стену и взяли крепость штурмом».

В начале августа 1828 г. Паскевич приступил к осаде Ахалциха. 8-й пионерный батальон, в котором служил М. И. Пущин, отличился и здесь. Пущин успешно выполнил ряд сложных и трудных задач и 15 августа, когда начался штурм крепости, был в первых рядах атакующих войск. «Я должен был с ротою пионеров, вооруженных длинными топорами, идти впереди атакующей колонны, рубить палисад, устроенный очень прочно для защиты рва из твердого дерева. Штурм назначен был в четыре часа дня пополудни... В четыре часа песенники и барабанный бой двинувшейся колонны встревожили турок, не ожидавших нападения. Я с Бородиным первые перелезли через палисад, за нами застрельщики с подполковником Юдиным. Саперы начали рубить палисад для пропуска атакующего Ширванского полка.

В то время как Бородин перелезал через палисад, выстрел в упор попал ему между ног и в одно мгновение лишил его жизни. Я со стрелками и саперами вышел на площадь и, заняв половину площади, стал устраивать ложемент. Закурив маленькую свою трубку, расхаживал я по работе и ободрял людей, на которых сыпались пули»*.

Во время этого кровопролитного штурма Пущин был тяжело ранен. В официальных материалах сказано, что он при «взятии штурмом кр. Ахалциха ранен пулею в грудь навывлет»**. Лечение его продолжалось более шести месяцев.

Участие Пущина в боях под Ахалцихом высоко оценил даже Паскевич. В январе 1829 г. он писал: «В продолжение всей осады Ахалциха подпоручик Пущин употребляем был для разбивки и устройства батарей в самых опаснейших местах, где всегда служил основною точкою, на которую направлялись колонны, и при сих случаях оставался неподвижным под жесточайшим ружейным и картечным огнем; в самых работах примером ободрял людей и всегда содействовал успехам оных. На приступе 15-го августа, при заложении ложемента и батарей в самом пылу сражения, исполняя ревностно свою обязанность, ранен жестоко пулею в грудь навывлет. Неизменное усердие, беспримерное мужество и спокойствие духа подпоручика Пущина соделывают его достойным всемиловитейшего воззрения»***.

* «Русский архив», 1908, № 12, стр. 532.

** ЦГИАМ, ф. 109, 1826 г., д. 61, ч. 125, л. 173.

*** «Русская старина», т. 114, стр. 492—493.

Паскевич ходатайствовал о награждении Пущина орденом св. Георгия 4-й степени, но Николай I ответил отказом. За штурм Ахалциха подпоручик Пущин лишь только был произведен в поручики.

Весною 1829 г. он опять в рядах действующих войск. Когда главный отряд в июне с крупными боями продвинулся к Эрзеруму, Паскевич дал Пущину новое поручение: «...Разведывание о неприятеле и расходование экстраординарной суммы на лазутчиков». Успешно выполняя это поручение, он одновременно принимал активное участие и во многих сражениях. В июле, получив отпуск, Пущин выехал в Тифлис, а оттуда, чтобы излечиться, отправился на Кавказские минеральные воды.

Об участии М. Пущина в русско-турецкой войне в одном из официальных документов сказано: «Во время кампаний 1828 и 1829 годов уже в офицерском звании управлял инженерною частью в армии, составлял карты движений вперед, вел осады Карса, Ахалкалаки и Ахалциха, участвовал в штурме сих крепостей и во всех сражениях и малых стычках всегда находился впереди, ранен насквозь пулею в грудь на штурме Ахалциха и раненый, больной по усиленной просьбе главнокомандующего Паскевича делал кампанию 1829 года и только по занятии Арзерума получил согласие главнокомандующего на отъезд из армии для пользования Кавказскими минеральными водами»*.

* ЦГИАМ, ф. 109, III отд., I эксп., 1826 г., д. 61., ч. 125, л. 204.

А. С. Гангеблов приказом Паскевича от 12 мая 1828 г. «прикомандирован был к 8-му пионерному батальону для употребления против турок»*. Оставив свою должность в Эриванском областном управлении, Гангеблов вместе с П. Коновницким и Кошкаревым отправился в главный отряд, находившийся в это время под Карсом, и встал в ряды войск, штурмовавших эту крепость. В начале августа он уже находился под Ахалцихом и принимал активное участие в его осаде и покорении. О штурме Ахалциха Гангеблов писал: «При взятии Ахалциха после пятидневной канонады, пробившей брешь, штурмовую колонну составляли батальон пехоты и наша пионерная рота; остальные три пионерные роты с прочим подкреплением пришли уже после того, как мы ворвались через брешь в крепость. Штурм дорого стоил пионерам: из 13 офицеров выбыло из фрунта 7, один убит наповал, двое через три дня умерли от ран, а прочие более или менее тяжело ранены. Коновницкина, истинно, Бог спас. Его солдатская шинель оказалась простреленною пулями в пятнадцати местах. Пионеры подвинуты были вперед до линии упраздненной католической церкви, на плоской крыше которой поставили три горных орудия; было предположено открыть за брешью траншею, но это оказалось невозможным по причине каменистого грунта. Пришлось устраивать прикрытие из заранее приготовленных туров и землею наполненных прежде мешков. Между тем пожар сильно разгорелся, и пламя приблизилось к нашим работам настолько,

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, л. 145, л. 2.

что едва можно было устоять на месте. После рукопашного боя неприятеля вблизи наших работ уже не было; он был оттеснен во внутрь города, куда на его плечах ворвалось множество солдат...»*.

Об участии А. Гангеблова в осаде Ахалциха в официальных документах имеется такое упоминание: «...Участвовал во всех делах под Ахалцихом, обратил на себя внимание начальства храбростью, распорядительностью и особым усердием к службе»**.

Гангеблов участвовал и в военных действиях 1829 г., в частности в боях за Эрзерум и при взятии крепости Олты. В рапорте от 23 сентября 1829 г. на имя Николая I Паскевича, описывая занятие Олты русскими войсками, между прочим отмечал: «Когда производилась атака пионерного батальона, подпоручик Гангеблов, утвердив против крепости кегель-мортиры, открыл огонь по гарнизону, засевшему в цитадели, который равномерно отвечал пушечною и ружейною стрельбою; но наступившая ночь прекратила действия. Поутру выставили на вид туркам отбитые знамена, усилили метание гранат, и турки сдались»***.

Капитан Н. Семичев состоял на службе в известном Нижегородском драгунском полку, действовавшем почти во всех крупных сражениях русско-турецкой войны. Уже в июне 1828 г. он со своей частью штурмовал крепость Карс, а в августе — кре-

* «Воспоминания А. С. Гангеблова». «Русский архив», 1846, т. II, стр. 250—251.

** ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 465.

*** АКАК. Т. VII, стр. 824.

пость Ахалцих. В одном официальном документе указывается, что Семичев «в продолжение осады Ахалциха оказал примерное усердие к службе и храбрость»*.

В январе 1829 г. Семичев получил чин майора, а в мае, по ходатайству командира Нижегородского драгунского полка Н. Н. Раевского, был назначен командиром эскадрона этого полка**. В 1829 г. Семичев вместе со многими своими друзьями-декабристами принимал активное участие в занятии Гасанкалы, Эрзерума и ряда других крепостей и городов.

Ф. Вишневский в июне 1828 г. сражался при осаде и покорении Карса. В его формулярном списке сказано, что он находился «с 14 по 19 июня при взятии неприятельских шанцев, 20-го при осаде Карса, с 21-го по 23 июня при взятии штурмом оной крепости»***.

В июле и августе Вишневский сражался под Ахалкалаки и Ахалцихом. С 1 по 5 августа он находился «при рекогносцировке крепости Ахалциха и разбитии неприятельской кавалерии. 9 августа при поражении неприятельского 30 000-ного корпуса под предводительством трехбунчужного Косы Махамет паши и Мустафы-паши, при завладении четырьмя неприятельскими лагерями и контр-апрошными укреплениями, с 9 по 15 при осаде крепости Ахалциха, 15-го при взятии штурмом оной крепости»****.

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, л. 77, л. 451.

** Там же, д. 95, л. 20.

*** ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 128, л. 18.

**** Там же.

Вишневский участвовал также в сражениях с турками в 1829 г. В этот период он состоял в отряде русских войск, занявших города Эрзерум и Байбурт.

В турецкой кампании отличился и поручик 42-го егерского полка Д. А. Искрицкий. В июне 1828 г. он сражался за Карс, а в августе — за Ахалцих. Командир полка полковник Реутт рапортовал Паскевичу, что подпоручик Искрицкий был «в сражении с неприятелем 19 и 22 числа минувшего июня и 23 при взятии города и крепости Карса оказал себя отлично храбрым»*. В другом официальном документе говорится, что Искрицкий «во всех делах при взятии Ахалциха оказал храбрость, деятельность и знание дела»**.

Искрицкий отличился и в 1829 г. Его начальники рапортовали, что весною этого года он «исполнял должность квартирмейстерского офицера при отряде генерал-майора Бурцова и во всех происходивших с неприятелем делах в Поцховском санджаке оказывал отличное знание своего дела, храбрость и распорядительность»***.

Летом 1829 г. Искрицкий вместе со своей частью вступил в Эрзерум. За храбрость в турецкой кампании он был произведен в поручики и награжден орденами****.

Искрицкий выполнял и много специальных работ. Им составлено описание Ахалцихского и Эрзе-

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 408.

** Там же, л. 452.

*** Там же, д. 113, л. 19.

**** ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 170, л. 2.

румского пашалыков, сняты на план Боржомское и прилегающие к нему ущелья, окрестности Зивина. Миллидюза, описано Елисуйское владение, составлено краткое историческое сведение о елисуйских султанах и т. д.*

В. Д. Сухоруков в 1828—1829 гг. служил в штабе Кавказского корпуса и принимал непосредственное участие в военных действиях турецкой кампании. В связи с осадой и взятием Ахалциха начальство отмечало, что Сухоруков «в делах под Ахалцихом вел себя отлично, храбро»**. Летом 1829 г. он участвовал в занятии Эрзерума. За храбрость и отвагу в турецкой кампании Сухоруков был награжден орденом Владимира 4-й степени с бантом и золотой саблей***. Следует сказать, что по поручению Паскевича Сухоруков собирал материалы для написания истории русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

А. А. Добринский в период турецкой кампании служил в чине поручика в 41-м егерском полку. Вместе со своей частью он бывал в первых рядах сражающихся. В начале августа 1828 г., когда под Ахалцихом произошли крупные столкновения между русскими и турецкими войсками, Добринский отличился в боях своей храбростью и хладнокровием. Говоря об участии Добринского в этих сражениях, начальство отмечало, что он «5 и 9 чисел августа, находясь с батальоном 41-го егерского полка в действительных

* ИМГ, отдел рукописей, картотека Вейденбаума, «Д. А. Искрицкий».

** ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 452.

*** ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 247, л. 2.

сражениях, оказал примерную храбрость и был ранен пулею в ногу с повреждением кости»*.

Н. Н. Оржицкий и Н. Н. Депрерадович принимали участие во многих битвах русско-турецкой войны. Первый из них в этот период служил в чине прапорщика в Нижегородском драгунском полку, а второй—корнета, сначала в С.-Петербургском уланском, а затем в лейб-гвардии уланском полку.

Александр Веденяпин — участник почти всех крупных сражений русско-турецкой войны. Летом 1828 г. он вместе со своими друзьями штурмовал крепости Карс, Ахалкалаки и Ахалцих. В 1829 г. принимал активное участие в боях за Эрзерум и другие города, неизменно проявляя «мужество, неустрашимость и хладнокровие»**.

А. Фок и Н. Цебриков участвовали в осаде и покорении Карса и Ахалциха, а также в нескольких сражениях в 1829 г.

Д. А. Арцыбашев в 1828 г., будучи в личном составе Нашебургского пехотного полка, участвовал в занятии города и крепости Баязет.

В военных операциях Кавказского корпуса в период русско-турецкой войны участвовали также Н. П. Акулов, Н. А. Васильчиков, Гвоздев, Н. П. Кожевников, М. Д. Лаппа, Лашкевич, Н. В. Шереметев и некоторые другие.

2

До сих пор мы говорили о «государственных преступниках», принимавших участие как в персид-

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 451.

** ИМГ, отдел рукописей, картотека Е. Вейденбаума, «А. Веденяпин».

ской, так и в турецкой кампаниях. Но имелись и такие сосланные на Кавказ «злоумышленники» («декабристы и «прикосновенные»), которые принимали участие только в русско-турецкой войне. К числу этих лиц принадлежат З. Чернышев, А. Вадковский, В. Голицын, А. Брокке, А. Берстель, В. Толстой и другие.

Декабрист Захар Григорьевич Чернышев (1796—1862) в 1825 г. служил в чине ротмистра в Кавалергардском полку. Он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В «Алфавите» декабристов о нем сказано: «Был членом Северного общества с 1825 года. Знал цель — введение конституции и слышал, что общество будет действовать силою оружия и что, в случае сопротивления со стороны императора, предполагается уничтожить его особу и царствующий дом»*.

З. Чернышев был осужден по VII разряду. По приговору верховного уголовного суда его лишили чинов, дворянского звания и сослали в Нерчинские рудники на двухлетнюю каторжную работу. В декабре 1828 г. последовал царский приказ о переводе Чернышева в действующий Кавказский корпус. Весною 1829 г. Чернышев прибыл в Тифлис и был определен рядовым в Нижегородский драгунский полк**. Вместе с этим полком он участвовал в ряде сражений с турецкими войсками. О храбрости Чернышева командир полка в рапорте от 31 августа 1829 г. на имя командира отряда генерал-адъютанта Потем-

* «Восстание декабристов», т. VIII, стр. 204.

** ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., л. 61, ч. 98, л. 86.

А. А. Бестужев-Марлинский

кина писал: «Разжалованный за причастие к умышленному тайному обществу по сентенции верховного суда и определенный во вверенный мне полк рядовым из поселения Чернышев, в сражениях 27 и 28 числа июля при селениях Харт и Балахор отличил себя особенною храбростью, бросаясь впереди всех на неприятельские толпы и одушевлял сим товарищей своих»*.

В конце своего рапорта командир полка отмечал, что Чернышев «приобрел любовь и уважение нижних чинов»**.

В ноябре 1829 г. Чернышев был переведен в 41-й егерский полк. В январе 1832 г. он получил чин унтер-офицера. Был уволен со службы 17 января 1837 г. «по расстройству здоровья»***.

Член Северного общества подпоручик 17-го егерского полка Александр Феодорович Вадковский (род. в 1801 г.) после ареста и следствия был переведен в июле 1826 г. в Моздокский гарнизонный батальон, а через некоторое время — в Таманский гарнизонный полк****. Вадковский принял участие в занятии крепости Анапа. Затем его перевели в Севастопольский пехотный полк, в рядах которого воевал с турками. В конце июня 1829 г. Вадковский и его боевые друзья вступили в Эрзерум. Был уволен со службы в июле 1830 г.*****

* «Русская старина». Т. 35, стр. 447.

** Там же.

*** ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 94, л. 86.

**** ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/348, л. 151, св. 37, лл. 3—5.

***** «Восстание декабристов». Т. VIII, стр. 291. См. также «Портреты декабристов в собрании музея», стр. 13—14.

Камер-юнкер Валериан Михайлович Голицын (1802—1859) был членом Северного общества. По приговору верховного уголовного суда от 10 июля 1826 г. его лишили чинов, дворянского звания и сослали в Сибирь на поселение. В феврале 1829 г. Николай I подписал приказ о переводе его на Кавказ. В начале июня Голицын был зачислен рядовым в 42-й егерский полк*, после чего участвовал в сражениях с турецкой армией, развернувшихся за крепость Гасан-Кала, за города Эрзерум и Байбурт**, а в августе 1829 г. — в районе г. Хныс.

Голицын 4 июня 1835 г. был произведен в унтер-офицеры, а 31 мая 1837 г. — в прапорщики. Уволен с военной службы по болезни 22 июня 1838 г.***

Александр Александрович Брокке (1802—1871) в 1825 г. служил поручиком в лейб-гвардии Московском полку. За участие в восстании на Сенатской площади он был арестован. По приказу Николая I от 28 мая 1826 г. Брокке перевели в Мингрельский пехотный полк, вместе с которым он участвовал в турецкой кампании. Уже в августе 1828 г. тифлисский военный губернатор генерал Сипягин писал Паскевичу, что поручик Брокке, «находясь в действии против неприятеля, во время покорения крепости Поти оказал отличную храбрость»****.

Брокке был уволен с военной службы в феврале 1833 г.

* «Восстание декабристов». Т. VIII, стр. 291.

** ЦГИАМ, ф. 109, 1826 г., д. 61, ч. 110, л. 5.

*** Там же, л. 155.

**** ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 428.

Член Общества соединенных славян подполковник Александр Карлович Берстель (1788—1830) 10 июля 1826 г. был приговорен к «крепостной работе». В августе 1827 г. его определили рядовым в 45-й, а 23 октября — в 41-й егерский полк*. В рядах последнего Берстель участвовал во многих сражениях с турками в Западной Армении. Был убит в Дагестане в ноябре 1830 г.

Член Северного общества прапорщик Московского пехотного полка Владимир Сергеевич Толстой (1806—1888) был сослан в Сибирь на каторжные работы. В 1829 г. его перевели на Кавказ и 1 сентября определили в 41-й егерский полк рядовым**. В. Толстой оказался участником лишь последних событий русско-турецкой войны. Позднее, в январе 1833 г., он был произведен в унтер-офицеры. В. Толстой служил на Кавказе около 25 лет***.

В русско-турецкой войне участвовали и переведенные на Кавказ «злоумышленники» Е. С. Мусин-Пушкин, В. А. Мусин-Пушкин, А. П. Вадбольский, А. Л. Кожевников, Н. К. Ледуховский и другие.

На Кавказском фронте были также И. Бурцов, П. Леман, А. Миклашевский, П. Коновницын, А. Бестужев-Марлинский и другие, о которых расскажем в последующих главах.

На Кавказ был сослан и юнкер Иркутского гусарского полка Василий Яковлевич Зубов. Он был арестован за «написание в 1826 году стихов, напол-

* ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 105, л. 1.

** ЦГВИА, ф. 395, оп. 268/856, д. 51, л. 46.

*** ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 97, л. 60.

ненных злобой противу правительства»*. В одном из своих стихотворений Зубов, с любовью и восхищением говоря о декабристах и отмечая, что их героическое восстание было подавлено в крови, писал:

«Но трепещи, страшись, деспот,
Придет день общего волнения,
Придет к отечеству любовь,
В сердцах изгладит след боязни,
И месть за месть, и кровь за кровь,
И все мучительные казни.
И не спасешься ты, тиран,
Рабов-приверженцев толпою:
Они исчезнут пред грозою,
Как обольстительный туман»**.

После ареста Зубов был разжалован в солдаты и отправлен на Кавказ, в 42-й егерский полк, с установлением строжайшего за ним надзора¹⁷. Здесь он стал одним из активных участников русско-турецкой войны. В январе 1829 г. Зубов был произведен в унтер-офицеры «за отличие в сражении при взятии Ахалциха, где и ранен, и по засвидетельствованию начальства об усердной его службе и хорошем поведении»***.

Следует отметить, что некоторые декабристы, находясь в войсках Балканского фронта и в личном

* ЦГВИА, ф. 395, оп. 268/856, св. 623, л. 40, л. 2.

** ЦГВИА, ф. 36, оп. 4/847, лл. 49—50. См. «Красный архив», 1926, т. 3.

*** ЦГВИА, ф. 395, л. 58, л. 4.

составе Черноморского флота, также принимали участие в русско-турецкой войне. К их числу принадлежат Н. Я. Булгарин, И. А. Долгоруков, П. П. Каверин, Н. В. Путята, В. А. Римский-Корсаков, В. П. Романов, П. П. Титов и другие. Так, например, член Северного общества Петр Павлович Титов в 1828 г. сражался под Варной, был дважды ранен*; майор Черниговского пехотного полка Владимир Александрович Римский-Корсаков в августе 1829 г. погиб при взятии крепости Шумлы**; лейтенант Балтийского флота Владимир Павлович Романов участвовал в сражениях с турецким флотом.

* «Восстание декабристов». Т. VIII, стр. 402. П. П. Титов в 1827 г. служил в Владикавказском гарнизонном полку.

** Там же, стр. 387.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БРАТЬЯ БЕСТУЖЕВЫ И КОНОВНИЦЫНЫ

1

Среди декабристов и «прикосновенных к их делу лиц», разжалованных и сосланных на Кавказ, находились также трое братьев Бестужевых и двое — Коновницыных. Все они в той или иной степени принимали участие в военных действиях, развернувшихся в 1826—1829 гг. в Армении, Грузии и Азербайджане.

В семье Бестужевых было пятеро братьев: Николай, Михаил, Александр, Петр и Павел. В связи с восстанием декабристов все они были арестованы и жестоко наказаны. «Нас было пять братьев и все пятеро погибли в крушении 14-го декабря», — писал М. Бестужев спустя много лет*. Николая и Михаила сослали на каторжные работы в Сибирь, остальных одновременно отправили на Кавказ, на военную службу.

Из братьев Бестужевых первым, кому довелось побывать в Армении, был Петр Александрович

* «Русская старина». Т. 1. 1870, стр. 258.

(1803—1840). В 1825 г. он в чине мичмана служил в 27-м флотском экипаже и, будучи членом Северного общества, принимал участие в восстании на Сенатской площади. В одном из официальных документов о нем сказано: «Принят в Северное общество в 1825 году. Знал цель оного — введение конституции. Сам принял одного члена. Поутру 14-го декабря был послан в гвардейский экипаж, с которым вышел на площадь и кричал «ура»*.

Верховным уголовным судом П. Бестужев в июле 1826 г. был приговорен к лишению чинов «и написанию в рядовые до выслуги, с определением в дальние гарнизоны без лишения дворянства». Указом Николая I от 22 августа он был назначен в полевые полки Кавказского корпуса. С февраля 1827 г. он служил в Ширванском пехотном полку.

В апреле 1827 г., когда авангард главных сил действующего Кавказского корпуса вступил в Эриванское ханство, Бестужев со своим полком участвовал почти во всех его боевых действиях, например в занятии Эчмиадзина (13 апреля), во многих стычках с персидскими войсками под Сардарабатом, в блокаде крепости Эривань, продолжавшейся с апреля по июнь. Бестужев находился затем в рядах тех русских войск, которые в конце июня заняли г. Нахичевань, а в начале июля — крепость Абасабад.

В сентябре 1827 г. под крепостями Сардарабат и Эривань произошли крупные штурмовые бои. Преодолевая все преграды, русские войска 20 сен-

* ЦГИАМ, ф. III отд., I экзп., 1826 г., д. 61, ч. 126, л. 9.

тября покорили Сардарабад, а 1 октября — Эривань. Вместе со своими многими друзьями-декабристами Бестужев активно участвовал в этих исторических битвах, внося этим свою лепту в дело присоединения Восточной Армении к России. В последующие месяцы войны он участвовал в походах русских войск в Южный Азербайджан.

Разжалованный и сосланный на Кавказ декабрист Бестужев, будучи рядовым известного Ширванского пехотного полка, сражался с большой отвагой. 21 мая 1828 г. он был произведен в унтер-офицеры*. В связи с этим его брат, талантливый русский писатель Александр Бестужев-Марлинский, 14 декабря 1828 г. писал своим старшим братьям Николаю и Михаилу, что Петр «после славных боев с персиянами, после тысячи болезней и тысячи нападений, произведен в унтер-офицеры своего Ширванского, считающегося храбрейшим из храбрых»**.

П. Бестужев принимал участие также почти во всех крупных боях русско-турецкой войны, начавшейся в апреле 1828 г. Уже в июне он сражался под древними стенами Карса. Об осаде и занятии Карсской крепости русскими войсками Бестужев в своих «Памятных записках» писал: «13-го переправились на Арпачай и медленно подвигались, ...14, 15, 16 и 17 на пути к Харсу. 18-го, оставя вправо дорогу, на которой, как было известно, турки поделляли батарей, обходом пришли на вид крепости *Харса* — в пролив-

* ЦГИАМ, ф. III отд., 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 126, л. 9.

** «Русский вестник». Т. 87. М. 1870, стр. 247.

ной дождь. 19-го делали *усиленный обзор* оной. На правом фланге позиции завязалось дело с конною вылазкою, в котором торжествовали уланы и линейские казаки. Пехота, под огнем многочисленной крепостной артиллерии, оставалась спокойною зрительницею. Неприятель потерял до 80 чел. убитых и столько [же] раненых; наши потери простирались до 50 человек, выбывших из строя. В ночь на 21-е заложили первые батареи за речкою. На 22 подвинули их ближе, и на 23-е, чтоб отвлечь внимание неприятеля от закладки *главной князь-батареи*, со всех сторон повели фальшивую атаку, которая к восходу солнца, запальчивостью егерей 42 полка, обратилась в истинную. Огонь орудий с обеих сторон гремел немолкаемо. Ничто не в состоянии было удержать ожесточенных солдат; ворвавшись на форштат, истребляя и неистовствуя, продолжали они подвигаться вперед и к 7 часам были уже в городе, ниспровергая все на пути. Гарнизон цитадели, изумленный внезапным натиском, осыпaeмый ядрами нашей артиллерии, выдвинутой в самый город, спешил просить пощады и к 8 часам сдался на милость победителей! Так кончилась осада совершенно неожиданно для обеих сторон. Счастливая звезда главнокомандующего снова блеснула и не померкнет долго — неприятель потерял до 1200 человек, мы до 190 человек¹⁸. На другой день после взятия города я поехал осмотреть оный»*.

Примерно через месяц Бестужев принял участие в занятии города Ахалкалаки. «Ахал-Калаки,— пи-

* «Воспоминания Бестужевых», стр. 343—344.

шет он,— защищалось недолго. Успешное действие нашей артиллерии заставило замолчать их орудия,— и наш полк, подведенный на пистолетный выстрел от крепости, заметил, что гарнизон бросился со стены, обращенной к реке, спасаться бегством. Нас послали их преследовать. Здесь-то увидел я смерть в тысяче видах...»*.

В августе Бестужев вместе со своими боевыми друзьями штурмует город и крепость Ахалцих. Происходят кровопролитные бои. Осажденный турецкий гарнизон упорно сопротивляется. 15 августа русский отряд, в составе которого были Бестужев и многие разжалованные декабристы, перешел в решительную атаку, и Ахалцих пал.

Покорение этой сильно укрепленной крепости русскими войсками ярко описано в памятных записках П. Бестужева. «15-го числа [августа],— пишет он,— решено было идти на приступ. Выбор пал на наш полк. В 4-м часу пополудни, рассыпав вперед стрелков, с барабанным боем и распушенными знаменами, медленно, в порядке, спускались мы к брешии. Подошли на пистолетный выстрел, и град пуль метких встретил нас под стенами и смерть опрокинулась на ряды... раздалось русское торжествующее ура! взяли на руку и понеслись, презирая картечь, по трупам убитых и раненых. Оба батальона были уже в городе. Один очищал правую, другой — левую сторону палисада. Неприятель имел большое преимущество в средствах вредить—каждая сакля служила

* «Воспоминания Бестужевых», стр. 344.

им бруствером. Невидимо сыпался на нас град пуль из окон, из-за труб, из каждой дырочки громили они нас, и каждый их выстрел был верен. Никогда близкая опасность и самое отчаяние не порождали такого мужества, какое было заметно в осажденных. Расстреляв все патроны, ожесточенные турки, грозно потрясая ятаганами, бросились в ряды, рубили, неистовствовали и падали все жертвою своей запальчивости. В моих глазах убиты и ранены многие храбрые. Свист пуль, посреди всеобщего шуму, уже не беспокоил меня. В 6-м часу 42-й Егерский и Херсонский полки подкрепили нас. До поздних сумерек продолжалась сеча и перестрелка; наши немного подавались вперед; наконец повелено было жечь город, и сие, может быть, спасло и доставило нам колеблющуюся победу. Это была картина работы Фан-Вика или Вернета. Город пылал во ста местах, густой дым вился до неба, на котором через дым и пламя изредка выглядывала луна; кровавое зарево освещало далеко окрестность. Батареи наши, вдвинутые в самый город, ревели неумолкаемо по цитадели. Гранаты и бомбы, с жалким напевом, как огненные змеи, плавали в воздухе, ружейная перестрелка, хотя и слабее, слышна была со всех сторон. Толпы спасенных женщин и детей с воплями и рыданиями влачили к стороне лагеря; как адские фурии носились солдаты между горящими домами с пучьями соломы!.. Ужасных сцен был я свидетелем... К утру все успокоилось...»*.

* «Воспоминания Бестужевых», стр. 346—347.

После этой крупной победы Ширванский полк остался зимовать в Ахалцихе и охранять его. Бестужев поехал в Тифлис, чтобы вылечить рану, полученную при штурме Ахалциха. Через несколько месяцев, зимою, он вернулся в свой полк и вскоре принял участие в новых ожесточенных боях с турецкими войсками.

В феврале 1829 г. многочисленные турецкие войска под командованием Ахмет-паши блокировали Ахалцих. Паша стремился во что бы то ни стало занять город и истребить его русский гарнизон. Ценою огромных потерь турецкие войска 20 февраля ворвались в город, повсеместно устраивая грабежи, убийства и насилие. Крепость, в которой находились малочисленный русский отряд и часть населения города, защищалась героически. Храбрые защитники крепости, в числе них и Петр Бестужев, самоотверженно отбивали частые атаки врага. Рано утром 4 марта, когда на подмогу осажденным прибыл полк Бурцова, неприятель в беспорядке отступил, и тяжелая блокада крепости была ликвидирована. В тот же день, непосредственно после ожесточенных боев, когда еще не отзвучали последние выстрелы русских солдат, Бестужев из пылающего в огне Ахалциха отправил своей матери письмо, в котором весьма сжато, но очень проникновенно и точно описывал эту героическую эпопею. Письмо Бестужева начинается следующими строками: «Закопченный пороховым дымом, обрызганный кровью, смытою кровавым потом, освещаемый заревом пожара, пишу я Вам... 12 дней сидели мы взаперти. Каждую ночь собирались турки на штурм, и каждый раз неусыпная дея-

тельность гарнизона приводила их в робость. Наконец, в ночь с 3-го на 4-е, вероятно узнав о приближении сикурса, пресыщенные разбойники бежали. 2 версты преследовали мы их — отбили 4 пушки, 2 знамя, одну мортиру, до 70 пленных — и теперь свободны»*.

Весною 1829 г. П. Бестужева ожидали новые боевые подвиги. В конце мая — начале июня отряд Бурцова, где в то время состоял и Бестужев, вел сражения с турецкими войсками. Говоря об одной битве, происходившей в Поцховском санджаке, Бестужев в письме к матери от 3 июня 1829 г. сообщал: «Здесь встретил нас неприятель числом до 15 000. *Каил-Бек* и *Ахмат-паша* предводили им. У них было 5 пушек, с нами 4. Завязалось жаркое дело, длилось 4 часа — и кончилось совершенным успехом. Мы отбили 3 пушки, 2 мортиры и 2 знамя, лагерь, 200 верблюдов, весь артиллерийский парк и множество патронных ящиков. Сам *Каил-Бек* едва ускакал, оставя дорожную шубу свою в руках казаков. Потеря наших простирается до 120 убитых и раненых. Турки потеряли до 1000 и 60 пленных. Я командовал взводом стрелков в 24 человека, два раза были окружены мы — два раза опрокидывали мы неприятеля. Несколько раз смерть скользила по сермяжной броне моей — но все кончилось благополучно, и я вышел невредим. Кинжал, всегдашний спутник мой и товарищ в деле, спас меня от легкой и красивой раны (по словам брата Александра). Пуля на излет ударила в рукоять кинжала, пробила шинель и оста-

* «Воспоминания Бестужевых», стр. 486—487.

новила за пояс. Преспокойно вынул ее и положил в карман на память, благословляя небо. Видимо мне счастье. Вскарбакались на такую гору — так опасно маневрировали и так далеко преследовали, что после битвы я воротился в колонну и без ног и без сапогов — утомленный, но довольный собою. Теперь снова соединился с полком — отдыхаем и двинемся к Главному отряду»*.

В июле-августе 1829 г. полк Бестужева снова в походах. В 20-х числах июля он вместе с другими частями ведет упорные бои в районе г. Байбурта, у деревни Харт, против войск Осман-паши. Затем Бестужев находился в походе, предпринятом генералом Паскевичем в Трапезундском направлении.

С заключением Адрианопольского мирного договора основные силы Кавказского корпуса возвратились в Закавказье; вернулся и Ширванский пехотный полк. Октябрь и начало ноября П. Бестужев проводит в Тифлисе у своих братьев и друзей. Но внезапно грянул гром. По воле Николая I царские слуги вновь обрушились на декабристов (об этом см. главу «Дело Н. Раевского»). П. А. Бестужев и многие его друзья были выслааны из Тифлиса. 9 ноября 1829 г. его перевели в Куринский пехотный полк, дислоцировавшийся в Дагестане.

Здесь Бестужева постигло страшное несчастье — он потерял рассудок, стал душевнобольным. Всевозможные унижения, нетерпимые притеснения и жестокая грубость бездушных солдафонов-начальников отравили его благородную и слишком чувствительную

* «Воспоминания Бестужевых», стр. 491.

душу. Именно этим объясняли умопомешательство своего брата Михаил и Александр Бестужевы.

М. Бестужев в своих воспоминаниях писал: «Осужденный служить на Кавказе солдатом, брат Петр под ранцем провел всю персидскую и турецкую кампании, был ранен в левую руку при штурме Ахалциха и потом сошел с ума в одной из кавказских крепостей, попав под начальство начальника этого укрепления — непроходимого бурбона... Держа его в кавказские жары, в полной амуниции, под ружьем в раненой руке, он его в три месяца доконал. Все усилия братьев Александра и Павла возвратить рассудок Петру остались тщетны»*.

О болезни своего брата писал и Александр Бестужев: «Перевод его в Куринский полк вдруг переломил его. Жизнь в шумной, в грязной казарме, лишение всех удобств жизни, угнетение, отравленное насмешками; никакого общества, ни одного отрадного взгляда, это могло поколебать дух и более его твердый. Он падал, уверяя, что не колеблется, и наконец пал, сохраняя уверенность, что он стоит на обломках мира»**.

В мае 1832 г. П. Бестужев был уволен со службы по болезни и отправлен в Новоладожский уезд к своей матери***. Тупые, бездушные царские жандармы продолжали свой тайный надзор над человеком, потерявшим рассудок. Между тем болезнь все

* «Русская старина». Т. 1. 1870, стр. 269—273.

** «Русский вестник». Т. 87, стр. 514.

*** ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826, л. 61, ч. 126, л. 10.

время прогрессировала, и 22 августа 1840 г. этот мученик, расстроенный и физически и духовно, скончался.

Петр Бестужев оставил записки и письма, содержащие интересные данные о Закавказье, его набегах, событиях русско-персидской и русско-турецкой войн 1826—1829 гг. Особый интерес представляют, в частности, характеристики, данные им многим декабристам, сосланным на Кавказ.

Несколько иначе сложилась судьба Павла Бестужева (1808—1846), самого младшего из пяти братьев. В 1825 г. он был юнкером артиллерийского училища. Павел Бестужев не состоял членом тайных обществ декабристов и не участвовал в восстании 14 декабря. Несмотря на это, он был арестован, допрошен, затем заключен сроком на один месяц в Бобруйскую крепость и, наконец, в ноябре 1826 г. отправлен в Закавказье.

В архивных материалах военного министерства о Павле Бестужеве сказано лишь то, что он был арестован за «развратное и распутное поведение»*. Но что можно понять из этого туманного и явно провокационного обвинения, сфабрикованного царскими агентами? На основании множества других аналогичных примеров можно утверждать, что, говоря о «развратном поведении» Павла Бестужева, рабски преданные царскому трону министры и генералы имели в виду его политическую, антиправительственную, «вредную» деятельность. Ведь известно,

* ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1834 г., д. 297, л. 2.

П. П. Коновницын

3000 10000 10000
10000 10000 10000
10000 10000 10000
10000 10000 10000

что героев 14 декабря верноподданные холопы царя называли «злоумышленниками»

О причине ареста Павла Бестужева в литературных источниках приводятся различные мнения. Современник Павла Бестужева Я. И. Костонецкий в своих воспоминаниях пишет, что Бестужев был отправлен на военную службу на Кавказ «по подозрению, как говорили, в сочинении каких-то стихов»*. Автор наших дней С. Голубов утверждает, что Павел Бестужев был арестован лишь потому, что его четыре старших брата были декабристами. «Он,— пишет Голубов,— попал в Бобруйскую крепость, а оттуда на Кавказ только потому, что был Бестужевым»**. В воспоминаниях брата Павла, известного декабриста Михаила Бестужева, сказано, что Павла Бестужева арестовали за то, что у него нашли один из запрещенных томов альманаха «Полярная звезда»***. Повторяя эту же мысль, М. Семевский писал¹⁹, что П. Бестужева отправили на Кавказ «за найденный начальником училища на его столе том «Полярной звезды», альманах на 1824 год»****.

Так или иначе, несомненно одно: Павел Бестужев был «прикосновенен» к делу декабристов. Именно об этом говорят архивные материалы военного министерства, именно потому он долгое время находился под тайным надзором.

* «Русская старина». Т. 104, стр. 442.

** С. Голубов. Бестужев (Марлинский). М. 1938, стр. 336.

*** «Русская старина». Т. 1, 1870, стр. 263.

**** «Русский вестник». Т. 87, стр. 230.

Как уже сказано, в ноябре 1826 г., после месячного заключения в Бобруйской крепости, Павел Бестужев был отправлен на Кавказ, в 13-ю артиллерийскую бригаду. В следующем году вместе со своей бригадой он побывал в Восточной Армении и Южном Азербайджане, принимая участие в ряде сражений осенью и зимою 1827 г.

Павел Бестужев участвовал также в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. В августе 1828 г. он сражался за Ахалцих. Александр Бестужев в письме к родным от 25 января 1829 г., говоря о своих братьях Петре и Павле, писал: «В Ахалцихе они оба... сражались, как должно русским. Павел командовал в двух брешах, последовательно, четырьмя отбитыми орудиями»*.

В феврале 1829 г. Павел Бестужев был переведен в 21-ю артиллерийскую бригаду и вместе с ней летом того же года участвовал в походе на Эрзерум. После окончания русско-турецкой войны, в 1830 и 1833 гг., он находился в экспедициях, предпринятых против горцев.

За храбрость, проявленную в военных действиях на Кавказе, Павел Бестужев получил ряд орденов. В одном из официальных документов о нем сказано: «Был в походах и сражениях: в 1827, 1829, 1830 и 1833 годах противу персиян, турок и горских народов. За отличие в сражениях получил ордена св. Анны 4 степени с надписью за храбрость и св. Станислава 4 ст. Удостоился получить три высо-

* «Русский вестник». Т. 87, стр. 243.

чайших благоволения и два раза не в зачет годовой оклад жалованья»*.

О достоинствах Павла Бестужева писали его родные. В 1833 г. он некоторое время провел в Дербенте, у своего брата Александра. В связи с этим последний 15 августа 1833 г. писал: «Брат Павел гостил у меня. Какой умный, благородный юноша из него вышел. Все офицеры, видевшие его в делах, говорят, что он необыкновенной храбрости и храбрости хладнокровной. Начальство знает его как отличного артиллериста²⁰. Он искрестил Кавказ во всех направлениях, дрался везде и всегда в самых опасных местах»**.

Находясь на Кавказе, П. Бестужев изобрел новый артиллерийский прицел: «Павел Бестужев... получил орден за изобретенный им прицел к артиллерийскому орудью. Аппарат был принят во всей армии под названием «бестужевского прицела»***.

В феврале 1834 г. П. Бестужев по болезни вышел в отставку. В 1836—1838 гг. он служил в Главном управлении военно-учебных заведений в качестве старшего адъютанта и работал в редакции «Журнала для чтения воспитанников военно-учебных заведений». Скончался в Москве в 1846 г.

Кроме Петра и Павла Бестужевых, в Армении и на Кавказе побывал также их старший брат, вы-

* ЦГИАМ, ф. III огд., I эксп., 1834 г., д. 297, л. 2 об.

** «Русский вестник». Т. 88. 1870, стр. 47.

*** С. Я. Ш т р а й х. Моряки декабристы. Военмориздат. М.—Л. 1946, стр. 275.

дающийся декабрист, знаменитый русский писатель Александр Александрович Бестужев (Марлинский, 1797—1837). Друг Рылеева, Пушкина и Грибоедова, он играл крупную роль в движении декабристов и, в частности, в подготовке и проведении восстания на Сенатской площади. В известном «Алфавите членам бывших злоумышленных обществ» о нем сказано: «Принят в Северное общество в 1824 году, а в 1825 поступил в верхний круг, т. е. в разряд убежденных. Знал цель Общества во всем пространстве и пристал к мнению ввести республику с изведением императора и всего царствующего дома... По отречении царевича, участвуя в совещаниях у Рылеева, разделял преступные замыслы противиться новой присяге, увлечь полки своим примером, арестовать и даже в случае надобности истребить императорскую фамилию, а в России огласить республику; 14-го декабря по утру он ходил по ротам Московского полка, возбуждая нижних чинов к мятежу и грозил пистолетом генерал-майору Фридрихсу и капитану Моллеру. На площади он построил каре и отвращал сделанные начальством предложения»*.

По приговору верховного уголовного суда А. Бестужев был осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке на каторжную работу сроком на 40 лет. В августе 1826 г. этот срок был сокращен до 15 лет. Впоследствии по особому указу Николая I Бестужев был сослан в Якутск на поселение. Здесь он вел тяжелую, томительную жизнь. В одном из своих писем к братьям Николаю и Михаилу, находившимся

* «Восстание декабристов». Т. VIII, стр. 34.

на каторге в Чите, он писал: «Я смело могу сказать, что дни мои состоят из глотков чая, клубков табачного дыма, вздохов и зевоты»*.

Переписываясь с сосланными на Кавказ братьями — Петром и Павлом, А. Бестужев живо интересовался военными событиями, происходившими в Закавказье, горячо желая принять в них личное участие. В начале 1829 г. Бестужев обратился в С.-Петербург с просьбой перевести его из Сибири на Кавказ. В письме от 10 февраля 1829 г. на имя начальника Главного штаба генерала И. И. Дибича он просил его ходатайствовать перед Николаем I о разрешении вступить в армию рядовым, — в момент, «когда слава русского оружия гремит над колыбелью древнего мира...»**.

Об этом письме было доложено царю, который 13 апреля 1829 г. повелел: «Александра Бестужева определить рядовым в действующие полки Кавказского корпуса с тем, чтобы и за отличие не представлять к повышению, но доносить только — какое отличие им сделано»²¹.

В начале июля Бестужев двинулся в путь, а 27 июля уже писал из Иркутска в Читу братьям Николаю и Михаилу: «...Я солдат и лезу к стенам Эрзерума... Я вне себя от радости, что увижусь с братьями»***.

* «Русский вестник». Т. 87. М., стр. 254.

** «Русская старина». № 12. СПб. 1881, стр. 886—887. См. также «Всемирный вестник». № 12. 1905, стр. 116—117.

*** «Русский вестник». Т. 87, стр. 263. Здесь речь идет о младших братьях А. Бестужева — Петре и Павле, находившихся в действующем Кавказском корпусе.

В середине августа Бестужев вместе с Владимиром Толстым, тоже декабристом, ехавшим из Сибири на Кавказ, прибыл в Тифлис²². Бестужев спешил в действующий отряд, желая скорее увидеть братьев и принять участие в военных действиях. 16 августа он выехал из Тифлиса. Накануне Бестужев писал своей матери: «Завтра я выезжаю в отряд верхом на купленной здесь лошади. Поеду через Карс, Эрзерум и далее, где главнокомандующий. Я здоров, несмотря на удушающий жар, и рад, что скоро буду в деле...»^{*}.

Из письма, посланного братьям, видно, что он, проехав Гюмри, Карс и Гасан-кале, на восьмой день прибыл в Эрзерум. «Из Тифлиса,— писал он,— в восемь дней, миновав Гюмри, Карс, Саганлугский хребет, совершенно похожий на сибирские горы по сосновому лесу и образованию, мы, выкупавшись в горячих ключах Феодосиополя (Гасан-кале)^{**}, прибыли в Эрзерум»^{***}.

Бестужев представился командиру Кавказского корпуса генералу Паскевичу и был определен рядовым в 41-й егерский полк. Несмотря на болезнь — лихорадку, он отправился в действующий отряд. Но пока прибыл на фронт, военные действия прекратились, и полк, в котором служил Бестужев, вернулся в Эрзерум с задачей охранять эту крепость.

^{*} «Русский вестник». Т. 87, стр. 494—495.

^{**} А. Бестужев ошибается: Феодосиополь — древнее название Эрзерума.

^{***} «Русский вестник». Т. 87, стр. 499.

Бестужев был сильно огорчен тем, что не успел принять участие в военных действиях. В письме к матери от 3 сентября он писал, что сладкая мечта об участии «хотя бы в одном сражении» исчезла*. Но спустя некоторое время ему довелось принять участие в военных сражениях с турецкими войсками. Это произошло при следующих обстоятельствах.

2(14) сентября 1829 г. был заключен Адрианопольский мирный договор. Несмотря на это, турецкое командование (Осман-паша) решило еще раз попытаться овладеть Эрзерумом, занятым русскими войсками еще 27 июня. Чтобы сорвать этот план, русские под командованием самого Паскевича двинулись к г. Байбурту. 26 и 27 сентября произошли кровопролитные сражения, в результате чего русский отряд занял Байбурт. В рядах наступавших войск вместе со своим егерским полком находился и рядовой А. Бестужев.

О своем участии в военных действиях 26—27 сентября 1829 г. Бестужев упоминает несколько раз. Так, 9 января 1830 г. он из Дербента писал своей матери: «Я Вам обещал подробное описание Байбуртского сражения, в котором мне довелось быть деятельным участником, но, простите меня, на эти разы я не в состоянии теперь связать двух мыслей, двух образов порядочно. Скажу только, что оно было хотя и недолговременно, но упорно, и что я, находясь в стрелках, был в перестрелке, а потом и в рукопашном бою с лазами. Как ни нова была для меня живая картина битвы, но она не произвела на меня

* «Русский вестник». Т. 87, стр. 495.

особенного влияния: мне казалось, как будто я припоминаю тут что-то старое, что-то знакомое²³. Так воображение нередко упреждает существенность и дает верность мечте»^{*}.

Более подробно об этом Бестужев писал из Дербента братьям Николаю и Михаилу: «...15-го сентября (1829 г. — *М. Н.*) часть нашего полка двинулась с отрядом к Байбурту. Не буду описывать ни перестрелки накануне 27 сентября, где мы сначала прикрывали орудия, а потом, рассыпавшись по горе, завязали потешный огонь с кавалеристами по крутой стремнине; на рассвете мы вдруг переменяли дорогу и пошли в обход верст двенадцать, чтоб отрезать неприятеля от дороги в Трапезонт. Прочее вы знаете. Завладев высотами, мы кинулись в город, ворвались туда через засеки, прошли его насквозь, преследуя бегущих, и наконец верст пять далее вступили в дело с лазами, сбили их с горы, и пошла рукопашная. Я был ужасно утомлен усилиями карабкаться по каменистой крутой горе, пересеченной оврагами, в полной амуниции и в шинели»^{**}.

Бестужев описывал также пожары, возникшие в Байбурте в результате военных действий: «Город пылал, и кровавое зарево отражалось на купях утесов, на высоких тополях и в гремучих струях Чароха... Он походил на печь: огонь и дым стлался поверху... Дома, большею частью с навешенным этажом, рухали вдруг всею массой. Несколько армянских се-

^{*} ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1826 г., д. 61, л. 8.

^{**} «Русский вестник». Т. 87, стр. 499—500.

мейств глядели на пожар издали и плакали тихо... рыдала турчанка-старуха над телом сына... Это необходимое следствие войны»*.

О своем участии в байбуртском сражении Бестужев упоминает и в известном письме к доктору Эрману, написанном в январе 1831 г. «В половине сентября,— писал он,— мы двинулись к Байбурту вторично. Там новый сераскир собрал свои полчища. С нами был граф Паскевич-Эриванский... Турки были разбиты, развезены. Мне удалось променять несколько пуль с дели-башами турецкими и с пехотными лазами, народом, не изменившимся со времен Александра Македонского; они по-прежнему умеют сражаться и умирать, как спартанцы...»**.

Об участии Бестужева в байбуртском сражении есть упоминания и в официальных документах, но мимоходом и очень сухо.

В одном из своих писем к Булгарину Бестужев отмечал, что Паскевич не только не оценил его заслуг в байбуртском сражении, но и стал жестоко преследовать его. Бестужев писал: «Меня обошли при Байбурте. Бог судья Паскевичу, который положил представление обо мне под сукно и потом преследовал меня, как лютый зверь и как лютого зверя»***.

Следует сказать, что, побывав в связи с русско-турецкой войной 1829 г. в Карсе, Эрзеруме и Бай-

* «Русский вестник». Т. 87, стр. 499—500.

** «Московский телеграф». 1831. № 17, стр. 58.

*** Н. Котляревский. Декабристы (кн. А. Одоевский и А. Бестужев). СПб. 1907, стр. 426.

бурте, Бестужев сообщает много интересного об этих городах и их населении. Так, об Эрзеруме он в сентябре 1829 г. писал: «Эрзерум, стоящий на скате обнаженного печального хребта Саганлу, довольно издали живописен, потому что там и сям зеленеют в нем деревья,— но вблизи, но внутри его очарование исчезает, как и во всех турецких городах; узкие, темные, грязные и кривые переулки, все лавки и мастерские и бойни на виду, журчание ключей в водоемах и падение их по улицам..., говор армян., толкотня и пестрота, вот главные черты моей резиденции. Турки, нахмутив брови, курят табак или исподлобья поглядывают на русских, тихо ступая... Днем они безопасны, но в сумерках невольно хватаешься за рукоять сабли, слыша за собой подковы мусульманских туфлей. Гет, гет (ступай, проходи) — говоришь ему, и турок, сжав губы, медленно опережает тебя... Женщины, закутанные с ног до головы в белые чадры, мелькают как привидения, едва показывая кончик носа. Странно только, что ветер бывает всегда благосклоннее к тем, которые недурны, свевая с лица их чаще покрывало. Внутренность здешних домов лучше и чище отделана, чем в Карсе и Гасан-кале, но все еще далека от европейской чистоты. Разные, раззолоченные и фольгою украшенные потолки, испещренные арабесками стены, шкапки по всем углам и каменный пол, окруженный возвышениями в четверть, вот и все: ни стола, ни стула, ни стекол в окнах»*.

* «Русский вестник». Т. 87, стр. 495—496.

Бестужев говорит о дружеском расположении и тяготении армянского населения к России. Он подчеркивает тот факт, что армяне, не желая оставаться под гнетом турецких паншей, покидали свои родные места и следовали за русскими войсками: «Длинный ряд армянских арб... тянется сюда (т. е. в Эрзерум, где в то время находились русские войска. — М. Н.) из Байбурта»*.

Байбуртское сражение было последним крупным сражением на Кавказском фронте. Скоро и здесь прекратились военные действия. С начала октября русские войска тронулись в обратный путь, в зимние квартиры в Закавказье. Среди возвращавшихся частей находился и 41-й егерский полк. Вместе с ним А. Бестужев второй раз проехал через Армению; в частности, он побывал в Эривани и Сардарабаде.

Бестужев живо интересовался положением Армении и судьбой ее народа. Как увидим дальше, в его письмах с горечью, с большим сочувствием говорится об этой опустошенной стране и ее обездоленных жителях.

Полк, в котором служил Бестужев, в середине октября остановился зимовать в Грузии, и он получил возможность побывать в Тифлисе, где в то время находились его брат Петр и немало декабристов, разжалованных и отправленных в Кавказский корпус. Используя разные поводы, Бестужев в конце октября и в ноябре жил в Тифлисе, часто встречаясь со своими друзьями-декабристами. Эти встречи серьезно встревожили царских сатрапов, и вскоре на-

* «Русский вестник». Т. 87, стр. 496.

чались новые преследования «разжалованных злоумышленников». Бестужев был арестован, а затем переведен в Дербент, в местный гарнизонный батальон. «Это сильно потрясло нравственный и физический состав мой», — писал он впоследствии. Затем Бестужев служил в Ахалцихе, Кутаисе, в Гаграх и т. д., везде гонимый, притесняемый и оскорбляемый тупыми и жестокими начальниками. На 40-м году жизнь Бестужева, исполненная благородных порывов и величайшего трагизма, оборвалась: 7 июня 1837 г. он был убит во время занятия мыса Адлер русским отрядом.

2

В связи с русско-персидской войной 1826—1828 гг. и русско-турецкой войной 1828—1829 гг. в Армении и Закавказье побывали также братья Петр и Иван Коновницыны.

Петр Петрович Коновницын (1802—1830) накануне 14 декабря был подпоручиком гвардейского Генерального штаба. Будучи членом Северного общества, он участвовал в восстании на Сенатской площади. После ареста содержался в Кронштадте и Петропавловской крепости. Верховный уголовный суд приговорил его «к лишению чинов и дворянства и написанием в рядовые, с определением в дальние гарнизоны»*. Спустя некоторое время П. Коновницын был назначен в Семипалатинский гарнизонный батальон, а затем царским указом от 22 августа 1826 г. — в полевые полки Кавказского корпуса.

* ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 121, л. 5.

В конце 1826 г. П. Коновницын отправился на Кавказ. В Саратове он встретился с М. И. Пушным, ехавшим туда же из Сибири, и вместе с ним продолжал свой путь. Об этом Пущин рассказывает: «В Саратове нашел я заболевшего в дороге Петра Коновницына; он упросил подождать несколько его выздоровления, чтобы вместе продолжать путь до Тифлиса. Из сострадания к нему я согласился, и через три дня мы поехали вместе»*.

П. Коновницын прибыл в Тифлис в феврале 1827 г. и был определен в 8-й пионерный батальон, впоследствии переименованный в Кавказский саперный батальон**. В апреле-июне 1827 г. в рядах войск авангарда главных сил Кавказского корпуса он участвовал в стычках с персидскими войсками под Эчмиадзином, Сардарабадом и Эриванью. Один из талантливых саперов своего батальона, он в начале июля сражался под крепостью Абасабад.

П. Коновницын принимал активное участие в освобождении Восточной Армении от гнета персидских ханов. В горячих боях, развернувшихся за эти две крепости, он показал замечательный пример храбрости и отваги. Об участии П. Коновницына и некоторых его друзей в боях за Сардарабад и Эривань генерал Паскевич рапортовал: «Во время блокады крепостей Сардарабада и Эривани было мною дозволено всем офицерам и разжалованным, желающим изгладить усердною службою прежнее свое поведение, находиться при открытии траншей. Между

* «Русский архив». М. 1908. № 11, стр. 462.

** ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., л. 61, ч. 121, л. 5.

ними Дорохов, Коновницын и Пущин исполняли свой долг с похвальной ревностью, поощряя прочих нижних чинов своим примером. При короновании рва под Эриванью они также находились на работах, производимых под начальством г. М. Трузсона... Разжалованный за дуэль Дорохов был в сем случае ранен пулею в грудь, одежда Коновницына прострелена тремя пулями»*.

В марте 1828 г. П. Коновницын был произведен в прапорщики.

Когда весной 1828 г. началась турецкая кампания, Петр Коновницын — опять в первых рядах сражающихся русских войск. В августе он принял деятельное участие в осаде крепости Ахалцих. Рапортуя о ходе осады Ахалциха, Паскевич отмечал, что «посланные с топорами 20 сапер под начальством прап. Коновницына срубили палисады для прохода и из них устроили переправы через ров»**.

За храбрость, проявленную при взятии Ахалциха, Коновницын указом царя от 1 января 1829 г. был награжден орденом св. Анны 4-й степени. 16 июля 1829 г. ему и его друзьям было объявлено царское благоволение «за отличие, оказанное ими в сражении против турок»***.

В воспоминаниях декабриста Гангеблова довольно подробно рассказывается об активном участии Коновницына в занятии крепости Олты в сентябре 1829 г. Гангеблов пишет: «На темном фоне глубокого, покрытого лесом ущелья возвышался ко-

* «Русская старина». Т. 114, стр. 485.

** АКАК. Т. VII, стр. 764.

*** «Тифлисские ведомости», 1829, № 36.

нусообразный скалистый холм, увенчанный стенами и башнями замка, из-за конх виднелись фигуры в чалмах; у подошвы холма речка и дома, тонущие в садах... По кривым, пустынным улицам мы подошли ближе. Из замка не было ни одного выстрела. Коновницын распорядился размещением за строениями нашего маленького отряда, а я тем временем установил кугорновы мортирки и начал метать гранаты во внутрь замка. Было уже за полночь, когда прибыли наши торжествующие мусульманские полки: они разбили скопище и захватили девяносто пленных с несколькими значками. Как только начало светать, пленные эти были выстроены в виду замка. Но гарнизон не хотел сдаться. Между тем от посланного мною в обход патруля мы узнали, что в стороне ущелья есть выдающееся место, откуда виден на башне турецкий часовой в таком расстоянии, что с ним можно переговариваться. Жребий, кому из нас двух идти на переговоры с гарнизоном, пал на Коновницына, и он с унтер-офицером и двумя саперами, один из конх был татарин, отправился на указанное место. Вскоре напротив этого места на башне показалась небольшая толпа турок. Не прошло и получаса, как унтер-офицер явился ко мне от Коновницына с тем, что ворота замка тотчас будут открыты и чтоб я поспешил туда. В самом деле, когда я со взводом саперов, с примкнувшим ко мне Эссеном, добежал до ворот, вход в них был уже свободен. Мы без помехи вошли в замок и стали обезоруживать гарнизон»*.

* «Русский архив». Т. II, 1886, стр. 255—256.

Об этих же событиях в рапорте Паскевича от 23 сентября 1829 г. сказано: «Прапорщик Коновницын с полувзводом пионер занял крепость и тотчас приступил к приведению ее в оборонительное положение»*. В декабре 1829 г. П. Коновницын был произведен в подпоручики.

В феврале следующего года П. Коновницын получил разрешение повидаться с матерью, проживавшей на Украине, в Харьковской губернии. В связи с этим 15 февраля 1830 г. Главный штаб сообщил Бенкендорфу: «Государь император соизволил принадлежащего к числу государственных преступников Кавказского Саперного батальона подпоручика Петра Коновницына, для свидания с матерью, уволить в отпуск на три месяца Слободско Украинской губернии в Ахтырском уезде, но с тем, чтоб он отнюдь не выехал в губернский город Харьков, не отлучался в другую губернию кроме Харьковской и непременно на срок явился бы на службу в батальон. Для наблюдения же за сим, а не менее и для надзора за поведением Коновницына, командировать с ним благонадежного офицера, который и должен оставаться с ним все время отпуска»**.

В сопровождении и под наблюдением «благонадежного» офицера Коновницын поехал на Украину и повидался с матерью. При возвращении в войсковую часть П. Коновницын и «наблюдатель» скончались от сыпного тифа во Владикавказе 3 сентября 1830 г.

* АКАК. Т. VII, стр. 824.

** ЦГИАМ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., л. 61, ч. 121, л. 1.

И. Г. Бурцов

Младший брат Петра Коновницына — Иван Петрович Коновницын (род. в 1806 г.) был арестован как «прикосновенный» к делу декабристов. В «Алфавите» декабристов о нем сказано: «Оболенский показал, что сей Коновницын, хотя не был членом, но знал о намерениях Общества на 14-е декабря, сообщил ему о согласии некоторых офицеров конной артиллерии прийти на площадь с нижними чинами, если они не примут присяги, в противном же случае сам обещал быть на оной... Он сознался в мятежных поступках и непослушании начальству своему во время присяги. Из сведений, доставленных командующим Гвардейским корпусом, видно, что Коновницын был в числе отказавшихся от присяги... Коновницын, обскакав верхом большую часть города, возбуждал к неповиновению бывших в карауле на арсенальной гауптвахте солдат Саперного батальона, а равно и шедших за знаменами нижних чинов Преображенского полка, и с тем же намерением был на придворном конюшенном дворе и лейб-гвардии в Гренадерском полку»*.

В июле 1826 г. «прикосновенный» к происшествию 14-го декабря» прапорщик Коновницын был переведен из лейб-гвардии конной артиллерии в конно-батарейную № 23 роту, квартировавшую в Белоруссии, в районе г. Землянска. Начальству роты было предложено установить за ним бдительный тайный надзор и о его поведении доносить ежемесячно**. Приказом Николая I от 7 мая 1827 г. Конов-

* «Восстание декабристов». Т. VIII, стр. 98—99.

** ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848, св. 34, л. 87, л. 5.

ницын был переведен в конно-артиллерийскую № 13 роту, которая находилась в составе действующего Кавказского корпуса. В связи с этим дежурный генерал Главного штаба Потапов в отношении от 18 мая 1827 г., адресованном на имя командира конно-артиллерийской № 13 роты, уведомил, что прапорщик граф Коновницын «по прикосновенности его к делу о злоумышленных обществах состоит под секретным надзором»*. 14 июня Коновницына отправили в Закавказье**.

Летом и осенью 1827 г. Коновницын принимал участие в боях, происходивших в Восточной Армении. Начальник артиллерии Отдельного Кавказского корпуса 13 сентября 1827 г. доносил Паскевичу из Эчмиадзина, что «переведенный из конно-батарейной № 23-го в конно-артиллерийскую № 13 роту прапорщик граф Коновницын, который состоит под секретным надзором как навлекший на себя подозрение во время присяги его императорскому величеству в участии с сообщниками тайного злоумышленного общества, с прибытия его к настоящей роте в течение минувшего августа месяца вел себя весьма хорошо»***.

В качестве артиллериста И. Коновницын принимал участие в осаде и взятии крепостей Сардарбад и Эривань. В конце того же и в начале 1828 гг. он находился в Тавризе. Коновницын принимал участие также в ряде крупных сражений русско-турецкой войны 1828—1829 гг.

* ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848, св. 32, д. 87, л. 5.

** ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 70.

*** Там же, л. 234.

До ноября 1828 г. о поведении Коновницына ежемесячно доносили в С.-Петербург. 28 ноября 1828 г. начальнику артиллерии Отдельного Кавказского корпуса генерал-майору Гилленшмидту было сообщено из Главного штаба, что Николай I приказал «прекратить впредь ежемесячные донесения о поведении конно-артиллерийской № 13 роты прапорщика графа Коновницына, состоящего под секретным надзором по прикосновенности его к злоумышленному обществу, продолжая однако ж тайный и бдительный надзор за его поведением и при первом случае отступления порядка, или когда что в поведении его замечено будет, доносить непременно и немедленно».

Иван Коновницын по своей просьбе был уволен с военной службы в 1836 г., после чего жил в Ахтырском уезде Харьковской губернии. Тайный надзор за ним продолжался до 1838 г. Скончался он, по вполне достоверным сведениям, в 1867 г.

ГЛАВА ПЯТАЯ

БУРЦОВ, ЛЕМАН, ВОЛЬХОВСКИЙ, МИКЛАШЕВСКИЙ

1

Из числа декабристов на Кавказ были сосланы также полковники И. Г. Бурцов и П. М. Леман, капитан В. Д. Вольховский и подполковник А. М. Миклашевский. В судьбах этих людей есть немало общего. В отличие от многих своих друзей, они не были разжалованы в солдаты и сохранили свои воинские чины. Более того, во время русско-персидской войны 1826—1829 гг. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. они, хотя и находились под тайным надзором, тем не менее получили довольно высокие и ответственные военные должности. Все эти лица побывали как в Грузии и Азербайджане, так и в Армении.

Иван Григорьевич Бурцов (1794—1829) учился в Московском университетском Благородном пансионе. В 1812 г. в чине прапорщика он участвовал в Отечественной войне, а в 1814 г. был переведен на службу в гвардейский Генеральный штаб. В 1818 г. Бурцов вступил в Союз благоденствия и вскоре стал одним из его руководящих деятелей*. В 1825 г. в чи-

* ЦГИАМ, ф. 109, 1826 г., д. 61, ч. 207, л. 2.

не полковника командовал Украинским пехотным полком. В связи с восстанием декабристов был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. После следствия Бурцов по приказу царя от 18 марта 1826 г. был заточен на шесть месяцев в Бобруйскую крепость и затем отправлен на службу в Колыванский пехотный полк. В январе 1827 г. его перевели на Кавказ, сперва в Тифлисский полк, а потом, с ноября того же года, — в Мингрельский.

Летом и осенью 1827 г. Бурцов принимал участие в русско-персидской войне, развернувшейся в Армении и Азербайджане. 14 июля 1827 г. генерал-майор Мерлин из Абасабада рапортовал в управление штаба Кавказского корпуса, что «Бурцов ведет себя отлично хорошо, выполняя службу с особенным усердием и расторопностью»*.

Бурцов нередко выполнял и специальные задания высшего начальства. Так, в сентябре 1827 г. командующий Кавказским корпусом генерал Паскевич «послал полковника Тифлисского полка Бурцова в Баку и Астрахань, поручив ему подробно исследовать все имеющиеся средства для десанта на персидские берега»**.

В своих донесениях на имя Николая I Паскевич в числе офицеров, отличившихся в персидской кампании, не раз упоминает и Бурцова. Так, 30 ноября 1827 г. он из Персии рапортовал царю, что многие «злоумышленники», в том числе и полковник Бурцов,

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 193.

** Князь Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 3, стр. 43—44.

«службу исполняют с усердием..., в делах против неприятеля оказали себя неустраслимыми»*. В одной из реляций сказано также, что Бурцов «в персидскую войну 1827 г. был употребляем в самых важных местах»**.

Видную роль играл Бурцов, в частности, в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. В начале этой кампании он состоял при Паскевиче, а с августа 1828 г. был назначен командиром Херсонского гренадерского полка. Во время осады крепости Карс Бурцов выполнял должность начальника траншей и лично принимал участие во многих кровопролитных сражениях. В рапорте от 10 июля 1828 г. Паскевич, описывая осаду и взятие Карса, отмечал, что «полковник Бурцов с ротою 39-го егерского полка двинулся влево для овладения башнею Темир-паши, которая превышает все предместья и даже стены самой крепости, равняясь со стенами цитадели. Встреченный ружейным огнем из-за камней на самом близком расстоянии, он ударил в штыки, выгнал оттуда неприятеля и, пользуясь его смятением, овладел некою важною точкою, на которую немедленно поставил 2 орудия 2-й легкой роты 20-й артиллерийской бригады. Батарея сия..., обратив свое действие на башни и стены противоположащего города, меткими выстрелами производила ужасное поражение»***.

* ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848, св. 31, д. 22, л. 148.

** «Архив Раевских». Т. I, стр. 405—406.

*** АКАК. Т. VII, стр. 750—751; «История военных действий в азиатской Турции в 1828—1829 годах». Часть первая. СПб., стр. 230.

На все время осады Карса Бурцов находился в рядах войск. Большая роль выпала ему также во время занятия крепости Ахалкалаки*.

В августе 1828 г., в дни осады Ахалциха, Бурцов опять был назначен начальником траншей и талантливо руководил всеми работами по подготовке штурма. Паскевич почти во всех вопросах, связанных с осадой этой крепости, советовался с ним и требовал его мнение. 15 августа, в день штурма, Бурцов находился в передних рядах атакующих войск: «Когда под громом сильнейшей канонады Ширванский полк, предводимый храбрым полковником Бородиным..., овладел бастионом и начал пробираться к оврагу, последовательно за ним, Бурцов подвинул с топорами саперную роту и приказал ей рубить палисады. Другие роты пионер прикатили туры и, поставив часть их в 100 шагах впереди бастиона для первой защиты, тотчас начали переносить через ров артиллерию. Все это совершилось в течение четверти часа от начала штурма. Произошел самый кровопролитный бой, и неустрашимый Бородин, лично распорядившийся стрелковою цепью, стал твердою ногою на кладбище и между строений, в 15-ти шагах перед католическою церковью... Но спустя несколько мгновений, посреди ослабевшей с обеих сторон перестрелки, пуля смертельно его поразила. Бурцов, оставшийся старшим, успел ввести чрез брешь остальные орудия отделения к штурмовой колонне, и дал одним направление на церковь, а другим вправо к оврагу, где толпы гарнизона упорно дер-

* «Тифлисские ведомости», 1828, № 6.

жались. Скорая и меткая стрельба этой артиллерии..., равно действие батарей кегорновых мортиров..., уменьшили запальчивость осажденных и принудили их скрыться под защитой жилищ... Бурцов продолжал принимать деятельное участие в распоряжениях до тех пор, пока победоносное знамя развеялось на стенах крепости»^{*}.

За активное участие в покорении крепостей Карс, Ахалкалаки и Ахалцих Бурцов в ноябре 1828 г. был награжден орденом Георгия 4-й степени²⁴.

Храброму полковнику пришлось еще раз сражаться за Ахалцих. В конце февраля 1829 г. огромная турецкая армия под командованием Ахмет-паши двинулась к Ахалциху и блокировала его. Для оказания помощи малочисленному осажденному гарнизону по приказу Паскевича в Ахалцих были отправлены вспомогательные войска, авангардом которых командовал Бурцов. Искусно ведя свой отряд, преодолевая большие трудности и удачно опрокинув ряд атак неприятеля, Бурцов подошел вплотную к Ахалциху. Ахмет-паша вынужден был снять осаду и отступить. 5 марта авангард вспомогательных войск окончил операцию. «5-го числа вечером полковник Бурцов вступил в Ахалцих. Сей искусный маневр приносит особенную честь г. полковнику Бурцову»^{**}. За эту весьма удачную операцию Бурцов в апреле 1829 г. был произведен в генерал-майоры и

^{*} «Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц, действовавших на Кавказе». Редактор и издатель С. Новоселов, «Ген.-м. И. Г. Бурцов». СПб. 1859, стр. 3—4.

^{**} «Тифлисские ведомости», 1829, № 12.

назначен командиром 2-й бригады 21-й пехотной дивизии.

В апреле и мае отряд Бурцова ведет новые успешные бои с неприятелем в некоторых районах Ахалциха и Ардагана. Близ селения Чаборни Ахалцихского санджака русские войска, в частности отряд Бурцова, 2 июня нанесли тяжелое поражение туркам. Об этом в официальных материалах имеется следующее упоминание: «Командир 2 бригады 21 пехотной дивизии генерал-майор Бурцов, Иван Григорьевич, 2 числа июня при разбитии турок при с. Чаборни, командовал правым флангом, и благоразумными распоряжениями удержал сильный натиск турок. Наконец лично повел атаку, которою опрокинул неприятеля, причем отличался примерным хладнокровием, особенно деятельностью и постоянным мужеством»*.

В направлении Эрзерума при Каинлы и Милли-дюзе 19 и 20 июня 1829 г., как известно, произошли крупные бои. Пятидесятитысячная армия эрзерумского сераскира и трехбунчужного Гагки-паши была разбита, турки потеряли большое количество войск пленными, почти всю свою артиллерию и т. д. В этих решающих победах русских войск большую роль играл И. Бурцов²⁵.

7 июля Бурцов со своим отрядом занял Байбурт, а 19—20 атаковал селение Харт, находящееся в 15 верстах к северу от Байбурта. Здесь были сконцентрированы крупные турецкие силы, имевшие намерение напасть на Байбурт. Завязались жаркие бои, во

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, д. 65, л. 9.

время которых Бурцов был тяжело ранен. 23 июля талантливый полководец скончался²⁰.

Об этих событиях Паскевич 25 июля 1829 г. из Байбурта рапортовал: «...Бурцов, желая атаковать неприятеля с трех сторон, приказал ротам своим... ударить разом, сам повел с противоположной стороны мусульманский полк. Турки были выбиты из оврага, прогнаны на скат левых возвышений и здесь-то генерал-майор Бурцов, в жаркой атаке, преследуя турок, получил из пистолета рану пулею в грудь навылет, чем и приостановилось преследование неприятеля, вышедшего из деревни... Генерал-майор Бурцов не перенес своей раны и 23-го числа в 5 часов утра скончался к общему сожалению всех нас. Тело покойного, по просьбе его, отправляется в Грузию»*.

О последних днях Бурцова в газете «Тифлиские ведомости» 9 августа 1829 г. сообщалось: «Генерал-майор Бурцов, занимавший с отрядом своим крепость Байбурт, в 120 верстах от Арзрума, 18-го числа осведомился, что неприятель приблизился к крепости на 15 верст. Желая напасть на него печально, он в полночь выступил с пятью ротами пехоты и семью орудиями и на рассвете атаковал многочисленного неприятеля, засевшего в деревне Харте. Сражение продолжалось с 4-х часов утра до 4-х пополудня... В жаркой атаке генерал-майор Бурцов получил смертельную рану»**.

Декабрист Д. Искрицкий, долгое время служивший вместе с Бурцовым, 6 сентября 1829 г. писал

* АКАК. Т. VII, стр. 808—809.

** «Тифлиские ведомости», 1829, № 32.

В. Д. Вольховскому из Эрзерума: «Извините меня, что до сих пор не писал Вам о покойном Иване Григорьевиче... Сожалею весьма, что, будучи в продолжение всей нынешней кампании при покойном генерале Бурцове, судьба определила мне не быть при последних его минутах. Все, что я мог узнать от окружающих его, ограничивается тем, что кончил военную жизнь свою героем и последние минуты посвятил милосердному Богу, матери и супруге. Кажется, мысль иметь начальника столь попечительного о своих подчиненных успокаивала его насчет будущей судьбы матери и супруги. Главнокомандующий приехал в Байбурт в то самое время, когда выносили тело покойного. Его сиятельство провожал гроб и печаль приметна была на его чертах. Из присутствующих, начиная от солдата до генералов, у каждого упала слеза сожаления о преждевременной кончине сего достойного человека. Подобное уныние красноречивее всех надгробных речей»*.

Заслуживают внимания предположения декабриста Н. В. Басаргина, высказанные им, очевидно не без основания, по поводу гибели И. Бурцова. «Я подозреваю,— писал он,— что его (Бурцова.— М. Н.) тяготила мысль об участии товарищей, из коих многие были его друзьями и им приняты в общество. Эта мысль заставляла его, вероятно, бросаться в опасности с намерением погибнуть или отличиться так, чтобы иметь право на особенное внимание госу-

* ИМГ, отдел рукописей. д. 426, письмо Д. Искрицкого к В. Вольховскому.

даря, и тогда просить о сосланных товарищах своих»*.

Бурцов пользовался большим уважением среди друзей и знакомых. Близко знавший его знаменитый партизан Денис Давыдов писал А. А. Закревскому 16 сентября 1828 г.: «...Это был необыкновенных дарований и учености офицер»**.

В своих записках декабрист Н. И. Лорер высоко оценивает боевые качества И. Бурцова: «Не зная страха, часто в запальчивости, он вперед всех бросался в самые опасные места»***. М. В. Юзефович, знавший Бурцова, рассказывал: «Я знал Бурцова за Кавказом, вблизи видел его действия, сохранил о нем воспоминание, как об умнейшем и благороднейшем человеке»****. Один из современников этих событий В. Андреев в своих воспоминаниях пишет, что смерть Бурцова вызвала большую горечь и скорбь между знавших его офицеров и солдат, которые потеряли своего «любимого командира»*****.

Бурцов похоронен в Грузии, в г. Гори, где в то время находилась штаб-квартира его полка.

Павел Михайлович Леман (1797—1860) участвовал в Отечественной войне 1812 года*****. Накануне восстания декабристов в чине полковника ко-

* «Записки Н. В. Басаргина». Петроград. 1917. стр. 10.

** «Сборник Императорского русского исторического общества». Т. 73. СПб. 1890, стр. 55.

*** «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 79.

**** Там же.

***** «Кавказский сборник». Т. 1, стр. 83.

***** ЦГВИА, ф. 48, оп. 1, д. 89, л. 18.

мандовал Пермским пехотным полком. «Вступил в Южное общество в 1825 году. Ему объявлено было только то, что по принятии большого числа членов Общество намеревалось требовать от Сената конституции. Пестель три раза читал ему отрывки из своей конституции о преобразовании войска, уменьшении солдатам срока службы, о даровании свободы крестьянам и разделении земли»*.

Леман был арестован в январе 1826 г. в Тульчино и отправлен в Петербург, где был заключен в Петропавловскую крепость. 13 июня 1826 г. Николай I повелел: «Продержав его месяц в крепости, возвратить на службу с переводом в другой полк, не давать ему батальона впредь до повеления и ежемесячно доносить о поведении»**.

В начале июля 1826 г. Лемана перевели в Томский пехотный полк, а в конце января 1827 г. — в Мингрельский, дислоцированный в Закавказье.

Вместе со своей воинской частью П. М. Леман в 1827 г. побывал в Армении и принял участие в русско-персидской войне. В конце августа 1827 г. два батальона Мингрельского пехотного полка под командованием полковника Лемана были переведены из окрестностей крепости Цалки в Гюмри, где ожидалось нападение персидских войск. В начале сентября здесь произошел ряд боев, в которых отличился и полковник Леман. Тифлисский военный губернатор генерал-адъютант Сипягин в рапорте на

* «Восстание декабристов». Т. VIII, стр. 112. См. также ЦГИАГ, ф. 543, оп. 1, д. 137, л. 16.

** «Восстание декабристов». Т. VIII, стр. 113.

имя начальника Главного штаба И. Дибича от 28 сентября 1827 г. писал: «Переведенный из Томского в Мингрельский пехотный полк полковник Леман ведет себя весьма хорошо и службу исполняет с отличным усердием, а 4-го числа сего месяца (т. е. сентября. — М. Н.), быв в делах против персиян при селении Гумрах, оказал неустранимость»*.

Синягин в приказе от 27 марта 1828 г. объявил благодарность Леману за то, что он во время русско-персидской войны, будучи командиром отряда войск, находившегося на турецкой границе, умело следил за действиями турецкой армии и в срочном порядке укрепил крепость Цалка для обороны**.

Полковник Леман принимал активное участие в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Уже в июне 1828 г. он непосредственно участвовал в осаде и взятии крепости Карс, где, как известно, произошли кровопролитные бои. В течение 1828 г. он не раз сражался против турецких войск.

В январе 1829 г. он был назначен командиром 41-го егерского полка. Вместе с другими частями этот полк участвовал в сражениях, происходивших в июне в Эрзерумском направлении. 19 и 20 июня на высотах Соганлуга, при Канлы и Миллидьюве Леман овладел 15 неприятельскими орудиями, за что был награжден орденом Георгия 4-й степени***.

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 272.

** ИМГ, отдел рукописей, ф. Вейденбаума, д. 358, л. 12.

*** ИМГ, отдел рукописей, картотека Е. Вейденбаума. «П. М. Леман».

После покорения Эрзерума отряд русских войск под командованием полковника Лемана занял крепость Хныс, расположенную в 100 верстах к югу от Эрзерума. В сентябре 1829 г. Леман принимал участие в боях, разыгравшихся в г. Байбурте и его окрестностях. В 1831 г. он был назначен командиром 2-й бригады 20-й пехотной дивизии.

2

Владимир Димитриевич Вольховский (Вальховский, 1798—1841) учился в Московском университетском благородном пансионе. В 1811 г. поступил в Царскосельский лицей, где у него завязалась дружба с А. С. Пушкиным. По окончании лицея он служил в гвардейском Генеральном штабе в чине прапорщика.

В 1817 г. Вольховский был принят в Союз спасения, а в 1818 г. — в Союз благоденствия*. Сам Вольховский на следствии признался, что он действительно в 1818 г. вступил в Союз благоденствия, но в 1820 г. свое участие «в оном совершенно прекратил»**. В связи с последним утверждением Вольховского царские чиновники писали: «Напротив того, из показаний многих членов видно, что Вальховский состоял в сношениях с Обществом и после 1821 года и участвовал в совещаниях, бывших в 1823 году у Пущина и других членов. Совещания сии заключались в учреждении Думы, выборе чле-

* М. Нечкина. Движение декабристов. Т. I, стр. 167.

** ЦГИАМ, ф. 48, д. 240, л. 12.

нами оной: Трубецкого, Никиты Муравьева и Оболенского и в положении стараться взыскивать средства ко введению конституции»*.

В 1825 г. Вольховский служил в гвардейском Генеральном штабе в чине капитана. За причастность к движению декабристов в сентябре 1826 г. он был отправлен на Кавказ, в распоряжение генерала Паскевича, в то время командовавшего отрядом русских войск, сражавшихся против вторгнувшейся в Закавказье персидской армии. Генерал-квартирмейстер Главного штаба генерал-лейтенант П. Сухтелен в письме от 7 сентября 1826 г. на имя Паскевича о Вольховском писал: «Позвольте Вам рекомендовать г. Вальховского, как лучшего офицера Генерального штаба (*du corps de l'état major*), я думаю, что он достоин Вашего доверия. Он имел несчастье быть названным в фатальном деле заговора, хотя ни в чем лично не был замешан, но тем не менее это ему повредило. Радуюсь за него, что он, служа под Вашим начальством, будет иметь счастливую возможность вполне восстановить свое служебное положение. Насколько я знаю, за ним нет сколько-нибудь важных проступков»**.

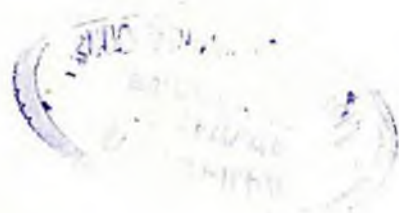
Сухтелен, по-видимому, был плохо знаком с делом декабристов. Генерал, очевидно, не знал, что Вольховский на протяжении ряда лет состоял членом тайных обществ декабристов.

* «Восстание декабристов». Т. VIII, стр. 51.

** Князь Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 2, стр. 123.

В. Д. Вольховский

Вольховский прибыл в Тифлис с письмом Сухтелена и был определен квартирмейстерским офицером в штабе Паскевича. В конце октября отряд Паскевича, преследуя армию Аббас-мирзы, перешел Аракс и имел стычки с отступающим неприятелем. В этой экспедиции принял участие и Вольховский.

С марта 1827 г., когда Паскевич был назначен командиром Отдельного Кавказского корпуса, Вольховский, состоя при нем, выполнял важные и ответственные поручения. Он участвовал в военных действиях персидской кампании и по поручению Паскевича вел переговоры с персидским двором.

Капитан Вольховский особенно отличился при осаде крепости Сардарабад. Об этом в официальных материалах сказано: «Перед начатием осады обозревал с виду неприятеля крепость, потом неоднократно употребляем был в траншеях, где исполнял все поручения с отличным рвением и храбростью»*. За все это Вольховский был представлен к ордену Анны 2-й степени, но получил только «высочайшее благоволение».

Вольховский принимал активное участие также в осаде и взятии крепости Эривань. Одновременно он выполнял задание Паскевича по описанию местностей театра военных действий, по собиранию статистических и иных сведений о местных народах и т. д.

В начале декабря 1827 г., когда между русским командованием и персидским правительством уже велись переговоры об условиях окончания войны,

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, д. 48, л. 6.

Вольховский, как мы выше указали, по поручению Паскевича прибыл в Тегеран и изложил шахскому правительству условия и требования, выдвинутые царским правительством накануне заключения мирного договора. Он с успехом выполнил это важное задание. В предписании Паскевича от 11 января 1828 г., посланном в Тегеран на имя Вольховского, было между прочим сказано: «Вашими донесениями я очень доволен и прошу вас все достойное внимания касательно дорог, положения края, духа народного не упускать из виду с известною мне вашею наблюдательностью»*.

За заслуги в русско-персидской войне Вольховский получил чин полковника.

Приказом царя от 13 мая 1828 г. полковник Вольховский был назначен обер-квартирмейстером Отдельного Кавказского корпуса и отличился в русско-турецкой войне 1828—1829 гг.

В дни осады Карса Вольховский выполнял важные боевые задания. В своем рапорте от 10 июля 1828 г. генерал Паскевич, описывая осаду Карса, писал: «...Правый бастион, называемый Юсуф-паша, вооруженный 4-мя орудиями, не переставал еще производить картечный огонь, почему... ген.-м. барон Остен-Сакен поручил обер-квартирмейстеру полк. Вольховскому с 20-ю гренадерами овладеть сим бастионом, который и исполнил сие с примерною решимостью и немедленно обратил неприятельские орудия во фланг 3-х соседственных башен крепости... В сие время крепостной северо-восточный бастион,

* АКАК. Т. VII, стр. 587.

обстреливающий в прямом направлении Карадаг, обратил на оный сильный огонь. Ген.-майоры барон Остен-Сакен и Муравьев отвечали ему немедленно всеми взятыми ими на сей горе орудиями. Таковое действие, в соединении с присланными мною в подкрепление 12-ю батарейными орудиями и с пальбою полк. Вольховского с бастиона Юсуф-паши перекрестными выстрелами, заставило вскоре умолкнуть все крепостные башни, обращенные к Карадагу*. Об этом эпизоде то же самое сообщали «Тифлисские ведомости»**.

Вольховский оказывал большие услуги частям Кавказского корпуса. Он принимал деятельное участие в разработке планов военных действий и походов корпуса, в описании дорог, в собирании необходимых данных о неприятеле и т. д. Большую роль играл он, в частности, в крупных сражениях 19—20 июня 1829 г., при занятии Байбурта и других важных городов. В ноябре 1828 г. Вольховский был награжден орденом Георгия 4-й степени, а в декабре 1829 г. последовало «высочайшее благоволение».

Несмотря на все это, честолюбивый и завистливый командир Кавказского корпуса Паскевич ненавидел и преследовал Вольховского. «Будучи человеком удивительно трудолюбивым, добросовестным и дельным, Вольховский исполнял обязанности своей ответственной и хлопотливой должности с чрезвычайным усердием и весьма успешно, но, как и все другие талантливые сподвижники Паскевича

* АКАК. Т. VII, стр. 751—752.

** «Тифлисские ведомости», 1828, № 11.

(Н. Н. Муравьев, барон Д. Е. Остен-Сакен, Н. Н. Раевский и др.), вызвал к себе в конце концов ненависть графа Эриванского, когда дошли до него слухи, что некоторые успехи военных действий приписывались скромному Вольховскому*. В результате интриг своего начальника Вольховский с окончанием русско-турецкой войны покинул Кавказ, но примерно через два года, в 1832 г., когда Паскевича там уже не было, вернулся обратно и занял пост начальника штаба Кавказского корпуса.

Следует сказать, что высокие посты, занимаемые Вольховским, отнюдь не поколебали его дружественных отношений с декабристами, служившими в Кавказском корпусе. Напротив, он по возможности даже помогал и покровительствовал им. Лица, близко знавшие его, утверждали, что Вольховский являлся «ангелом-хранителем» всей довольно многочисленной семьи декабристов, поступивших на Кавказе рядовыми**. В письмах многие декабристы отзывались о Вольховском всегда с глубоким уважением.

Александр Михайлович Миклашевский (1796—1831) накануне восстания декабристов служил в 22-м егерском полку в чине подполковника***. В «Алфавите» декабристов о нем сказано: «В феврале 1821 года он поступил в члены Общества, незадолго перед тем составившегося между офицерами Измайловского полка, которое вскоре и уничтожилось. О

* «Архив Раевских». Т. I, стр. 429—430.

** И. Ениколопов. Грибоедов и Восток. Ереван, 1954, стр. 90.

*** ЦГВИА, ф. 48, оп. I, д. 76, л. 1.

цели сего Общества не знал. Об обществе Союза благоденствия узнал уже по разрушении одного. После сего, в апреле того же года, Николай Тургенев принял его в другое тайное Общество, имевшее целью распространение просвещения вообще и в особенности между нижним классом народа, дабы тем самым довести его до того состояния, в котором он мог бы пользоваться свободою»*.

Миклашевский был арестован в январе 1826 г. в Чернигове, переведен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. После шестимесячного заключения, по приказу царя его перевели в Отдельный Кавказский корпус, с тем, чтобы ежемесячно доносить о его поведении. Подполковник Миклашевский уже в июле 1826 г. служил в 42-м егерском полку и вместе с ним принимал активное участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг.

В конце июля 1826 г. вторгнувшаяся в Закавказье 60-тысячная персидская армия под командованием наследника престола Аббас-мирзы блокировала крепость Шуша. Малочисленный русский отряд и местные добровольцы храбро защищались и, несмотря на большие затруднения, устояли перед грозным врагом. Во время этой тяжелой осады своим героизмом отличились многие воины и ополченцы. В их числе находился также подполковник Миклашевский.

В сентябре 1826 г. Миклашевский был в экспедиции на Казахской и Шамшадильской дистанциях, предпринятой генералом Ермоловым с целью пре-

* «Восстание декабристов». Т. VIII, стр. 124.

дупредить агрессивные действия эриванского хана. В конце октября он в составе отряда генерала Паскевича совершил поход за Аракс. В начале января следующего года Миклашевский — снова на берегах Аракса, но уже в отряде генерала Мадатова.

В апреле 1827 г. отряд русских войск под командованием Мадатова вел бой с неприятелем на берегу Аракса, у Худаперинского моста. Чтобы занять мост и переправить войска на правый берег реки, Миклашевский, выполняя приказ Мадатова, 19 апреля напал на персидский отряд и «под огнем неприятеля занял позицию в 80-ти шагах от моста». Миклашевский «бросился со своими егерями к мосту и внезапным нападением овладел башней»*.

Летом и осенью 1827 г. Миклашевский участвует в боях, происходивших в Восточной Армении и Азербайджане. В ноябре 1827 г. Паскевич рапортовал царю о том, что многие декабристы и «прикосновенные», в том числе и подполковник Миклашевский, «в делах против неприятеля оказали себя неустрашимыми»**. В конце 1827 и начале 1828 гг. Миклашевский принимал участие в походе на Южный Азербайджан.

Миклашевский участвовал и в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. Уже в первые месяцы войны он выполняет ответственные боевые задания. Во время осады Карса ему было поручено с тремя ротами занять кладбище, что имело большое значение для ус-

* «Утверждение русского владычества на Кавказе». Т. IV. Ч. 1. Тифлис. 1908, стр. 224.

** ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 230.

пешной атаки крепости. «Храбрый офицер этот (Миклашевский. — *М. Н.*), невзирая на сильный ружейный и картечный огонь, быстро достигнул кладбища; но там часто поставленные могильные камни и памятники доставили неприятелю возможность держаться отчаянно. Каждый шаг должно было приобретать с бою, каждую гробницу надлежало отнимать штыками... Но мужество войск наших восторжествовало, и неприятель, выбитый с кладбища, открыл егерям путь в укрепленный лагерь, который в одно мгновение взят без выстрела, вместе с двумя орудиями и 4 знаменами»*.

Во время штурма и взятия Карсской крепости Миклашевский находился в первых рядах атакующих войск. «Наши,— пишет русский военный историк,— пошли на штурм предместия Орта Капа (Тапа? — *М. Н.*). На западной стороне, вслед за полковником Бородиным, ворвались в предместье 42-й егерский полк и батальон 39-го, с которыми был Миклашевский. Оттуда колонны двинулись к крепости. Стрелки прокрались под самую стену ее и в одно мгновение охватили их. Вскоре ближайшая башня была занята. Русские ворвались в ворота крепости, придвинулись к стенам цитадели, и — Карс пал»**.

А. М. Миклашевский непосредственно участвовал во взятии русскими войсками Ахалкалаки (24 июля), а также отличился в августе 1828 г. во время

* «История военных действий в Азиатской Турции». Т. I, стр. 227—228.

** «Кавказцы». «Полковник А. М. Миклашевский». СПб. 1858, стр. 3.

занятия ими крепости Ахалцих. Рапортуя царю об одном сражении, имевшем место под Ахалцихом, Паскевич писал: «Сильная турецкая пехотная колонна особенно старалась рытвиною пробраться до нашей позиции. Херсонский гренадерский полк под командою ген.-м. Попова и батальон 41-го егерского полка под командою подполковника Миклашевского с примерною храбростью отражали беспрестанно возобновлявшиеся покушения неприятеля»*.

Миклашевский проявил героизм и во время штурма Ахалциха. Об этом мы читаем: «С 5-го по 15-е августа он находился в прикрытии траншейных работ, а 15-го участвовал в жестоком кровопролитном штурме города, в котором упорная защита гарнизона, на каждом шагу противопоставлявшего мужеству русскому самое отчаянное сопротивление,—должна была уступить; 16-го гордый Ахалцих... пал»**.

За активное участие в боях с турецкими войсками Миклашевский в ноябре 1828 г. был произведен в полковники, а в марте следующего года назначен командиром 42-го егерского полка. Вместе с этим полком он участвовал во многих сражениях кампании 1829 г., воевал в Согомукских горах, побывал в Эрзеруме, занял Кыгинский санджак, нанес тяжелые удары войскам ванского паши, эрзинджанского бека и др.

В 1830 г., после окончания русско-турецкой войны, Миклашевский был назначен управляющим му-

* АКАК. Т. VII, стр. 762.

** «Кавказцы». «Полковник А. М. Миклашевский», стр. 4.

сульманскими провинциями Закавказья. Через год он был убит во время одной экспедиции, предпринятой против горцев в Дагестане²⁷. «Перед нами,— писал о Миклашевском А. Марлинский,— на окровавленном плаще, лежал труп убитого полковника, и как гордо, как прекрасно было его чело!... Офицеры и солдаты рыдали. Татары плакали горькими слезами... Но вонну ли жалеть о такой завидной смерти? Нам должно желать ее! Миклашевский пал, как жил,— героем»*.

А. Миклашевский погребен в городе Шуше — центре Карабаха.

* А. А. Бестужев - Марлинский. Сочинения в двух томах. Т. 2. М. 1958, стр. 54.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РЯДОВЫЕ УЧАСТНИКИ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ В АРМЕНИИ

1

В восстании декабристов принимали участие несколько тысяч рядовых из армии и флота. Коронованный палач Николай I жестоко расправился с ними. Революционные солдаты и матросы были подвергнуты жестоким телесным наказаниям и заключению в разные крепости, затем сосланы на каторжную работу в Сибирь или переведены в дальние армейские полки. Многих рядовых «мятежников» отправили на Кавказ, чтобы в кровавых военных действиях против горцев они имели «случай кровью изгладить вину свою».

Ссылка «взбунтовавшихся» солдат и матросов на Кавказ была осуществлена в основном тремя партиями. В конце февраля 1826 г. туда были отправлены те солдаты лейб-гвардии Московского и лейб-гвардии Гренадерского полков, которые принимали участие в восстании 14 декабря, но получили «прощение». Из этих солдат был сформирован специальный так называемый лейб-гвардии Сводный полк.

Примерно в эти же дни на Кавказ были отправлены и те солдаты лейб-гвардии Московского и Гренадерского полков, а также матросы Гвардейского экипажа, которые за участие в событиях 14 декабря находились в заключении в Выборгской и Кексгольмской крепостях. Наконец, в начале мая того же года на Кавказ были переведены и рядовые «мятежники» Черниговского пехотного полка, поднявшего знамя восстания на Украине.

Лейб-гвардии Сводный полк был организован в феврале 1826 г. В приказе по Гвардейскому корпусу от 17 февраля 1828 г. генерал от кавалерии Войнов писал: «От командира Отдельного Кавказского корпуса получен его императорским величеством рапорт, что продолжающийся в Чечне бунт принуждает генерала Ермолова с наступлением весны приступить к решительным мерам для наказания возмущившихся горцев. Вследствие сего государь император высочайше повелеть соизволил сформировать два гвардейских батальона, один из л.-г. Московского, а другой из л.-г. Гренадерского полка — из тех самых нижних чинов, которые во время происшествий 14 декабря увлечены были ложным истолкованием и понятием присяги»*.

Вскоре после этого приказа были сформированы указанные выше гвардейские батальоны, которые и составили лейб-гвардии Сводный полк. Командиром полка был назначен полковник лейб-гвардии Преображенского полка, бывший член Союза благоденствия Иван Павлович Шипов. 27 февраля этот полк

* ЦГВИА, ф. ВУА, 1826 г., д. 888, л. 17.

выступил из С.-Петербурга в следующем составе: рядовых — 1107, штаб-офицеров — 2, обер-офицеров — 31, унтер-офицеров — 70, музыкантов — 28, нестроевых — 49, всего — 1287*.

Полк должен был следовать на Кавказ по маршруту: С.-Петербург — Рыбинск — Астрахань — Кизляр. Этот маршрут в основном был соблюден. 9 апреля полк прибыл в Рыбинск и здесь остался до середины мая. 18 мая полк на семи судах и баржах поплыл в направлении Астрахани, куда прибыл 3 июля. 10 июля он выступил из Астрахани и через пять дней прибыл на Шандруковскую пристань²⁸. Далее, 18 июля он прибыл в город Кизляр, а 30-го — в г. Моздок.

Следует сказать, что по первоначальному плану Сводный полк должен был принять участие в планируемых генералом Ермоловым экспедициях против горцев. Но когда в середине июля 1826 г. вспыхнула русско-персидская война, полку было приказано следовать в Закавказье, чтобы участвовать в персидской кампании. Согласно новому приказу полк отправился из Моздока в Тифлис через Екатериноград, Коби и Душет и прибыл туда 16 августа²⁹.

Полковник Шипов старался вступить в город в должной «чистоте и опрятности». С этой целью 15 июля в приказе он писал: «Завтрашний день по утру полк имеет вступить в гор. Тифлис в присутствии генерала от инфантерии Ермолова. Уверен, что гг. батальонные и ротные командиры приложат все

* По списку полк состоял из 1320 человек (см. ЦГВИА ф. ВУА, 1826 г., д. 888, л. 16).

старание, чтобы их батальоны и роты, вступая в столицу Грузии, в первый раз явились новому начальнику в совершенной чистоте и опрятности. Надобно показать, что и в продолжительном и трудном походе гвардия государя императора умеет сохранять исправность и порядок... Полк вступает с церемонией; одетыми быть в мундирах с открытыми лацканами и летних панталонах и киверах с чехлами. Гг. штаб и обер-офицерам быть в зеленых брюках*.

Полк оставался в Тифлисе около месяца. Его и некоторые другие воинские части Ермолов держал здесь, чтобы в случае необходимости усилить действующий русский отряд на эризанской границе и наблюдать «за турецкими пограничными землями, где, по новому распоряжению султана, формируются войска»**.

12 сентября с отрядом войск, в составе которого находился и Сводный полк, Ермолов выступил из Тифлиса на Казахскую и Шамшадильскую дистанции, «дабы не допустить сардаря Эриванского грабить нам приверженных»***. Боясь наступающего Ермолова, эриванский хан спешно отступил, и русские войска 29 сентября расположились лагерем при речке Гасан-су. Нужно сказать, что в эти же дни другой отряд, под командованием Дениса Давыдова, преследуя войска брата эриванского сардаря Гасан-хана, освободил Лори и Памбак от вторгнувшихся сю-

* С. Э. С к р у т к о в с к и й. Лейб-гвардии Сводный полк на Кавказе в персидскую войну с 1826 по 1828 год. СПб. 1896, стр. 18.

** АКАК. Т. VI. Ч. II, стр. 375—376.

*** Там же, стр. 375.

да персидских войск. Отряды Ермолова и Давыдова действовали по общему плану. Таким образом, еще в сентябре 1826 г. Сводный полк сыграл значительную роль в деле очищения некоторых северных районов Армении от войск эриванского хана.

В октябре-ноябре 1826 г. Сводный полк участвовал в экспедиции, предпринятой Ермоловым в Ширванскую, Шекинскую и Кубинскую провинции с целью пресечь антирусскую деятельность ханов, связанных с персидским двором. Характерно, что когда Сводный полк и другие части, входившие в состав отряда, 19 октября вступили в Нуху, то «простой народ встретил русские войска с радостью, но большинство беков бежало вместе с ханом»*. То же самое происходило в других городах. Отряд вернулся в Тифлис 19 декабря.

Весною 1827 г., когда возобновились военные действия, Сводный полк вместе с другими частями главных сил Кавказского корпуса двинулся в Эриванское ханство. Выступив из Тифлиса 5 мая, он через пять дней прибыл в Шулаверы, а в середине мая остановился в Джалал-оглы. 8 июня отряд Паскевича, в состав которого входил полк рядовых участников восстания декабристов, не встретив серьезного сопротивления, вступил в Эчмиадзин. «Отсюда генерал Паскевич, считая нужным пресечь Гассан-Хану возможность пробраться в крепость Сардарь-Аббад, намеревавшемуся также напасть на наши обозы, следовавшие от Безобдала к Эривани, отко-

* Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб. 1888, стр. 691.

мандировал для этого лейб-гвардии Сводный полк при одной роте армянского ополчения, 4-х орудиях Донской конно-артиллерии № 3 роты и Донского казачьего Полковника Шемчева полка, под командою полковника Шипова 2-го. Батальоны с означенным отрядом выступили 11-го июня от монастыря к Сардар-Аббаду и на пути своем 12-го встретились с небольшою персидскою партнею, которая вскоре отступила. Гассан-хан, узнавши о движении нашего отряда, отретировался к реке Аракс, а отряд возвратился обратно 14-го числа к монастырю Эчмиадзину»*.

Спустя некоторое время, 26 июня, Сводный полк вместе с другими частями занял Нахичевань, а через несколько дней двинулся к крепости Абасабад. В горячих сражениях за эту крепость полк Шипова принял самое активное участие. Он «с распущенными знаменами и с музыкой вступил в крепость»**.

В середине июля наступили необычайно жаркие дни. Чтобы избежать удушливого зноя и болезней, Сводный полк и другие части главных сил Кавказского корпуса вместе со штабом Паскевича двинулись в горы Карабаба, что в 50 верстах от крепости Абасабад. В новом лагере русские войска остались до конца августа. 29 августа, в связи с тем, что большая персидская армия во главе с Аббас-мирзой активизировала свои действия в районах Эчмиадзина и Сардарабада, в результате чего создавалась угроза

* «История лейб-гвардии Гренадерского полка. Составлена поручиком Пузановым». СПб. 1845, стр. 158.

** АКАК. Т. VII, стр. 553,

для отряда Красовского, русские оставили Карабабу и форсированным маршем поспешили на помощь генералу Красовскому. Лейб-гвардии Сводный полк и другие части, пройдя за несколько дней около 150 верст, 5 сентября появились под стенами Эчмиадзина. Армия Аббас-мирзы скрылась за Араксом, заранее усилив гарнизоны Сардарабада и Эривани.

По приказу Паскевича с 14 сентября началась осада Сардарабада, который пал 20-го числа. В осаде и взятии этой крепости принял активное участие также Сводный полк. Ночью 17 сентября, сказано в военном журнале главного отряда Кавказского корпуса, открыта была «первая параллель от южной стороны крепости и заложена батарея на 18-ти орудиях. Лейб-гвардии сводный полк прикрывал работы»*. Какая-то батарея Сардарабада, военный историк Н. С. Пестриков писал: «Осадные работы шли настолько быстро, что уже 18-го сентября большая батарея с двухсотсаженного расстояния стала громить крепость и после 500 выстрелов совершенно разрушила большую четырехугольную башню. В ночь с 18-го на 19-е под прикрытием лейб-гвардии Сводного полка устроена новая параллель и батарея в ста саженьях от крепости. Лейб-гвардии Сводный полк находился в шестидесяти саженьях от крепости под сильным огнем, но ни одним выстрелом не отвечал на стрельбу персов и тем не дал им возможности точно определить место наших новых осадных

* Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ). ф. 1018, оп. 3, д. 193, л. 205.

Генерал-майор Александр

работ»*. Личный состав полка и здесь отличился своей храбростью.

Рядовые участники восстания 14 декабря играли большую роль, в частности, в деле освобождения Эривани от ига персидских ханов. За все время осады крепости они находились в первых рядах атакующих войск. 1 октября 1827 г., в день взятия Эриванской крепости, роты Сводного полка первыми начали штурм и первыми вступили в крепость. Шесть рот Сводного полка под командованием полковника Шипова, — рапортовал Паскевич 3 октября 1827 г., «бросились через брешь и заняли юго-восточную башню первой и второй стены и примыкающая к ней куртины»**. Вскоре после этого Сводный полк и другие воинские части вступили в крепость. Упорный Гасан-хан с остатками своих войск «ушел в главную мечеть», пытаясь продолжать здесь сопротивление. Но солдаты лейб-гвардии Сводного полка скоро взяли его в плен. «Генерал-лейтенант Сухтелен, — сказано в военном журнале, — с двумя ротами лейб-гвардии Сводного полка направился к мечети, в коей, по показанию жителей, находился Гасан-хан. Вошедши туда, он увидел до 200 вооруженных людей, готовых стрелять, но когда рота выстроилась перед ними и взвела курки, то они бросили оружия и сдались. Генерал-лейтенант же граф Сухтелен сам обезоружил Гасан-хана. Сарбазы, еще колебавшиеся, видя город занятым, положили также оружие»***.

* Н. С. Пестриков. История лейб-гвардии Московского полка. Т. II, стр. 75.

** АКАК. Т. VII, стр. 566.

*** ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 3, д. 193, л. 214.

Гасан-хан имел намерение взорвать крепость, но подпоручик Григорий Григорьевич Лелякин из Сводного полка, привлекавшийся в свое время к следствию по обвинению в участии в восстании декабристов, проявив исключительное бесстрашие, предотвратил злой умысел хана. Когда русские войска вступили в крепость, «подпоручик Лелякин, узнав от жителей, что в пороховом погребе, в котором находилось более двух тысяч пудов пороха, положен зажженный фитиль, ни мало не медля, с самоотвержением бросился в погреб, вынул фитиль и тем не допустил взрыва крепости»*.

В сражениях за Эривань гвардейцы Сводного полка показали замечательные примеры героизма и военного искусства. Во время осады Эриванской крепости из их числа получили ранение 10 человек, в том числе 1 унтер-офицер и 9 рядовых.

После взятия Эривани Сводный полк вместе с другими частями главных сил Кавказского корпуса двинулся к Тавризу. Выступив из Эривани 5 октября и пройдя через города Нахичевань и Маранду, полк 22-го числа с церемонией вступил в Тавриз, который до этого уже был занят другим отрядом русских войск. С ноября 1827 г. по январь 1828 г. полк квартировал в Дей-Каргане, где, как известно, происходили переговоры между Паскевичем и Аббас-мирзой. С 11 января по 20 февраля полк стоял в местечке Бинаба. После заключения Туркманчайского мирного договора гвардейцы вернулись в Тифлис.

* «История лейб-гвардии Гренадерского полка. Составлена поручиком Пузановым», стр. 168.

Выступив из Бинабы 21 февраля, они прошли Тавриз, переправились через Аракс у Асландуза и 11 апреля 1828 г. через Елисаветполь прибыли в Тифлис.

Лейб-гвардии Сводный полк оставался в Тифлисе до начала июля. Здесь он был укомплектован из разных частей, в том числе из рядовых старого состава лейб-гвардии Семеновского полка, которые были переведены в кавказские армейские полки из-за участия в 1820 г. в «бунте» семеновцев. Находясь в Тифлисе, Сводный полк имел случай выступить там на параде. 25 июня тифлисским военным губернатором генералом Сипягиным были организованы торжества, которые начались парадом Сводного полка. В тот же день, как сообщает газета «Тифлисские ведомости», губернатором «дан был обеденный стол, к которому приглашены были как духовенство, так и все знатные военные и гражданские чиновники, первенствующие из купечества, и персидские ханы. Сверх того угощаемы были в особенной компании нижние чины лейб-гвардии Сводного полка, украшенные знаками отличия военного ордена»*.

По приказу Николая I Сводный полк 8 июля выступил в обратный путь — в С.-Петербург. Накануне, 7 числа, недалеко от Тифлиса, в урочище Сабуртало, были устроены проводы. Здесь экзарх Грузии митрополит Иона «по совершении молебствия, благословил в дальний поход покрытых славою воинов, коих отличное обращение с жителями останется навсегда запечатленным в сердцах обитателей столицы Грузии. На другой день, в 3 часа по полуночи,

* «Тифлисские ведомости», 1828, № 1.

Гвардейский полк снял лагерь и отправился в назначенный ему путь»*.

Далее «Тифлисские ведомости» сообщали, что «полк сей провожает куруры и трофеи, приобретенные российским оружием во время последней войны, между коими находится трон Аббас-мирзы, 7 пушек...»**.

Пройдя через Владикавказ, Ставрополь, Новочеркасск, Воронеж и Тулу, полк гвардейцев-«бунтарей» 4 ноября вступил в Москву. «К 11 часам утра 4 ноября полк приготовился у Серпуховской заставы; по прибытии московского коменданта, генерал-лейтенанта Веревкина, полк двинулся по отделениям к площади Минина и Пожарского; за полком следовало 17 орудий, вылитых в Тавризе; из них одно на персидском лафете, запряженном персидской сбруей, остальные — на лафетах от находившейся в Москве артиллерийской бригады. Вступая на Красную площадь, полк построился во взводную колонну. Военный генерал-губернатор поздоровался с полком и стал у монумента, а полк прошел церемониальным маршем повзводно. Затем знамена были отнесены во дворец, а роты разведены по квартирам. На другой день к 10 часам утра полк собрался на парадном месте в Кремле, откуда прошел в Чудов монастырь для слушания благодарственного молебствия: во время богослужения персидские орудия были возимы по главнейшим улицам столицы»***.

* «Тифлисские ведомости», 1828, № 2

** Там же.

*** С. Э. Скрутковский, стр. 52.

Через несколько дней гвардейцы отправились в С.-Петербург, куда прибыли 11 декабря. Сводный полк был распушен, а его батальоны возвращены в свои полки — в лейб-гвардии Московский и лейб-гвардии Гренадерский.

Нужно сказать, что в Сводном полку находились, кроме рядовых «злоумышленников», также некоторые лица из офицерского состава, причастные к движению декабристов. Таковым был прежде всего сам командир полка Иван Павлович Шипов (1793—1845). Он, как отмечено в «Алфавите» декабристов, «принадлежал к Союзу благоденствия, был членом Коренного Совета и находился на совещании Коренной Думы (в 1820 году), происходившем в квартире Глинки, где держал сторону республиканского правления»*.

Шипов, как правильно замечает Б. Л. Моздалевский, «не понес кары, но, под благовидным предлогом, был удален из Петербурга»**.

И. Шипов был одним из прогрессивных людей своего времени. О некоторых его качествах С. Скрутковский писал: «Он был в высшей степени гуманным и просвещенным командиром, жившим совершенно интересами полка. В его приказах обнаруживается, с одной стороны, самое педантичное отношение к требованиям службы, с другой — редкая заботливость о солдате. Между прочим для его характеристики замечателен тот факт, что за три года командования л.-гв. Сводным полком почти не было

* «Восстание декабристов». Т. VIII, стр. 208.

** «Архив Раевских». Т. I, стр. 309.

случаев применения тогдашних жестоких наказаний розгами и шпицрутенами, что составляет столь резкую разницу в сравнении с прежними командованиями»*. Шипов был одним из участников Отечественной войны 1812 года.

Из офицеров Сводного полка следует здесь упомянуть также Кудашева, Шереметева, Багговута и Леякина.

Подпоручик лейб-гвардии Московского полка Михаил Феодорович Кудашев (1805—1847) за причастность к восстанию декабристов был арестован и после следствия отправлен в составе Сводного полка на Кавказ. Подпоручик Преображенского полка декабрист Н. В. Шереметев, о котором мы уже говорили в предыдущих главах, с мая 1827 г. служил в Сводном полку. Прапорщик лейб-гвардии Московского полка Александр Федорович Багговут (1806—1883) был замешан в деле декабристов и в феврале 1826 г. в составе лейб-гвардии Сводного полка был отправлен на Кавказ. Будучи адъютантом И. Шипова, он принял активное участие в боях за Сардар-абад и Эривань, а также во многих других сражениях персидской кампании 1827—1828 гг. Прапорщик лейб-гвардии Гренадерского полка Григорий Григорьевич Леякин (1803—1876) в связи с движением декабристов был арестован, подвергся допросу, а затем вместе со 2-м батальоном своего полка, в составе вновь сформированного Сводного гвардейского полка, был отправлен в Закавказье, где осо-

* С. Э. Скрутковский, стр. 56—57.

бенно отличился во время покорения Эриванской крепости.

Лейб-гвардии Сводный полк, как мы уже отметили, храбро сражался на протяжении всей русско-персидской войны. О его подвигах Паскевич рапортовал И. Дибичу: «В многотрудной войне сей лейб-гвардии Сводный полк оказал столько усердия и твердости, сколько можно было ожидать оных от людей, искренно желавших искупить не намеренную вину свою пожертвованием себя... Я употребил его исключительно там, где предвиделось наиболее опасностей, и во всех сих случаях он являл постоянно мужество, непоколебимое усердие и самую строгую воинскую подчиненность»*.

Слова царского генерала о том, что якобы декабристы «искренно желали искупить не намеренную вину свою пожертвованием себя» являются, конечно, необоснованными и вымышленными. Но он был прав, когда писал о героизме и выносливости лейб-гвардии Сводного полка: «Всех более достоин удивления гвардейский батальон; порядок и ревность неизменные. Я счастлив, что могу его ставить образцом для прочих войск здешняго корпуса: всегда первый в походе, на работе, в сражении и менее других изнурен усталостью; в траншеи под сильнейшим огнем порываются один перед другим, каждый к своему делу; и под знойным поясом почти не заметно, что они пришельцы из климата полярного. Тогда как от прочих обозов я с ума сходил, гвардейцы через горы

* «Кавказский сборник». Т. 27, стр. 221.

проходили скоро и без замешательства и становились лагерем»*.

Паскевич далее сообщал, что во время взятия крепости Эривань нижние чины полка показали «весьма похвальный пример самой строгой дисциплины, ибо при всех трудностях и нуждах, кои неизбежно должны были переносить в продолжение войны, они по взятии крепости оказались все на своих местах, сохранили точный порядок и строжайшее повиновение своим начальникам и изъявили себя чуждыми от прикосновения к собственности эриванских жителей»**.

По указу Николая I от 15 марта 1828 г. все воины, принимавшие участие в русско-персидской кампании 1826—1828 гг., получили специально утвержденную серебряную медаль. Такие медали получил также весь личный состав лейб-гвардии Сводного полка. Но, помимо этого, часть солдат была награждена и боевыми орденами. Так, за взятие Сардарабада в каждой роте этого полка рядовые получили пять, а за Эривань — восемь орденов Георгия.

В числе «рядовых бунтарей 14-го декабря», награжденных за взятие Эривани, оказались, например, солдаты Сводного полка Карней Вислянов, Феоктис Петров, Афанасий Павлов, Архип Кравцов, Алексей Вершинин, Афанасий Ткаченко, Степан Шипунов, Гаврил Антонов, Василий Осеков, Иван Сагинов, Никифор Шалдаев, Андрей Журавлев, Аким Ботвинка, Моисей Александров, Тарас Сидоров, Матвей Грулев, Сергей Тимофеев, Максим Декова-

* АКАК. Т. VII, стр. 564.

** С. Э. Скрутковский, стр. 54.

ленко, Кузьма Петрушенко, Нил Григорьев, Максим Кузьмин, Гаврил Бондаренко и др. За боевые заслуги при взятии крепости Сардарабад получили «знаки отличия военного ордена» рядовые Семен Пятаков, Григорий Алексеев, Петр Бобровский, Иван Оносов, Феодор Щукин, Иван Сергеев, Кузьма Попов, Максим Зайцев, Иван Ермолаев, Иван Баранов, Петр Степанов, Дементий Афанасьев, Петр Новоселов и др.*

Из числа унтер-офицеров за взятие Эривани и Сардарабада получили ордена Феодор Бирюков, Герасим Петров, Елисей Переверзин, Егор Матвеев, Василий Фомин, Иван Иванов, Григорий Тимофеев, Филипп Тищенко, Иван Гранкин, Ивлей Михайлов, Михаил Белоусов, Иван Ганц, Степан Шерстюк и другие**.

За участие в русско-персидской войне получили ордена и многие офицеры полка. Так, полковник И. П. Шипов был награжден за взятие крепости Сардарабад орденом Владимира 3-й степени, за Эривань — орденом Георгия 4-й степени. В связи с осадой крепости Эривань капитан Ломоносов и штабс-капитан Меллин получили полусабли с надписью «За храбрость», поручики Карякин, Ушаков, подпоручики Лелякин, Прянишников, Ховен и другие — ордена Анны 3-й степени***. Медали и ордена получили и многие другие****.

* Н. С. Пестриков. История лейб-гвардии Московского полка. Т. II. Приложение, стр. 3—4.

** Там же.

*** С. Э. Скрутковский, стр. 53—54.

**** Н. С. Пестриков, стр. 78.

Если иметь в виду то обстоятельство, что царские генералы награждали декабристов с большой неохотой, то самый факт награждения показывает, что и рядовой и офицерский состав Сводного полка действительно сражался героически, сыграв большую роль в освобождении Эривани, Эчмиадзина, Сардарабада и всей Восточной Армении от ига персидских ханов и беков. Нужно учесть, что если в командном составе полка число «злумышленников» было невелико, то почти все солдаты были участниками восстания декабристов.

Следует отметить, что «мятежники»-семеновцы (участники восстания Семеновского полка в 1820 г.), сосланные несколько лет назад в разные полки Кавказского корпуса, в начале 1827 г. по приказу Николая I тоже были прикомандированы к Сводному полку. Так, в феврале и марте 1827 г. сюда прибыли семеновцы: из Ширванского, Тенгинского, Мингрельского, Тифлисского, Навагинского, Кабардинского, Севастопольского, Куринского пехотных полков — 16 унтер-офицеров и 85 рядовых; из 7-го Карабинерного полка — 2 рядовых; из 41, 42, 43 и 44-го егерских полков — 11 унтер-офицеров и 31 рядовой. Всего в это время в Сводный полк прибыло 145 человек, в том числе 27 унтер-офицеров и 118 рядовых*. Все они вместе со всем полком принимали самое активное участие в военных действиях против Персии в 1827 г., храбро сражаясь за многие города, крепости и деревни Армении и Азербайджана. В апреле 1828 г., после окончания русско-персид-

* С. Э. Скрутковский, стр. 48.

ской войны, прикомандированные семеновцы были окончательно переведены в Сводный полк.

2

Мы уже указали в начале этой главы, что кроме солдат лейб-гвардии Сводного полка на Кавказ были отправлены также нижние чины Московского и Гренадерского полков и Гвардейского экипажа, которые за свое активное участие в восстании 14 декабря не были «прощены» и находились под арестом в Выборгской и Кексгольмской крепостях. В начале марта 1826 г. 293 «мятежника» из Выборгской и 392 из Кексгольмской крепостей двумя отрядами, под командованием подполковника учебного саперного батальона Махова, вышли в путь. Сосланных сопровождал конвой. «В помощь подполковнику Махову,— сказано в одном официальном отношении,—прикомандированы для командования этими людьми шесть офицеров из полков Отдельного финляндского корпуса, а для сопровождения из Выборгского гарнизонного полка назначены унтер-офицеры и рядовые... с ружьями и ружейною амунициею на каждые 10 или 12 человек по одному»*.

Специальные отряды Махова шли на Кавказ примерно по тому же маршруту, каким шел лейб-гвардии Сводный полк. До Рыбинска их отправили пешком, а оттуда до Астрахани — на судах. Как видно из рапорта астраханского гражданского губернатора на имя генерала Ермолова от 10 июля 1826 г.,

* ЦГВИА, ф. ВУА, 1826 г., д. 888, лл. 13—14.

отряды Махова прибыли в Саратов 4 июля и в тот же день были отправлены в Астрахань*. Сам Махов из Саратова сообщал, что его отряды состоят из «государственных преступников» в следующем количестве: из Выборгской крепости 16 унтер-офицеров, 7 музыкантов и 262 рядовых; из Кексгольмской крепости — 27 унтер-офицеров, 3 музыканта и 352 рядовых; всего 43 унтер-офицера, 10 музыкантов и 614 рядовых. Конвой, сопровождавший отряды, состоял из следующих лиц: офицер — 1, обер-офицеров — 8, унтер-офицеров — 7, рядовых — 68, лекарь — 1, фельдшеров — 2, денщиков — 11**.

Отряды Махова были переведены из Астрахани на Северный Кавказ, а оттуда в Закавказье. Николай I дал строгое указание, чтобы по пути из Петербурга на Кавказ отряды Махова ни в коем случае не «сходились» со Сводным полком, который, как мы видели, был отправлен на Кавказ в это же время. Начальник Главного штаба Дибич 7 марта 1826 г. писал командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу Ермолову: «...Так как подполковнику Махову, следующему с командами за девять переходов от Сводного гвардейского полка, поставлено правилом не достигать тот полк в пути, то я не излишним считаю предварить о сем вас для распоряжения, чтобы при высадке той и другой команды в Астрахани они, по Высочайшей воле, отнюдь не могли сходиться вместе»***. Об этом же Ермолов предупредил

* «Кавказский сборник». Т. 27, стр. 174.

** Там же, стр. 172.

*** Там же, стр. 114.

коменданта Астрахани генерал-майора Зварыкина: «Государю Императору угодно, чтобы отряд сей (отряд Махова. — М. Н.) во время следования не сходил на пути с Сводным гвардейским полком и потому во все то время, когда сей последний будет расположен в Астрахани, Ваше превосходительство, позвольте остановить отряд в городе Царицыне»*.

Как видим, царь и его генералы боялись революционных солдат и матросов и поэтому не допускали их общения и встреч.

По первоначальному плану личный состав отрядов Махова должен был быть распределен в тех полках Кавказского корпуса, которые готовились выступить против горцев. Генерал Дибич 7 марта 1826 г. писал об этом Ермолову: «...Нижние чины, отправляемые под командою подполковника Махова из Выборга и Кексгольма..., по прибытии на Кавказскую линию должны быть распределены в те полки вверенного вам корпуса, коим преимущественно пред прочим предстоит надобность усмирять горцев действием оружия»**.

Как в других, так и в этом случае «злоумышленников» отправляли на первую линию огня, в самые опасные места. Но солдатам-декабристам пришлось воевать не против горцев, а против персидской армии. В связи с возникновением русско-персидской войны их распределили в полки, активно действовавшие в этой войне. Так, рядовые-декабристы из отрядов Махова были определены в 41-й и 42-й егер-

* «Кавказский сборник». Т. 27, стр. 125.

** Там же, стр. 114.

ские полки, в Ширванский, Тифлисский, Нашебургский, Козловский и Кабардинский пехотные полки и в 8-й пионерный батальон. А почти все эти воинские части, особенно егерские, а также Ширванский, Тифлисский, Кабардинский пехотные полки и пионерный батальон, как уже сказано, активно участвовали в военных действиях, развернувшихся в 1826—1828 гг. в Армении и Азербайджане.

Таким образом, рядовые декабристы из Сводного полка и отрядов Махова находились в Армении и сыграли немаловажную роль в историческом акте присоединения ее к России.

В начале 1828 г. по приказу Николая I «государственные преступники» из отрядов Махова, распределенные по разным полкам действовавшего Кавказского корпуса, были переведены в лейб-гвардии Сводный полк и с ним в июле 1828 г. вернулись в С.-Петербург. В Сводный полк поступили:

154	человека	из	41-го егерского полка
21	»	»	42-го егерского полка
164	»	»	Ширванского пехотного полка
165	»	»	Тифлисского пехотного полка
19	»	»	Нашебургского пехотного полка
12	»	»	Козловского пехотного полка
20	»	»	Кабардинского пехотного полка
23	»	»	8-го пионерного батальона*

Всего было переведено 578 человек, из которых 39 «мятежников» — из Гвардейского экипажа, а

* С. Э. Скрутковский, стр. 50.

остальные — из вторых батальонов лейб-гвардии Московского и лейб-гвардии Гренадерского полков; участвовавших в восстании 14 декабря.

Эти цифры между прочим говорят о том, что, если в отрядах Махова число «государственных преступников» в июле 1826 г. составляло 667, то в начале 1828 г. их осталось 578. Таким образом, 89 революционных солдат и матросов во время русско-персидской войны были, по всей вероятности, убиты или же вышли из строя из-за ранений.

О числе солдат и матросов, сосланных из Петербурга на Кавказ, Г. Габаев приводит следующие данные. В составе лейб-гвардии Сводного полка были сосланы: из лейб-гвардии Московского полка — 459 солдат, из лейб-гвардии Гренадерского полка — 807 солдат, из гвардейского экипажа — около 70 моряков. Помимо этого, отдельно, независимо от Сводного полка, на Кавказ были переведены: из лейб-гвардии Московского полка — 369, из лейб-гвардии Гренадерского полка — 277, из Гвардейского экипажа — 52 человека*.

Как уже говорилось, в июле 1828 г. Сводный полк оставил Закавказье и отправился обратно в С.-Петербург. Но и после этого в Закавказье оставалось еще не малое число революционных солдат и матросов из Сводного полка. Так, в одном официальном документе сказано, что в ноябре 1828 г. по разным причинам и главным образом по болезни

* «Декабристы и их время». Т. II, М., стр. 362. см. Г. Габаев. Солдаты — участники заговора и восстания декабристов.

в Закавказье находилось еще 90 «государственных преступников», в том числе 36 человек из тех, которые были сосланы из Выборгской и Кексгольмской крепостей под командованием подполковника Махова*. В соответствующих материалах сохранились фамилии этих людей. Из одного списка видно, что еще в конце октября 1828 г. в Тифлисе находились солдаты-декабристы: Николай Корохов, Яков Фролов, Филат Кончин, Степан Шалукнов, Емельян Ермолаев, Прокофий Рошин, Иван Борисов, Прокофий Гаврилов, Гаврил Юдин, Захар Астафьев, Владимир Гладков, Феодор Волков, Иван Хватов, Осип Игнатьев, Матвей Кожин, Иван Переверткин, Петр Прохоров, Василий Петров, Алексей Пантелеев, Иван Пупков, Степан Исаев и другие**. Унтер-офицер лейб-гвардии Сводного полка Михаил Белоусов, награжденный орденом за заслуги при взятии крепости Сардарабад, еще в феврале 1829 г. служил в Тифлисе***. В конце 1828 г. в Тифлисе находились также рядовые «мятежники» Семеновского полка Ефим Ткаченко, Алексей Яковлев, Игнатий Авдеев, Архип Смирнов, Андрей Ерохин, Андрей Гурьев, Афанасий Ткаченко, Давид Димченко, Никита Левченко, Парамон Шевелев и другие****.

3

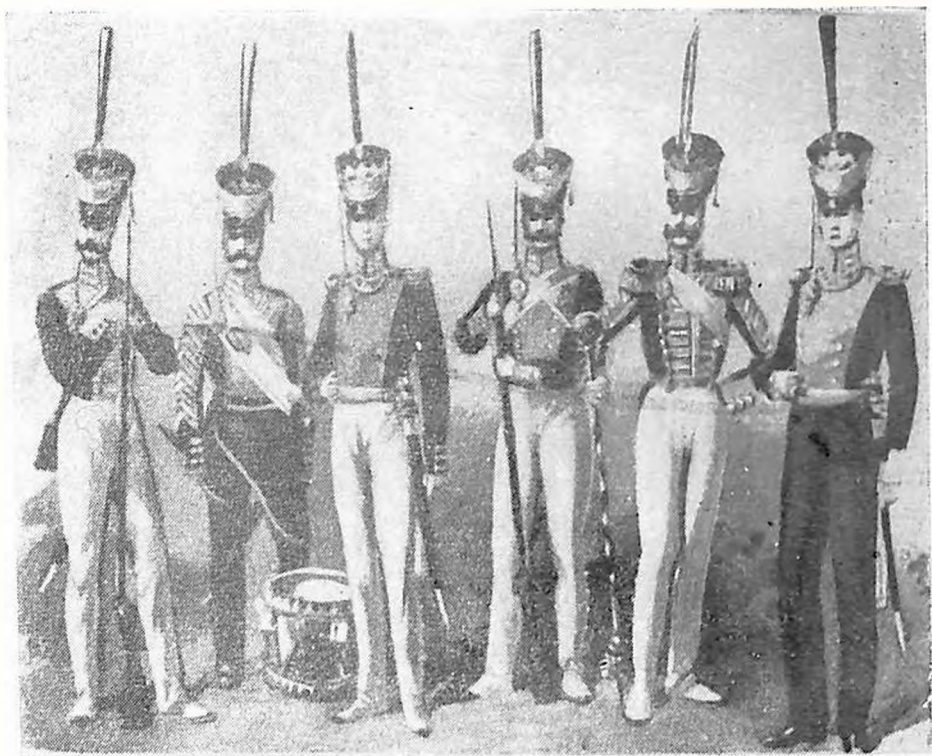
До сих пор мы говорили о тех революционных солдатах и матросах, которые за участие в восста-

* «Кавказский сборник». Т. 27, стр. 232.

** Там же, стр. 239—241.

*** Там же, стр. 235.

**** Там же, стр. 238—239.

Группа солдат и офицеров лейб-гвардии Московского полка

нии декабристов на Сенатской площади были удалены на Кавказ. Ознакомимся теперь с судьбой сосланных на Кавказ рядовых участников восстания декабристов на Украине.

На юге восстание началось, как известно, 29 декабря. Здесь под руководством выдающихся декабристов Сергея Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и других известных членов Южного общества поднялся против царского самодержавия Черниговский полк. Но 3 января 1826 г. и это восстание было подавлено.

Царь и его подручные жестоко наказали всех «преступников». Специально созданные военные суды приговорили революционных солдат к шпицрутенам, затем часть была сослана в Сибирь на каторжные работы, а другая, основная часть, отправлена в полки Кавказского корпуса, с тем, чтобы провинившиеся солдаты во время военных действий находились на первой линии огня. Из Черниговского полка были сформированы шесть рот для отправки на Кавказ. Эти роты имели следующий состав:

Роты	Музыкантов	Рядовых	Нестроевых	Денщиков
1-я	8	122	2	1
2-я	9	121	2	1
3-я	9	121	2	1
4-я	7	122	3	—
5-я	9	120	2	1
6-я	9	120	2	1
Итого	51	726	13	5

Таким образом, в состав шести рот были включены 795 солдат*. Для конвоирования были выделены из 4-й пехотной дивизии 13 обер-офицеров, 30 унтер-офицеров, 80 рядовых и 8 денщиков.

Отряд из шести рот Черниговского полка под командованием майора Броссе из Елецкого пехотного полка в апреле 1826 г. вышел из местечка Белая Церковь и отправился на Кавказ, в г. Ставрополь, куда прибыл в июле³⁰. «Мятежники» из Черниговского полка были распределены в полки Отдельного Кавказского корпуса. Так, Кабардинский пехотный полк получил 101 человека, 43-й егерский полк — 70. Таманский гарнизон — 50, Апшеронский пехотный полк — 85, Владикавказский гарнизонный полк — 100, Ширванский пехотный полк — 97, Моздокский гарнизонный батальон — 100, Навагинский пехотный полк — 130, Тенгинский пехотный полк — 40 человек**. Всего было распределено 773 рядовых.

В архивных материалах сохранились списки черниговцев, попавших в кавказские армейские полки. В одном из них сказано, что в Кабардинский пехотный полк отправлены в числе других и следующие рядовые декабристы: Василий Осипов, сын Осипов, 37 лет, в армии с 1813 г., из крепостных крестьян Смоленской губернии; Матвей Иванов, сын Иванов, 39 лет, в армии с 1813 г., из чувашей Вятской губернии; Иван Игнатьев, сын Игнатьев, 36 лет, в

* ЦГИАГ, ф. 1083, оп. 1, д. 364, л. 32.

** Там же, лл. 356—358, 363—368 и др.

армии с 1813 г., из крестьян Тульской губернии; Игнат Филиппов, сын Руднев, 38 лет, в армии с 1812 г., из дворовых Курской губернии; Семен Петров, сын Петров, 27 лет, в армии с 1818 г., из крестьян Тульской губернии; Исак Артемьев, 36 лет, в армии с 1811 г., из крепостных крестьян Могилевской губернии; Никифор Феодорович, 34 лет, в армии с 1812 г., из крестьян Саратовской губернии; Фома Антипов, 20 лет, в армии с 1825 г., из крестьян Белостокской губернии*.

В другом документе, озаглавленном «Список нижних чинов Черниговского пехотного полка, бывших в мятеже и поступивших на службу в 43-й егерский полк», читаем: Иван Егоров, 47 лет, в армии с 1807 г., из крестьян Тверской губернии; Хамет Самтов, 30 лет, в армии с 1810 г., из татар Казанской губернии; Александр Иванов, 34 года, в армии с 1811 г., из крестьян Пермской губернии; Филипп Григорьев, 33 г., в армии с 1813 г., из крестьян Екатеринославской губернии; Яков Титов, 34 г., в армии с 1813 г., из крестьян Калужской губернии; Григорий Феодоров, 28 лет, в армии с 1819 г., из пехотных солдат Рязанской губернии и т. д.**

В Ширванский пехотный полк (во 2-й батальон) были определены рядовые-черниговцы Игнат Феодоренко, Яков Васильев, Степан Николаев, Семен Игнатьев, Владимир Петров и другие. Все они были крестьяне из разных губерний России.

* ЦГИАГ, ф. 1083, оп. 1, д. 364, лл. 384—391.

** Там же, лл. 395—401.

Почти все полки, в которые были определены черниговцы, принимали участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг. В частности, Ширванский и Кабардинский пехотные полки сражались в боях за Сардарабад, Эривань и другие местности Восточной Армении. Только в указанных двух полках в 1827 г. служило около 200 черниговцев. Все они прибыли в Армению и вместе с другими солдатами главного отряда Кавказского корпуса отважно сражались против персидской армии. Таким образом, часть рядовых-мятежников Черниговского полка, активно участвуя в персидской кампании, сыграла немалую роль в освобождении Восточной Армении от ига персидских ханов.

Сосланные на Кавказ черниговцы активно участвовали также в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. В составе боевых полков Кавказского корпуса они храбро сражались против турецких войск под Карсом, Ахалцихом, Эрзерумом, Баязетом и многими другими крепостями и городами.

Мы уже отметили, что на Кавказ были сосланы в составе шести рот 795 черниговцев. Следует добавить, что кроме них на Кавказ было переведено также свыше 120 черниговцев отдельными группами. По официальным данным, в восстании Черниговского полка принимали участие 987 человек*, из которых 923 человека были сосланы на Кавказ, остальные — в Сибирь**.

* «Восстание декабристов». Т. VI, стр. 86—95, 102—103 и дальше.

** «Декабристы и их время». Т. II, стр. 362.

Кроме черниговцев, на Кавказ были сосланы также солдаты-«мятежники» из частей 8-й артиллерийской бригады и 8-й пехотной дивизии, дислоцировавшихся на Украине. Эти солдаты обвинялись в причастности к восстанию Черниговского полка, и после наказания шпицрутенами их отправили в «Теплую Сибирь». Так, например, на Кавказ были переведены: из 8-й артиллерийской бригады — рядовые Брагин Феодор, Бухарин Феодор, Гончаров Иван, Васильев Феодор, Евдокимов Николай, Занин Иван, Крайников Григорий, Кузнецов Николай, Родичев Иван, Фадеев Иван и др.; из Саратовского пехотного полка — унтер-офицеры Ганусовский Викентий, Иванов Матвей, Ляшко Феодор, Мартынов Денис, Мызников Петр, Стаценко Иван, Яцук Кондратий, рядовые Андреев Алексей, Бобылев Андрей, Николаев Феодор, Пересеткин Макар, Турков Василий, Юрашев Феодор, Янтарева Антон и др.; из Тамбовского полка — рядовые Колодченко Ефим, Кулаков Семен, Малафаев Петр, Мартынов Павел, Михайлов Феодор, Никитин Степан, Резников Гаврила, Рослов Тихон, Сорокин Григорий, Щербинин Филипп и др.; из Троицкого пехотного полка — рядовые Киринов Василий, Пестарев Анисим, Прокопьев Макар и другие*.

Причастность этих «нижних чинов» к движению декабристов выражалась главным образом в их связях с декабристами и в пропаганде революционных идей. Так, например, фейерверкер 3 класса 1-й бата-

* «Восстание декабристов», Т. VI, стр. 266—268; С. Гессен. Солдаты и матросы в восстании декабристов. М. 1930, стр. 120—153.

рейной роты 8-й артиллерийской бригады Гончаров Иван Леонтьевич был тесно связан с декабристами П. Борисовым и Андреевичем. Под их руководством он «вел широкую и успешную агитацию среди артиллеристов»*. Фейерверкер 2-й роты 8-й артиллерийской бригады Евдокимов Николай знал о существовании тайного общества, был связан с декабристом Горбачевским и вел революционную пропаганду среди нижних чинов. Рядовой 1-й гренадерской роты Саратовского пехотного полка 8-й пехотной дивизии бывший семеновец Андреев Алексей был связан с декабристами С. Муравьевым и Бестужевым-Рюминым и вел революционную пропаганду среди солдат. «За готовность содействовать заговорщикам и склонение к тому товарищей приговорен к 6 тыс. шпицрутен»**. Рядовой 2-й гренадерской роты Тамбовского полка бывший семеновец Кулаков Семен был одним из «постоянных посетителей и сторонником С. Муравьева. Дал клятву содействовать заговорщикам»***. Рядовой Троицкого пехотного полка 8-й пехотной дивизии бывший семеновец Пестеров Анисим был тесно связан с Муравьевым и являлся одним из его «деятельных сторонников».

Интересно отметить, что в 8-й пехотной дивизии и в 8-й артиллерийской бригаде имелось немало «семеновцев» — участников известного восстания Семеновского полка в 1820 г. Так, в Троицком, Пензенском, Тамбовском и Саратовском пехотных пол-

* С. Гессен, стр. 126.

** Там же, стр. 122.

*** Там же, стр. 134—135.

ках, входящих в состав 8-й пехотной дивизии, к моменту восстания декабристов находилось 78 семейцев*. Имея опыт революционной борьбы, они легко прислушивались к антицарской агитации и становились пропагандистами революционных идей среди своих товарищей — солдат³¹. Характерно, что из солдат 8-й пехотной дивизии был признан виновным 151 человек, из которых 110 являлись бывшими семейцами**.

Рядовых участников восстания декабристов, как мы уже видели, царское правительство отправило на Кавказ в конце февраля и в начале мая 1826 г. тремя основными партиями. Но этим оно не ограничилось. Высылка декабристов на Кавказ происходила, правда, в относительно малом количестве, на протяжении всего 1826 и последующих годов. Так, 24 апреля 1826 г. из Петропавловской крепости на Кавказ была отправлена большая группа рядовых декабристов, в числе которых находились: матросы Гвардейского экипажа Валов Лавр, Екимов Иван, Ерыгин Петр, Зайцев Иван, Феодоров Никита, Захаров Тимофей; солдаты лейб-гвардии Московского полка Васильев Павел, Воронников Алексей, Вылетков Никифор, Губин Семен, Зорин Василий, Корнюженко Петр, Павлов Андрей, Семенов Рамазан; солдаты лейб-гвардии Гренадерского полка Иконников Тимофей, Патрекеев Дементий, Стрелков Петр, Тимофеев Иван и другие***.

* «Восстание декабристов». Т. VI, стр. 318—321.

** «Декабристы и их время». Т. II, стр. 360.

*** «Бю-библиографический словарь». Т. I. Ч. 1. М. 1927.

Указанные лица, участвуя в восстании 14 декабря на Сенатской площади, получили ранения и некоторое время находились в госпиталях С.-Петербурга. 12 «злоумышленников» из Черниговского полка были отправлены на Кавказ в сентябре 1828 г.* За причастность к восстанию декабристов с Украины на Кавказ были отправлены 20 декабря 1826 г. солдаты Саратовского и Троицкого полков Афанасьев Гурян, Бобылев Андрей и другие**.

Таким образом, можно утверждать, что в течение 1826 года царское правительство сослало на Кавказ около 3000 рядовых декабристов, большинство которых приняло активное участие в военных действиях, развернувшихся в 1826—1828 гг. в Армении и Азербайджане.

* Л. Добровольский. Отправка на Кавказ солдат Черниговского полка, стр. 4.

** «Био-библиографический словарь». Т. I. Ч. 1.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВСТРЕЧИ С ГРИБОЕДОВЫМ И ПУШКИНЫМ

1

Многим декабристам, сосланным на Кавказ, довелось в 1826—1829 гг. встретиться с А. С. Грибоедовым и А. С. Пушкиным. Встречи эти происходили главным образом в Армении, в период русско-персидской и русско-турецкой войн.

А. Грибоедов в это время исполнял должность чиновника «по дипломатической части», сначала при А. П. Ермолове, а затем при его преемнике И. Ф. Паскевиче. В апреле 1828 г. автор бессмертной комедии «Горе от ума» был назначен посланником в Персию.

Следует заметить, что Николай I не считал Грибоедова «благонадежным». Известно, что в январе 1826 г., в связи с делом декабристов, его арестовали. Правда, через несколько месяцев он был освобожден из-под ареста, но подозрения в отношении великого писателя оставались неизменными. Писатель знал об этом и, тем не менее, не боялся встреч и общения со своими друзьями-декабристами. «Рискуя своей благонадежностью,— справедливо пишет М. В. Неч-

кина,— он смело общается с сосланными декабристами и делает все, что только может, для облегчения их участи»*. Характерно, что уже в ноябре 1826 г. Грибоедов, находясь в Тифлисе, переписывался с сосланным на Кавказ декабристом А. А. Добринским**.

Встречи Грибоедова с декабристами имели место в основном в 1827 г., во время эриванского похода главных сил Кавказского корпуса. Участвуя в этом походе, Грибоедов почти все время находился в штабе войск, сражавшихся в Армении и Азербайджане. Именно здесь, на театре военных действий, во время сражений и битв, происходили многие встречи.

Грибоедов часто встречался со своим старым другом, бывшим членом Союза благоденствия В. Д. Вольховским, который с конца 1826 г. служил в штабе Кавказского корпуса. Дружбы проводили вместе немало времени. Они встречались и во время эриванского похода. В своих путевых заметках Грибоедов 9 июня 1827 г. писал: «Вольховский с колокольни (Эчмиадзинского монастыря. — М. Н.) видит пыль вдаль»***. Позже он из Тавриза отправил Вольховскому письмо, в котором «дает ему, как другу, советы при исполнении им ответственной миссии — получении контрибуции»****. В декабре 1827 г. Вольховский в свою очередь отправил дружеское письмо Грибоедову из-под Казвина*****.

* М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. Изд. 2. М. 1951, стр. 545.

** А. С. Грибоедов. Сочинения. М. 1956, стр. 605

*** Там же, стр. 471.

**** И. Ениколопов, стр. 91.

***** ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 2, д. 183, лл. 1—2.

Летом и осенью 1827 г., когда военные действия против персидских войск развернулись в Восточной Армении, Грибоедов находился при действующих войсках и, как видно из его записей, нередко бывал в боевых подразделениях главных сил Кавказского корпуса. Известно, что именно в этих частях служили многие разжалованные декабристы. Грибоедов часто встречался, например, с Н. Н. Раевским и посещал лагерь его полка, в котором служил и другой разжалованный декабрист, старый друг и племянник Грибоедова, Н. Н. Оржицкий. Там же служили Н. Семичев, Н. Депрерадович и Л. Молчанов. Посещая Раевского, Грибоедов, очевидно, встречался и с указанными лицами.

В путевых записках Грибоедова несколько раз упоминается лейб-гвардии Сводный полк, состоявший из рядовых-декабристов. Великий писатель по-видимому встречался также с командиром полка, бывшим членом Союза благоденствия И. Шиповым и с другими декабристами из его полка.

В осаде и взятии Сардарабада и Эривани, как мы уже видели, принимали активное участие многие декабристы и «прикосновенные», в том числе Е. Лачинов, П. Коновницын, М. Пущин, А. Гангелов, П. Бестужев и другие. С некоторыми из них Грибоедов был знаком раньше. Есть основание полагать, что он, находясь в это время под Эриванью и Сардарабадом, встречался и с ними, и с другими «злоумышленниками».

Подобные встречи имели место и в дальнейшем. М. И. Пущин в своих воспоминаниях отмечает, что

в конце 1827 и начале 1828 гг., когда некоторые части русских войск зимовали в Тавризе, он (Пушкин), два брата Коновницких, Ринкевич, Молчанов, Лев Пушкин и другие «находили хороший обед и у Грибоедова»*. Из этого сообщения Пушкина можно заключить, что Грибоедов и названные лица находились в довольно близких отношениях, что эти встречи не были первыми и единственными.

О своих встречах с Грибоедовым упоминает и декабрист Петр Бестужев. В его памятных записках сказано, что, находясь в Тифлисе, он однажды зашел к Грибоедову и там встретился со своим братом Павлом Бестужевым, тоже из «прикосновенных» лиц**. Таким образом, с Грибоедовым встречались также братья Петр и Павел Бестужевы.

На Кавказе писатель познакомился с Дмитрием Сухоруковым. Об этом один из сотрудников журнала «Древняя и новая Россия» писал: «На Кавказе Сухоруков познакомился с Грибоедовым и, по его рекомендации, поступил для особых поручений к Дмитрию Ерофеевичу Остен-Сакену, а от него к Паскевичу, который отнесся к нему с особенным уважением и доверием; говорят, что все реляции Паскевича за то время принадлежат перу Сухорукова»***.

А. Грибоедов несомненно имел встречи и с другими сосланными на Кавказ декабристами. Не вызывает сомнения, что, например, он встречался со своим старым знакомым и другом И. Г. Бурцовым.

* «Русский архив», 1908, № 12, стр. 518.

** «Воспоминания Бестужевых», стр. 353.

*** «Древняя и новая Россия», 1877, № 9, стр. 90.

Здесь важно отметить, что встречи Грибоедова с сосланными декабристами носили не случайный характер. Имея в прошлом тесные связи с движением «дворянских революционеров», он считал своим долгом быть в контакте со своими друзьями, оказавшимися «в беде», и старался всячески помогать им, облегчить их тяжелое положение. Вот несколько фактов.

Из письма Грибоедова, написанного в Тифлисе 9 ноября 1828 г., ясно видно, что он хлопотал перед Ермоловым о переводе сосланных на Кавказ А. Добринского и Н. Шереметева в действующие полки Кавказского корпуса, что могло облегчить их участь. В этом письме, адресованном Добринскому, Грибоедов писал: «Любезный товарищ по заключению. Не думайте, что я о Вас позабыл. Вы до сих пор не имели от меня никаких известий единственно по неимению верной okazji для посылки Вам хоть нескольких строк. Сразу по прибытии моем в Тифлис я говорил о Вас с главнокомандующим, и он принял ходатайство мое о Вас самым удовлетворительным образом. Затем, когда Паскевич перед своим отбытием в Елизаветполь поручил мне от его имени похлопотать перед Алексеем Петровичем за Шереметева, который разделяет Вашу печальную участь, я снова получил ответ, что он не находит никаких затруднений для того, чтобы сделать представление кому следует о переводе вас обоих в один из полков, назначенных для действий против неприятеля... Как только генерал Ермолов вернется, я пристану к нему с Вашим делом, насколько мне бог даст

жара и красноречия, и немедленно дам Вам знать о последних решениях, которые он примет»*.

Грибоедов настойчиво хлопотал также о переводе А. Бестужева-Марлинского и А. Одоевского из Сибири на Кавказ. В одной из своих записок он просил Паскевича «благодетельствовать А. Бестужеву и выпросить его у царя из Сибири»**. В 1828 г. Грибоедов написал Паскевичу: «Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского»***.

Грибоедов проявлял большую заботу о всех своих пострадавших друзьях. Петр Бестужев рассказывает: «Узнавши, что я приехал в Тифлис, он (Грибоедов — М. Н.) с видом братского участия старался сблизиться со мною. Слезы негодования и сожаления дрожали в глазах благородного; сердце его обливалось кровию при воспоминании о поражении и муках близких ему по душе, и, как патриот и отец, страдал о положении нашем. Невзирая на опасность знакомства с гонимыми, он явно и тайно старался быть полезным. Благородство и возвышенность характера обнаружились вполне, когда он дерзнул говорить государю в пользу людей, при одном имени коих бледнел оскорбленный властелин»****.

Забота Грибоедова о друзьях-декабристах была воспринята ими с большой благодарностью. А. Бестужев-Марлинский писал: «Грибоедов взял слово о

* А. С. Грибоедов, стр. 605—606.

** Н. Котляревский, стр. 118.

*** М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы, стр. 524.

**** «Воспоминания Бестужевых», стр. 361—362.

Паскевича мне благодетельствовать, даже выпросить меня из Сибири у государя. Я видел на сей счет сделанную покойником записку... Благороднейшая душа!»*. В августе 1828 г., прибыв из Сибири в Тифлис, А. Бестужев посетил могилу Грибоедова и «стоя над ней, рыдал, как ребенок»**. 15 марта 1832 г. А. Бестужев писал Булгарину: «Что этот человек (Грибоедов. — М. Н.) хотел сделать для меня!.. Он умер и все пошло прахом»***. Декабрист Розен рассказывает, что когда А. Одоевский из Сибири был переведен на Кавказ и побывал в Тифлисе, то «часто хаживал он на могилу своего Грибоедова, воспел его память»****.

2

В 1829 г. с сосланными на Кавказ декабристами встречался и гениальный русский поэт А. С. Пушкин.

В мае 1829 г., когда русско-турецкая война, начавшаяся более чем год тому назад, еще продолжалась, А. С. Пушкин без разрешения правительства оставил Петербург и отправился в Закавказье. Одной из причин этого путешествия было желание поэта повидать своих друзей-декабристов, в то время находившихся в Отдельном Кавказском корпусе. В одном из вариантов предисловия к «Путешествию в Арзрум» Пушкин писал: «В 1829 году отправился я

* «Русский вестник». Т. 32, 1861, стр. 321.

** Н. Котляревский, стр. 118.

*** «Русская старина». Т. 11. 1900, стр. 392.

**** М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы, стр. 550.

на Кавказские воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса, мне захотелось туда съездить для свидания с братом и некоторыми из моих приятелей»*.

В условиях жестокого режима Николая Палкина поэт, разумеется, не мог высказаться более ясно и недвусмысленно. Нет сомнения, что в данном случае он имел в виду Н. Н. Раевского и некоторых декабристов, находившихся в то время в действующей Кавказской армии. Желание Пушкина встретиться со своими друзьями-декабристами было естественным и понятным. Известно, что поэт находился в близких отношениях со многими декабристами, вдохновлялся их революционной деятельностью. Он всегда оставался верным своим славным друзьям и их высоким идеалам.

Следует отметить, что поездка Пушкина на Кавказ очевидно была связана также «с огромным интересом поэта к событиям войны с Персией и Турцией и к присоединению Армении к России»**.

Выехав из Москвы 1 мая, Пушкин 26-го числа того же месяца прибыл в Тифлис. По приказу шефа жандармов Бенкендорфа за поэтом был установлен строгий надзор³². Побыв в Тифлисе около двух недель и получив разрешение от генерала Паскевича посетить действующую армию, Пушкин 10 июня от-

* А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах. Под редакцией М. А. Цявловского. Т. 4. М.—Л. 1936, стр. 794.

** К. В. Айвазян. О „Путешествии в Арзрум“ А. Пушкина (см. «Труды первой и второй всесоюзных пушкинских конференций». М.—Л. 1952, стр. 172).

правился в Карс³³. Совершив переход через Бзов-дальский хребет, он 11 июня ночевал в Гюмрах, а 12-го был уже в Карсе. Через день, 13 июня, Пушкин прибыл в лагерь русской армии на берегу реки Карс-чай. С этого дня вплоть до 20 июля поэт находился в действующем корпусе, участвовал в ряде сражений с турецкими войсками, посетил Гасан-калу и Эрзерум. 21 июля Пушкин уехал обратно из Эрзерума в Тифлис и прибыл туда 1 августа. Через несколько дней, 6 августа 1829 г., он отправился из Тифлиса во Владикавказ*.

За время своего пребывания в действующем корпусе (июнь — июль 1829 г.) Пушкин встречался со многими своими друзьями, в числе которых было немало декабристов. Поэт проводил много времени со своим близким другом Н. Н. Раевским, почти все время жил у него. В палатке Раевского собирались многие «вольнодумцы», и там завязывалась беседа между друзьями. Встречи происходили в палатках и под открытым небом, как во время похода, так и на привалах. 13 июня, когда войска продвигались к Соганлугу, Пушкин встретился с В. Вольховским, М. Пушным и другими. В своем знаменитом «Путешествии в Арзрум» поэт писал: «Здесь увидел я нашего Вольховского, запыленного с ног до головы, обросшего бородой, изнуренного заботами. Он нашел, однако, время побеседовать со мною, как старый товарищ. Здесь увидел я и Михаила Пушина, раненного в прошлом году. Он любим и уважаем

* «Кавказская поминка о Пушкине». Тифлис. 1899, стр. 65.

как славный товарищ и храбрый солдат. Многие из старых моих приятелей окружили меня».

В августе 1829 г., во время возвращения в Россию, А. С. Пушкин во Владикавказе опять встретился с Михаилом Пущиным. «Во Владикавказе,— пишет он,— нашел я Дорохова и Пущина. Оба ехали на воды лечиться от ран, полученных ими в нынешние походы. У Пущина на столе нашел я русские журналы. Первая статья, мне понававшаяся, была разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи. Я стал читать ее вслух. Пущин остановил меня, требуя, чтоб я читал с большим мимическим искусством... Требование Пущина показалось мне так забавно, что досада, произведенная на меня чтением журнальной статьи, совершенно исчезла, и мы расхохотались от чистого сердца»*.

Пушкин провел немало времени с Н. Семичевым, служившим у Н. Н. Раевского. Так, 14 июня вместе с Семичевым он принимал участие в стычке с неприятелем. Пушкин рассказывает: «Только успели мы отдохнуть и отобедать, как услышали ружейные выстрелы. Раевский послал осведомиться. Ему донесли, что турки завязали перестрелку на передовых наших пикетах. Я поехал с Семичевым посмотреть новую для меня картину»**.

Об этом эпизоде в другом источнике мы читаем: «Перестрелка 14 июня 1829 года замечательна потому, что в ней участвовал славный поэт наш Александр Сергеевич Пушкин. Он прибыл к нашему кор-

* А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 4. стр. 426—427.

** Там же, стр. 413.

нусу в день выступления на Саганлуг... Когда войска, совершив трудный переход, отдыхали в долине Ипжа-су, неприятель внезапно атаковал передовую цепь нашу... Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва достигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков, в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился противу неприятельских всадников»*.

В турецкой кампании 1829 г. принимал активное участие, как мы уже видели, декабрист И. Г. Бурцов, один из старых знакомых Пушкина. Во время военных действий поэт встречался и с ним. «Я,— писал Пушкин,— встретил генерала Бурцова, который звал меня на левый фланг»**.

В Эрзеруме Пушкин много времени проводил с В. Д. Сухоруковым. «Вечера проводил я с умным и любезным Сухоруковым; сходство наших занятий сближало нас. Он говорил мне о своих литературных предположениях, о своих исторических изысканиях, некогда начатых им с такою ревностью и удачей. Ограниченность его желаний и требований поистине трогательна. Жаль, если они не будут исполнены»***.

* «История военных действий в азиатской Турции в 1828—1829 годах». Т. II. Варшава. 1843, стр. 303.

** А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 4, стр. 415.

*** Там же, стр. 423.

Между Пушкиным и Сухоруковым установились дружеские отношения. В журнале «Древняя и новая Россия» мы читаем: «Бывший в то время (в 1829 г.— М. Н.) на Кавказе Пушкин очень сдружился с Сухоруковым»*.

Пушкин имел встречи и с декабристом П. П. Коновницыным. Рассказывая о том, что 14 июля был в эрзерумской бане, он продолжал: «Возвращаясь во дворец, узнал от Коновницына, стоявшего в карауле, что в Арзруме открылась чума»**.

Следует отметить, что Пушкин еще в мае 1829 г., когда совершил путешествие из Владикавказа в Тифлис, встретился с декабристом В. А. Муסיным-Пушкиным. По всей вероятности, он за время своего пребывания на Кавказе встречался, кроме указанных лиц, и с другими декабристами.

О встречах А. С. Пушкина с сосланными на Кавказ декабристами рассказывают и сами декабристы. Так, М. И. Пущин писал: «Однажды, уже в июне месяце, возвращаясь из разъезда..., я сошел с лошади прямо в палатку Николая Раевского, чтобы первого его порадовать скорою неминуемою встречей с неприятелем, встречей, которой все в отряде с нетерпением ожидали. Не могу описать моего удивления и радости, когда тут А. С. Пушкин бросился меня целовать, и первый его вопрос был: «Ну скажи, Пущин, где турки, и увижу ли я их; я говорю о тех

* «Древняя и новая Россия», 1877, № 9, стр. 90.

** А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 4, стр. 425.

турках, которые бросаются с криком и оружием в руках»^{*}.

За этой встречей последовали и другие. Из рассказа Пушина видно, что старые друзья — Раевский, Пушкин и Пушин часто сходились, бывали вместе и во время военных действий^{**}. Известно, что на обратном пути в Россию Пушкин с Владикавказа до Минеральных вод ехал вместе с М. И. Пушиным.

О пребывании Пушкина на театре военных действий турецкой кампании 1829 г. рассказывает и декабрист А. С. Гангеблов. В своих воспоминаниях он пишет: «Другая интересная особенность кампании 1829 года, это участие в ней поэта Пушкина. Паскевич очень любезно принял Пушкина и предложил ему палатку в своем штабе, но тот предпочел не расставаться со своим старым другом Раевским: с ним и занимал он палатку в лагере его полка, от него не отставал и при битвах с неприятелем. Так было между прочим в большом Саганлугском деле. Мы, пионеры, оставались в прикрытии штаба и занимали высоту, с которой, не сходя с коня, Паскевич наблюдал за ходом сражения. Когда главная масса турок была опрокинута, и Раевский с кавалерией стал их преследовать, мы увидели скачущего к нам во весь опор всадника: это был Пушкин, в кургузом пиджаке и маленьком цилиндре на голове; осадив лошадь в двух-трех шагах от Паскевича, он снял свою шляпу, передал ему несколько слов Раевского и, получив ответ, опять понесся к нему же, Раев-

^{*} Л. Майков, стр. 387—388.

^{**} Там же, стр. 389.

скому. Во время пребывания в отряде Пушкин держал себя серьезно, избегал новых встреч и сходил-ся только с прежними своими знакомыми, при посторонних же всегда был молчалив и казался задумчивым»^{*}.

Интересные сведения сообщает М. В. Юзефович, который не являлся декабристом, но близко сошелся с Пушкиным во время его пребывания в действующем Кавказском корпусе. Юзефович пишет: «Я встретился с ним (Пушкиным. — М. Н.) в 1829 году, когда ему было уже 30 лет, и при условиях, очень благоприятных для сближения между людьми: на боевых полях Малой Азии, в кругу близких ему и мне людей, под лагерною палаткой, где все живут нараспашку. Хотя время, проведенное мною с ним, было непродолжительное, всего пять-шесть недель, но зато все почти дни этих недель я с ним проводил неразлучно. Таким образом я имел возможность узнать его хорошо и даже с ним сблизиться. Он жил с упомянутым выше Николаем Николаевичем Раевским, а я жил с братом его Львом, бок о бок с нашим двадцатисемилетним генералом (Н. Н. Раевским. — М. Н.), моим однолетком, при котором мы оба были адъютантами, но не в адъютантских, а в дружеских отношениях, начавшихся еще в Персии»^{**}.

М. Юзефович далее рассказывает, что Пушкин «сердцем болел», когда видел участь своих друзей, сосланных на Кавказ. «Он (Пушкин. — М. Н.) был чрезвычайно добр и сердечен. Надо было видеть неж-

* «Русский архив», 1886, № 12, стр. 253.

** «Русский архив», 1880, № 3, стр. 434.

ное участие, которое он оказывал донцу Сухорукову, умному, образованному и чрезвычайно скромному литературному собрату, который имел несчастье возбудить против себя гонение тогдашнего военного министра Чернышева... У него, между прочими преследованиями, отняты были все выписки, относившиеся к истории Дона, собранные им в то время, когда он рылся в архивах, по поручению Карамзина. Пушкин, узнав об этом, чуть не плакал и все думал, как бы, по возвращении в Петербург, выхлопотать Сухорукову эти документы»^{*}.

И действительно, по возвращении в Петербург Пушкин сделал ряд попыток помочь Сухорукову. Этот факт лишний раз говорит о том, что великий поэт, подобно А. С. Грибоедову, не был безучастен к тяжелой судьбе своих друзей-декабристов³⁴.

В связи с встречами А. С. Пушкина с декабристами на Кавказе следует упомянуть об одном утверждении, высказанном в 1885 г. П. К. Мартьяновым. В «Историческом вестнике» Мартьянов писал, что Пушкин «проехал Тифлис и углубившись, следуя направлению военной дороги в горы, он встретил там совершенно неожиданно Александра Александровича Бестужева»^{**}. Мартьянов, конечно, ошибался. А. А. Бестужеву-Марлинскому не довелось встретиться с Пушкиным, как об этом ясно и недвусмысленно писал он сам в одном из своих писем к Н. А. Полевому. Бестужев 9 марта 1833 г. из Дербента сообщал: «Я сломя голову скакал по утесам Кавказа, встретя

^{*} «Русский архив», 1880, № 3, стр. 435.

^{**} «Исторический вестник», 1885, № 11.

его (А. С. Пушкина. — М. Н.) повозку: мне сказали, что он у Бориса Чилиева, моего старого однокашника; спешу, приезжаю — где он?... Сейчас лишь уехал, и, как нарочно, ему дали провожатого по новой околенной дороге, так что он со мной и не встретился!... Я рвал на себе волосы с досады,— сколько вещей я бы ему высказал, сколько узнал бы от него, и случай развел нас на долгие, может быть, на бесконечные годы»*.

Мнение Мартыанова, таким образом, явно ошибочно. Следует отметить, что необоснованность и ошибочность утверждения П. Мартыанова показал Майков еще в 1899 г. Майков справедливо писал: «Пушкин и Бестужев действительно проезжали по Военно-Грузинской дороге одновременно, но тем не менее свидания между ними не произошло»**.

Пребывание А. С. Пушкина в Кавказском корпусе, его встречи с декабристами вызвали сильное недовольство как в Петербурге, у Николая и начальника тайной полиции Бенкендорфа, так и у командира Кавказского корпуса Паскевича.

Один из участников турецкой кампании 1829 г. на Кавказском фронте, Потоцкий, утверждал, что Пушкин оставил действующий корпус из-за ссоры с Паскевичем, который предложил поэту немедленно уехать из армии главным образом из-за того, что он имел свидания с некоторыми декабристами***.

* «Русский вестник». Т. 31. 1861, стр. 436.

** Л. Майков, стр. 383—384.

*** «Русская старина». Т. 28. 1880, стр. 575; см. также Е. Г. Вейденбаум. Кавказские этюды. Тифлис. 1901, стр. 253.

Потоцкий был прав. Встречи и беседы, которые имел Пушкин с «злоумышленниками», беспокоили царя и его верноподданных холопов.

В заключение считаем не лишним отметить, что с некоторыми сосланными на Кавказ декабристами встречался и известный партизан Отечественной войны 1812 года поэт Денис Васильевич Давыдов³⁵. Декабрист А. Гангеблов в своих воспоминаниях сообщает, что в августе 1826 г., когда он в качестве переведенного на Кавказ «злоумышленника» служил во Владикавказском гарнизоне, то по желанию Д. Давыдова встретился с ним. Гангеблов рассказывает: «Давыдову, ехавшему из России, кажется из отпуска, пришлось иметь ночлег в укреплении Ардене; тут Денис Васильевич позвал меня к чаю и продержал у себя до полуночи в расспросах о моем аресте»^{*}.

Гангеблов далее пишет, что он встречался с Давыдовым и тогда, когда последний возвратился из Закавказья в Россию. Есть основание полагать, что Д. Давыдов, принимавший активное участие в русско-персидской войне, в 1826 г. встречался и с другими декабристами, сосланными на Кавказ.

^{*} «Русский архив», 1886, № 12, стр. 230.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ДЕЛО Н. Н. РАЕВСКОГО

1

Говоря о пребывании декабристов в Армении, нельзя не остановиться на одном эпизоде из жизни Н. Н. Раевского и его друзей, имеющем прямое отношение к нашей теме. Речь идет о так называемом «деле Раевского», которое возникло по доносам царских агентов осенью 1829 г. и имело тяжелые последствия для судеб декабристов, отбывавших ссылку на Кавказе.

Николай Николаевич Раевский (1801—1843) являлся одним из «вольнодумных», прогрессивно настроенных людей своего времени. Его отец, генерал Николай Николаевич Раевский (старший), прославил себя в Отечественной войне 1812 года. В разгар всенародной освободительной борьбы против вторгнувшейся в Россию наполеоновской армии он, командуя 7-м пехотным корпусом, взял на фронт двух своих сыновей — 11-летнего Николая и 17-летнего Александра. Оба они были определены на военную службу. Вместе с братом и отцом, по воле последнего, несовершеннолетний Николай принимал участие

в кровопролитных сражениях с врагом. Этот высокий патриотический акт Раевских был в свое время воспет русскими поэтами³⁶. Юноша Николай уже в 1816 г. был поручиком. В 1825 г. он в чине полковника состоял в Харьковском драгунском полку.

Николай Раевский (младший) был одним из близких друзей А. С. Пушкина. Великий поэт высоко ценил честность, талант и «тонкий ум» своего друга. Известно, что свою поэму «Кавказский пленник» он посвятил Н. Раевскому. На протяжении многих лет Пушкин переписывался с ним и до конца своей жизни остался его верным другом. В близких отношениях с Раевским находились также А. С. Грибоедов и Д. В. Давыдов.

Раевский был тесно связан со многими декабристами. После разгрома восстания 1825 г. он и его брат Александр были арестованы и привлечены к следствию. Царским властям не удалось доказать принадлежность Раевских к «тайным обществам» и поэтому их освободили³⁷. Однако Николай все же был переведен на Кавказ, в распоряжение командира Отдельного Кавказского корпуса генерала А. П. Ермолова. В предписании от 11 сентября 1826 г., адресованном «Харьковского драгунского полка господину полковнику и кавалеру Раевскому 3-му», было сказано: «...Не мало не медля отправиться в город Тифлис и явиться к господину генералу от инфантерии Ермолову»*. Спустя несколько дней, 16 сентября, был подписан приказ о назначении Раевского коман-

* «Архив Раевских». Т. 1, стр. 282.

диром Нижегородского драгунского полка, находившегося в это время в Грузии.

Раевский прибыл в Закавказье в конце сентября. Генерал Ермолов временно взял его в свой специально организованный отряд, вместе с которым молодой полковник сперва побывал на Казахской дистанции, в Тифлисе, а затем, в течение около двух с половиной месяцев, в Ширванской, Шекинской и Кубинской провинциях. Раевский, как это видно из его писем, уже 27 декабря находился в урочище Караагач*, где стоял Нижегородский драгунский полк. 3 января 1827 г. он рапортовал Ермолову о своем вступлении в должность командира этого полка**.

Вместе со своим полком Раевский принимал деятельное участие в русско-персидской и русско-турецкой войнах. В течение 1827—1829 гг. он успешно командовал полком, а затем бригадой, храбро сражался под Джеванбулахом, Абасабадом, Сардарабадом, Эриванью, Карсом, Ахалкалаки, Ахалцихом, Эрзерумом и другими городами и крепостями. Его мужество, воинская доблесть и талант военачальника были неоднократно отмечены командованием³⁸.

Но Раевский выделялся и другими своими достоинствами. Несмотря на жестокий николаевский режим, он не переставал питать большое уважение и любовь к декабристам, не изменил своих дружественных отношений с ними. Находясь в Закавказье,

* Не прав В. Потто, когда пишет, что Раевский прибыл в Караагач 3 января 1827 г. (см. В. Потто. История 44-го Нижегородского драгунского полка. Т. 3, стр. 30).

** ЦГИАГ, ф. 548. оп. 2. л. 47, л. 1.

он сохранил теплые, товарищеские связи с И. Г. Бурцовым, В. Д. Вальховским, И. П. Шиповым, П. М. Леманом и другими декабристами, большинство из которых, будучи сосланным или переведенным на Кавказ, находилось под тайным надзором. Многие разжалованные в солдаты декабристы находили в лице Раевского своего чуткого друга и покровителя. Раевский с радостью встречался с этими жестоко наказанными людьми и старался, сколько это было в его силах, оказывать им всевозможную помощь и поддержку. Примечательно, например, его встреча с разжалованным в солдаты и переведенным в начале 1827 г. из Сибири на Кавказ декабристом М. И. Пушным. В своих воспоминаниях Пущин указывает, что когда он в Тифлисе представился генералу Ермолову, то Раевский, оказавшийся в этот момент в кабинете генерала, бросился его обнимать*.

Дружественные отношения Раевского с сосланными на Кавказ декабристами вскоре были замечены высшим начальством. На обедах, устраиваемых в Тифлисе Раевским и его друзьями в начале 1827 г., присутствовали и некоторые разжалованные декабристы. Об этом факте И. И. Дибич 19 марта 1827 г. из Тифлиса сообщал царю: «...Здесь на некоторых офицерских обедах были званы Оржицкий, Пущин, Коновницын». Начальник Главного штаба далее сообщал, что Оржицкий уже зачислен в Нижегородский полк «и мною дано насчет его полковнику Раевскому должное наставление»**.

* «Русская старина». 1884. Февраль. стр. 307.

** ЦГВИА. ф. ВУА, д. 4442. См. также «Русская старина». Т. 6, 1872, стр. 264; «Архив Раевских». Т. I, стр. 348.

Однако и после этого молодой полковник продолжал свои теплые, сердечные отношения с «злумышленниками», старался оказывать им всяческую поддержку. Разумеется, он проявлял заботу и внимание прежде всего в отношении декабристов, находившихся в его полку. Раевский, например, неоднократно писал начальству о способностях и военных подвигах капитана Семичева, прося о повышении его в чине и должности. Еще 10 января 1828 г. он обратился по этому поводу к командиру Отдельного Кавказского корпуса Паскевичу*. Через год, 11 января 1829 г., Раевский писал исполнявшему должность начальника корпусного штаба генерал-майору Остен-Сакену: «...Покорнейше прошу о ходатайствовании у господина корпусного командира дать в командование капитану Семичеву на законном основании эскадрон вверенного мне полка»**. В результате многочисленных ходатайств Раевского, в конце 1828 г. капитан Семичев получил чин майора, а в мае 1829 г. был назначен командиром эскадрона Нижегородского драгунского полка. Характерно, что в связи с этим в январе 1829 г. И. Г. Бурцов поздравил Раевского «с производством Семичева»***.

Раевский многократно хлопотал также о поручике Н. Депрерадовиче и рядовом Н. Оржицком. Сохранились два письма одного родственника Оржицкого — генерала М. Е. Храповицкого к Раевскому, в которых автор выражает свою сердечную благодар-

* «Архив Раевских» Т. I, стр. 364–365.

** ЦГИАГ, ф. 548, оп. I, д. 95, л. I.

*** «Архив Раевских». Т. I, стр. 421.

ность за милость и покровительство, проявленные Раевским в отношении Оржицкого. «Могу ли найти слова для выражения моей благодарности? — писал Храповицкий. — Но верьте, что в полной мере умею ценить Вашу к нему (т. е. Оржицкому. — М. Н.) милость... Справедливость обнадеживает меня, что Вы и впредь покровительством своим не оставите его»*.

Дружественные отношения Раевского с сосланными и переведенными на Кавказ декабристами и на этот раз не могли остаться незамеченными. Агенты царского правительства не дремали. Реакция ждала лишь подходящего случая, чтобы внезапно нагрянуть на «вольнодумного», «сомнительного» Раевского и его друзей «преступников». Этот случай скоро представился.

В конце августа 1829 г., когда военные действия с Турцией подходили к концу, Раевский, в то время уже имевший чин генерал-майора, получил отпуск и, оставив действующий отряд в районе г. Байбурта, выехал в Тифлис³⁹. Для конвоирования он взял с собой группу офицеров и рядовых. По его желанию и требованию в эту группу были включены также декабристы — майор Николай Семичев, разжалованный в солдаты Захар Чернышев, разжалованный и сосланный на Кавказ польский «бунтарь» Николай Ворцель и другие⁴⁰. 3 сентября Раевский и сопровождавшие его лица прибыли в Карс, а 4-го — в Гюмри. Здесь они, в связи с карантином, остались трое суток. В эти дни Раевский почти все свое время

* «Архив Раевских». Т. I, стр. 348.

проводил среди друзей, давал обеды, на которых присутствовали также разжалованные «злоумышленники», и имел с ними долгие беседы.

Но среди гостей и друзей Раевского «случайно» оказался и флигель-адъютант управляющего Главным штабом генерала Чернышева Бутурлин, который вслед за Раевским приехал в Гюмри тоже из действующего отряда⁴¹. Общение и близость Раевского с «неблагонадежными чинами» Бутурлину показались сомнительными и опасными. Вернувшись в Петербург, этот карьерист, «мелкий куртизан и выскочка» написал донос. Бутурлин, по словам В. Потто, сообщал, что «Раевский держит себя с людьми, сосланными под строгий надзор, на товарищескую ногу, обедает за одним столом и проводит с ними время в разговорах на иностранных языках»^{*}.

Мнительный и мстительный царь живо откликнулся на донос и потребовал строгого следствия^{**}. Уже 29 сентября 1829 г. управляющий Главным штабом генерал-адъютант граф Чернышев, отличавшийся своей исключительной реакционностью, написал из Петербурга на имя тифлисского военного губернатора генерала Стрекалова следующее предписание: «Дошло до высочайшего сведения, что генерал-майор Раевский, возвращаясь из главного отряда в Тиф-

^{*} В. Потто, История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. 3, стр. 145.

^{**} Николай I не остался в долгу перед доносчиком. 19 января 1830 г. царь подписал приказ, которым ротмистр Бутурлин, нигде и ничем не отличившийся, награждался орденом Владимира 4-й степени (см. ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 113, л. 47).

лис, имел с собою большую свиту, в коей находились принадлежавшие к злоумышленным обществам Чернышев, Ворцель и Карвицкий, равно Паишков и другие. В Гумрах г. Раевский давал обед в палатке, на коем присутствовали все вышепоименованные лица. Государь император соизволил поручить вашему превосходительству сделать по сему предмету точнейшее и достовернейшее исследование и раскрыть: 1. По какой причине генерал-майор Раевский, оставив действующий отряд, отправился в Тифлис и имел при себе большую свиту, в коей находились и вышепоименованные лица? и 2. Почему лица сии, вопреки строжайшим запрещениям, не находятся при своих полках и командах, и что именно причиною непростительного послабления, что генерал-майор Раевский допускает их к столь короткому с собою общению, что дозволяет им быть при своем столе? Обо всем, что вами, милостивый государь, будет по делу сему открыто, вы не оставите и в то же время донесите его величеству в собственные руки. Но при сем долгом считаю присовокупить, что государь император соизволяет делать вашему превосходительству такое поручение, в предположении, что г. генерал-фельдмаршал граф Паскевич-Эриванский не возвратился еще из Азиатской Турции, если же он уже в Тифлисе, в таком случае его величеству благоугодно, чтобы вышеозначенное розыскание было произведено самим г. генералом-фельдмаршалом, о каковой высочайшей воле вместе с сим сделано уже от меня г. главнокомандующему надлежащее донесение»*.

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, д. 831, л. 10.

Идентичное отношение было послано в адрес командира Отдельного Кавказского корпуса Паскевича, в то время находившегося в главном действующем отряде*.

Генералу Стрекалову, однако, не довелось заниматься делом Раевского, ибо вскоре (25 октября) в Тифлис возвратился Паскевич и стал лично руководить следствием. Был пущен слух, будто Раевский и некоторые из его приближенных обвиняются «в государственном преступлении и измене». Граф Эриванский был весьма встревожен из-за боязни скомпрометировать себя перед царем и поэтому развернул лихорадочную деятельность. По его приказу запрошено было множество людей, в том числе командир сводной кавалерийской бригады генерал-майор князь Голицын, командир сводного уланского полка майор Парадовский, начальник Карсской области генерал-майор Берхман, гюмрийский комендант майор Аносов, исполнявший должность тифлисского коменданта артиллерии полковник Бухарин, грузинский гражданский губернатор Завилейский и многие другие.

Паскевич прежде всего потребовал объяснения от Раевского. В своем предписании на имя Раевского от 31 октября 1839 г. он, излагая его «вину» в духе приведенного выше предписания графа Чернышева, писал: «Поставляя на вид вашему превосходительству столь несообразные с порядком службы поступки, предписываю доставить мне немедленно

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, л. 831, л. 1; см. также ЦГВИА, ф. 36, оп. 7/850, св. 52, л. 83.

следующие сведения: 1. Именной список всем нижним чинам, находившимся в конвое вашем. 2. По какой причине в числе их находились из разжалованных нижних чинов Чернышев, Ворцель, Карвицкий, Пашков и другие и почему они, вопреки строжайшим запрещениям и без позволения моего, взяты были вами от своих полков и команд. 3. Какая причина столь непростительного послабления, что ваше превосходительство допускает их к столь короткому с собою обращению, что позволяете им быть даже при вашем столе»*.

Раевский 5 ноября написал свое объяснение. В нем он утверждал, что включение некоторых разжалованных в состав своего конвоя объясняется тем, что они были больны и нуждались в лечении. Так, о декабристе рядовом Захаре Григорьевиче Чернышеве он показал: «В числе конвоя я приказал включить рядового Чернышева, коего здоровье расстроено от дальнего путешествия его на перекладной из Сибири и от разительной перемены климата, не почитая, чтобы сие было противно службе, тем более, что он поручен моему надзору и притом военные действия в то время были уже окончены»**.

В рапорте Раевского далее говорилось, что Пашков, упоминаемый в предписаниях управляющего Главным штабом и Паскевича, не принадлежал «к злоумышленным обществам» и был в конвое в чине унтер-офицера. Нужно сказать, что Федор Пашков, действительно, ничего общего не имел с «зло-

* ЦГИАГ, ф. 54, оп. 2, д. 831, л. 2.

** «Архив Раевских». Т. I, стр. 491.

умышленными обществами». В течение 22 лет он бес­сменно служил в Нижегородском драгунском полку, получив в 1829 г. чин унтер-офицера. Таким обра­зом, доносчик Бутурлин, а также Паскевич и граф Чернышев заблуждались.

Раевский в своем объяснении признавал, что часть рядовых, находившихся в конвое, в том числе и некоторые, принадлежавшие к «политическим пре­ступникам», «в продолжение дороги действительно несколько раз были допущены к моему столу». Но это, продолжает Раевский, произошло «не оттого, чтобы составить из них свое общество, и не из пре­небрежения к порядку службы или недостатка рев­ности к исполнению воли высшего начальства, но единственно по недоброму сожалению, внушен­ному собственно моею болезнью»*. Паскевичу был представлен также «Именной список конвойной ко­манды из нижних чинов, находящихся при генерал-майоре Раевском». В список, подписанный самим Раевским, включены были фамилии 6 унтер-офице­ров, 36 рядовых и 4 нестроевых. Из декабристов фи­гурировал лишь Захар Чернышев.

Раевский не был чистосердечен перед Паскеви­чем. Он кое-что скрывал, старался казаться невин­ным и наивным, чтобы отвести от себя серьезное об­винение, могущее привести к тяжелым последствиям.

В следственном деле сохранилось много показа­ний. Командир сводной кавалерийской брига­ды князь В. С. Голицын, в конце августа 1829 г. за­менявший в этой должности Раевского, в рапорте от

* «Архив Раевских». Т. I, стр. 493.

9 ноября того же года на имя Паскевича писал: «25-го августа я получил назначение командующего сводной кавалерийскою бригадою, 26-го явился в лагерь в 8 верстах за Байбуртом по Хартской дороге, а накануне, т. е. 25 вечером, генерал-майор Раевский уже находился в городе близ квартиры вашего сиятельства, имея при себе конвой из драгун, как мне было сказано по соизволению вашего сиятельства, но что в числе одного находились из разжалованных государственных преступников я знал только 27-го числа на походе и тут же осведомился, что разжалованный *Чернышев был особенно потребован* (курсив наш. — М. Н.) его превосходительством в ночь на 26 число и вопреки его Чернышева желания, а потому я не смел полагать, что генерал-майор Раевский, будучи известен по родственным связям и прежним сношениям о всех постановлениях, до государственных преступников касающихся, мог бы решиться взять из них с собою несколько человек без особого от вашего сиятельства соизволения»*.

Голицын, как видим, отмечает здесь то обстоятельство, что Раевский для своего конвоя «особенно потребовал» разжалованного Чернышева⁴². Это, конечно, не было случайностью. Из показания Голицына можно заключить, что еще тогда, в 1829 г., было известно, что Раевский имел сношения с «государственными преступниками». Говоря о «родственных связях» Раевского, Голицын намекал на то, что многие родственники Раевского замешаны в делах «злоумышленников».

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, д. 831, лл. 33—34.

В рапорте начальника Карсской области генерал-майора Берхмана на имя исполнявшего должность начальника корпусного штаба генерал-майора Жуковского сообщалось о прибытии Раевского в Карс. Берхман писал: «Генерал-майор Раевский, возвращаясь из главного отряда в Тифлис, прибыл к Карсу вечером 3-го сентября и со всем конвоем своим, состоявшим из драгун Нижегородского полка, остановился лагерем близ крепости. На другой день я был у него рано утром и в палатке его никого не видел, а вслед затем, часу в 10-м утра же его превосходительство отправился далее в Гюмри. Во время пребывания его здесь ничего противозаконного мною не замечено, а равно и между конвойными его драгунами ничего недолжного не происходило. Были ли же в числе оного разжалованные, принадлежавшие к злоумышленным обществам, мне не было известно»*.

Интересные сведения мы находим в рапортах гюмрийского коменданта майора Аносова, карантинного врача в Гюмри штаб-лекаря Штраубе и грузинского гражданского губернатора Завилейского. Аносов писал, что генерал Раевский во время своего пребывания в Гюмри окружил себя многими рядовыми⁴³, что «при господине генерале Раевском было много окружающих — большею частью из нижних чинов»**. Лекарь Штраубе сообщал, что декабрист Семичев часто посещал Раевского. О встречах

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, л. 831, л. 23.

** Там же, л. 25.

Раевского с разжалованными лицами в Тифлисе в период с 12 по 19 сентября писал Завилейский*.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что дружественные отношения, установившиеся в августе-сентябре 1829 г. между Раевским и сосланными на Кавказ «политическими преступниками», не являлись обычной дружбой фронтовых товарищей. И разве в царской армии, и тем более в период жесточайшего николаевского режима, возможна была вообще такая дружба? Нетрудно понять, что сложившаяся между людьми столь различных чиннов дружба основывалась прежде всего на общности социально-политических воззрений и идей. Прогрессивные, революционные идеи декабристов не были забыты, они еще вдохновляли Раевского и его разжалованных друзей. Не без основания Паскевич утверждал, что поступок Раевского — признак того, что «дух сообщества» существует и живет**.

Мы уже говорили, что следствием по делу Раевского непосредственно руководил Паскевич. Последний в ноябре 1829 г. сообщил Николаю I свое заключение по этому делу. Паскевич писал: «Поступок генерал-майора Раевского сделался мне известен прежде получения Высочайшего повеления Вашего Императорского Величества, и я не оставил его без внимания, но только предоставил окончательное ре-

* Раевский выехал из Гюмри 7 сентября и прибыл в Тифлис 12-го. Здесь он остался до 19 сентября. Из Тифлиса он поехал в Караагач — в штаб-квартиру Нижегородского драгунского полка.

** В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. 3, стр. 147.

шение одного до возвращения моего в Тифлис, чтобы самому более во всем удостовериться. Поступок этот, хотя и злоумышленности не обнаруживает, но тем не менее есть признак, что дух сообщества существует, который по слабости своей не действует, но с помощью связей между собою живет. Сие с самого начала командования моего здесь не было опущено от наблюдений моих, и я тогда же просил графа Дибича снабдить меня хоть несколько другого рода генералами, которые с добрыми правилами соединяли бы и способности: но, не получив их, я должен был действовать теми, кои были, и по их военным действиям и способностям отдавать им справедливость. По множеству здесь людей сего рода, главное к наблюдению есть то, чтобы они не имели прибежища в лицах высшего звания и, так сказать, пункта соединения. В сем отношении удаление отсюда генерал-майора Сакена есть полезно; удаление генерал-майора Раевского также; весьма полезно удаление и генерал-майора Муравьева»*.

Паскевич не имел основания поставить знак равенства между Раевским, с одной стороны, и генералами Д. Е. Остен-Сакеном и Н. Н. Муравьевым — с другой. Но он, по-видимому, знал о вольнодумстве указанных генералов и, в частности, о «подозрительном» прошлом Н. Н. Муравьева. По всей вероятности, этим нужно объяснить его требование об удалении из Отдельного Кавказского корпуса Остен-Сакена и Муравьева.

* В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка. Т. 3, стр. 147.

2

По делу Раевского Николай I принял решение на основании заключения Паскевича. Царь приказал сделать Раевскому «строжайший выговор», подвергнуть восьмидневному домашнему аресту «при часовом» и удалить его из Кавказского корпуса. 10 декабря 1829 г. управляющий Главным штабом граф Чернышев писал Паскевичу: «Государь император, получив всеподданнейшее донесение Вашего сиятельства о следствии, произведенном по поступкам командира Нижегородского драгунского полка генерал-майора Раевского, дозволившего себе самое короткое и неприличное обращение с некоторыми лицами, принадлежавшими к злоумышленным обществам и определенными впоследствии рядовыми во вверенный ему полк, до того даже, что приглашал их к столу своему, согласно с мнением вашего сиятельства, высочайше повелеть соизволил перевести его из вверенного вам корпуса в 5-ю уланскую дивизию, но между тем, усматривая из собственного донесения генерал-майора Раевского, что он в сем случае совершенно забыл долг свой и порядок службы, повелевает вам, милостивый государь, сделать ему именем его императорского величества строжайший выговор, посадив его под арест домашний при часовом на восемь дней»*.

Предписание Чернышева было получено в Тифлисе в начале января 1830 г. Паскевич решил арест Раевского осуществить через генерал-майора А. Г. Чавчавадзе, в то время командовавшего войсками в

* ЦГИАГ, ф. 548, он 2, д. 831, л. 51.

Кахетии и на лезгинской линии. О «воле государя императора» и о своем решении граф Эриванский сообщил самому Раевскому, который тогда занимал должность военно-пограничного начальника в Кахетии*. 11 января 1830 г. Паскевич писал ему: «Управляющий Главного штаба Е. И. В. генерал-адъютант граф Чернышев, сообщив мне от 10-го декабря прошлого 1829 года высочайшую волю о переводе Вашего превосходительства из вверенного мне корпуса в 5-ю уланскую дивизию, присовокупляет, что Его Императорское Высочество, усматривая из собственного донесения Вашего, что Вы совершенно забыв долг свой и порядок службы дозволили себе самое короткое и неприличное обращение с лицами, принадлежавшими к злоумышленным обществам и определенными впоследствии рядовыми в вверенный Вам полк, до того даже, что пригласили их к столу своему, высочайше повелеть соизволили: сделав Вам за сие имени Его Императорского Величества строжайший выговор, посадить Вас под арест домашний при часовом на восемь дней. Исполняя Высококомандную волю Государя Императора, я объявляю Вам Высочайшим именем Е. И. В. строжайший выговор за учиненное Вами сношение с означенными лицами и вместе с сим делаю известным Вашему превосходительству, что об арестовании Вас и содержании под арестом дома при часовом в продолжении

* Раевский был отстранен от командования Нижегородским драгунским полком в ноябре 1829 г.

Высочайше назначенного восьмидневного срока предписано от меня генерал-майору князю Чавчавадзе»*.

Через несколько дней, 19 января 1830 г., князь Чавчавадзе поставил в известность Раевского о приказе Паскевича** и в тот же день доложил последнему, что «восьми дневный домашний арест... сего числа начат»***. Таким образом, «высочайшая воля» была исполнена. Раевский был взят под домашний арест.

Однако дело не кончилось этим. Спустя некоторое время, точнее 7 марта 1830 г., из Петербурга в Тифлис на имя Паскевича поступил новый запрос. Граф Чернышев требовал объяснения, почему Главному штабу не было своевременно сообщено, что вместе с Раевским в Гюмри находился и декабрист Семичев. Оказывается, об этом факте в Петербурге узнали лишь в феврале 1830 г. Чернышев далее требовал сообщить, по какой причине Семичев сопровождал Раевского****. Чтобы ответить Чернышеву, начались новые допросы. Раевский, Семичев и новый командир Нижегородского драгунского полка князь И. М. Андроников снова представили письменные объяснения. 13 марта 1830 г. Раевский писал фельд-маршалу Паскевичу: «В запасный эскадрон Нижегородского драгунского полка были приведены 340 ремонтных лошадей, искупленных в России и должныствующих служить основанием и укреплением полка. Для выездки сих лошадей и для введения едино-

* ЦГВИА, ф. 90, д. 45, л. 2.

** Там же.

*** ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, д. 831, л. 54.

**** Там же, л. 55.

бразной езды, я перед моим отъездом из Байбурта испросил и получил разрешение вашего сиятельства через господина генерал-майора Муравьева взять с собою вперед майора Семичева для составления учебной команды. Майор же Семичев мною выбран как отлично знающий верховую езду и лошадей. Еще считаю долгом почтеннейше донести вашему сиятельству, что поведение Семичева не подлежит никакому отчету и что есть высочайшее разрешение допустить его к командованию эскадроном. В Гумрах же майор Семичев, ехавший со мною, пробыл трое суток, назначенных вашим сиятельством для выдерживания карантина»*.

В своем рапорте от 14 марта 1830 г. на имя исполнявшего должность начальника корпусного штаба генерал-майора артиллерии Жуковского Семичев доносил: «25-го числа августа протекшего 1829 года без изъявления моего желания господин генерал-майор Раевский призвав меня объявил словесно, что по воле господина главнокомандующего я должен отправиться с ним вместе к запасному эскадрону полка в урочище Карагачь для осмотра приведенных ремонтных лошадей и для приготовления учебной команды; по сему я и находился при генерал-майоре Раевском во все время проезда его от Байбурта до Карагачь»**.

В рапорте командира Нижегородского драгунского полка полковника Андроникова не было ничего интересного. Как видно из архивного материала,

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, д. 831, л. 59.

** Там же, л. 60.

допросы, учиненные в связи с Семичевым, этим и были ограничены. Царь и его приспешники, по-видимому, больше не были заинтересованы в продолжении этого дела, и скоро оно было прекращено.

Дело Раевского и его друзей, начатое в сентябре 1829 г., таким образом, завершилось в марте следующего года. Раевский был наказан. Еще в ноябре 1829 г. его отстранили от должности командира Нижегородского полка. Далее, как мы видели, он подвергся домашнему аресту, получил «строжайший выговор» и был переведен из Отдельного Кавказского корпуса в 5-ю уланскую дивизию⁴⁴. Кстати сказать, один из современников Раевского — В. Андреев — в своих воспоминаниях правильно утверждал, что, если бы Раевский «не успел получить прежде чин генерал-майора, то положение его было бы незавидное»^{*}.

Но был наказан не только Раевский. По указанию Николая I в связи с делом Раевского начались новые гонения и преследования в отношении всех сосланных на Кавказ декабристов⁴⁵. Надзор и слежка были усилены, отношение к разжалованным и «политическим преступникам» стало более грубым и жестоким. Чтобы рассеять «дух сообщества», о котором говорил Паскевич, многие декабристы были отправлены «в более отдаленные полки и линейные батальоны в Дагестане и по берегам Каспийского и Черного морей»^{**}. Некоторых выслали из Закавказья. Рядовой «злоумышленник» Захар Григорьев

^{*} «Кавказский сборник». Т. 1, стр. 91.

^{**} Там же, стр. 90.

вич Чернышев был переведен из Нижегородского драгунского полка в 41-й егерский полк. Известного декабриста и писателя, рядового А. А. Бестужева-Марлинского в сопровождении жандарма отправили в Дербент, переводя его из 41-го стрелкового полка в Грузинский № 10 линейный батальон⁴⁶. Его брата Петра Бестужева, тоже декабриста, перевели из Ширванского в Куринский полк. В. М. Голицына, рядового из 42-го егерского полка, отправили в Кавказский линейный № 9 батальон, Ф. Вишневого — в Апшеронский пехотный полк, Н. Акулова — в Кабардинский егерский полк, В. Толстого — в Кавказский линейный № 7 батальон и т. д.* Вспоминая эти дни, Гангеблов писал: «...Всех живших в Тифлисе декабристов разогнали по разным местам с жандармами, что произвело в Тифлисе заметное впечатление»^{**}.

Надо сказать, что пострадали и те, кто с «злумышленниками» имел лишь случайные встречи. Например, тифлисский комендант полковник Бухарин был снят с должности лишь на том основании, что у него дома в Тифлисе иногда бывали некоторые декабристы (Пущин, Бестужев-Марлинский и др.).

Итак, декабристы и причастные к их делу лица, сосланные на Кавказ, подверглись новым преследованиям. Главным поводом для этого послужило «дело» Раевского. Но есть основание полагать, что был и другой повод, о котором рассказывает один из сосланных на Кавказ декабристов — А. С. Гангеблов.

* ЦГВИА, ф. 395, оп. 268/856, д. 51, л. 46.

** «Русский архив». Т. II, 1886, стр. 261.

В своих воспоминаниях он пишет, что после окончания русско-турецкой войны в Тифлисе оказалось много декабристов и «прикосновенных», проживавших там «под разными и незаконными предлогами». В числе них были братья Александр, Петр и Павел Бестужевы, Пущин, Оржицкий, Е. С. Мусин-Пушкин, граф Мусин-Пушкин, Н. П. Кожевников и Вишневецкий. «Мы, — пишет Гангеблов, — сходились по вечерам то у того, то у другого, все чаще у меня, иногда по два и более раза в неделю; всегдашними посетителями этих незатейливых вечеринок были трое Бестужевых и человек шесть-семь гвардейских офицеров, из тех, кои были прикомандированы сюда из Петербурга, кажется, по два человека от каждого полка. Вист и шахматы среди всевозможной болтовни, анекдотов и рассказов (по части которых А. Бестужев был большой мастер) не прерывались; шуму и хохоту было много. Вечера эти были подобием «вторников» Искрицкого в Петербурге. Случалось нередко, что и в течение дня мы виделись с Бестужевым, так как он квартировал недалеко от нас»*.

Вечеринки и встречи, о которых говорит Гангеблов, происходили как раз в то время, когда следствие по «делу» Раевского тайно велось Паскевичем. Ясно, что эти встречи не могли оставаться незамеченными. Агенты и шпионы Николая I, зорко следившие за каждым шагом декабристов, нашли дополнительный повод для новой расправы с противниками царизма. То, что было предпринято Николаем Палкиным и его сановниками в конце 1829 и в

* «Воспоминания А. С. Гангеблова», стр. 92.

начале 1830 гг. в отношении сосланных на Кавказ декабристов, было действительно новой расправой или, как справедливо замечает современник этих событий В. Андреев, новым погромом*.

Небезынтересно отметить, что о «деле» Н. Н. Раевского в литературе упоминалось еще в 1870 г. Декабрист М. М. Бестужев в своих записках, опубликованных в «Русской старине», рассказывая о своих братьях, в частности о судьбе Петра, между прочим, писал, что Н. Н. Раевский, «проживая, как начальник отряда, в Тифлисе, наполнил свой штаб большею частию декабристами и ссыльными офицерами. Прочих, не бывших в его штабе — он ласково принимал в своем доме». Далее Бестужев указывал, что в это время «отставной флотский офицер фон Д. был назначен на Кавказ как чиновник-провиантмейстер и, как-то попав на вечер к Раевскому, увидел себя посреди декабристов. В паническом страхе за свою жизнь он на другой же день уехал без разрешения в Петербург, а там, чтобы как-нибудь оправдать свое «безрассудство», подал донос, в котором представлял Раевского как изменника. Раевскому был прислан строжайший выговор, а главнокомандующему на Кавказе приказ: разослать всех окружающих Раевского и находящихся в Тифлисе декабристов по разным крепостям с тем, чтобы их подвергнуть гарнизонной службе»**. Здесь, как видим, имеются неточности, но основная мысль автора воспоминаний о том, что Раевский был наказан за свое

* «Кавказский сборник». Т. I, стр. 90.

** «Русская старина». 1870, стр. 262.

Н. Н. Раевский

дружеское отношение к сосланным на Кавказ декабристам, правильна. Однако через три года в том же журнале выступила с небольшой заметкой сестра Н. Н. Раевского — С. Н. Раевская и категорически возражала Бестужеву. Она писала: «Брат мой... не наполнял свой штаб декабристами и не получал из Петербурга строжайшего выговора, хотя и человеколюбиво обращался с ссыльными офицерами, которые находились в его полку»*. Софья Раевская, как показывают архивные документы, ошибалась. Декабрист А. Е. Розен утверждал примерно то, что писал М. Бестужев**. В 1876 г. в «Кавказском сборнике» были напечатаны воспоминания В. Андреева, в которых говорилось, что у Раевского декабристы «постоянно принимались радушно» и что за это «Раевскому досталось крепко»***.

Довольно обстоятельные данные сообщает декабрист В. С. Толстой. В своих воспоминаниях он пишет: «В 1828 году (должно быть в 1829 г. — М. Н.) в Эрзеруме командир Нижегородского драгунского полка Николай Николаевич Раевский по неудовольствию на Паскевича сказался больным и уехал в Грузию, а себе в прикрытне взял всех разжалованных порядочных людей, в том числе Захара Чернышева, Оржицкого, Ворцеля, Карвицкого; с Раевским навязался отправляемый курьером адъютант военного министра (рыжий) Бутурлин. Все разжалован-

* «Русская старина». Т. VII. 1873, стр. 122.

** «Русская старина». 1873. Март, стр. 379; 1884. Февраль, стр. 303; см. также А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб. 1907, стр. 441—442.

*** «Кавказский сборник». Т. 1, стр. 90—91.

ные и Бутурлин обедали и ужинали вместе у Раевского и певали разные песни и в том числе Берамже. Должно полагать, что Паскевич написал что-нибудь о Раевском. Когда Бутурлин подал депеши императору Николаю, между прочим спросил он: «а что наши делают?» Тогда Бутурлин передал подробности путешествия Раевского со своим конвоем. Раевский был арестован, а все государственные преступники разосланы по линейным батальонам. Чернышев переведен в 41 егерский полк, Ворцель в Ширванский, Карвинский не помню куда, я в Моздок, А. Бестужев в Дербент»^{*}.

О «деле» Раевского рассказывают также Н. И. Лорер^{**}, А. С. Гангеблов^{***} и другие. Следует сказать, что в их воспоминаниях имеются неточности. Например, по рассказу Гангеблова следует, будто все возникло из-за того, что Раевский однажды имел случай позавтракать с Оржицким. Но мы уже видели, что в действительности имели место иные события.

О следственном деле Раевского, хранившемся в секретном фонде архива Главного штаба Кавказской армии, впервые упоминается в 1882 г. В журнале «Русская старина» за этот год появилось сообщение В. П. Долгорукого «В рядах Нижегородского драгунского полка», в котором, между прочим, передается весьма сжатое содержание данного «дела»^{****}. На эти же материалы ссылаются также

* «Декабристы. Новые материалы». М., 1955, стр. 64.

** «Русский архив», № 1, 1874, стр. 389—390; «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 203.

*** «Воспоминания А. С. Гангеблова», стр. 187.

**** «Русская старина». Т. 35. 1882, стр. 448.

В. Потто — в третьей части своей книги «История 44-го Нижегородского драгунского полка» (издание 1894 г.) и Е. Вейденбаум — в статье «Декабристы на Кавказе», напечатанной в июньском номере «Русской старины» за 1903 год. Однако секретное следственное «дело» о Раевском и разжалованных «злумышленниках» до сих пор не опубликовано, хотя оно представляет большой интерес и проливает новый свет на многие события, связанные с декабристами, сосланными на Кавказ.

Следует здесь отметить, что в январе 1830 г., т. е. в тот период, когда «дело» Раевского еще не закончилось, в Тифлисе, по приказу Главного штаба, был произведен обыск у сосланного на Кавказ историка В. Д. Сухорукова, состоявшего тогда при штабе Паскевича. Найденные бумаги были опечатаны и посланы в Петербург, а самого Сухорукова отправили с нарочным фельдъегерем на Дон, на военную службу. Скоро в Тифлисе получили запрос графа Чернышева. Верноподданный холоп Николая I требовал объяснения, почему В. Д. Сухоруков, замешанный в деле декабристов, «состоит при фельдмаршале (Паскевиче. — М. Н.) и почему у него имеются записки по персидской кампании»*.

В своем ответном письме от 16 января 1830 года Паскевич сообщал: «В числе бумаг, опечатанных у сотника Сухорукова, находится историческое описание войны 1828 и 1829 годов, составленное им по моему приказанию. Употребление Сухорукова к та-

* Князь Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 3, стр. 328.

кому поручению, когда он, как известно, замешан в происшествии 14-го декабря и находится под секретным надзором, не должно удивлять вас, милостивый государь, ибо в одинаковом с ним разряде служившие при мне, как-то: генерал-майор Бурцов, полковник Леман, поручики Пущин, Искрицкий и полковник Вальховский были в замечании. Не имея других, которые бы с пользою употреблены быть могли, я, по малому числу людей в сем корпусе способных⁴⁷, принужден был давать поручения мои сего рода чиновникам»*.

Письмо Паскевича, очевидно, не удовлетворило царя, и Сухоруков был отправлен в Петербург, а затем выслан в Финляндию. Правда, впоследствии бумаги, отобранные у Сухорукова, были возвращены в штаб Кавказской армии, а сам «преступник» в 1843 г. снова прибыл на Кавказ, но факт остается фактом, что в начале 1830 г. Сухоруков был подвергнут новым гонениям и преследованиям. Чем это было вызвано?

Декабрист Д. И. Завалишин эту историю объясняет следующим образом. Накануне восстания у историка-декабриста А. О. Корниловича находился ряд официальных документов секретного содержания. После ареста Корниловича эти материалы исчезли. Царские генералы, подозревая, что они могут быть у В. Д. Сухорукова, тоже занимавшегося во-

* Оригинал письма Паскевича см. в ЦГВИА, ф. 38, оп. 19/277, св. 723, л. 143, л. 6. Черновое опубликовано кн. Щербатовым. См. Князь Щ е р б а т о в. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 3, стр. 328—329.

просами истории, решили обыскать и конфисковать его бумаги*.

Предположение Завалишина неправдоподобно. Очевидно прав проф. В. Шадури, утверждавший, что причиной ареста Сухорукова было то, что он и некоторые его друзья напечатали в «Тифлисских ведомостях» ряд статей и заметок, направленных против реакционной официальной печати. Свои выводы Шадури подкрепляет соответствующими архивными документами**.

Можно думать, что арест Сухорукова не связан с делом Раевского. Но нам кажется, что именно в связи с этим делом царские власти обратили внимание и на «подозрительную» деятельность вольнодумного историка.

* «Древняя и новая Россия», 1878, № 2, стр. 171.

** В а н о Ш а д у р и. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси. 1958, стр. 262.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДРУЖБА С ПОЛЬСКИМИ РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ

Следствие, произведенное по делу Н. Н. Раевского, даст нам сведения и по другому весьма интересному вопросу. Материалы этого дела показывают, что Раевский и его друзья-декабристы в 1829 г., будучи в Армении и Грузии в связи с русско-турецкой войной, установили дружеские отношения с некоторыми польскими «бунтарями», разжалованными в солдаты и отправленными царским правительством в Отдельный Кавказский корпус.

Известно, что в начале XIX в. в Польше вновь усилилась национально-освободительная борьба, направленная против Пруссии, Австрии и царской России. Как и в других частях Польши, захваченных Австрией и Пруссией, в королевстве Польском, находившемся под гнетом царизма, был основан ряд тайных обществ среди студенчества и офицеров польской армии. Большинство кружков и организаций, руководимых либерально-шляхетскими и буржуазными кругами и преследовавших национально-освободительные цели, было раскрыто и разгромлено.

В 1821 г. была основана сравнительно более мощная организация — Польское патриотическое общество, проявлявшее немало усилий в целях организации польского национально-освободительного движения⁷. Но и это общество в 1826 г. было раскрыто и ликвидировано. Многие члены общества были сосланы в Сибирь и на Кавказ.

В период 1826—1829 гг. в Отдельный Кавказский корпус прибыло немалое число польских и литовских «бунтарей». В эти годы в Нижегородском драгунском полку служили Франц Казимирович Борковский и Андрей Казимирович Яневич. «Оба из белостокских учеников за принадлежность к обществу «Согласных братьев» и к «Обществу зорян» определены рядовыми в 1828 г. 16 марта в драгунский Нижегородский полк⁴⁸, во 2-й дивизион^{**}. За их поведением был установлен строгий надзор^{***}.

Примерно в это время и в этом же полку служили также рядовыми Зах, Тржасковский и Лисовский. О них В. П. Долгоруков сообщает: «Студенты виленского университета, за принадлежность к тайному обществу «Сарматское племя», по резолюции его императорского высочества государя цесаревича, после наказания розгами первых двух 50-тью, а последнего 25-тью ударами, отосланы на Кавказ с за-

* «История Польши». Т. I. Под редакцией В. Д. Корюка, И. С. Миллера, П. Н. Третьякова. Изд. АН СССР. М. 1954. стр. 414—416.

** «Русская старина». Т. 35. 1882, стр. 447. См. сообщение В. П. Долгорукова «В рядах Нижегородского драгунского полка».

*** ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848. св. 40, д. 221, л. 49.

числением в рядовые и с тем, чтобы ранее пяти лет не производить их в унтер-офицерское звание⁴⁹. Граф Паскевич приказал зачислить их в драгунский Нижегородский полк»*.

Почти все эти «злоумышленники» принимали активное участие в русско-персидской и, в частности, в русско-турецкой войне. Так, осенью 1829 г., когда происходили ожесточенные сражения между русскими и турецкими войсками в районе Харта, разжалованные в рядовые Яневич и Борковский находились в первых рядах сражавшегося отряда русских войск. «Рядовые Яневич и Борковский также находились в передовых рядах ...под Борковским убита лошадь, а Яневич участвовал во взятии знамени»**.

Среди сосланных на Кавказ польских революционеров находились также Николай Станиславович Ворцель и Станислав Станиславович Карвицкий. Оба они являлись видными и деятельными членами Патриотического общества и были лично знакомы с несколькими членами Южного общества декабристов***.

Ворцеля, после разгрома общества, лишили графского звания, разжаловали в солдаты и сослали на военную службу в Закавказье.

В одном из официальных документов о Ворцеле сказано: «По произведенному о прикосновенности его к тайным обществам исследованию, обнаружено, что Ворцель был членом Патриотического Общества

* «Русская старина». Т. 35. 1882, стр. 447—448.

** В. Потто. История 44-го Нижегородского драгунского полка. Т. 3, стр. 129.

*** ЦГАМ, ф. 48, д. 327, лл. 185, 361.

и распространял его. В 1823 году Кржижановский сказывал ему, что должно остановиться приемом членов. В 1824 году ему сообщено о предположении войти в сношение с русским тайным обществом; он знал о переговорах Яблонского с Волкенским в 1825 году и слышал о разных планах русских тайных обществ насчет перемены формы правления в России. Впрочем, Ворцель показал, что о сем последнем предмете имел он весьма неопределенное понятие. Государственный Совет, признав Ворцеля виновным в том, что он после запрещения тайных обществ принадлежал к Патриотическому и знал о сношениях оного с депутатами Южного Русского Общества, полагал: лишив его чинов и графского достоинства, написать в солдаты до выслуги, без лишения дворянства. Мнение сие удостоено величайшей конфирмации 24 февраля 1829 года. В марте месяце того же года Ворцель отправился в Грузию⁵⁰ и определен рядовым в Нижегородский драгунский полк*.

Станислав Карвицкий тоже был разжалован в солдаты, лишен графского звания и сослан в Отдельный Кавказский корпус. В июне 1829 г. он был назначен рядовым в Борисоглебский уланский полк**.

Летом того же года Ворцель и Карвицкий служили рядовыми в Сводном уланском полку, который входил в состав Сводной кавалерийской бригады. Под командованием Н. Н. Раевского эта бригада действовала в районе Эрзерума и Байбурта. Нужно полагать, что именно здесь и в этот период Раевский

* ЦГВИА, ф. 395, оп. 268/856, св. 194, д. 135, лл. 2—3.

** «Архив Раевских». Т. 1, стр. 458.

встречается с польскими ссыльными. Весьма вероятно, что Раевский был знаком с ними еще в 1823—1825 гг., когда в доме его отца в Киеве бывали многие видные поляки, в том числе и члены Патриотического общества*. Но, так или иначе, бесспорным является то, что здесь, на фронтах военных действий, молодой свободомыслящий генерал установил с ними дружеские отношения. Достоинный друг Пушкина, Грибоедова и многих декабристов, он проявил большое внимание и заботу в отношении польских «бунтовщиков», попавших в беду и в самые тяжелые условия. Раевский оказывал им всяческую помощь и поддержку. Благодаря его стараниям в конце июля 1829 г. Станиславу Карвицкому было разрешено оставить фронт и отправиться в Тифлис на лечение. Через месяц из главного действующего отряда выехал в отпуск и сам Раевский. Он взял с собой в числе других и Ворцеля, за которого хлопотал тоже немало, и добился согласия командира корпуса на его отпуск**. Когда Раевский и сопровождавшие его лица 4 сентября прибыли в Гюмри, находившийся здесь Карвицкий присоединился к ним. В Гюмри, как уже сказано, они оставались трое суток. Дружеские отношения, сложившиеся еще на фронте между Раевским, с одной стороны, и польскими деятелями Ворцелем и Карвицким — с другой, в эти дни еще более укрепились. Генерал-майор Раевский, вопреки военному уставу и строгим порядкам того времени, приглашал к себе на обед рядовых Ворцеля и Кар-

* ЦГИАМ, ф. 48, д. 327, л. 15.

** «Архив Раевских». Т. I, стр. 492.

вицкого, обходился с ними как с равными, был внимателен и проводил с ними долгие беседы. По-видимому из чувства осторожности, эти беседы происходили на французском языке. Здесь, в Гюмри, как и прежде, с польскими политическими деятелями дружили также декабристы майор Семичев и рядовой Захар Чернышев. Дружба эта продолжалась в Тифлисе, куда они прибыли 12 сентября.

Об отношениях, сложившихся в 1829 г. в Армении и Грузии между Раевским, декабристами и двумя видными деятелями польского национально-освободительного движения, имеются интересные сведения в архивном фонде Главного штаба Кавказской армии. Здесь хранится дело, озаглавленное: «О следствии, произведенном над генерал-майором Раевским 3-м, бывшим командиром Нижегородского полка, за проезд его в Тифлис в обществе государственных преступников Чернышева, Ворцеля, Карвицкого, Пашкова и других из отряда, бывшего в Байбурте, в 1829 г.»*.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что Раевский в отношении Ворцеля и Карвицкого проявлял особую заботу. Он упорно добивался, чтобы разжалованные поляки получили отпуск и были отправлены в Тифлис или Караагач, в штаб-квартиру Нижегородского драгунского полка. В одном из своих предписаний на имя командира Сводного уланского полка Раевский писал: «По представлению моему об отпуске командуемого вами полка рядового Карвицкого для излечения в Тифлис или штаб-квар-

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, д. 831.

тиру Нижегородского драгунского полка, господин главнокомандующий предписанием своим от сего числа за № 3312 разрешил мне по уважению, что рядовой Карвицкий пришел в такое болезненное состояние, которое лишает его сил находиться в походе, отправить в Тифлис, о чем Ваше высокоблагородие уведомляю»*.

Раевский, как видим, сам ходатайствовал за Карвицкого. Более того. Он пытался отправить Карвицкого в Караагач — в штаб-квартиру Нижегородского полка, командиром которого был он сам. Очевидно, Раевский хотел, чтобы Карвицкий был у него.

Небезынтересен и следующий факт. В связи с «делом» Раевского командир Сводного уланского полка майор Парадовский в своем рапорте от 1 ноября 1829 г. на имя исполнявшего должность начальника корпусного штаба генерал-майора Жуковского писал: «Вследствие предписания Вашего превосходительства от 31-го октября за № 78-м сим честь имею донести, что при отъезде генерал-майора Раевского из действующего отряда в город Тифлис командирован для препровождения его от Сводного уланского полка один только рядовой Николай Ворцель»**.

Тот факт, что из полка только Ворцель сопровождал Раевского (а это имело место по требованию самого Раевского), как увидим дальше, не случаен.

В показаниях гюмрийского коменданта майора Аносова и тамошнего карантинного врача штаб-ле-

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, д. 831, л. 21.

** Там же, л. 9.

каря Штраубе говорится, что рядовой Николай Ворцель часто бывал у Раевского. Аносов писал, что разжалованные рядовые имели дружеские беседы также с адъютантом Раевского* и что однажды он видел, как один из них прохаживался «с адъютантом под руку». В своем втором показании Аносов сообщал: «А как при господине генерале Раевском было много окружающих — большею частью из нижних чинов, то какой-то унтер офицер приказывал чистить ружье, кажется Ворцелю, который за то его обругал. Услышав сие, Чернышев унимал Ворцеля, говоря ему, что унтер-офицер тому непричинен, но исполняет свою обязанность по службе»**.

Следует сказать, что рядовой Ворцель, обругавший унтер-офицера, не был наказан. Это, разумеется, могло иметь место только при наличии дружеской поддержки и покровительства со стороны Раевского. Достойно внимания и то обстоятельство, что декабрист, разжалованный рядовой Захар Чернышев также дружил с Ворцелем.

В следственном деле хранится одно весьма интересное письмо Ворцеля к командиру Сводного уланского полка майору Парадовскому. Ввиду важности этого письма считаем нужным привести его целиком. Ворцель 7 сентября 1829 г. писал из Гюмри майору Парадовскому:

«Благодарю вас, любезный майор, за все доказательства доброго расположения и приязни, которые

* Адъютантом Раевского в этот период был поручик Юсупов.

** ЦГИАГ. ф. 548, оп. 2, л. 831, л. 26.

я получил от вас, и уведомляю, что я здесь застал старого нашего товарища Карвицкого, который в равной мере, как и я, в добром здравии и завтрашнего числа отправляется в Тифлис с генералом Раевским*. *Генерал исполнен учтивости к нам, приглашает нас в Караагач и просит, чтобы мы ежедневно были у него**.* Карвицкий просит меня успокоить вас касательно вашей о нем заботливости, он ни в чем не имеет недостатка, и, прибыв на место, все найдет, что ему нужно. Если будет возможно, любезный майор, приезжайте в Тифлис, и тогда вместе можем отправиться в полк, но в случае бы сего исполнить нельзя было, то напишите мне несколько слов о вашем здравии и будет ли сам полковник в Тифлисе. Письма ваши адресовать прошу в Тифлис *poste restante*. Майору Кригеру засвидетельствуйте мое истинное почтение. Прощу вас также, любезный майор, отобрать мои книги как в полку, так и в других местах оставшиеся, и отправить мне при случае или через почту в Тифлис. Одна из них находится у полковника Анрепа, другая у Сосновского, третья у Фукса, а четвертая у Анненкова. Прощу также дать мне порученности, если какие имеете, ибо через дней пять от сего числа я буду уже в Тифлисе и если бы представился верный случай доставить мне вещи, которые я оставил в полку, то этим бы меня весьма обязали. Повторяю мою благодарность за ваше дру-

* Оригинал письма на польском языке. 16 января 1830 г. генерал Паскевич послал его в Петербург графу Чернышеву. Русский перевод письма сохранился в следственном деле.

** Курсив наш.— М. Н.

жеское ко мне расположение. Заслуживать оное всегда будет для меня первым долгом»*.

Письмо это имеет две приписки. В первой, сделанной и подписанной Карвицким, сказано: «Не знаю, что мой товарищ (старый ветреник) написал обо мне, но уведомляю с моей стороны, что я совершенно здоров; а относительно финансов — если бы я даже и не застал денег своих в Тифлисе, то могу найти кредит у знакомых; за всем тем благодарю вас, любезный майор, за доброе ваше намерение, оно служит доказательством вашего ко мне благорасположения. Будьте здоровы, любезный майор, и сохраните доброе расположение к многообязанному вам за все ваши милости Карвицкому».

Во второй приписке, сделанной декабристом Семичевым, говорится: «Мы едем благополучно и старика** догнали и с собой берем; желаю вам, Карп Осипович, быть здоровым и не забыть искренно Вас почитающего Семичева»***.

Заключительная строка письма, принадлежавшая, по-видимому, Семичеву, гласит: «Дядюшке Кригеру мое почтение и целую его усердно равно и милого Лосу».

Приведенное письмо, авторами которого являлись Ворцель, Карвицкий и Семичев, не оставляет никакого сомнения в том, что польские «бунтовщики» находились в самых дружеских отношениях с генералом Н. Н. Раевским, майором Парадовским и

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, д. 831, л. 43.

** Имеется в виду Карвицкий, которому тогда было 60 лет.

*** Эти строки Семичева написаны на русском языке.

декабристом майором Семичевым. Не оставляет сомнения и дружба Ворцеля с полковником Анрепом, с офицерами Сосновским, Фуксом, Анненковым и другими.

Докладывая об этом письме графу Чернышеву, Паскевич сообщал, что оно (письмо) «обнаруживает дружеские связи», существующие между Раевским и рядовыми, «принадлежащими к злоумышленным обществам». Подобные связи, продолжал Паскевич, «могут иметь весьма вредное влияние на подчиненных, как то пример генерал-майора Раевского послужил уже для майора Парадовского и других»*. Таким образом, Паскевич признавал, что не только Раевский, но по его примеру и командир Сводного уланского полка майор Парадовский и другие установили дружеские отношения с сосланными на Кавказ разжалованными декабристами и видными деятелями польского национального освободительного движения.

Дружба польских и русских революционеров продолжалась и в Тифлисе. Об этом свидетельствует один из рапортов грузинского гражданского губернатора Завилейского. Последний 18 ноября 1829 г., в ответ на соответствующий запрос, рапортовал командиру Кавказского корпуса: «Генерал-майор Раевский прибыл из отряда в Тифлис 12-го сентября... В свите его, как после я узнал, находились Чернышев, Ворцель и Карвицкий, которые прибыли с ним из отряда, бывали у него в квартире и были допускаемы к столу его»**.

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, л. 831, л. 42.

** Там же, л. 18.

З. Г. Чернышев

Но встречи эти продолжались недолго. В конце октября 1829 г. царские власти по приказу из Петербурга нагрянули на «злоумышленников». Начались следствия и гонения, о которых говорилось в предыдущей главе.

2

О дружбе, установившейся между сосланными на Кавказ декабристами и польскими патриотами, свидетельствует и другой факт. Из одного архивного дела, сохранившегося в фондах Центрального государственного исторического архива в Москве, известно, что 24 декабря 1830 г. на имя управляющего Имеретней генерал-майора Гессе поступил донос поручика Рельи, служившего в строительном отряде путей сообщения, который, между прочим, являлся французским подданным. Он сообщал, что некоторые «злоумышленники», в том числе декабристы Брое, Мусин-Пушкин, Фок, Акулов и польский «бунтарь» Карвицкий, тесно связаны между собой и имеют какие-то тайные, антиправительственные замыслы. Они, сказано в архивном деле, «распространяли буйные и волыные мысли, одобряли дух некоторых европейских держав, желали видеть отечество свое жертвою внутренних раздоров, под предлогом избавить себя и соотечественников своих из-под ига самовластия»*. Далее говорится, что указанные лица встречаются и переписываются друг с другом. «Унтер-офицер Пушкин, с дозволения своего полкового командира, отправился в Редут-Кале для свидания

* ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1831 г., д. 90, л. 15.

там с разжалованными 44-го егерского полка Карвицким и Фоком; проживши несколько времени в Редут-Кале, Мусин-Пушкин возвратился в Кутаис, где он всегда имел свободное свидание с поручиком Мингрельского пехотного полка Брокке и коему он, Мусин-Пушкин, сообщал разные известия от Карвицкого и Фока, от коих довольно часто получал письма и посылки: тому несколько дней назад Мусин-Пушкин возвратился из вторичной поездке в Редут-Кале, где видался он вновь с Карвицким и Фоком». В доносе Рельн говорилось и о том, что упомянутые лица готовились бежать за границу.

Обо всем этом генерал Гессе 10 января 1831 г. рапортовал Паскевичу, а последний, в свою очередь, шефу жандармов Бенкендорфу. 15 января 1831 г. Паскевич писал из Тифлиса: «Поручил я корпуса жандармов подполковнику Кильчевскому немедленно отправиться в город Кутаис и, по показаниям подпоручика Рельн, произвести на месте строжайшее исследование; между тем я предписал генерал-майору Гессе поручика Брокке, унтер-офицеров Мусина-Пушкина и Фока и рядового Карвицкого арестовать немедленно и содержать под строгим присмотром, — не допуская ни под каким видом иметь между собою свидания; и если будут иметь переписку с посторонними лицами, то письма их также и к ним от посторонних лиц задерживать и доставлять к подполковнику Кильчевскому, который, по важности содержания оных, будет доносить мне»**.

Расследование дела не подтвердило многих по-

* ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1831 г., л. 90, л. 5.

** Там же, л. 1.

казаний Рельи. Но одно бесспорно: в 1830 г. Фок, Мусин-Пушкин, Брокке и Акулов действительно находились в тесных дружеских отношениях с Карвицким, имели с ним частые встречи и переписку. Расследование установило, например, что Мусин-Пушкин дважды ездил из Кутаиса в Редут-Кале и квартировал «в доме рядового Карвицкого». Следует отметить также, что материалы архивного дела дают основание полагать, что Карвицкий и его русские друзья готовились бежать за границу.

Чтобы предупредить возможные «опасные» действия, Главный штаб приказал удалить разжалованного в солдаты польского «мятежника» Карвицкого из Имеретин, где служили несколько декабристов. Карвицкий был переведен из 44-го егерского полка в 8-й линейный Грузинский батальон, квартировавший в г. Ленкорани⁵¹. Далее командиру 44-го егерского полка было приказано, чтобы он усилил секретный надзор «за всеми поступившими в сей полк лицами, принадлежавшими к тайным обществам»*. Командир Мингрельского пехотного полка полковник Жихарев получил строгий выговор за покровительство, оказанное Брокке, Мусину-Пушкину и другим⁵².

Бликие отношения, сложившиеся между русскими революционерами и польскими патриотами, не были случайным или неожиданным явлением. Общая судьба во время походов и сражений в русско-персидской и русско-турецкой кампаниях, общность взглядов и идей, исторически сложившиеся традиции дружбы между русским и польским народами и

* ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1831 г., д. 90, л. 19.

их революционными деятелями — вот та почва, на которой выросла дружба сосланных на Кавказ врагов царского правительства. Следует помнить, что в 1824—1825 гг. между представителями Южного общества декабристов и польского Патриотического общества велись переговоры о совместных действиях против царизма. Известно, что среди членов обществ декабристов было немало поляков. Многие будущие декабристы находились в самых тесных связях с деятелями польского национально-освободительного движения. Заслуживает внимания и тот факт, что в дни польского восстания 1830—1831 гг. «в Варшаве, при большом стечении народа, была отслужена панихида в память Пестеля, Рыльева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина, Каховского⁵³. Гроб с написанными на нем именами казненных декабристов был пронесен по центральным улицам Варшавы»^{*}.

В свете приведенных фактов становится ясным, что дружба, которая сложилась в 1829—1830 гг. в Закавказье между русскими и польскими передовыми людьми того времени, была совершенно естественным явлением⁵⁴. Ведь подобная дружба установилась и в Сибири. Касаясь взаимоотношений, сложившихся между сосланными в Сибирь декабристами и польскими «бунтарями», профессор Варшавского университета Р. Гербер пишет: «Декабристы отнеслись к польским ссыльным с большим участием,

* Л. А. Медведская. Южное общество декабристов и польское патриотическое общество. «Очерки из истории движения декабристов». Сборник статей. М. 1954 стр. 276.

пользовались своими связями, чтобы улучшить им условия существования, оказывали материальную помощь. И поляки в своих записках всегда вспоминают о декабристах с глубокой благодарностью*. Так, например, польский ссыльный Руциньский, проживший вместе с декабристами многие годы в сибирской ссылке, в своих записках отмечал: «Запасы сахара, чая и табака мы получали от декабристов. Невозможно было отказаться от этой жертвы, сделанной так искренне, по-товарищески. Они ежедневно навещали нас, выхлопотали у местных властей разрешение давать нам по 10 подвод на каждом этапе и вести нас далее без кандалов»**. Другой ссыльный, Гаспар Машковский, с искренним восхищением и любовью говорит о декабристах: «Мы,— писал он,— знали лично многих декабристов в Сибири — цвет тогдашнего русского общества, образец благородства для современников и потомков. Жены, приехавшие за ними на каторгу в Сибирь,— это женщины, перед которыми следует преклонить колени»***.

Дружеские отношения, сложившиеся между декабристами и польскими революционерами на Кавказе в 1829—1830 гг., расширились и укрепились в последующие десятилетия, когда на Кавказ были посланы новые большие группы «мятежников» из Польши и России. Более того. В эту традиционную братскую дружбу русских и польских революционеров включились также многие прогрессивные представители кавказских народов.

* «Славяне», М. 1956. № 1, стр. 24.

** Там же.

*** Там же.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЗНАКОМСТВА С АРМЯНСКИМИ ДЕЯТЕЛЯМИ

1

За время своего пребывания в Армении, Грузии, и Азербайджане многие декабристы сблизились с некоторыми местными военными и политическими деятелями, писателями, установили с ними дружеские связи и отношения. Известно, например, что ряд декабристов был не только знаком, но и состоял в дружеских отношениях с А. Г. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, А. К. Бакихановым, М. Ф. Ахундовым и другими видными грузинскими и азербайджанскими деятелями*.

Имели ли декабристы знакомых среди армян того времени? На этот вопрос нужно ответить утвердительно. С дворянскими революционерами были знакомы, как показывают архивные и литературные материалы, Арутюн Аламдарян, Нерсес Аштаракци, Шаган Джрпетян, Василий Бебутов, Валерьян Мадатов, Лазарь Лазарев и другие.

* Об этом см. Вано Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность; А. Попов. Русские писатели на Кавказе. Вып. 1. Баку. 1949.

Арутюн Аламдарян (1796—1834) является одним из предвестников новой армянской литературы. В творчестве поэта-писателя особенно ценны его лирические стихотворения. Много лет он жил в Москве и преподавал в Лазаревском институте восточных языков. Прекрасно знал русскую культуру. В 1821 г. в Москве Аламдарян издал краткий русско-армянский словарь. В 1824 г., по приглашению архиепископа Нерсеса Аштаракеци, он приехал в Тифлис и занял должность преподавателя и начальника местной армянской школы (школа Нерсисян), где и работал до 1830 г. В период русско-персидской войны 1826—1828 гг. он всячески помогал русскому командованию и принимал активное участие в деле организации армянских добровольческих отрядов.

Аламдарян был знаком с М. И. Пуцциным. Они познакомились, очевидно, в Тифлисе, где Пуццин жил весной 1827 г. В архивных фондах Ереванского государственного хранилища древних рукописей (Матенадарана) сохранилось несколько писем Аламдаряна, отправленных из Тифлиса в Эчмиадзин в адрес Нерсеса Аштаракеци. Аламдарян писал о М. Пуццине, просил взаимнообразно выдать ему денег. В письме от 27 июня 1827 г., посланном на имя Аштаракеци, мы читаем: «...Благодетельный друг нашего дома доктор Мартыненко 9 июня просил Ваше святейшество в какой-либо мере оказать денежную помощь сыну петербургского вице-адмирала Михаилу Ивановичу Пуццину. Сей гениальный молодой человек, который раньше был капитаном гвардейской кавалерии и потом за какие-то проступки был сослан в Сибирь, а теперь, разжалованный, находится в

Ереване, по мнению господина Мартыненко, достоин сочувствия своего и всех своих друзей; поэтому же он просил Ваше святейшество помочь ему в нужде, да и сам берется уплатить за него до 1000 рублей ассигнациями. Государственный советник господин Влангали, который является главным переводчиком правительства, уезжая из этого города (Тифлиса. — *М. Н.*), взял у нашего доктора 150 рублей серебряными монетами, а для своего слуги еще 20 рублей, и выдал ему (доктору. — *М. Н.*) против этого долга расписку на предмет получения из казначейства 170 рублей серебряными монетами; однако казначейство не выдало ему этой суммы. По этой причине его высокоблагородие (Мартыненко. — *М. Н.*) написал тому же государственному советнику Влангали о том, чтобы упомянутые 170 рублей обязательно доставить Вашему сиятельству, а Михаилу Ивановичу Пущину написал, чтобы он от Вашего святейшества или от другого знакомого получил до 1000 рублей ассигнаций и обещает по поступлении в город расписки Пущина о получении денег в тот же день уплатить отмеченную в бумаге сумму»*.

Аламдарян о Пущине писал и в других письмах. 26 июля 1827 г. он из Тифлиса сообщил Аштаракецци: «Достопочтенный доктор Мартыненко, покорно склоняя уста к святой деснице, умоляет Вас по мере воз-

* Перевод с армянского. Подлинник см. в Госхранилище древних рукописей (Матенадаран) при Совете Министров Армянской ССР, архив католикосата, п. 55, док. 197. Армянский текст этого письма впервые опубликован А. А. Д а м я н о м (см. «Известия Академии наук Армянской ССР», общественные науки, 1952, № 4, стр. 108—109).

возможности быть заботливым в отношении Михаила Ивановича Пущина, который является сыном петербургского адмирала и в виде наказания помещен в 8-м пионерном батальоне, находящемся в настоящее время под командованием генерал-лейтенанта Красовского. Как уже дважды просил письмом, ныне он еще раз просит оказать оному молодому человеку денежную помощь — до тысячи ассигнаций, или немного больше, и получить от него расписку; сам же (Мартыненко. — М. Н.) обещает заплатить эти деньги здесь (т. е. в Тифлисе. — М. Н.) тому, кому пожелает уполномочить Ваше святейшество»*.

Примерно через два месяца, 23 сентября 1827 г., Аламдарян снова напомнил о просьбе Мартыненко в отношении помощи М. И. Пущину**.

Следует отметить, что Аламдарян в своих письмах с большой теплотой и уважением говорил о «злумышленнике». Характерно, что он считал Пущина «гениальным юношей» (*հիշմարտիկ երիտասարդ*).

М. Пущин был знаком и с начальником армянской епархии в Грузии, архиепископом Нерсесом Аштаракеци. Известно, что Аштаракеци был одним из влиятельных людей и крупных политических деятелей Армении начала XIX в. Он являлся горячим сторонником русской ориентации и играл большую роль в деле присоединения Восточной Армении к России. Аштаракеци развернул энергичную деятельность, в частности в период русско-персидской войны 1826—1828 гг., стремясь помочь русским войскам и

* Матенадарян, архив католкосата, п. 55, док. 201.

** Там же, док. 207.

тем самым ускорить освобождение Армении от тяжелого ига персидских ханов и восстановить армянское государство. Он принимал самое активное участие в создании добровольных отрядов ополченцев, писал прокламации с призывом к армянскому народу восстать против персидских угнетателей, организовал материальную помощь русским войскам и т. д.

В своих воспоминаниях Пущин пишет, что весной 1827 г. в Эчмиадзине он был представлен Нерсесу доктором Мартыненко. Рассказывая о том, как авангард главных сил Отдельного Кавказского корпуса под командованием генерал-адъютанта Бенкендорфа в апреле 1827 г. вступил в Эриванское ханство, Пущин далее пишет: «В авангарде находился доктор Мартыненко, который долго жил на Востоке и встречался с чумою и всеми болезнями Востока. Мартыненко некоторое время жил в Петербурге, знаком был с моею сестрою Бароцци еще с Одессы. Он был дружен с патриархом (Нерсесом. — М. Н.), которому меня представил в Эчмиадзине. Нерсес (в тексте «Нарцес». — М. Н.) во все время пребывания моего в Эчмиадзине был очень ко мне приветлив и присылал мне всевозможные припасы. Когда мы перешли к Эривани, то и тогда Нерсес обо мне не забывал, посылал мне туда целые караваны съестных продуктов, которыми я делился с друзьями»*.

Приведенные строки показывают, что у Пущина сложились хорошие отношения с Нерсесом и что последний проявлял благосклонность к «злоумыш-

* «Записки М. И. Пущина». «Русский архив». 1908. Т. 12. стр. 509.

леннику» в солдатской шинели. В этом деле, бесспорно, большую роль играл Е. Мартыненко, повлиявший на Аштаракецн не только через Аламдаряна, но и своими непосредственными обращениями. В архивных материалах сохранилось одно письмо Мартыненко к Нерсесу, написанное из Тифлиса 9 июня 1827 г. «Ваше Высокопреосвященство! — писал Мартыненко. — Лестно мне слышать было от многих, коих Ваше Высокопреосвященство удостоили своими письмами, о хорошем здравии Вашем. Дай Бог дабы оно в таком же положении продолжалось на многие лета. Пользуясь с приятного случая, при коем могу иметь честь приложить два письма, первое к статскому советнику Влангали, а последнее к Михаилу Ивановичу Пушкину, осмеливаюсь всепокорнейше просить Вашего Высокопреосвященства, что ежели сей последний отнесется к Вам с требованием какой-либо денежной помощи, чтобы Ваше Высокопреосвященство не отказывало ему оной, а о числе взятых им денег почли мне своим уведомлением, для вручения оных, кому Вам заблагоугодно будет приказать получить таковых от меня»*.

Декабрист Е. Лачинов был знаком с преподавателем школы Нерсисян в Тифлисе профессором Шаганом Джрпетяном (1760—1838), который в свое время пользовался репутацией крупного историка-филолога, арменоведа. В связи с тем, что Лачинову было поручено составить «статистическое описание Эриванской области», он выехал из Эривани в Тифлис и имел встречи с Джрпетяном. В своих записках

* Матенадаран, архив католикосата, п. 55, док. 92.

Лачинов пишет: «Генерал Красовский в начале текущего года (т. е. 1828 г. — *М. Н.*) поручил мне заняться составлением статистического описания Эриванской области. Чтобы исполнить это в некотором систематическом порядке, нужно было приготовить программу, по которой бы, собирая сведения, можно было впоследствии склеить нечто целое, хотя немного соответствующее цели, важности предмета и занимательности мест, наполняющих эту классическую страну, эту колыбель древнего мира... Несколько экземпляров программы и листов до 50-ти моих записок, которые генерал хотел иметь у себя, успели в начале февраля, и я, сделавшись свободнее, ожидая сведений от разных лиц, в особенности от архиепископа Нерсеса, обширные познания которого во всем, относящемся к этому краю, могли ручаться за верность наших описаний. Отъезжая в Тифлис, генерал взял меня с собою, дабы дать мне способ воспользоваться замечаниями и наставлениями армянского ученого Чирбета (Джрпетяна. — *М. Н.*), бывшего профессором в Париже и известного своими сочинениями о Востоке. Отъезд его превосходительства (генерала Красовского. — *М. Н.*) в Россию прекратил наши занятия, и я отправился в полк, прибывший уже из Эривани к турецкой границе»*.

Таким образом, Е. Лачинов в марте 1828 г. встречался с арменистом Шаганом Джрпетяном, который и стал одним из его знакомых.

Лачинов познакомился также с Нерсесом Аштаракци. Вместе с генералом Красовским и Аштара-

* «Кавказский сборник». Т. 1, стр. 124—126.

кеци он в декабре 1827 и начале 1828 гг. совершил ряд путешествий по Восточной Армении. Так, по словам самого Лачинова, они (Красовский, Аштаракец, Лачинов и другие) 29 декабря прибыли в село Аштарак (родина Нерсеса Аштаракеци), а затем в села Мугни, Оганаванк, Ошакан, Кэлтамур, Сардарабад и другие. Следует сказать, что Лачинов с почтением и уважением говорит о Нерсесе Аштаракеци. «Здесь (в селе Аштарак. — М. Н.), — пишет Лачинов, — живут многие родственники Нерсеса, и знаменитый архиепископ не чуждается их: в простых поселянах он помнит родственников, и это придает новый блеск его достоинствам»*.

Мы уже говорили, что в 1828 г., после окончания русско-персидской войны, декабрист А. С. Гангеблов в течение ряда месяцев по приказу корпусного командира работал в Эриванском областном управлении. Примерно в этот же период «прикосновенный к делу декабристов» М. П. Малютин служил при Эриванском комитете по переселению армян. Ясно, что и Гангеблов и Малютин в процессе исполнения своих служебных обязанностей не могли не познакомиться и не общаться с армянами, служившими в тех же учреждениях.

Многие декабристы, сосланные на Кавказ, познакомились с некоторыми армянами, занимавшими командные должности в Кавказском корпусе, — с генералами В. Бебутовым, В. Мадатовым, полковником Л. Лазаревым, штабс-капитаном Караянцем и другими.

* М. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений. Кн. I. Ереван. 1956, стр. 381.

Василий Осипович Бебутов был одним из участников Отечественной войны 1812 года. Он в 1826 г. имел чин подполковника и занимал должность командира 3-й бригады 22-й пехотной дивизии. Уже во второй половине 1826 г. Бебутов систематически рапортовал об участнике восстания 14 декабря А. А. Брое, служившем в это время в его воинской части. Так, 8 сентября 1826 г. Бебутов писал генералу Ермолову: «...Выписанный из лейб-гвардии Московского полка поручик Брое тем же чином в вверенный мне Мингрельский пехотный полк в течение августа месяца вел себя весьма хорошо и исполнял службу с отличным усердием, в делах против неприятеля никогда не находился»*. Бебутов, по-видимому хорошо знавший Брое, в этом же духе рапортовал и в последующие месяцы.

Василий Бебутов в 1828—1829 гг., состоя начальником Ахалцихской области, имел случаи общаться с некоторыми декабристами, служившими под его начальством. До нас дошли сведения, что он в конце 1828 г. разрешил разжалованным в солдаты «политическим преступникам» Петру Бестужеву и Лашкевичу издать военную газету «Ахалцихский Меркурий», в которой печатались «несколько известий, разные анекдоты и события из минувшего похода, картины военного быта, сведения о разных подвигах из турецких екатерининских войн на Кавказе, а также местные очерки»**. Один из современников, В. Андреев, в своих воспоминаниях говорит о

* ЦГИАГ, ф. 548, л. 77, л. 126.

** «Кавказский сборник». Т. I, стр. 87.

благожелательной позиции, занятой Бебутовым в отношении этой газеты, издаваемой декабристами*.

С Бебутовым был знаком также И. Г. Бурцов. В турецкой кампании 1828—1829 гг. и, в частности, в период боев за Ахалцих они часто встречались и совещались между собою. Бебутов был одним из приятелей Бурцова.

С некоторыми декабристами, в частности с Н. Н. Семичевым и А. М. Миклашевским, был знаком и Валериян (Ростом) Григорьевич Мадатов. Он, как известно, активно участвовал в Отечественной войне 1812 года и особенно прославил себя в русско-персидской войне, начатой в 1826 г.

Н. Семичев был знаком с Мадатовым еще в 1815 г., когда во время похода русских войск во Францию находился в отряде Мадатова. Об этом Семичев пишет: «В 1815 году... по вступлении в пределы Франции находился в авангарде под командою генерал-майора князя Мадатова до крепости Мец, при которой содержали аванпосты, и я был посылаем всякой день бесценно для разведывания о неприятеле»**.

Осенью 1826 г. Мадатов и Семичев находились в одном отряде и, очевидно, старые знакомые здесь часто встречались.

В 1826 г. Мадатов познакомился и с полковником Миклашевским. Последний в конце 1826 и начале 1827 гг. находился в отряде Мадатова, действовавшего против персидских войск на берегу

* «Кавказский сборник». Т. I, стр. 87—88.

** «Архив Раевских». Т. II, стр. 18.

Аракса. Миклашевский выполнял важные и ответственные задания и, естественно, часто встречался с командиром отряда — Мадатовым.

Генерал Мадатов близко знал декабриста Петра Александровича Муханова (1800—1854). Дело в том, что тетка последнего — С. А. Саблукова — была женой Мадатова. В 1825 г. Муханов приехал в Тифлис и в течение нескольких месяцев жил в доме Мадатовых.

В период русско-персидской и русско-турецкой войн 1826—1829 гг. М. Пущин, А. Гангеблов, Д. Искрицкий и П. Леман познакомились с Лазарем Акимовичем Лазаревым — одним из представителей армянской дворянской семьи Лазаревых. Л. А. Лазарев участвовал как в персидской, так и в турецкой кампаниях. В 1828 г. он играл активную роль при переселении армян из Персии в пределы Закавказья. В рапорте командира 42-го егерского полка полковника Реутта на имя Паскевича от 1 апреля 1828 г. сказано, что по специальному поручению Искрицкий был прикомандирован в Урмию в распоряжение полковника Лазарева*. Из воспоминаний Пущина и Гангеблова видно, что Гангеблов, Пущин, Искрицкий и Леман имели встречи с Лазаревым. О Лазареве Гангеблов пишет, что он переселил «из Персии в Россию до 40 тысяч армян»**.

Известный декабрист и писатель Александр Бестужев-Марлинский знал многих воинов из народов

* ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 77, л. 383.

** «Русский архив», 1886, № 12, стр. 250.

Кавказа. В своих письмах он упоминает также о штабс-капитане Караянцце*.

В ряде боевых полков Кавказского корпуса вместе с декабристами служило немало армян и грузин. Так, например, в Нижегородском драгунском полку вместе с Н. Семичевым, Н. Депрерадовичем, Н. Оржицким и другими служили армяне — штабс-капитан Борис Шаншиев, прапорщик Иосиф Бастамов, грузины — капитан Захар Сулханов, поручик Сулхан Вахвахов, прапорщик Язон Чавчавадзе и другие**. Очевидно, и указанные лица знали друг друга.

Не надо забывать следующего обстоятельства. Две армянские и одна грузинская добровольческие дружины летом и осенью 1827 г. находились под общим командованием командира Сводного гвардейского полка (полк, который, как мы видели, состоял из декабристов) полковника И. П. Шипова***. В результате этого во многих битвах русско-персидской войны, в частности в боях за Эривань, Сардарabad и другие крепости, вместе, рука об руку, сражались сотни и тысячи рядовых декабристов и армянских и грузинских ополченцев⁵⁵. Есть все основания полагать, что между ними имели место и встречи, и общение. Но, к сожалению, это предположение мы не можем подтвердить архивными и другими данными, так как таковых нет. И их нет вовсе не потому, что не имели место соответствующие факты, а потому, что царские чиновники, как известно, не

* А. В. Попов. Русские писатели на Кавказе, стр. 68.

** ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, л. 49, лл. 9—14, 62.

*** ЦГИАГ, ф. 1087, оп. 1, д. 805, л. 15.

считали нужным в таких случаях говорить и писать о рядовых людях.

2

Говоря о знакомстве декабристов с армянами и армянскими деятелями, возникает вопрос, был ли знаком с декабристами великий армянский просветитель Хачатур Абовян. К сожалению, на этот вопрос пока что невозможно дать точного и исчерпывающего ответа за неимением соответствующих документальных материалов. Но ряд историко-биографических фактов, связанных с Абовяном и сосланными в Закавказье декабристами, дает нам основание предполагать, что великий армянский писатель был знаком и имел встречи с некоторыми русскими революционерами того времени.

Хачатур Абовян, как известно, в 1827—1829 гг. находился в Эчмиадзинском монастыре и часто исполнял обязанности переводчика. В 1827—1829 гг. многие военные из русской армии, в том числе декабристы, побывали в Эчмиадзине и имели беседы с армянскими духовными лицами. Мы знаем, например, что в Эчмиадзине побывали М. Пущин, Е. Лачинов, А. Гангеблов и другие «злоумышленники», знаем также, что почти все духовные лица монастыря не знали русского языка. В такой обстановке, вполне возможно, что, исполняя должность переводчика, молодой Абовян имел случай встречаться и беседовать также с декабристами, побывавшими в Эчмиадзине.

В связи с поездкой в Дерпт на учебу Абовян в апреле—июле 1830 г. находился в Тифлисе. Здесь он

наряду с другими встречался с редактором «Тифлисских ведомостей» П. С. Санковским⁵⁶, бывал в редакции газеты и там имел с ним беседы*. А в том же году в Тифлисе находились несколько декабристов, тесно связанных с этой газетой. Возможно, что Абовян в редакции «Тифлисских ведомостей» имел встречи и с ними⁵⁷.

Однако наиболее вероятным является то, что Абовян в 1837 г. в Тифлисе познакомился с выдающимся декабристом и известным русским писателем А. Бестужевым-Марлинским. Бестужев в феврале—апреле 1837 г. жил в Тифлисе. Он здесь часто встречался с немецким ученым Карлом Кохом, с великим азербайджанским просветителем Мирза Фатали Ахундовым и с другими передовыми людьми. Следует отметить, что с целью углубления своих знаний в арабском, персидском и азербайджанском языках Бестужев занимался у Ахундова**. В этот период в Тифлисе жил также Хачатур Абовян и исполнял должность штатного смотрителя Тифлисского уездного училища, в котором преподавал Ахундов. Абовян был близко знаком как с Кохом, так и с Ахундовым (армянский и азербайджанский просветители, как известно, были друзьями) и тоже часто бывал у них. Поэтому есть все основания полагать, что автор «Ран Армении» у Коха или у Ахундова встречался с А. Бестужевым-Марлинским.

Декабрист, известный поэт А. И. Одоевский в

* М. Нерсисян. Первое публичное выступление Хачатура Абовяна (см. «Известия АН Армянской ССР», общественные науки, 1956, № 6).

** А. В. Попов. Русские писатели на Кавказе, стр. 18.

1837 г. был переведен из сибирской ссылки на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк в качестве рядового. Прожив два года в Закавказье (скончался в 1839 г.), он некоторое время провел в Тифлисе и завязал знакомство с рядом местных деятелей. В эти годы в Тифлисе жил и работал также Хачатур Абовян. Не исключена возможность, что Абовян был знаком и с Одоевским. Высокие, прогрессивные идеи декабристов имели свое влияние и на Хачатура Абовяна. В его творчестве чувствуется их дух, их демократизм, свободолобие и гуманизм.

Следует остановиться и на одном весьма интересном факте. В одной из своих работ* академик Академии наук Армянской ССР А. Каринян обращает наше внимание на то обстоятельство, что армянский писатель Месроп Тагиадян в 1848 г. поместил в своем журнале «Ազգասեր» — «Азгасер» («Патриот») стихотворение одного из декабристов, заключенного в тюрьму**. Стихотворение имеет заглавие «Песталь» («Պեստալ»), т. е. «Пестель». Оно в журнале Тагиадяна напечатано на древнеармянском языке и гласит:

ԱՅՈ՛ր դա՛յ 'ի լեբընյ.
 Եւ խառն յերազոց զարթոցանելով.
 Մա՛հ, փութով փախնու.
 Պերճ աշխարհանի զինե բանալով.
 Յո՛ւշ. թուի թէ լսեմ, քաղցր հնչել յունկրն իմ.

* А. Б. Каринян. Очерки истории армянской журналистики (на армянском языке). Т. 1. Ереван. 1956, стр. 470.

** «Ազգասեր», 1848, № 87.

«Թե հաս քեզ ազատիլ
 Որդի՝ ցաւոց՝ ե՛կ հանգի՛ր».
 Անգրաւ ուրախութիւնք ըսպասեն քեզ Անդ.
 Հոգի՛, բաց թեօք սլացի՛ր անկանդ:
 ԱՅՈ՛ դաւք մերժեցան
 Ընդ խայթոց իւրեանց և սուգ ամենայն.
 Յո՞յս, կայ անթառամ.
 Վաղիւ ինձ բանի ցերեկ անվախճան.
 Դու Սէ՛գ ամբարտաւան, բռնութիւն քո ունայն.
 Ե՛կ և տեսանես
 Ծա՛ղր տունեմ զքեզ.
 Իմ լիցի յաղթութիւն, իմ իսկ յաղթանակ,
 Զի Մահ՝ զերւոյն է փրկանակ:

Если постараться эти строки передать на русском языке, то получится примерно следующее:

Да, наконец-то приходит;
 И, пробуждая от смутных снов,
 Поспешно убегает смерть,
 Открывая вокруг пышный мир.
 Тише; вот, кажется, слышу,
 сладко звучит в ушах:
 «Тебе уж суждено освободиться,
 Сын горя, приходи и отдохни».
 Там ждут тебя неиссякаемые радости,
 Раскрыв крылья, промчись душа,
 не ведая преград.
 Да, заговоры отвергнуты,
 Вместе с жалом отвергнут и всякий траур:
 Надежда, что живет не увядая,
 Откроет завтра для меня
 нескончаемый день;

Ты — заносчивый, надменный,
твое насилие тишечно;
Приди — и увидишь:
Издеваюсь я над тобой.
Победа будет за мною, моя победа,
Потому что смерть — спасенье раба.

В комментариях к этому стихотворению с большой симпатией говорится о «несчастном человеке, заточенном в тюрьме и приговоренном к смерти». В них мы читаем: «Этот несчастный человек сделал себя ненавистным в глазах Русского двора, был брошен в тюрьму и осужден на смерть. За несколько часов до смерти на стене своей темницы высек следующие строки, трогательная печаль которых, сливаясь с плачевными обстоятельствами его судьбы, слишком глубоко затрагивает сердце человека»*.

Здесь несомненно говорится о Пестеле (не забудем, что заглавие стихотворения — «Песталь»); журнал именно его считает автором стихотворения. Но правильно ли это? Не ясно также, с какого языка и откуда перевел Тагиадян это стихотворение, кто автор комментариев. На эти вопросы пока трудно дать точный ответ, но можно сделать такое предположение: Тагиадян хорошо знал английский язык и часто пользовался материалами английской печати, в которой, в свое время, были опубликованы некоторые данные о декабристах. По-видимому, отсюда и взято приведенное выше стихотворение.

А. Каринян пишет: «Тагиадян с огромным вниманием следил за всеми материалами и сообщения-

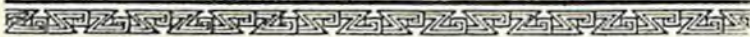
* «Ազդան», 1848, № 87.

ми, которые помещались на страницах западной прессы (он говорит даже о поездке известного русского путешественника Афанасия Никитина). Возможно, что он в одной из английских или французских газет читал какую-нибудь заметку о движении декабристов. Возможно, что упомянутое стихотворение связал с именем декабриста Пестеля сотрудник одной из западных газет. Так или иначе, факт, что Тагнадян первым из наших передовых писателей останавливается на движении декабристов. Тагнадян, защищая русскую ориентацию, одновременно в 40-х годах XIX в. довольно определенно выступает в роли публициста, который отозвался на героическое восстание «дворянских революционеров», поднявших знамя борьбы против деспотической николаевской России»*.

Месроп Тагнадян поистине был первым армянским писателем, публично откликнувшимся на движение декабристов. Он с большой горечью и болью говорил о погибших героях.

Итак, часть декабристов, сосланных на Кавказ, установила знакомство и дружеские связи с некоторыми армянскими политическими и военными деятелями того времени. Передовые армянские писатели проявили горячую симпатию к русским революционерам 1825 г. Героические события 14 декабря нашли свой отклик и в армянской действительности.

* А. Б. Каринян, стр. 470.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДЕКАБРИСТЫ ОБ АРМЕНИИ

1

В записках, дневниках, письмах и воспоминаниях многих декабристов, сосланных на Кавказ, имеются ценные сведения о Закавказье и Дагестане, о местных народах, о военных событиях, происходивших на Кавказе в 1820—1830 гг. и т. д. Об Армении и армянском народе мы находим довольно интересные данные, в частности, у Лачинова, В. Вольховского, М. Пущина, А. Гангеблова, А. Бестужева-Марлинского, А. Веденяпина и некоторых других.

Е. Лачинов об Армении говорит в своих письмах, дневниках и статьях. Дневник, который он вел в 1826—1828 гг., является ценным историческим документом⁵⁸. Он сообщает нам много интересного о русско-персидской войне 1826—1828 гг., в частности об известном сражении под селением Ошакан, о взятии Сардарабада, Эривани и других крепостей. Этот документ описывает ряд сел и городов Армении, жизнь и быт народа, говорит о природе страны, о ее истории и выдающихся деятелях. Лачинов с большим уважением отзывается о прошлом и исторических

памятниках армянского народа, отмечает трудолюбие крестьянства, подчеркивает тот факт, что армяне благодарны России и что они «искренно преданы русским».

В дневнике Лачинова имеется немало интересных строк о Лори-Памбаке, Апаране, Эчмиадзине и Аштараке. Но на этом дневнике мы здесь не останавливаемся, так как большая часть его приведена в приложении к 1-й книге настоящей работы*.

В феврале 1828 г. в газете «Северная пчела» (С.-Петербург, № 21, 22) была напечатана статья под заглавием «Путешествие по Эриванской области». Хотя эта статья не имеет подписи, но очевидно, что ее автор — Е. Лачинов**. Здесь он говорит о крепостях, селениях, о местном населении, в частности о курдах, о природе края и т. д. Эта статья является отрывком из дневника Лачинова.

В феврале того же 1828 г. в «Московском телеграфе» (№ 4) без подписи напечатаны несколько страниц из дневника Е. Лачинова под следующим заглавием: «Отрывки из дневника путешествия для осмотра Эриванской области». В подстрочном примечании редакция газеты сообщает: «Сии дорожные записки ведены были одним из чиновников, находившихся при генерале-лейтенанте А. И. Красовском, во время объезда его превосходительством вверенной управлению его Эриванской области. Издатель «Те-

* М. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений. Кн. 1, стр. 312—396.

** Там же, стр. 203—206.

леграфа» покорно благодарит почтенную особу, доставившую в Телеграф сии любопытные замечания, и обещавшую доставить дальнейшие подробности о странах, покоренных ныне русскому оружию по берегам Аракса»*.

В этой части дневника Лачинова описываются армянские деревни, быт и нравы населения Восточной Армении, радость народа в связи с присоединением Армении к России и т. д.

Через два месяца, т. е. в апреле 1828 г., в той же газете было напечатано еще несколько страниц из дневника Лачинова. Автор и здесь сообщает свои личные впечатления о Восточной Армении, только что освободившейся из-под тяжелого ига персидских ханов**.

В феврале 1829 г. в газете «Тифлиские ведомости» (№ 5, 6) было напечатано письмо Лачинова из Карса от 2 декабря 1828 г.⁵⁹ Здесь тоже мы находим много интересного. В письме говорится о природе и природных богатствах, о торговле и экономических связях Карсского пашалыка, подробно описываются город и крепость, жизнь и быт местного населения, военные действия, происходившие в 1828 г. в районе Карса, и т. д.

Лачинов имеет и ряд других писем, в которых говорится о боях за Карс и Ардаган, об Армянской добровольческой дружине, о крепости Ардаган и т. д.***

* «Московский телеграф», 1828, № 4.

** «Московский телеграф», 1828, № 7.

*** «Кавказский сборник». Т. 1, стр. 123—196.

Говоря о Карсском пашалыке, Лачинов писал: «Перейдя кавказскую линию, вы не встречаете почти нигде постоянной оседлости... Деревни более похожи на продолжительный лагерь, нежели на вековое жительство,— необходимость издавна ввела обычай скрывать достаток свой. Привыкнув бояться друг друга, грабить один другого — обитатели несчастных этих стран, сообразно с тем, устранивают и хозяйство свое. Земля служит хранилищем всех их сокровищ; ямы готовы, лишние вещи всегда в них спрятаны. При малейшей опасности, остальные туда же зарываются, и семейства, забравши только самое необходимое, уносят в неприступные горы, ущелья, непроходимые леса и жизнь, и страх свой»*.

Далее Лачинов отмечал: «Население Карсского пашалыка нельзя назвать малым, хотя на пути нашем не слишком много деревень, и в тех не было ни души; армян угнали турки далее, во внутренность, опасаясь их преданности русским».

Лачинов писал также о своей глубокой симпатии к армянскому народу, о его богатом историческом прошлом и светлом будущем⁶⁰.

Интересные данные мы находим также в письмах В. Д. Вольховского, написанных в 1826—1827 гг. из Закавказья. Вольховский сообщал своему отцу о Закавказье и, в частности, об Армении, Персии, русско-персидской войне и т. д. Так, в письме от 11 июня 1827 г. он из Эчмиадзина писал: «9-го числа генерал Паскевич осматривал блокаду Эриванской крепости, и я в первый раз слышал свист непря-

* «Кавказский сборник». Т. 1, стр. 129.

тельских ядер, но как они почти еще никого не убивали, то это выходит род игрушки — солдаты от всего сердца смеются неудачным прыжкам крепостных ядер... Наши главные неприятели климат и трудность продовольствия. Земля здесь чрезвычайно обработана, но жители все уведены за Аракс в горы: богатейшие жатвы погибают без поливки, здесь необходимой: и притом здесь хлеб нужно снимать тотчас как поспеет; если немного опоздать, то все семя высыпится; жители, несмотря на величайшую опасность, прокрадываются в свои деревни, чтобы сколько-нибудь запастись хлебом. Деревни, особенно старые, имеют вид богатый; хорошие церкви, мосты отличные беспрестанно встречаются там, где живут армяне; татары же большею частью кочующие. При деревнях хорошие сады. Если бы жители не были выведены, то мы были бы в изобилии, а теперь имеем почти только то, что с собою привезли»*.

В другом письме, написанном из Тифлиса 20 декабря 1826 г., Вольховский говорил о возникновении и ходе русско-персидской войны: «В июне месяце персияне врасплох напали на наших со стороны Эривани и в Карабахе. В первой силы неприятеля были ничтожны, а во второй сам наследник персидский вступил с войском, которое с разными потом пришедшими к нему подкреплениями простиралось до 60 тыс. человек, в том числе до 30 т. регулярных. Пред такими силами, при возмущении магометанских здешних провинций, должны были отступать наши отряды, расположенные в мирное время как

* ИМГ, отдел рукописей, д. 426, л. 5.

можно удобнее для продовольствия, и от того некоторые потерпели. В Карабахе есть кр. Шуша, посреди гор в 40 вер. от большой дороги, Аббас-мирза не решился оставить ее сзади себя и начал осаждать несколько запершихся там рот 42-го егерского полка. Командовавший оным полковник Реутт славно держался, Аббас-мирза месяца полтора потерял времени, а между тем наши собирались»*.

Вольховский далее писал о сражениях под Шамхором и Елисаветполем. «Князь Мадатов разбил при Шамхоре персидский передовой корпус, а Иван Федорович (генерал Паскевич. — М. Н.) с 7,5 тысячами всю персидскую армию, состоящую почти из 50 т. человек, при равном числе артиллерии; после сражения персияне в 3 дня прошли 180 в. и очистили наши границы... Мы нашли Ивана Федоровича в лагере на р. Араксе..., в 30 верстах от Шуши. Разные слухи о новом сборе персидских войск побудили его перейти за Аракс, дабы напасть на оные: мы пошли, но все оказалось ложным, почему, набрав скота и возвратив до 300 семейств, наших подданных увезенных персиянами, мы опять перешли в наши границы; на обратном пути у нас были две незначущие стычки с персидскою кавалериею. В половине ноября войска отряда генерала Паскевича распущены по квартирам, и мы 6-го числа приехали в Тифлис»**.

В письмах Вольховского есть интересные сведения о Грузии, Азербайджане и Персии⁶¹. Следует

* ИМГ, отдел рукописей, д. 426, л. 6.

** Там же.

добавить, что Вольховский составлял топографическое описание ряда дорог и местностей. Так, например, он довольно подробно составил описание дорог из Эрзерума в Байбурт*.

В воспоминаниях М. Пущина и А. Гангеблова имеются также сведения о Восточной и Западной Армении, о военных действиях русско-персидской войны 1826—1828 гг. и русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Будучи сапером-инженером, Пущин подробно описывает осадные работы по взятию крепостей Эривани, Сардарабада, Карса, Ахалциха и других. Он со знанием дела анализирует многие военные операции войск Кавказского корпуса. Пущин рассказывает также о военных подвигах Бурцова, Миклашевского, Раевского, упоминает о Вольховском, Шипове, Семичеве, братьях Коновницыных, Молчанове, Ринкевиче, Оржицком и других. В записках немало ядовитых, разоблачающих строк о палаче декабристов Николае I и генерале Паскевиче.

Гангеблов также рассказывает о военных действиях, происходивших на территории Армении, Азербайджана и Грузии. Он говорит о днях, проведенных в Эривани, Тифлисе, о встречах со своими друзьями-декабристами и т. д.

Часть воспоминаний Пущина впервые была напечатана декабристом А. Е. Розеном в 1884 г. в журнале «Русская старина»**. Полный текст напечатан в «Русском архиве»***. Воспоминания Гангеблова

* ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 3, д. 85, лл. 1—2.

** «Русская старина», 1884, № 2.

*** «Русский архив», 1908, № 11, 12.

впервые были напечатаны в 1886 г. в журнале «Русская старина»* и затем вышли в свет отдельной книгой в двух изданиях.

2

На выдающегося декабриста и писателя А. Бестужева-Марлинского Восточная Армения, в частности Араратская равнина, оставила весьма мрачное впечатление. В своих письмах он не раз отмечает, что здесь степи безжизненны, поля — без зелени, горы — голые и обожженные, люди бедны и оборваны.

А. Бестужев, как мы знаем, побывал в Армении в 1829 г. и примерно через год, 20 августа 1830 г., из Дербента писал своим братьям: «Я бродил потом по развалинам царства Армянского: я видел печальную страну завоеванной Персии, я топтал подножие Арарата, был в Сардарабаде, в Эривани, тогда еще захваченной. Видел удары наших бомб и ядер на мечетях ея; видел горестную дорогу, по которой шел к Эчмиадзину Красовский, где легло столько русских, не побежденных, но утомленных. Вообще весь тот край наводит тоску на сердце; голые, обожженные вулканические горы, безжизненные степи или ущелья, по коим вьется пыль и шумит бурьян. Вот все. Деревни под землей, жители оборваны»**.

А. Бестужев в январе 1831 г. в этом же духе писал доктору Эрману: «Где взять довольно черных чернил, чтоб залить радужные краски, коими поэты

* «Русская старина», 1886, № 2.

** «Русский вестник». Т. 87, стр. 499 — 500.

и путешественники расцвели Персию? Голые горы, пыльные степи, в которых обитают только шакалы и ветры... Вот Персия. Только близ селений, как острова, возникают купы руин... Только гниющие болота, напущенные для хлопчатой бумаги и сорочинского пшена, дают мертвый цвет своей земле, а воздуху свое зловоние. Порой встречаешь кочующие орды эздов или курдов: первых со выючными быками, других на маленьких лошадаках, с зыбкою пикой; но все: природа и люди — неприязненно, мрачно. Я бродил по развалинам царства Армянского; видел горы, в которые упиралась радуга Завета Божия с народом своим... Высокий урок, которого не постигают силы земные... и кровавою стезею минувшей войны с персами, которые только именем похожи на своих прадедов, через хребет Безобдал, возвратился в Грузию. В немногие дни искупавшись в волнах Лены, я пил струи благодатной Волги, перебрел на коне классический Аракс, и поил его Евфратом...»*.

Неутешительно было и в Западной Армении. Тому же Эрману А. Бестужев сообщал: «Искупавшись в теплых ключах Тифлиса, я скоро оставил за собою цветущую природу Грузии, и за речкой Арпа-чайступил на завоеванную землю Турции. Печальные виды: поля без зелени, горы без леса. Один только хребет Саган-Лух своими сосновыми борами напомнил мне русскую природу; все прочее попалено солнцем, наго, бедно. Полуопустошенные деревни, похожие на кучи развалин, ибо врыты в землю и сверху завале-

* «Московский телеграф». 1831, № 17 (сентябрь), стр. 63—64.

ны землею: это вертепы, а не жилища. Жители в рубищах, умышленных или настоящих, ибо, в Азии одна нищета спасает от жадности властей. Города, как например, Карс и Гассан-кале (говорят, некогда Феодосиополь), которых не спасли тройные стены от Русских штыков — пусты, и живописны только потому, что расположены амфитеатром по горе. Зато поля желтели богатою жатвою, и если в чем Азиятцы опередили нас, так это в поливании полей: не редко на одном и том же скате горы вы видите 4 струи, бегущия по водопроводам навстречу друг другу, и за несколько верст⁶². Ни одна нить, ни одна капля воды не упадет даром: все рассчитано, все поймано»*.

В своих письмах А. Бестужев говорит также о переселении армян из Персии в Закавказье в 1828 г. Вопреки утверждениям многих царских генералов и лицемерных писак, он со всей силой подчеркивал тот факт, что переселенцы оказались в самых ужасных условиях. В письме к К. А. Полевому от 14 декабря 1832 г. Бестужев писал из Дербента: «С. Глинка берется за все — даже за Армению⁶³. Но если бы знали, как сделалось переселение Армян из Азербайджана — содрогнулись бы камни. Лазареву поручено было тридцать тысяч охотников, нашлось до девяносто тысяч, и граф разрешил звать сколько может. Сулили золотые горы — они покинули... богатая деревня Урмийской долины; пришли — и не нашли зерна хлеба, крова для головы, сучка для хранения жизни. Ничего не было приготовлено. Им от-

* «Московский телеграф», 1831. № 17, стр. 56—57.

вели губительный климат, бесплодную почву, и с этим ничтожную денежную помощь, и то одной части. Половина их перемерла, четверть разбежалась, последняя четверть влачит бедственную участь в чужбине. А. Глинка, я чай, разлился в возгласах... Посмотрите, что теперь Эривань, что Ахалцих под нашим знаменем — это жалкие груды развалин, обитаемая шакалами. Все бежит, все сохнет. Да что говорить о дальности: на Каспии до сих пор нет парохода, хотя по газетам у нас давным давно они крестят моря. А компания закавказская?, а проекты об усмирении Кавказа торговлей? Право, стыдно и смешно говорить о том»*.

А. Бестужев, как видим, с гневом разоблачал колониальную политику царизма. В литературном наследстве Бестужева большое место занимает его творчество, посвященное Кавказу.

Об Армении и Закавказье писал также декабрист Алексей Васильевич Веденяпин. В своем письме к старшему брату Аполлону Васильевичу Веденяпину, тоже декабристу и в то время находившемуся в сибирской ссылке, он в июле 1829 г. из Эрзерума сообщал небезынтересные сведения о некоторых городах Закавказья, об армянских исторических памятниках и т. д. Из этого письма видно, что Веденяпин живо интересовался местными народами, их историческим прошлым, изучал местные языки, рылся в архивах. «Милый друг, — писал он своему брату, — мой девиз: век живи, век учись. И я, исполняя это

* «Русский вестник». Т. 32, стр. 335.

правило, в свободное время учусь по-татарски и теперь я могу понимать их, спрашивать, и [с] помощью этого правила вникаю в характер побежденных друзей наших, вникаю в образ их жизни и выкапываю из голов седых муллов древности о народах, малочисленных, но разноплеменных, составляющих население покоренных пашалыков. Копаюсь в бедных архивах армянского священства и из пыльных полусъеденных мышами огромных рукописных фоллиантов я нахожу исторические известия, смешанные с баснями воображения. Осматриваю древности, которыми страна сия изобилует, но которых существование скрыто в бездне времени минувшего... Встречаешь часто развалины престрашных городов — и только догадками и истории признаков, не всегда удовлетворительных, полагаешь, какое название носило оно»*.

Об Эчмиадзине Веденяпин писал: «Развалины огромного и по обломкам попадающихся столбов должно быть великолепного города, простирающегося в длину верст на 8 и более, в середине коего стоит монастырь Эчмиадзина (построен в 302 по р. Х.), должно полагать — г. Вагаршапат, построенный в 194 г. по р. Х. царем Арм. Вагаршом, ибо полагают, бывший, как монастырь, сохранивший имя, между горами Арагац и Мацис (Масис)»**.

Веденяпин писал также о Нахичеване, Ани, Карсе, Гасан-кале и других городах и крепостях. Об Эрзеруме он сообщал: «Карно или Карино, что ныне Эрзерум или Арзерум, бывший частью высской Ар-

* «Новый Восток», 1926, № 12, стр. 353.

** Там же.

менин. Построение сего города теряется в древности... Арзрум — важный город по торговле, древности и пространству... Строение худо, кроме дома сераскира, испещренного красками и золотом, как и главной мечети; реки не имеет, но вместо того до 800 бассейнов, фонтанов во дворах, на улицах, на кладбищах, на полях и пр.; домов до 25 000. Жители: 1/3 армян, 2/5 турок, и 1/15 жидов, курд, лазов, аджар, язидов или сафинов и пр.»*.

О Закавказье, о положении в пашалыках и санджаках, о военных действиях русско-персидской и русско-турецкой войн много интересного мы находим в письмах и памятных записках Петра Александровича Бестужева. Так, например, об Ахалцихском пашалыке П. Бестужев писал: «Азиатская Турция политически разделяется на несколько частных областей, управляемых пашами. Ахалцихский пашалык составляет часть Анатолии — содержит 24 санджака, или уезда... Санджаки управляются беками, назначаемыми пашами; но иногда они бессильны усмирить непокорных. Из целого пашалыка два лучшие города Ахалцих, Ардаган. В первом 4500 домов, крепостей 5... Каждый санджак заключает в себе не более 60 и не менее 20 деревень. Трудно определить народонаселение, потому что турецкий витель спрашивает о нем только тогда, когда хотят собрать произвольную подать, и потому старшины всегда оно уменьшают; в Ахалцихском пашалыке только 34 283 семейства. Население: турки, лазы, грузины, аджары, армяне, жида, кочующие курды и труханцы»**.

* «Новый Восток», 1926, № 12, стр. 353—354.

** «Воспоминания Бестужевых», стр. 355—356.

По этим вопросам немало писал и В. Д. Сухоруков. Как известно, в книге «История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» (СПб., 1836) подробно описаны многие районы Западной Армении и Западной Грузии, причем приведены также исторические справки. В этой книге многое принадлежит Сухорукову. В одном из примечаний сказано: «Нельзя не упомянуть здесь также, что многими статистическими и историческими материалами книга обязана равномерно Войска Донского есаулу Сухорукову, который по поручению генерала фельдмаршала графа Паскевича-Эриванского занимался этим предметом»*.

Сухоруков был одним из активных и выдающихся сотрудников «Тифлисских ведомостей», выходявших в 1828—1832 гг.** В этой газете он поместил ряд статей о Закавказье. Статьи эти по понятным причинам не имеют подписей. Только один раз за подписью Сухорукова в газете было напечатано его письмо, в котором он критикует корреспонденцию из Кавказа, напечатанную в «Северной пчеле» и «Инвалиде». Сухоруков указывает на многие неточности в корреспонденции. Так, он пишет: «Гассанкале не оmyвается Араксом; речка, которая здесь протекает, именуется Гасан-Су». В своем письме Сухоруков приходит к следующему заключению: «Почти все топографические описания мест в пись-

* «История военных действий в азиатской Турции в 1828—1829 годах». Т. I, стр. XV.

** «История СССР», 1957, № 2, стр. 228.

мах г. Роджицкого (автора корреспонденции. — М. Н.) несправедливы»*.

Интересно отметить, что Сухоруков задумал писать очерки по истории Грузии и с этой целью начал собирать соответствующие материалы**.

Декабрист Д. А. Искрицкий, участвуя в русско-турецкой войне, подробно описал Ахалцихский и Эрзерумский пашалыки. Его описания, которые напечатаны в книге «История военных действий в азиатской Турции», содержат в себе весьма ценные сведения об административном и экономическом положении этих областей и жизни их населения. Искрицкий сообщает данные о грузинах, армянах, курдах, турках и других народах. Перу Искрицкого принадлежит также ряд топографических описаний дорог, имеющих военное значение. Так, в архивных материалах сохранились описания дорог «от города Тифлиса до урочища Карагачь, из урочища Карагачь в Джары», составленные поручиком Искрицким***.

Полковник А. М. Миклашевский в 1830 г. исполнял должность управляющего мусульманскими провинциями. В этот период он написал много рапортов Паскевичу и другим, в которых говорил о борьбе между армянским духовенством и миссионерами в Карабахе, об организации милиции, об административном разделении Азербайджана и Закавказья при господстве персидских ханов и т. д. Часть

* «Тифлиские ведомости», 1829, № 41.

** А. Фадеев, стр. 41.

*** ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 3, д. 198, лл. 1—2, а также д. 180, лл. 1—3.

этих рапортов напечатана в «Актах»*. По многим вопросам Миклашевский сообщает интересные сведения.

О военных действиях, имевших место в 1828—1829 гг. в Армении и Грузии, писал также И. Г. Бурцов. Большую ценность представляют, в частности, те сведения, которые он сообщает об осаде и занятии русскими войсками крепости Ахалцих. В 1828 г. в газете «Тифлиссские ведомости» было напечатано письмо Бурцова, в котором опровергаются ошибочные утверждения «Русского инвалида» и «Северной пчелы» о покорении Ахалциха**. Бурцов составил описания нескольких дорог (в том числе дороги Байбурт — Трапезунд), имевших военное значение***.

Об Армении и вообще о Кавказе много писал В. С. Толстой. Довольно долго прослужив на Кавказе, он в ряде русских журналов 1860—1870 гг. напечатал содержательные воспоминания об этом крае, о его народах, военных экспедициях и т. д.**** В 1872 г. Толстой, прочитав книгу А. Е. Розена «Записки декабриста» (вышедшей в свет в 1870 г. в Лейпциге на немецком языке), сделал на ее полях примечательные замечания, часть которых относится к Закавказью*****.

О русско-персидской войне 1826—1828 гг. и, в частности, об осаде и покорении Эривани, Сардара-

* АКАК, т. VII, стр. 291, 293, 310, 426—427, 462—463.

** «Тифлиссские ведомости», 1828, № 16.

*** ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 3, д. 8, лл. 1—2.

**** См. «Чтение в Обществе истории древностей российских». Кн. 4. 1864; «Русский архив». № 2, 1873, № 1, 1874, № 2, 1875, и т. д.

***** «Декабристы. Новые материалы». 1955, стр. 33—95.

бада и других крепостей Армении и Азербайджана оставил свои воспоминания и А. Ф. Боговут, который, как мы уже видели, в 1826—1828 гг. в составе Сводного гвардейского полка находился в Грузии, Армении и Азербайджане. Воспоминания были написаны еще в 1830-х гг., но характерно, что они по желанию автора вышли в свет только после его смерти, т. е. в 1883 г.* Боговут сообщает интересные данные и о пребывании Сводного гвардейского полка в Закавказье, о его участии в русско-персидской войне.

Об Армении, Грузии и Азербайджане и вообще о Кавказе писали также многие другие декабристы, в чьих письмах, записках и воспоминаниях мы находим ряд данных о Закавказье и его народах.

Следует здесь отметить, что некоторые декабристы, точнее будущие декабристы, еще до исторического восстания 1825 г. в той или иной связи побывали на Кавказе и писали о нем. Так, например, Е. Лачинов в 1816—1817 гг., находясь на военной службе в Закавказье и Иране, оставил дневники, военно-географические описания, в которых имеются сведения об Армении, Азербайджане и Грузии. Поэт В. Кюхельбекер в 1821 г. приехал в Тифлис, проведя здесь около полгода, и немало страниц посвятил народам Кавказа. П. Муханов в середине 1825 г. находился в Грузии. В различных органах русской периодической печати того времени, в частности в «Московском телеграфе», он напечатал ряд корреспонденций о Закавказье⁶⁴.

* «Русская старина». Т. 40. 1883, стр. 111—136.

Все декабристы, писавшие об Армении, Грузии и Азербайджане, проявляют симпатию к этим странам и глубокое уважение к их народам. В отличие от верноподданных царских генералов и чиновников, презиравших местные народы и рассматривавших Кавказ как свою колонию, они с искренним сочувствием писали о бедственном положении местного населения и вдохновлялись идеей освобождения народов Закавказья от тяжелого ига персидских ханов и турецких пашей. Русские революционеры того времени с болью в сердце отмечали отсталость Кавказа и выражали надежду, что настанет время, когда произойдет большой прогресс в экономике и культуре, когда в истории кавказских народов откроется новая, светлая страница.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Сосланные на Кавказ декабристы сыграли огромную роль в деле присоединения Восточной Армении к России. Многие решающие победы русских войск в персидской и турецкой кампаниях конца 1820-х годов тесно связаны с их именами.

Переведенные на военную службу в Кавказский корпус декабристы и «прикосновенные к их делу лица» были высококультурными, одаренными и талантливыми офицерами. Военное искусство они знали несравненно глубже и гораздо лучше, чем их начальники солдафоны. Вот почему многие бездарные генералы, несмотря на свое враждебное отношение к декабристам, часто прибегали к их советам и помощи.

Известно, например, что командир Отдельного Кавказского корпуса генерал И. Ф. Паскевич, не блиставший ни умом, ни способностями, почти всегда учитывал мнения декабристов и без их помощи не разрешал ни одной крупной военной задачи. Как в русско-персидской войне 1826—1828 гг., так и в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. многие планы широких операций и осады больших крепостей составлялись и непосредственно осуществлялись «мятежниками» и их идейными друзьями. Этот факт не от-

рицал и сам Паскевич, который в одном из своих рапортов, отправленном царю, писал, что он вынужден прибегнуть к помощи «преступников», так как в корпусе нет других умелых и знающих военное дело людей. Факт был настолько очевидным, что еще в то время, и в России и за границей, открыто говорили о том, что своими блестящими победами Кавказский корпус обязан не Паскевичу, а сосланным на Кавказ «крамольникам».

Следует отметить и то обстоятельство, что, участвуя в военных действиях, развернувшихся в 1826—1829 гг. в Армении, Грузии и Азербайджане, декабристы неизменно проявляли изумительный героизм и самоотверженность. В письмах, заметках и дневниках современников, а также в официальных материалах неоднократно отмечалось, что декабристы сражались против войск персидских ханов и турецких пашей с беззаветной храбростью и с большим вдохновением. Генерал Паскевич и иные с ним старались это объяснить тем, что будто бы мятежники желали выслужиться перед царем и тем самым «изгладить вину свою». Царские генералы, мягко говоря, не были правы. Главным источником вдохновения и героизма декабристов был тот мир высоких идей, свободы и гуманности, которому они были преданы как до, так и после 1825 года.

Известно, что декабристы стремились осуществить наряду с другими своими передовыми и революционными идеями также и идею ликвидации национального гнета и притеснения. Мы знаем, например, что они, будучи врагами царского самодержавия, одновременно были и горячими сторонниками

греческого национально-освободительного движения, направленного против султанского деспотизма. Русские революционеры того времени приветствовали и освободительное движение народов Закавказья, глубоко и искренне верили, что победы русских войск в Закавказье несут свободу армянскому, грузинскому и азербайджанскому народам, находившимся на протяжении многих веков под тяжелым игом персидских ханов и турецких пашей. Убеждение это, как и патриотические думы об укреплении южных границ России, окрыляло и воодушевляло почти всех декабристов, сосланных на Кавказ.

Примерно то же самое можно сказать и о тех рядовых участниках восстания декабристов, которые в 1826—1827 гг. были переведены в Кавказский корпус. Почти все они являлись выходцами из семей крепостных крестьян; для этих декабристов освободительные стремления народов Закавказья были более понятными и близкими. Решительные враги всяких угнетателей, рядовые «мятежники» с той же решительностью сражались и против персидских и турецких поработителей.

Пребывание большого количества декабристов и их единомышленников в Армении ознаменовало новый этап в многовековой истории русско-армянских отношений. Впервые широкие слои армянского народа имели возможность непосредственно общаться с русскими революционерами, с передовыми представителями русского народа.

На протяжении ряда лет разжалованные в солдаты декабристы, многочисленные рядовые «мятежники» и армянские ополченцы бок о бок, рука об

руку сражались против общего врага. На полях кровопролитных боев, в тяжелой солдатской службе складывалась чистая и благородная фронтовая дружба. Русские революционеры общались и с армянским крестьянством, с писателями, военными и политическими деятелями. В отличие от реакционных царских чиновников, пренебрежительно относившихся к народам Кавказа, они уважали местное население, симпатизировали ему. Передовые идеи декабристов оказывали свое влияние и на развитие культуры армянского народа. Сосланные на Кавказ «злоумышленники» близко узнали Армению, ее прошлое и настоящее. Народ, раньше знавший высокопоставленных, чванливых генералов и чиновников официальной России, сейчас встретился и познакомился с культурными, скромными и гуманными людьми — с истинными представителями России, русского народа.

Широкое общение декабристов и их друзей с армянским народом еще более расширило и углубило русско-армянские связи. Оно внесло много нового, положительного в дружественные отношения между двумя народами.

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Включенная в настоящий том работа «Декабристы в Армении» является переводом нашей книги, вышедшей на армянском языке в 1958 г. (см. *Մ. Ներսիսյան, Դեկաբրիստները Հայաստանում. Երևան. Հայպետհրատ. 1958*). В русский перевод внесены лишь незначительные изменения и то, главным образом, в примечаниях. Книга в армянском издании имела краткое предисловие, в котором, между прочим, указывалось на следующие обстоятельства. Когда наша работа уже была сдана в печать, вышла в свет книга Вано Шадури «Декабристская литература и грузинская общественность» (Тбилиси, 1958). Оказалось, что среди многих архивных документов, приведенных в нашем исследовании, имелись и несколько таких, которые были использованы и в книге В. Шадури. Очевидно, что эти документы были выявлены двумя авторами самостоятельно, независимо друг от друга. Об этом совершенно ясно говорит хотя бы тот факт, что указанные документы выявлены В. Шадури и мною в разных архивах. Так, например, архивные документы, относящиеся к «делу Н. Раевского», первый автор выявил в Центральном военно-историческом архиве (в Москве), а второй — в Центральном государственном историческом архиве Грузинской ССР в Тбилиси (см. примечание 52). — 41.

2. Тема «Декабристы на Кавказе» впервые была затронута декабристом А. Е. Розеном, небольшое сообщение которого на эту тему основывалось на личных воспоминаниях (см. «Русская старина», СПб., 1884, февраль, стр. 303—306). В 1903 г. была опубликована статья Е. Вейденбаума «Декабристы на Кавказе», написанная на основании архивных материа-

лов Главного штаба Кавказской армии («Русская старина», т. 114, 1903, июнь, стр. 481—502). В 1920-х годах над этой же темой работал С. С. Эсадзе, в архиве которого хранится его машинописная статья «Декабристы на Кавказе» (см. ЦГИАГ, ф. 1438, д. 599). В 1950 г. в Ростове-на-Дону вышла в свет книжка А. Фадеева «Декабристы на Дону и на Кавказе». Тот же автор в 1951 г. опубликовал статью «Декабристы в Отдельном Кавказском корпусе» («Вопросы истории», 1951, № 1). Много ценных, еще не опубликованных материалов имеется в архивах Советского Союза. Немало интересного находим в воспоминаниях и письмах М. Пущина, А. Ганеблова, Е. Лачинова, А. Розена, Н. Лорера, П. Бестужева, А. Бестужева-Марлинского и др. Эту тему в своих работах частично затронули Н. Дубровин, А. Берже, В. Потто, Щербатов, Н. Котляревский, М. Нечкина, Г. Хачапуридзе, М. Азадовский, В. Шадури, В. Васильев, М. Нерсисян, Л. Барамия, А. Олонекский, А. Попов, И. Ениколопов, З. Григорян, В. Парсамян, К. Айвазян и некоторые другие. — 3.

3. В марте 1826 г. начальник Главного штаба писал командиру Отдельного Кавказского корпуса: «Высочайшею конфирмациею, последовавшею на докладе Аудиторната, служивших в бывшем составе Семеновского полка Полковника Ермолаева и Майора князя Щербатова, повелено, по лишении чинов и орденов определить рядовыми в Кавказский Корпус впредь до выслуги. По Высочайшему Государя Императора повелению препровождая при сем сих рядовых к Вашему Высокопревосходительству с нарочным фельдъегерем, имею честь уведомить, что Государь Император получил сведение, что они, Ермолаев и Князь Щербатов, произнесенный над ними приговор приняли с чувствами искренней покорности как следует верноподданными, и считая сие знаком чистосердечного их раскаяния, соизволяет, чтоб Ваше Высокопревосходительство употребив их немедленно на службу дали им случай оказывать отличие, и тем удостоиться всемилостивейшего снисхождения к их участи» (ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 68, л. 5). Щербатов скончался на Кавказе в 1829 г., «дослужив до чина штабс-капитана». В числе семеновцев, сосланных на Кавказ, следует упомянуть командира роты Козыкарева и командира бата-

льона Вадковского («Былое», 1907, № 3, стр. 107). Кошкарев и Вадковский тоже принимали участие в русско-персидской и русско-турецкой войнах. — 43.

4. До 1825 г. на Кавказе бывали по разному поводу будущие декабристы П. Г. Каховский, В. Кюхельбекер, А. Авернуус, П. Черевкин, Г. Копылов, П. Устимович, братья Борисовы, Петр Муханов и Якубович (М. В. Нечкина. А. С. Грибоедов и декабристы. М. 1951, стр. 193). Нужно прибавить, что до восстания декабристов на Кавказе были также Е. Е. Лачинов и некоторые другие. — 47.

5. 20 сентября 1826 г. из Главного штаба писали командиру Отдельного Кавказского корпуса: «Государь император высочайше повелеть соизволил: о всех офицерах, переведенных приказом 7 минувшего июля в Отдельный Кавказский корпус из числа изобличенных в участии в злоумышленных тайных обществах, равно о переведенных в тот же корпус по делу злоумышленных обществ, приказами 27 марта, 28 мая и 21 июля, доводить ежемесячно до сведения его величества на счет службы и поведения их».

Спустя несколько дней, 28 сентября, в дополнение к этому предписанию, дежурный генерал из инспекторского департамента Главного штаба послал А. Ермолову следующее указание: «Начальник Главного штаба его имп. Величества сообщил мне, что Государь Император высочайше повелеть соизволил, чтоб о всех состоящих в военном ведомстве лицах, кои прикисновены были к делу о злоумышленных обществах, но не были преданы Верховному военному суду, понесли исправительное наказание, доносимо было ежемесячно о поведении их от командиров полков, артиллерийских рот и гарнизонных батальонов рапортовали прямо на имя его г. начальника Главного штаба для доклада Государю Императору» (ИМГ, отд. рукоп., ф. Вейденбаума, д. 360 л. 40). — 48.

6. Р. И. Дорохов не был ни декабристом, ни «прикосновенным». В его формулярном списке сказано: «...За буйство и ношение партикулярной одежды 1820-го года декабря 5-го дня, по Высочайшему приказу был разжалован из прапорщиков учебно-карабинерного полка в рядовые до выслуги и определен в Гренадерский наследного принца прусского полк, из

когого переведен 1824-го августа 22-го в 3-й батальон Тирутинского пехотного полка, а 1827-го года января 28-го по Высочайшему повелению включен в Отдельный Кавказский корпус, и по приказанию бывшего корпусного командира генерала от инфантерии Ермолова, того же года февраля 23-го определен в сей Нижегородский драгунский полк, в котором за отличие против персиян в 1827-м году, по Высочайшему повелению того же года, декабря 7-го дня, произведен в унтер-офицеры; 1828 года 1-го января по Высочайшему приказу за отличие против персиян произведен в прапорщики, того же года декабря 3-го по Высочайшему приказу за отличие в сражении против турок произведен в поручики» (ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 145, л. 11). О Руфиме Дорохове, сыне одного из выдающихся партизан Отечественной войны 1812 года, декабрист А. С. Гангеблов в своих воспоминаниях пишет: «Он всегда держал себя с достоинством; это был человек благовоспитанный, приятный собеседник, остер и находчив. Но все это было испорчено его неукротимым нравом, который нередко в нем проявлялся ни с того ни с сего, просто из каприза и преследовал *à outrance* тех, кто ему не нравился, и он этого не скрывал. За свой буйный характер он имел несколько дуэлей, несколько историй с начальниками и несколько раз был разжалован; едва ли не большую часть своего поприща он прослужил солдатом» («Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова». М. 1888, стр. 181). Дорохов был убит 18 января 1852 г. в Малой Чечне (Л. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., стр. 382). — 48.

7. В литературе высказано мнение, что как до, так и после 1825 г. на Кавказе существовало тайное общество декабристов. Подробное изучение вопроса показывает, что мнение это не обосновано. — 52.

8. О битвах под Шамхором и Елисаветполем (Гянджой) см. Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб. 1888, стр. 664—681; В. Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 3. Вып. 1. СПб. 1886, стр. 129—176. — 55.

9. Когда началась русско-персидская война, царское правительство на Кавказ отправило новые войсковые части, в 20 М. Персиян

том числе 20-ю дивизию 4-го корпуса (из Крыма), в составе Крымского, Севастопольского, Козловского, Нашебургского пехотных полков, 39-го и 40-го егерских полков и 20-й артиллерийской бригады. Дивизия прибыла в Закавказье осенью 1826 г. и под командованием генерала Красовского приняла активное участие в русско-персидской войне 1826—1828 гг. (А. Л. Гизетти. Хроника кавказских войс. В двух частях. Тифлис, 1896, стр. 67). — 57.

10. По официальным данным, при Ошаканском сражении потери русского отряда составляли: из офицерского состава — убитыми 6, ранеными 26; из рядовых — убитыми 679, ранеными 324, пленными 134. Во время осады и взятия крепости Сардарабад русские войска потеряли: из офицерского состава — ранеными 3, из рядовых — убитыми 8, ранеными 15; во время осады и занятия Эривани — из офицерского состава убитыми 1, ранеными 1, из рядовых — убитыми 8, ранеными 44. Общее число потерь русских войск в русско-персидской войне 1826—1828 гг. составляло: из офицерского состава — убитыми 35, ранеными 64, пленными 31, из рядовых — убитыми 1495, ранеными 1022, пленными 1320 (А. Л. Гизетти. Сборник сведений о потерях кавказских войск во время войн кавказско-горской, персидских, турецких и в Закавказском крае 1801—1885 годов. Тифлис. 1901, стр. 145—146). — 59.

11. О взятии крепости Сардарабад Паскевич 21 сентября 1827 г. в рапорте Николаю I докладывал, что 19 сентября весь день артиллерия бомбардировала крепость. Вечером, писал он, «Хасан-хан сардар выслал ко мне парламентаря, прося о перемирии на 3 дня, в чем ему было отказано, и огонь с батареей в то же время был усилен. Получив столь решительный ответ, Хасан-хан, пользуясь темнотой ночи и всеобщим смятением, взяв с собою двух человек, бежал и поручил спасение чести и жизни прыткости своей лошади; весь гарнизон, состоящий из 2-х батальонов сарбазов и конницы, всего около 1500 чел., также был им снаряжен к побегу и вышел из крепости с северной стороны, которую совершенно обложить не было возможно по причине большого удаления воды. Сарбазы рассыпались по степи, бежа к Эривани, к Алагезу и к турецкой границе. Но иных застигла еще в воротах пехота наша, между

тем, как прочие наши войска беспрепятственно проникли в самый пролом, кавалерия наша уже была направлена для пересечения главнейших дорог. Казачьи полки, Чугуевский уланский и Нижегородский драгунский под начальством генералов Бенкендорфа, Розена и Шабельского стоптали и перекололи спасающихся, из конх убито до 500, взято в плен до 200; число пленных ежеминутно увеличивается.

Храбрости войск В. И. В. досталось в добычу: орудий медных 13, магазин, в котором 14 т. четвертей пшеницы, значительное количество пороха и других снарядов, огромный запас хлопчатой бумаги и проч.» (АКАК. Т. VII, стр. 563—564). — 60.

12. В своем рапорте от 3 октября 1827 г. Паскевич о занятии Эривани сообщал царю:

«1-го октября, после обоюдной стрельбы, в 8 часов утра, на восточной башне и восточной стене показались некоторые жители, махали белыми платками, а потом начали перебегать к траншеям, спускаясь по обрушенным частям вала. С южной стороны неприятель однако не переставал стрелять по нашим рабочим. Жители, сошедшие по приглашению некоторых наших офицеров, которые по первому знаку сдачи подскочили к самому краю рва, объявили, что все они и некоторая часть сарбазов решились нам передаться, но что прочие батальоны хотели защищаться до самой крайности.

Дежурный в траншее ген. Лаптев послал в сих обстоятельствах начальника траншей полк. Гурко и командира Сводного гвардейского полка полк. Шипова с ближайшими 6 ротами гвардейского полка, которые немедленно бросились чрез брешь и заняли юго-восточную башню первой и второй стены и примыкающая к ней куртины. Рабочие от Севастопольского, 39-го Егерского полков и пионерные роты с 2-мя легкими орудиями быстрым движением пошли к северным воротам, дабы не дать неприятелю уйти чрез оныя. Туда же прибыл ген.-л. Красовский с частью его отряда. Ворота были еще завалены. Белов, аудитор, который по знанию языка думал вступить в переговоры с защищавшимися, пал мертвый, от фальконетного выстрела, последнюю жертвою этого дня. Ворота сломаны; наши ворвались туда, и колебавшиеся два батальона сарбазов бросили оружие и сдались военнопленными. Орудиями на сте-

20*

нах поспешно завладели наши проникнувшие в брешь. О Хасан-хане известно было, что он, видя решительную волю старшин города сдаться и ропот в гарнизоне, с несколькими приверженцами пытался еще ночью спастись, но улицы из форштата были замкнуты нашею пехотою и кавалериею, а по ту сторону Занги кавалерийский отряд, под командою ген.-м. Шабельского, каждую ночь был посылаем, чтобы перехватывать бегущих и препятствовать переправе чрез реку. Видя себя отовсюду окруженным, он еще думал укрыться днем при общем смятении. Ген.-л. гр. Сухтелен, взяв 2 роты Сводного гвардейского полка, пошел в место его убежища в мечети, близ сардарского дворца, обезоружил его и приставил к нему караул. Субхан-Кули-хан, комендант крепости, открыт был поручиком Чевкиным в подземелье, где, переодетый, запасаю пищею на несколько дней с намерением как-нибудь избегнуть от рук победителей; другие ханы и начальники, Касим-хан, командир батальона хас (гвардейского лучшего войска Аббасмирзи), Джафар-Кули-хан Марандский, Али-Мердан-хан Тавризский, Аслан-хан Араклинский и Фетх-Али-хан, начальник литейной, все были захвачены в плен. Беспорядок, неизбежный при таких происшествиях, недолго продолжался; чрез два часа возобновлена тишина. Войска В. И. В. не запятнали себя никаким насильственным поступком, ни убийством бесполезным, и покорители Эривани, бодро идущие на всякую опасность, когда сия миновалась, явили в себе образец самой строгой подчиненности, кроткие и человеколюбивые покорители тех, которые прибегли под их защиту.

Потеря наша, по стечению многих счастливых случайностей, самая ничтожная. Знаменитая Эривань, которой приобретение, как полагали, должно было стоить потоков крови, пала пред победоносным русским оружием без великих жертвований с нашей стороны» (АКАК. Т. VII, стр. 566). — 62.

13. В одном официальном документе сказано, что А. С. Гангеблов по приказу Паскевича от 19 марта 1828 г. был отправлен в распоряжение Эриванского областного управления. По приказу же от 12 мая 1828 г. Гангеблов был переведен в 8-й пионерный батальон для участия в русско-турецкой войне (ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 145, л. 2). — 77.

14. Об участии А. С. Пушкина в русско-турецкой войне 1828—1829 гг. в его формулярном списке мы читаем: «С 14-го по 21-е июня 1828 г. принимал участие в действиях армии, бывшей под личным начальством генерала Паскевича, против крепости Карса, окопчившихся 23-го июня взятием этой крепости штурмом; за участие в последнем награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость». С 6-го по 23-е июля был в походе к крепости Ахалкалаки и при взятии ее, 24-го июля, штурмом. С 1-го по 5-е августа был в походе к крепости Ахалциху. 5-го августа принял участие в рекогносцировке этой крепости и разбитии неприятельской кавалерии, за что награжден орденом св. Владимира 4-й степени с бантом. 9-го августа участвовал при поражении тридцатитысячного неприятельского корпуса, бывшего под предводительством Кнос-Магомет-пашы и Мустафы-пашы. С 5-го по 16-е августа находился при осаде крепости Ахалциха и взятии ее штурмом. С 14-го по 17-е сентября участвовал в походе к г. Ардагану. В июне 1829 г. был в походе, под личным начальством генерал-фельдмаршала Паскевича, к укрепленному лагерю Гагки-пашы, и принимал участие в военных действиях против последнего. 15 и 16-го июня участвовал в занятии высот, окружающих упомянутый лагерь; 17-го в сражении с неприятельской конницей под начальством Османа-пашы; 19-го — в поражении неприятельской конницы, вышедшей из лагеря, и полном разбитии войск эрзерумского сераскира, занявшего крепкую позицию при с. Каир-Лы; 20-го — при овладении лагерем Гагки-пашы и разбитии всех войск его, за что награжден чином поручика; с 22-го по 27-е июня был в походе к г. Эрзеруму и при взятии его; с 21-го по 26-е июля — в походе к крепости Байбурту и селению Харту. 27-го и 28-го июля — при разбитии скопища лазов при сел. Харт, занятии этого селения и преследовании неприятеля до с. Болохора, за что награжден орденом св. Анны 3-й степени с бантом. С 3-го по 10-е августа участвовал в движении войск к с. Болохору и далее и в преследовании бежавшего неприятеля; 11-го августа в движении войск по Токатской дороге для обеспечения экспедиции полковника графа Симонича к г. Кюмши-Кале. С 17-го августа по 22-е августа — при обратном движении войск к

Эрзеруму и в рекогносцировке по трапезундской дороге. С 23-го августа по 27-е сентября участвовал во вторичном походе к Байбурту, во взятии его и турецкого лагеря приступом и в преследовании неприятеля, защищавшего лагерь» (Л. Майков. Пушкин. СПб. 1899, стр. 38). — 96.

15. Потери русских войск на Кавказском фронте русско-турецкой войны 1828—1829 гг. составляли: из офицерского состава — убитыми 39, ранеными 188; из рядовых — убитыми 893, ранеными 3179, пленными 62 (А. Л. Гизетти. Сборник сведений о потерях кавказских войск, стр. 149). — 99.

16. Подробности занятия Карса русскими войсками описаны в книге «История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» (ч. I. СПб. 1836), в составлении которой принимали участие и некоторые разжалованные декабристы. Показана большая роль И. Бурцова, А. Миклашевского, П. Лемана и Н. Раевского в деле покорения крепости Карс. — 101.

17. В. Андреев в своих воспоминаниях о Зубове пишет: «В Ширванском полку служили: капитан Лашкевич, переведенный из России с сохранением чина, по участию в декабрьских смутах, и разжалованные в солдаты Петр Бестужев и мой земляк Зубов. Последний, имея порядочное состояние, получил, по тогдашнему обычаю, хорошее для того времени домашнее образование, имел природные способности и, увлекаемый эпохою Пушкина, пописывал еще юношею стишки, из которых некоторые были у меня. В смутное время декабрьских происшествий он был на службе юнкером и, написав на смерть Рылеева элегию, послал ее при письме к своему приятелю, с пояснением, что «к прискорбию патриотов, 14-е декабря не удалось». Письмо было перехвачено, и Зубова прислали на Кавказ солдатом» («Кавказский сборник». Т. I. Тифлис. 1876, стр. 86—87). — 116.

18. В официальных материалах приводятся иные цифры: потери русских войск под Карсом составили 500 убитыми и ранеными, потери турок — 2000 человек. Весь гарнизон, около 6000 человек, был взят в плен. В числе трофеев были 200 орудий и огромные артиллерийские и провиантские запасы (см. Кн. Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. III. СПб. 1891, стр. 118). — 121.

19. В своих воспоминаниях декабрист Гангеблов о Павле Бестужеве писал: «Павел не был разжалован, он был только переведен в гарнизонную артиллерию в Сухум-Кале тем же чином» («Воспоминания декабриста А. С. Гангеблова». М. 1888, стр. 202. Примечание). — 129.

20. В связи с этим, а также упоминаниями А. Бестужева о своем брате Петре, М. Семевский писал: «Добрый отзыв Александра Бестужева о брате его Павле чужд малейшего следа братского пристрастия. В подтверждение полной справедливости его можно сослаться на свидетельство заслуженного кавказца барона Ф. Ф. Торнау. В интересных воспоминаниях своих о Кавказе и Грузии, напечатанных в «Русском вестнике», 1869, кн. 4-я и др., генерал Торнау, как очевидец, пишет о находчивости и неустрашимости поручика Павла Бестужева, командированного в 1832 году в делах с горцами, [со] взводом горской артиллерии» («Русский вестник». Т. 88. 1870, стр. 48). — 131.

21. Дежурный генерал Главного штаба 19 апреля 1829 г. сообщал Бенкендорфу: «Государь Император Всемилостивейше повелеть соизволил государственных преступников Александра Бестужева и Владимира Толстого, осужденных по приговору Верховного Уголовного Суда в каторжную работу, и потом из единого монаршего милосердия сосланных в Сибирь на поселение — определить на службу в действующие против неприятеля полки Отдельного Кавказского корпуса по усмотрению Главнокомандующего сим корпусом.

Об исполнении каковой Высочайшей воли вместе с сим писано как Генерал-Губернатору Восточной Сибири, равно и Главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом Г. Генерал-Адъютанту Графу Паскевичу-Эриванскому, которому предоставлено, по определении означенных Бестужева и Толстого в полки рядовыми, поручить иметь за ними тайный бдительный надзор. О чем я имею честь уведомить Ваше Превосходительство» (ЦГИАМ, ф. III отд., I эксп., 1826 г., д. 61, ч. 18, лл. 1—1 об). — 133.

22. Кавказ оставил на А. Бестужева сильное впечатление, что видно, в частности, из его письма к матери от 15 августа 1829 г.: «Я в Грузии, — писал он, — Надо мной тает тле-

творное тифлисское небо, и за мной белеют вдали снежные хребты Кавказа. Наконец я видел Кавказ, который жаждал видеть с самого детства, и до сих пор не насытился этим великолепным зрелищем. Надобно самому испытать возвышенное чувство, проникающее душу при подножии ледяных гор, чтобы поверить силе и сладости сего впечатления. Сибирские горы во многих местах живописнее Кавказа и почти всегда разнообразнее, но величественность его ни с чем не сравнима: она поражает, приковывает вас, она чарует не одни взоры, но душу. Мне даже на письме жаль свести с них глаза, чтобы хронологически описать свое путешествие» («Русский вестник». Т. 87. М. 1870, стр. 493). Бестужев с таким же восторгом говорил о Кавказе и в других своих письмах, в частности в известном письме к доктору Эрману (см. «Русский телеграф». М., 1831, № 17). — 134.

23. М. К. Азадовский в своих комментариях к сборнику «Воспоминания Бестужевых» (М.—Л., 1951) пишет, что в байбуртском сражении принимал участие Петр Бестужев, а его брат Александр в это время находился в Тифлисе (стр. 698). Здесь мы имеем дело с явной ошибкой. Ошибочно и утверждение, будто «обед у Н. Раевского, на котором находились декабристы и который так дорого обошелся всем его участникам», происходил в Тифлисе. В действительности этот известный «обед у Н. Раевского» был дан не в Тифлисе, а в Гюмри. Об этом см. восьмую главу настоящей работы. — 136.

24. В архивных материалах сохранилась интересная записка И. Г. Бурцова об осаде и взятии Ахалциха. В заключение Бурцов писал:

«Отдавая подробный отчет о ходе Ахалцихской осады, в коем изложены все систематические распоряжения высшего начальства, увенчанные благословенным успехом, я токмо с благоговением дерзну произнести хвалу храбрости войск русских, достигших цели трудов своих и с глубокою скорбью могу вспомнить о потере мужественных начальников и воинов, потере истинно чувствительной для армии.

В отношении к порученной мне части произнесу, что служба 8-го пионерного батальона во все время осады была примерная: ни изнурение, ни непрерывные опасности не мог-

ли ослабить усердие и храбрость нижних чинов, не могли ума-
лить мужество и расторопность офицеров» (ЦГИАГ, ф. 1087.
д. 1258, л. 8).

Во время покорения Ахалциха в 8-м пионерном батальоне
находились из «злоумышленников» М. Пушкин, П. Коновни-
цын, А. Гангелов и некоторые другие. — 152.

25. О сражениях при Капили и Миллидюз в известной
книге Ушакова сказано: «Не много найдется примеров столь
полного и совершенного успеха, каковой русския войска при-
обрели в два дня — 19 и 20 июня. Победы эти тем важнее и
драгоценнее, что искуплены самым малым пролитием крови.
Потеря у нас в убитых, раненых и контуженых не превосхо-
дила 100 человек, между тем как корпус, совершив в 25 часов
около 60 верст, поразил Азиатско-Турецкую армию, предводи-
тельствуванную знаменитыми сановниками Порты, взял в плен
одного из них, вместе с двумя другими второстепенными па-
шами, завладел двумя лагерями и в числе их одним укреплен-
ным, отнял всю бывшую при неприятельских войсках артил-
лерию, состоявшую из 28 пушек и мортир, отбил около 2000
пленных, 19 знамен и до 3000 палаток, со множеством продо-
вольственных и артиллерийских запасов. Разбитый неприя-
тель бегствовал в беспорядке, оставя на месте до 2000 уби-
тых; пехота и конница его, разделяясь на малые толпы, искали
одного спасения. И все это приобретено единственно быстро-
тою и решительностию движений» («История военных действий
в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах. Ч. 2. Варшава. 1843.
стр. 122). — 153.

26. О сражении при селении Харт Ушаков пишет: «Пред
рассветом 19 июля Бурцов подошел к селению Харт; оно воз-
вышалось над окрестною долиною; имело на крутизнах не-
сколько башен и сверх того было обнесено завалами и колю-
чею засекою. Неприятельские пикеты бодрствовали; но невзри-
рая на то и на промедление майора Засса, Бурцов, оболе-
щенный прежними успехами и надеждою не встретить боль-
шого сопротивления, решился атаковать одною колонною,
чтобы не дать времени неприятелю опомниться.

Атака была произведена с южной стороны селения, от
кладбища. Гренадеры первоначально встретили самое слабое

сопротивление; штыками вытеснили лазов из оврага, окружающего селение, и заняли часть домов; но посреди узких переулков бой завязался кровопролитный. Многочисленные толпы, засев в строениях, производили непрерывный ружейный огонь, не давая солдатам нашим ни шагу вперед. Тщетно артиллерия гремела по селению, битва безуспешная продолжалась до 10 часов утра и в довершение отчаянного положения отряда большие неприятельские толпы показались за селением, огибая левый фланг позиции Бурцова.

Видя значительную потерю в людях и гибель в случае дальнейшего упорства, Бурцов отступил и занял позицию позади кладбища в 200 саженьях от домов. С трудом и опасностью можно было вывести войска из тесных переулков и строений; неприятель сильно напирал, и тяжелораненых большею частию надлежало оставлять в добычу ярости лазов.

Около полудня гренадеры и конница были собраны на новой позиции и в это время показался наконец в тылу селения майор Засс с своею колонною. Приближение свежих сил дало войскам новую бодрость. Тотчас Зассу приказано обходить неприятеля, занимавшего высоты на западной стороне селения. Гренадеры, быв встречены сильным огнем, пробивались весьма мужественно, стесняя неприятеля к возвышению, противу которого находился наш Мусульманский полк. Уже многие толпы лазов, засевшие в овраге, были обойдены и совершенно отрезаны, когда Бурцов, желая довершить успех атаки, дал приказание майору Каде с прежде бывшими ротами произвести совокупный удар с другой стороны, а сам повел Мусульманский полк. Неприятель, выбитый в свою очередь из оврага, был окружен; но среди жаркого нападения, в пылу преследования лазов, храбрый Бурцов лично настигая одного неприятельского знаменщика, был ранен им в упор из пистолета навывлет в грудь, что самое, внезапно остановив атаку, отняло победу из рук войск наших» («История военных действий в азиатской Турции в 1828 и 1829 годах». Ч. II, стр. 199—201). — 154.

27. О последних днях и смерти полковника А. Миклашевского подробно рассказывается в «Письмах из Дагестана» А. Бестужева-Марлинского, в то время находившегося в отря-

де храброго полковника (см. «Северная пчела», 1832, № 142—148, 164—178). — 169.

28. Как видно из рапорта полковника Шипова от 16 июля 1826 г. Сводный гвардейский полк в середине июля 1826 г. в своем составе имел: рядовых — 1090, унтер-офицеров — 72, обер-офицеров — 29, штаб-офицеров — 4, музыкантов — 35, пе-строєвых — 56, денщиков — 69 (ЦГИАГ, ф. 1083, оп. 1, д. 364, л. 810). — 172.

29. Интересно отметить, что некоторые жены нижних чинов лейб-гвардии Московского полка выразили желание поехать на Кавказ к своим мужьям «злоумышленникам». В их списке фигурируют: Наталья Иванова, Агафья Егорова, Ирина Агеева, Прасковья Алексеева, Елисавета Андреева, Евгенья Кирилова, Авдотья Миронова, Маринна Мирайлова, Фекла Мирайлова, Маланья Селиверстова, Марья Терентьева, Александра Григорьева, Екатерина Павлова, Татьяна Семенова, Марфа Иванова (ЦГИАГ, ф. 1083, оп. 1, д. 364, л. 900). — 172

30. Отправка черниговцев на Кавказ была осуществлена по специальной инструкции, в которой, между прочим, говорилось: «Из всех отправляемых теперь в Кавказский корпус нижних чинов составляется шесть рот... К каждой роте прикомандировывается по два надежных и опытных офицера... К каждой прикомандировывается по пяти унтер-офицеров и на каждые десять черниговских солдат по одному вооруженному рядовому... Каждая рота следует всегда в полном строевом порядке. Офицерам быть всегда в строю и ни на шаг от роты не отлучаться. Унтер-офицерам быть всегда при своих полувзводах, а вице унтер-офицерам безотлучно на флангах своих отделений.

На марше сохранить тишину и порядок. Без позволения унтер-офицеров и офицеров из рядов не выходить. На привалах не терпеть беспорядков и никаких отлучек. Офицерам всегда внимательно наблюдать, чтоб солдаты на походе не вели непристойных и соблазнительных разговоров и оные тотчас унимать. Также, чтоб унтер-офицеры и вице унтер-офицеры не входили в близкие с солдатами разговоры и связи... Как скоро рота пришла на ночлег или растах, то каждый десяточный вице унтер-офицер разводит свой десяток по квар-

тирам по показанию местных квартирмейстеров. В продолжении ночлегов и растахов солдатам воспрещается отлучаться с квартир без позволения или приказа унтер-офицеров. Запрещаются строжайше всякие самовольные сходбища и сборища. Всякое утро и вечером делать перекличку... Ротным командирам и офицерам наблюдать внимательно за всем, что происходит, и чрез унтер-офицера должно знать все, и доносить тотчас обо всем штаб-офицеру. Унтер-офицерам также быть осторожным и наблюдать за всеми разговорами и поступками солдат.

Если б кто-либо из солдат нарушил сии правила, а паче всего оказал бы малейшее неповиновение и непокорность, такового тотчас заковать или забить в колодки и сдать воинскому начальству, а если такового нет, то гражданскому или сельскому начальству, для содержания под крепчайшим караулом, впредь до распоряжения командующего штаб-офицера, коему подробно обо всем донести...

По прибытии в Ставрополь явиться к командующему 22-й пехотной дивизии генерал-майору князю Горчакову и сдавать роты, кому от командира Кавказского отдельного корпуса г. генерала от инфантерии Ермолова приказано будет...» (см. Леонид Добровольский. Отправление на Кавказ солдат Черниговского полка, стр. 7—8). — 194.

31. Ниже приводятся фамилии некоторых рядовых семеновцев, служивших в полках 8-й пехотной дивизии: в Троицком пехотном полку — Афанасий Мартыненко, Мартын Петров, Иван Шевелев, Василий Каряков, Алексей Елисеев, Иван Кононов, Алисим Нестеров, Мокей Проскуров и др.; в Пензенском пехотном полку — Матвей Еремин, Григорий Анищенко, Андрей Муркин, Харлам Соснов, Прохор Феодоров и др.; в Тамбовском пехотном полку — Ефим Колодченко, Петр Рубцов, Степан Никитин, Тан Ян, Феодор Михайлов, Иван Максимов и др.; в Саратовском пехотном полку — Алексей Андреев, Ефим Павлов, Василий Турков, Андрей Никитин, Семен Кондратьев, Петр Греков, Гурьян Афанасьев и др.; в 15-м егерском полку — Козьма Алексеев, Степан Лебедев, Николай Григорьев, Теренций Степанченко и др., в 16-м егерском полку — Феодор Шевченко, Кирилл Никифоров, Констан-

тин Беляев, Яков Василенко, Артем Жогулин и др. («Восстание декабристов. Материалы. Т. IV, стр. 318—323»). — 199.

32. Об установлении за А. С. Пушкиным секретного надзора кавказовед Е. Г. Вейденбаум пишет: «Пока Пушкин беззаботно ехал по степям Предкавказья, в Тифлисе делались распоряжения об учреждении над ним секретного надзора. За несколько дней до выступления в турецкий поход, именно 12 мая 1829 г., Паскевич приказал начальнику своего штаба барону Д. Е. Остен-Сакену предупредить тифлисского военного губернатора ген.-адъютанта Стрекалова о предстоящем прибытии в Грузию «известного стихотворца, отставного чиновника X класса Александра Пушкина» и об учреждении за ним надлежащего надзора. Стрекалов, в свою очередь, предписал 14 мая тифлисскому гражданскому губернатору, по прибытии Пушкина, обратить на поведение его строгое внимание и доносить секретно об образе его жизни. Нет сомнения, что Пушкин знал об этом от своих друзей, служивших в штабе и в канцелярии Паскевича, и принял свои меры осторожности... Переписка о секретном надзоре за Пушкиным на этом не кончилась. Уже по возвращении с Кавказа он должен был дать Бенкендорфу объяснение о причинах, вызвавших поездку. От тифлисского военного губернатора было потребовано донесение, «по чьему позволению известный стихотворец Александр Пушкин предпринял путешествие из Тифлиса в Эрзерум?». Представляя свои объяснения, Стрекалов доносил, что «даже лично обращал на образ жизни Пушкина надлежащее внимание» (Е. Г. Вейденбаум. Кавказские этюды, исследования и заметки. 1901, стр. 242—243). — 208.

33. В связи с приездом А. С. Пушкина в Тифлис и пребыванием его в действующем Кавказском корпусе газета «Тифлисские ведомости» 28 июня 1829 г. писала: «Надежды наши исполнились: Пушкин посетил Грузию. Он недолго был в Тифлисе: желая видеть войну, он попросил дозволения находиться в походе при действующих войсках и 16 июня прибыл в лагерь при Искан-су. Первоклассный поэт наш пребывание свое в разных краях России означал произведениями, достойными славного его пера: с Кавказа дал он нам Кавказского пленника, в Крыму написал Бахчисарайский фонтан, в

Бессарабии — Цыган, во внутренних провинциях списал он прелестные картины Онегина. Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А. Пушкина в стане кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного? Подобно Горацию, поручавшему друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани» («Тифлисские ведомости», 1829, № 26). — 209.

34. В своих воспоминаниях М. Юзефович пишет: «С Пушкиным был походный чемодан, дно которого было наполнено бумагами. Когда речь зашла о прочтении нам еще ненапечатанных: «Бориса Годунова» и последней песни «Онегина», он отдал брату Льву и мне этот чемодан, чтоб мы сами отыскали в нем то, чего нам хочется. Мы и нашли там тетрадь «Бориса Годунова» и отрывки «Онегина», на отдельных листках. Но мы этим разумеется не удовлетворились, а пересмотрели все и отыскали, между прочим, прекрасный, чистый автограф «Кавказского пленника». Когда я показал Пушкину этот последний, говоря, что это драгоценность, он, смеясь, подарил мне его; но Раевский, попросив у меня посмотреть, объявил, что так как поэма посвящена ему, то ему и принадлежит и чистый автограф ее, и Пушкин не имеет права дарить его другому. Можно себе представить мою досаду! Я бросился отнимать у Раевского, но должен был уступить его ломовой силе. После Раевский, взяв с меня честное слово возвратить, дал мне эту рукопись, чтоб выписать из нея места, пропущенные в печати» («Русский архив», 1880, кн. 3, стр. 441—442). — 215.

35. Д. Давыдов в своем «Воспоминании о 1826 году» рассказывает, что, отправляясь из Москвы на Кавказ, он 24 августа 1826 г. прибыл в Ставрополь и остановился у областного начальника генерала Горчакова. «Одно известие особил мне Горчаков, которое состояло в том, что Гвардейский Сводный полк (сформированный из участников восстания декабристов.—М. Н.) под командою полковника Шипова, и батальон Ширванского полка находились в походе к Тифлису, куда

им велено было идти усиленными переходами» («Сочинения Д. В. Давыдова». Ч. I. М. 1860, стр. 11). — 217.

36. Военную доблесть и патриотизм Раевских, вместе с другими русскими поэтами, воспели также А. В. Жуковский и А. С. Пушкин. В 1812 г. Жуковский писал:

«Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый груд против мечей
С отважными сынами».

(«Архив Раевских». Т. I. стр. 164).

А. С. Пушкин в посвящении к «Кавказскому пленнику», обращаясь к Н. Н. Раевскому, писал:

«Мы в жизни разны шли: в объятиях покоя
Едва-едва расцвел, и вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел;
Отечество тебя ласкало с умилением,
Как жертву милую, надежды верный цвет...»

(А. С. Пушкин, Сочинения. Т. II. 1954, стр. 87). — 219.

37. Вопрос о принадлежности Н. Н. Раевского и его брата Александра к тайным обществам декабристов нельзя считать разрешенным. Декабрист М. А. Бестужев утверждал, что Н. Раевский состоял членом «Тайного общества» и был прощен «за чистосердечное раскаяние» («Русская старина». Т. I. 1870, стр. 262). Против этого выступила С. Н. Раевская, которая писала, что Николай Раевский (как и Александр Раевский) «никогда не принадлежал к какому-нибудь тайному, политическому обществу» («Русская старина». Т. VII. 1873. январь, стр. 122). Основным аргументом С. Раевской было, по-видимому, то, что следственная комиссия «оправдала» и освободила Раевского из-под ареста. Декабрист А. Е. Розен по этому вопросу в «Русской старине» опубликовал свое письмо, в котором показал, что М. И. Бестужев говорит «сушью правду», а Раевская ошибается. Основываясь на различных источниках, Розен писал: «...Н. Н. Раевский, только что по-

милованный и прощенный императором Николаем I, навестил арестованного своего полкового командира, полковника Кончианова и сообщил, что он освобожден из уважения к отцу, знаменитому герою Бородинского погрома» («Русская старина». Т. VII. 1873, март, стр. 379). Декабрист Н. И. Лорер писал, что Н. Н. Раевский был арестован и привлечен к следствию в связи с тем, что его дядя, В. Л. Давыдов, а также зятя М. Ф. Орлов и С. Г. Волконский были декабристами («Русский архив», 1874, кн. I). В 1884 г. в статье «Декабристы на Кавказе» А. Е. Розен опять причисляет фамилию Раевского к декабристам, сосланным на Кавказ («Русская старина», 1884, февраль, стр. 303). На это возражала другая сестра Раевского — Екатерина Раевская («Русская старина». Т. 42, 1884, стр. 437). Нам кажется, есть основание полагать, что Н. Раевский, если даже не состоял членом тайных обществ, был причастен к политическим делам декабристов. — 219.

38. О подвигах Н. Н. Раевского под Джеванбулахом Паскевич 7 июля 1827 г. писал его отцу Раевскому-старшему следующее:

«Спешу обрадовать вас в нескольких словах известием о подвигах вашего сына. Он первый бросился в Аракс и открыл брод нашей коннице для переправы на противоположный берег, где потом войско наше покрыло себя новою славою прогнав армии шахской. 5-го июля в сражении при Джеванбулаке храбрый полковник Нижегородского драгунского полка спешил часть своих конных и обстреливал высоты, по которым зссел неприятель. Потом, до прихода нашей пехоты, с двумя дивизионами сдерживал стремление неприятеля, который в числе нескольких тысяч порывался нагрянуть на наших казаков, из ущелья, где был собран. По прибытии пехоты полковник Раевский быстро атаковал неприятеля, опрокинул его, отбил знамя, ничто не устояло. При конце дела вторично был мною самим послан в атаку, конница персидская была чрезвычайно сильна, наших драгун 120 человек, они колебались, но полковник им закричал, что страм им, если выдадут своего полкового командира, дал шпоры своей лошади, драгуны за ним, — отбито еще знамя и неприятель исчез. Испрашиваю у Государя Императора Георгия 4-й степени.

вашему сыну, а Вашему Высокопревосходительству, как прежде моему начальнику, не могу достаточно объяснить, сколько душевно радуюсь, что он под моим начальством с такою храбростью подвигается по следам Вашим, к славе Русского оружия» («Архив Раевских». Т. I. СПб. 1908, стр. 312—313). — 220.

39. М. В. Юзефович пишет, что Раевский оставил фронт из-за ссоры с Паскевичем (см. «Записки декабриста Лорера». М. 1931, стр. 203). Этого мнения придерживается и М. В. Нечкина (см. там же, стр. 418, примечание). — 223.

40. В одной своей статье, посвященной А. Бестужеву-Марлинскому, В. Потто пишет, что в группе лиц, сопровождавших Н. Н. Раевского во время его возвращения из действующего отряда в Тифлис, находился также А. Бестужев («Кавказ», 1897, № 315). Потто ошибается, А. Бестужев не был с Раевским, он в то время находился на фронте (см. статью Е. Вейденбаума «А. Бестужев на Кавказе». «Кавказские этюды». Т. I, стр. 267). В примечании к книге «Записки Н. И. Лорера», изд. в 1931 г., указано, что в конвое Раевского находились также Валерий Голицын и Александр Бестужев (Марлинский). Это утверждение также неправильно. — 223

41. М. В. Юзефович утверждает, что генерал Чернышев специально послал Бутурлина на Кавказ, «чтоб как-нибудь повредить» сосланному рядовым в Отдельный Кавказский корпус Захарю Чернышеву, с которым генерал имел другие счеты. «Узнав, что Захар Чернышев отправился в конвое с Раевским, Бутурлин тотчас же и сам пустился вослед за ним и накрыл Раевского как раз во время обеда, за которым находился вместе с ним и разжалованных» (см. «Записки декабриста Н. И. Лорера». М. 1931, стр. 203). Б. Л. Модзалевский о Бутурлине писал: «Н. А. Бутурлин, сделавший в 1829 г. донос на Н. Н. Раевского мл., умер 15-го июля 1837 г. в чине генерал-лейтенанта и во звании члена Военного Совета; перед своею смертью он вызвал к себе сыновей Николая Николаевича — Николая и Михаила, бывших тогда офицерами л.-гв. Гусарского полка, и к их удивлению просил у них прощения за свой донос на их отца, — о чем они раньше совсем и не знали» («Архив Раевских». Т. 2 1909, стр. 614). — 224.

42. В. С. Голицын, имевший в 1827 г. чин полковника, находился под секретным наблюдением. 11 июня 1827 г. начальник Главного штаба генерал Дибич писал Паскевичу: «Досведения государя императора дошло, что Нижегородского драгунского полка полковник князь Голицын дозволяет себе разные неприличные толкования. Вследствие сего, а равномерно и по невыгодному замечанию начет прежнего поведения князя Голицына во время службы его в Тираспольском конно-егерском полку, его величеству угодно, чтоб Ваше высокопревосходительство приказали должность дежурного штаба офицера занять другому, полковника же князя Голицына обрашали бы в полк, имели за ним секретное наблюдение» (ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848, д. 109, св. 35, л. 2). --229.

43. Майор Аносов в 1836 г., находясь в Петербурге, послал в военное министерство ряд документов, относящихся к «делу» Раевского. В своем рапорте на имя военного министра генерала Чернышева от 11 февраля 1836 г. Аносов доносил: «Имея поручение от начальства Азиатской Турции по войне, я был спрашиваем через его светлость как вел себя господин генерал-майор Раевский при возвращении его из заграницы с разжалованными нижними чинами, принадлежавшими к злоумышленным обществам, бывшими при нем Чернышевым, Ворцелем, Карвицким, равно Пашковым и другими, вследствие чего сделал зависящее донесение через начальника штаба его светлости, но не решился передать переписку по сему столь важному предмету моему преемнику, хранил оные на случай справки у себя до возможного времени. Ныне по неимению квартиры, находясь в крайности, опасаясь, чтобы не могли бумаги сии затеряться, имею щастие представить вашему сиятельству. В заключение осмеливаюсь просить пощады у вашего сиятельства, что ошибка моя в сем рапорте в приписке вверху слова квартиры последовала от неимения бумаги. На лист сего рапорта употреблены мною последние деньги» (ЦГВИА, ф. ВУА, 1836, д. 1142, л. 1). К рапорту приложены два отношения исправляющего должность начальника Штаба Отдельного Кавказского корпуса генерал-майора Жуковского на имя майора Аносова от 31 октября и 11 ноября 1829 года, а также два рапорта Аносова на имя генерала Жуковского..

написанные в ноябре 1829 г. (см. там же, лл. 3—7). Все эти документы (два отношения и две копии) находятся также в архиве Штаба Кавказской армии (см. ЦГИАГ, ф. 548, оп. 2, л. 831). — 230.

44. Покинув Кавказ, Н. Раевский продолжал военную службу в 5-й уланской, 4-й гусарской и конно-егерской дивизиях. В сентябре 1837 г. Н. Раевский снова получил назначение на Кавказ, где нес ряд должностей, в частности должность начальника Черноморской береговой линии. Военную службу оставил в 1841 г., скончался в 1843 г. Свои передовые взгляды Раевский высказал и по вопросу о характере политики в отношении народов Кавказа. Так, 5 марта 1840 г. он писал командиру Отдельным Кавказским корпусом генералу Головину, что для успокоения и покорения нужно прибегать не к силе оружия, погромам и кровопролитию, а к мирным средствам (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6391, лл. 89—90). — 237.

45. В конное, сопровождавшем Н. Раевского, находился также разжалованный в солдаты Н. Н. Квартано. «В судьбе Николая Николаевича Квартано,— говорит Вейденбаум,— ни русские, ни польские тайные общества не играли никакой роли. Будучи офицером пехотного принца Вильгельма Прусского полка, он отпросился за границу навестить своего отца, занимавшего должность русского консула в одном из городов Испании. В то время шла борьба партии генерала Минна против абсолютизма короля Фердинанда VII. Пылкий Квартано, забыв о своем звании русского офицера и об окончании срока отпуска, примкнул к освободительному движению и храбро сражался под предводительством Минна. Когда восстание было подавлено, Квартано бежал в Бразилию, потом долго скитался по Европе. Тоска по родине и стесненные обстоятельства заставили его прибегнуть к покровительству великого князя Михаила Павловича, находившегося в Вене. Тот посоветовал ему ехать в Петербург с повинною. Квартано так и сделал. Его посадили в крепость и затем разрешили вступить вновь в военную службу, но только нижним чином. Таким путем попал он на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк. Это был всегда веселый, добродушный, беззаботный человек, неистощимый рассказчик, остроумный и приятный собеседник»

(«Русская старина». Т. 114, стр. 488—489). О Квартано сохранилось дело, которое озаглавлено: «О подпоручике Квартано, определенном по Высочайшему повелению в 1827 году на службу в Нижегородский драгунский полк» (ЦГВИА, ф. 395, оп. 268/856, св. 728, д. 41). — 237.

46. А. С. Гангеблов в своих воспоминаниях пишет, что А. Бестужев-Марлинский был арестован, а затем выслан из Тифлиса в Дербент за подстрекательство офицеров, вызванных на караульную службу у штаба Паскевича, к ослушанию («Русский архив», 1886, т. 2, стр. 262). Гангеблов, несомненно, ошибается. Он не знал подробностей дела Раевского. Кстати, необоснованность этого утверждения Гангеблова отметил и Е. Вейденбаум в своей статье «Александр Бестужев на Кавказе» («Кавказ», 1898, № 29; «Кавказские этюды». Тифлис. 1901, стр. 268). — 238.

47. Полный текст письма Паскевича к графу Чернышеву от 16 января 1830 г. гласит:

«В числе бумаг, опечатанных у сотника Сухорукова, находится историческое описание войны 1828-го и 1829-го годов, составленное им по моему приказанию. Употребление Сухорукова к такому поручению, когда он, как известно, замешан в происшествии 14-го декабря и находится под секретным надзором, не должно удивлять вас, милостивый государь, ибо в одинаковом с ним разряде находились многие служившие при мне, как-то: генерал-майор Бурцов, полковник Леман, поручики Пушкин, Искрицкий и подполковник Вольховский был в замечании.

Не имея других, которые бы с пользою употреблены быть могли, я, по малому числу людей, в сем корпусе способных принужден был давать поручения мои сего рода чиновникам. Таким образом и Сухоруков употребляем был сначала генерал-майором бароном Остен-Сакеном, по канцелярии начальника штаба, а потом, год тому назад, я поручил ему составление исторических записок кампаний 1828-го и 1829-го годов. За 1828-й год, сколько мне помнится, написаны высокопарно, но за 1829-й год, читанные мне в прошедшем месяце, я нашел довольно хорошими. В записках сих одно только поверхностное описание военных действий, но к сему я предполагал до-

бавить описание статистическое, переписку дипломатическую и часть продовольственную, как важнейшую при военных действиях в сих землях, поручив оные составить лицам, в войне сей участвовавшим, каждому по своей части.

Предмет сих записок не для публики, я намерен был составить из оных секретную историю и представить на Высочайшее благоусмотрение Государя Императора, дабы, сохраняясь в штабе, могла служить руководством на предыдущее время и прокшества прошедших войн не были вовсе потеряны; ибо до сего времени не было у нас достаточных материалов и при начатии каждый раз войны надлежало собирать все вновь, как бы в странах, где никогда войска наши не находились.

Изложив все сие вашему сиятельству, прошу вас, милостивый государь, довести сие до Высочайшего Его Императорского Величества сведения» (ЦВИА, ф. 33, оп. 19/277, св. 723, д. 143, л. 6). Подлинник этого письма до сих пор не был опубликован. Щербатов, напечатав копию, отмечал, что письмо воспроизводит «по черновой, хранящейся в семейном архиве кн. Паскевича, с собственноручными поправками и приписками фельдмаршала» (Щербатов. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. III. СПб. 1891, стр. 328). Черновое письмо Паскевича см. в ЦГИАЛ, ф. 1018, оп. 3, д. 254, лл. 1—2.—244.

48. Франц Борковский, Андрей Яневич и их друг Феликс Ляхович были арестованы и сосланы на Кавказ в связи с тем, что в 1826 г. в г. Белостоке было открыто тайное студенческое общество «Зорян». Докладывая об этом обществе своему брату Николаю I, цесаревич Константин 20 сентября 1827 г. из Варшавы писал, что «упомянутое общество Зорян по своему устройству, правилам и присяге имело большое сходство с прочими современными ему тайными обществами». Основываясь на заключении комиссии по расследованию дела «Зорян», Константин далее отмечал, что организаторами и главными деятелями этого общества являются Феликс Ляхович, Франц Борковский и Андрей Яневич. Ляхович, писал Константин, «основал первоначально в Белостоке общество Согласных Братьев и преобразовав оное в последствии времени в другое

под названием Зорян, завел таковое в 1823-м и в начале 1824-го в Свисловице, а также старался распространить оное в Вильне... Борковский хотя был ревностным исполнителем Ляховича, но с тою разницею, что действия его не распространились далее Белостока... Яневич находясь в теснейшей связи с Борковским содействовал в его предприятиях, а сверх того участвовал в возобновлении общества в 1825 году в Белостоке, которое впоследствии присоединилось к обществу Военных друзей» (ЦГВИА, ф. 36, оп. 5/848, св. 40, д. 221, лл. 5—6). Спустя некоторое время цесаревич Константин представил царю свои предложения о наказании виновных. Он считал нужным «выдержать в крепости: Ляховича шесть, а Борковского и Яневича четыре месяца каждого, после чего написать их в рядовые в Отдельный Кавказский корпус с тем, чтоб оные были употреблены там на всю действительную службу, за поведением учрежден был строгий надзор; к производству же их в унтер-офицеры не прежде представлять, как через два года, и то если заслуживать будут сего» (там же, л. 49). В начале октября 1827 г. царь утвердил эти предложения. —247.

49. В архивах царского правительства сохранились интересные материалы о Захе, Тржасковском и Лисовском. В одной из справок о них сказано: «1. Бывший студент Виленского университета Константин Зах, давший согласно Высочайшему повелению подписку в том, что он никогда не будет принадлежать ни к каким тайным обществам и обязавшись в том вторичною подписью, данною им при вступлении в университет, первый предпринял учредить общество и дал оному название: Приверженцев Отечества или Племя Сарматов, угворил ко вступлению в оное студента Тржасковского и усиленно наклонял к тому Лисовского и Фижана, имея же намерение распространить общество представлял членам оного различные виды, и преподавал к тому средства, упомянутые же подписку и обязательство, данное университету, дерзнул называть глупостью... 2. Бывший студент Виленского университета Адам Тржасковский, узнав от Заха о намерении его учредить тайное общество, не только не опорочил и не отклонил его от того, но с удовольствием принял сообщаемую ему Захою мысль и столь же деятельно как и Заха занимался уч-

реждением и распространением общества, взявшись сочинять устав для оного, и в собственном сознании называл себя сподвижником Захи в основании общества... 3. Бывший студент Виленского университета Феликс Лисовский хотя на внушения и предложения Захи принадлежать к обществу не согласился и цель общества опорочил, однако же виновен в том, что учинил присягу сохранить в тайне существование оного, вследствие чего неточно не объявил начальству об основании такового общества, но напротив того, при допрашивании его ректором, клятвою утверждал, что он не знает ни о каком тайном обществе» (ЦГИАМ, ф. 109, I эксп., 1835 г., д. 84, лл. 9—10). —248.

50. В 1830 г. Н. Ворцель был переведен в Апшеронский пехотный полк. «В 1835 году генерал-адъютант барон Розен, свидетельствуя, по удостоверению ближайшего начальства Ворцеля, о хорошем его поведении, и донося, что он нечаянным образом прострелил себе ладонь, ходатайствовал об увольнении его вовсе от службы, с дозволением иметь ему жительство под надзором местного начальства, в одной из деревень, отцу его принадлежащих. Государю императору противу сего угодно было написать собственноручно: «рано» (ЦГВИА, ф. 395, оп. 268/856, св. 194, д. 135, л. 3). —249.

51. В 1833 г. по приказу царя Станислав Карвицкий был уволен с военной службы «по немолодым уже летам». Николай I не разрешил Карвицкому вернуться на родину — в Польшу. Ему было разрешено жить только в одной из отдаленных губерний России. С 1834 г. Карвицкий жил в Воронежской губернии, находясь под строгим надзором (ЦГВИА, ф. 395, оп. 268/856, св. 1001, д. 66, лл. 1—2). —259.

52. О деле, возникшем в связи с доносом подпоручика Рельи, как и о деле Н. Раевского, говорится также в книге Вано Шадури «Декабристская литература и грузинская общественность» (Тбилиси, 1958, стр. 196—204, 209—212). См. наше примечание 1. Не лишне отметить, что об этих «делах» В. Шадури приводит архивные материалы из фондов Центрального государственного военно-исторического архива, между тем в нашей работе по этим же вопросам архивные материалы приведены из фондов Центрального государственного историче-

ского архива СССР и из Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР. — 259.

53. Польские революционеры с большим уважением говорили о декабристах и стремились к объединению с русским народом в борьбе против царизма. В одной прокламации, изданной ими в 1831 г. и носившей заглавие «Поляки к россиянам», было сказано:

«Страдающие в железных веригах самодержавия, согбенные под тяжким и постыдным игом рабства, восстаньте с нами Россияне! — Стыд долголетнего уничтожения да обнаружится между вами. — Нерешимость, недоверчивость, сей дух губительный, укрепляет цепи рабства. — Вы это испытали. — Но первые и юные Герои вашей свободы невольно пролили кровь свою. Она согревала холодные подземелья, в которых стонали братья соучастники рокового их жребия. Она соединила навсегда сердца двух доблестных, единоплеменных Народов. Она запечатлела великий Союз Славянских племен.

На сию кровь мучеников общей свободы мы присягнули отметить гнусным тиранам; ныне исполняем священный обет наш. Настало время освобождения страждущей России. Внемлите призывающему вас гласу двухсот тысяч вооруженных Поляков, готовых жертвовать собою, чтоб искупить свободу и независимость. Отвергните с презрением казни и лести вероломных и коварных тиранов. Вам ли ратовать за ваших утешителей?... Вам ли защищать угнетающее вас рабство?.. Страшнитесь изменить потомству, страшитесь его проклятия. Великий Дух времени, которого шествию ни что противустать не может, знаменитые тени Бесгузовых, Рылеевых и Муравьевых взирают на вас, и строго судить вас будут!

Восстань ополченное воинство Русское! Да превратишь пороки в добродетели, рабство в свободу, невежество в просвещение, поправленные права Народа и человечества в жизнь и крепость, да обновишь Россию.

Вместо брани и раздоров, Поляки приветствуют вас миром, союзом и свободой. — Сравните великодушие Народа с кичливостью самодержца — и прострите к нам длани дружбы и братства. — Избирайте: или быть орудием властолюбивого преобладателя или Героями свободы и величия России.

(«Декабристы на Украине» (на украинском языке). Т. II. Киев. 1930, стр. 139). — 250.

54. Декабрист А. Одоевский, находясь в 1831 г. в сибирской ссылке, приветствовал начавшееся в ноябре 1830 г. восстание поляков против царского самодержавия. В стихотворении «При известии о польской революции» Одоевский писал:

Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков,
И вздрогнули в сердцах живые струны,—
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны!

И в ком оно от чувств не задрожит?
Вы слышите: на Висле брань кипит!—
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу.

Мы братья их... Святые имена
Еще горят в душе; она полна
Их образов, и мыслей, и страданий.
В их имени таится чудный звук:
В нас будит он всю грусть минувших мук,
Всю цепь возвышенных мечтаний.

(«Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика. Составил Вл. Орлов. М.—Л. 1951, стр. 175). --- 260.

55. Говоря об организации отряда армянских и грузинских ополченцев в Тифлисе, в 1827 г. А. Гизетти пишет:

«Первая армянская дружина (рота) в числе 47 человек, сформированная в Тифлисе 15 мая, выступила к Эчмиадзину для присоединения к отряду генерала Красовского, куда и прибыла 30 числа. Дружина выступила под командою подпо-

ручника Херсонского гренадерского полка Сумбатова, а затем дружиною до ее роспуска командовал капитан 41 егерского полка Лазарев. 5 июня выступила из Тифлиса 2 армянская дружина под командою Херсонского гренадерского полка подпоручика Акимова в числе 86 человек. 2 июля выступила из Тифлиса 1 грузинская дружина под командою 7 карабинерного полка подпоручика князя Туманова в числе 100 человек.

Все эти дружины по прибытии в Эчмиадзин поступили под главное заведывание командовавшего лейб-гвардии сводным полком полковника Шипова» (ЦГИАГ, ф. 1087, д. 805. л. 15).—273.

56. Редактор еженедельника «Тифлиские ведомости» Павел Степанович Санковский (1798—1832) был одним из вольнодумных людей своего времени. Он лично знал Пушкина, Грибоедова и высоко ценил их. Санковский был знаком также со многими сосланными на Кавказ декабристами и старался этим «политическим преступникам» оказать всевозможную помощь. Редактор тифлисской газеты был связан и с передовыми литературными и политическими деятелями народов Закавказья. Санковский писал публицистические статьи, рассказы и стихи.—275.

57. В «Тифлиских ведомостях» было напечатано немало статей, очерков, писем и рассказов сосланных на Кавказ «государственных преступников». Так, например, в газете были напечатаны письма Е. Лачинова и И. Бурцова, рассказы Бестужева-Марлинского. В. Д. Сухоруков не только сотрудничал в этой газете, но и направлял ее работу. Здесь напечатано много статей без подписи. Можно полагать, что часть из них написана декабристами. Отметим также, что на страницах газеты напечатан известный проект экономического преобразования Закавказского края, составленный А. С. Грибоедовым и П. Д. Завилейским. В «Тифлиских ведомостях» имеются интересные данные о Грибоедове и Пушкине.—275.

58. Подробности о записках и письмах Е. Лачинова об Армении см. М. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений. Кн. I, стр. 181—212.—280.

59. Письмо, напечатанное в «Тифлиских ведомостях» (1829, № 5, 6), не имеет подписи, но его автором несомненно

является Е. Лачинов. В этом можно легко убедиться, если сравнить это письмо с тем письмом Лачинова, которое напечатано в I томе «Кавказского сборника» (М. Нерсисян. Из истории русско-армянских отношений. Кн. I, стр.210). — 282.

60. В ЦГИАМ, в архиве III отделения, хранится дело (ф. 109, оп. 3, д. 1151) под заглавием «Письмо (очерк) без подписи о путешествии по Эриванской губ., 24 декабря 1827 г.». Оказывается это «Письмо», состоявшее из 10 листов, является рукописью письма Е. Лачинова, опубликованного в «Северной пчеле» (1828 г., № 21, 22). Царские жандармы, по-видимому, не прошли мимо того факта, что в с.-петербургской газете напечатаны, хотя и невинные, путевые записки «государственного преступника». Началось следствие, в результате чего письмо это попало из редакции газеты в III отделение. На рукописи имеются незначительные поправки карандашом, сделанные, по всей вероятности, редакцией «Северной пчелы».

Интересно отметить и следующее. В Центральном государственном архиве древних актов, в фонде Абамялика-Лазарева (ф. 1252), в д. 529 (оп. 1), имеется рукопись из шести листов. Выясняется, что она является отрывком из дневника Лачинова, описывающим религиозные празднества ереванских армян в январе 1828 г. Нужно полагать, что Лачинов и эту свою рукопись послал в «Северную пчелу», а редакция послала на отзыв Христофору Абамялику-Лазареву, в бумагах которого она и осталась. — 283.

61. В письме из Тавриза от 30 октября 1827 г. Вольховский сообщал: «Это письмо пишу из Тавриза, славного города удела Аббас-мирзы. Мы сюда вступили 19-го октября, и встречены были народом с большим усердием; все осталось в полном порядке, лавки открыты и всякий занимается своим делом. Во время марша проезжие между войсками спокойно продолжали дорогу свою, точно так мы шли как в своей земле... Здесь нашли порядочно устроенный арсенал, литейный и пороховой заводы. Город будет построен на азиатский манер, наружности некрасив, ибо все строения закрыты простыми глиняными высокими стенами, но очень много весьма хороших внутри домов, построенных богато и со вкусом... Лавок без числа, караван-сараяв много опрятных и хорошо выстроени-

ных; новый базар, около версты в длину имеющий, состоит из двух рядов лавок, соединенных каменными высокими сводами. Город довольно порядочно укреплен, имеет две стены, ров, башни и бастионы. Сверх того есть цитадель — форшта-ты огромные. Это все описываю вам, чтобы вы не подумали, что мы воюем здесь с бедняками, у которых нет чем сопротивляться. Занятая нами провинция Азербиджан говорят приносит до 17 миллионов на наши ассигнации доходу, и может выставить до 50 тыс. войска, в том числе более 15 тыс. регулярной пехоты было у Аббас-Мирзы с порядочною артиллериею» (Государственных музеев Грузинской ССР, архив. д. 426). — 285

62. В январе 1831 г. А. Бестужев писал доктору Эрману: «Горы Лазистана изобилуют металлами, медью и оловом в особенности: это видно по голубым и зеленым скалам. Далее к Трапезонту есть богатые серебряные жилы. Вся сторона мною виденных гор, хребет Куфланку, Арарат, Алагез и лежащая между ними долины принадлежат вулканическому происхождению. Повсюду ноздреватые, остеклевшие камни, пириты, трахиты, обожженные скалы, гребни и столбы базальтического образования. На них видите вы все степени разрушения: выветривание, размывка, розсыпь... не прикрытая еще зеленой волной прозябания. Сюда должно ездить учиться анатомии земной, потому что костяк земли здесь наруже» («Московский телеграф», 1831, № 17, сентябрь, стр. 61). — 289.

63. А. Бестужев-Марлинский, вероятно, здесь имеет в виду работу С. Глинки «Описание переселения армян азербайджанских в пределы России». М. 1831. — 289.

64. Русская периодическая печать конца 1820-х и начала 1830-х годов содержит богатый материал о Закавказье и в частности, об Армении. Эти материалы, часть которых принадлежит перу сосланных и переведенных на Кавказ «злумышленников», говорят об экономической жизни страны, о быте и культуре ее народов, о русско-персидской и русско-турецкой войнах и т. д. — 296.

11
11

ДОКУМЕНТЫ

ЖУРНАЛ ИСХОДЯЩИЙ
ПО ОТРЯДУ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА
И КАВАЛЕРА ДАВЫДОВА

Сентября 16-го дня 1826 года

Ноября 30-го дня 1826 года

Месяцы и числа	№	Месяц сентября
-------------------	---	----------------

Сентября 16	1	Генерал лейтенанту Вельяминову 1-му
----------------	---	-------------------------------------

Вследствие предписания вашего превосходительства от 14-го сентября за № 5105-м поручено 7-го карабинерного полка штабс-капитану Калпинскому, выступившему сего числа с ротой 9-й егерской ему вверенной для конвоирования зарядных ящиков до селения Коды, принять по прибытии туда назначенных из гвардии в Тифлисский пехотный полк и доставить их в штаб квартиру полка; находящейся в укреплении при Джалал-оглу—рота сия должна прибыть 19-го числа сего месяца в селение Коды, о чем имею честь донести вашему превосходительству.

- 17 2 Командиру Тифлисского пехотного полка
 г-ну полковнику и кавалеру князю
 Севарсемидзеву

Предлагаю вашему сиятельству доставить ко мне немедленно подробные сведения о числе воинских чинов на продовольствии состоящих и на сколько времени находится заготовленного провианта на то число людей в магазейне в укреплении при Желал-оглу находящемся.

- 17 3 Ему же полковнику князю Севарсемидзеву

По сделанному мною распоряжению предлагаю вашему сиятельству с получения сего предписать ротам вверенного вам полка 1-ой гренадерской прибыть немедленно в лагерь с г. майором Варламовым и в следовании своем взять в Гайдербеке от роты 2-й мушкетерской орудие, при оной находящееся, которое и доставить сюда; роту же 2-ю гренадерскую, на покое находящуюся, сменить сводною командою, составленную из одного унтер-офицера и 10-ти рядовых с каждой роты, над коими начальство поручить исправному офицеру, вменить ему в обязанность строгое наблюдение за успешною работою и всего более предохранение команды от могущего случиться внезапного нападения неприятеля. Гг. капитану Павлен-

ке и штабс-капитану Ростованову поручить иметь неослабный надзор за поспешным снятием хлебов жителями при Джилге и в Гаидербекке и взять также все меры предосторожности для охранения их от внезапного нападения неприятеля, в случае же неповиновения предписать им употреблять и силу и вместе с тем, собрав все возможные сведения сколько их примерно обращается в сих занятиях, делать чрез каждые два дня донесения инженер-подполковнику Литову, остающемуся по выступлении моем старшим, как о успехах работ, так и о числе людей, на оных находящихся.

Сентября 4
17

Полковнику князю Севарсемидзеву

Предлагаю вашему сиятельству предписать вверенного вам полка г. подполковнику Дегтяреву, сдав команду старшему по себе, прибыть с получения сего в лагерь, где, приняв в командование свое остающиеся роты 2-ю, 5-ю и 8-ю мушкетерские и покосную команду, состоять ему в заведывании инженер-подполковника Литова.

17 5

Полковнику князю Севарсемидзеву

Предлагаю вашему сиятельству принять наистрожайшие меры еще до выступления моего из лагеря к усилению числа

рабочих при строении укрепления при Джалал-оглу.

Сентября 6
17

Инженер-подполковнику Литову

Выступая с частию войск, состоящих здесь в отряде, я поручаю вашему высокоблагородию главное начальство над остающимися при Джалал-оглу и для сего считаю нужным снабдить вас следующим наставлением. Роты Тифлисского пехотного полка занимают: 8-я мушкетерская Джелал-оглу, 5-я бывшую штаб-квартиру казачьего Андреева полка, 2-я разоренное селение Гайдербек, сии две последние роты имеют в предмете прикрыти жнецов от нападения неприятеля, а потому полковнику князю Севарсемидзеву предписано подтвердить командирам сих рот, дабы они радели о успешнейшем производстве работ; в случае надобности даже употребляли силу для принуждения обывателей к оным. Не менее того я поручаю вам в отсутствие мое одним из главных предметов взять все меры, дабы распоряжении сии исполняемы были с успехом.

7-го карабинерного полка 9-я рота при следовании своем сюда оставляет находящееся при ней орудие в Гайдербекке и возвращается в лагерь без онаго.

Подполковнику Дегтяреву поручено командование над всеми тремя ротами, а тем самым вы не будете отвлечены от

прямых занятий, на вас возложенных, не имея надобности входить, если не успеете сего, в подробности отправления службы.

Грузинская конница, здесь остающаяся, состоит в заведывании вашем; 100 человек из оной должны находиться при 5-й и 2-й мушкетерских ротах; от последнего же сего поста отделить еще из них до 40-ка человек, которые займут для наблюдения Ахзибнукской пост, прочие останутся при Джалал-оглу.

С получением сего вы предпишете подполковнику Дегтяреву занять еще пост Гергерской 40 рядовыми при надлежащем числе унтер-офицеров и одним офицером из роты 8-й мушкетерской и снабдите подполковника Дегтярева наставлением на счет охранения сего поста, прибавя к оному несколько конницы.

Лагерь, находящейся при укреплении, ваше высокоблагородие будете охранять сборным караулом из команд, остающихся от рот, имеющих выступить в поход, о коих вам дает сведение подполковник Дегтярев.

На покосе остается также сборная команда от всех рот при одном офицере; необходимо будет посылать подполковника Дегтярева во все места сии, дабы поверять исправность оных и осторожность начальников, коим оные поручаются. На покос вы можете также послать несколь-

ко конницы грузинской. Там останется одно орудие, одно будет находиться на Джилге, третье в Гайдербеке. К вам же следует 7-го карабинерного полка 9-я рота, которую вы также поручите в командование подполковника Дегтярева и будете употреблять на службу по усмотрению вашему.

Для надзора за рабочими жителями остается при вас подпоручик Туманов I, штабс-капитан Ростованов, знающий старшин их, будет содействовать вам в собирании их. Кроме сего предписано еще остаться при вас от выступающих рот по одному унтер-офицеру и по одному рядовому из каждой исправляющих при работах должность пионеров.

Вы будете сколь возможно чаще доносить мне как о благополучии отряда, вам вверенного, так и о успехах в работах при укреплении и на жнитве.

Впрочем, не распространяясь о подробностях в выполнении возлагаемого на вас поручения, я остаюсь в полном уверенении, что ваше высокоблагородие и в сем случае оправдаете доверенность к вам начальства.

Сентября 7
18

Полковнику князю Севарсемидзеву

Поручая вашему сиятельству командование авангардом, предлагаю вам следовать с оным примерно верстах в четырех

перед отрядом и по прибытии на гору Безобдал выслать в обе стороны на высоты ущелья составляющие конные боковые патрули для обеспечения флангов авангарда. Пришедши же в селение Кишлаг, остановиться при оном с пехотою и артиллериею и выслать по дорогам к Караклису и Амамлам разъезды для наблюдения за движениями неприятеля и, выставив по всем дорогам, ведущим к сному, конные пикеты, дожидаться в таком положении прибытия моего с отрядом. В случае какого-либо открытия доносить мне немедленно.

Зная опытность вашего сиятельства в действиях военных, я уверен, что с вашей стороны будут приняты все меры для точного исполнения возложенного на вас поручения.

Сентября 8
19

Господину полковнику князю
Севарсемидзеву

Предлагаю вашему сиятельству завтрашнего числа в 4-м часу пополудни выступить с вверенным вам отрядом, который усиливается 60-ю человеками грузинской конницы уезда. По дороге к Амамлам и при встрече по дороге конных неприятельских партий стараться преследовать и захватить оных, употребляя на сие грузинскую конницу. По прибытии к Беканту и встречи там неприятеля стараться сколь

возможно сбить онаго и преследовать, донося мне немедленно записками о всякой могущей случиться встрече с оным. Грузинскую же конницу поручаю вам употреблять, наиболее для преследования, нежели к атакам, дабы пылкостью своею не были увлечены слишком далеко. По прибытии в Бекант или Калтахчи и не найдя там неприятеля, вы не можете уже иметь надежду настичь онаго; по сему ваше сиятельство поворотите по дороге к Мирагам, стараясь сколь возможно поспешнее соединиться с главным отрядом, ибо я, выступив с отрядом к Амамлам, возьму направление на Артик для пресечения дороги Гассан-хану, и в случае, что не встречу его там, обращусь сам не дойдя до Артика к Мирагам для общего нашего соединения. Обоз вашего отряда имеете взять с собою весь.

Сентября 8
19

Войска Донского подполковника Андреева полка зойсковому старшине Басову

Ваше высокоблагородие завтрашнего числа имеете следовать в с. Караклис с 25-ю казаками, для наблюдения дороги, ведущей к Болыхчаю, и ущелья, ведущего от Караклиса чрез Узунляр в Борчалинскую дистанцию; на предмет сей вы будете усилены 90 человеками грузинской конницы, коя имеет к вам явиться с своим начальником. Посылая разъезды в обе

стороны, вы будете иметь в виду, дабы вступить в связь с разъездами, имеющими высылаться борчалинским главным приставом капитаном Орбельяновым; на каковой предмет вы постараетесь доставить непременно к нему приложенное при сем письмо, коим я предлагаю ему меру сию. Вы же с своей стороны присовокупите письменные извещения к приставу, о распоряжениях, которые вы сами сделаете и какие с его стороны потребны. Дабы в точности исполнялись сии меры предосторожности, необходимые для прикрытия Безобдальской дороги и обывателей, живущих по Узунлярскому ущелью. Главный же предмет поручения, на вас возлагаемого, состоит в прикрытии движения, мною предпринимаемого, и потому вы должны держаться на посту, если неприятель будет в меньших силах, в противном же случае, если неприятель будет в превосходных силах, то пост ваш будет извещательный и тогда, нисколько не упорствуя в удержании онаго, вы немедленно должны, известив меня о том, сами отступать по дороге чрез Безобдал.

О всех происшествиях, могущих встретиться, о известиях, вами полученных, и о благополучии вверенной вам дистанции и команды вы имеете мне доносить ежедневно, стараясь доставлять рапорты ваши посредством пеших армян, если бы встре-

тилось затруднение посылать их с конными из отряда, вам вверенного.

Если бы неприятель, показавшись в больших силах, грозил набегом за гору Безобдал, то вместе с выступлением вашим из с. Караклиса обязаны вы донести о сем инженер г. подполковнику Литову, коему поручено командование в Джелалоглы.

Зная деятельность вашего высокоблагородия и опытность вашу, я не считаю нужным распространяться в подробности мер, кои вы должны принять для исполнения возложенного на вас поручения; в той доверенности, что вы ничего не упустите из виду для достижения цели, для которой занимается Караклис.

Кроме разъездов и пикетов, вы должны непременно посылать как можно чаще для разведывания о неприятеле пеших армян из числа возвратившихся в Караклис жителей; для поощрения же их к тому прилагаю при сем 4 червонца, кои вы будете расходовать по усмотрению вашему и в которых представите мне в свое время отчет.

Сентября
20

9

Командиру Тифлисского пехотного полка
полковнику и кавалеру князю
Севарсемидзеву

Предписываю вашему сиятельству с получения сего немедленно отправить че-

тырех человек доверенных армян, из коих двух к Мирагу для узнания о положении неприятеля по расположению огней в его лагерях, которым приказать непременно возвратиться с извещением к рассвету, а прочим остаться на горах, с коих могли бы наблюдать, находится ли неприятельское войско по дороге Эриванской и в каком числе примерно и возвратиться уже днем; по получении же какого-либо извещения имеете уведомить меня сколь возможно поспешнее.

Сентября 10
22

Полковнику князю Севарсемидзеву

Предлагаю вашему сиятельству с получения сего прислать ко мне в лагерь двух доверенных и надежных армян для отправления их с донесением моим к господину корпусному командиру.

23

11 Войска Донского казачьего подполковника Андреева полка войсковому старшине и кавалеру Басову

Препровождая при сем конверт с донесением моим г. корпусному командиру, предлагаю вашему высокоблагородию доставить оный сколь возможно поспешнее и с надежным человеком чрез Узунлярское ущелье к г. приставу Борчалинской дистанции капитану Орбельянову для пре-

провождения к его высокопревосходительству. Одержав победу над неприятелем, вступил я 20-го числа сего месяца в границы Персии, откуда, разорив совершенно 8 селений, располагаю выступить сего дня или завтрашнего числа по дороге к Гумрам, откуда непременно известить вас как о дне выступления моего, так и назначения места, куда вам с вверенною вам командою следовать должно для присоединения оной к отряду.

Сентября 12

Е му же

В дополнение предписания моего вашему высокоблагородию от 23-го числа сего месяца № 11 извещаю сим вас, что выступил сего дня с отрядом, я буду следовать мимо Артика в Гумри, почему все донесения ваши имеете доставлять ко мне в Гумри.

23 13

Донского казачьего подполковника
Андреева 1-го полка хорунжему Грекову

Предписываю вашему благородию с получения сего отправиться с командою, из двадцати пяти казаков состоящую, и занять наблюдательный пост в селении Амамлы, вменяя вам в обязанность со всевозможною осторожностью наблюдать за всеми движениями неприятеля и быть в беспрестанном сношении с войсковым

старшиной Басовым, в Караклисе находящимся, в случае приближения неприятеля со стороны Баш-Абаран, нимало не удерживая поста вашего, имеете известить без малейшего замедления войскового старшину Басова в Караклис и инженер подполковника Литова в Джалал-оглы и меня в Гумрах, отступая в одно из сих трех мест, куда вы сочтете удобнее.

Сентября 14
23

Войсковому старшине Басову

Извещая сим ваше высокоблагородие о назначении мною казачьего подполковника Андреева полка хорунжего Грекова с командою, из 25-ти казаков состоящую, для занятия наблюдательного поста в селение Амамлы, где со всевозможною осторожностью наблюдать должен за движением неприятеля, предлагаю вам быть с ним в непрерывном на сей предмет сношении. В случае приближения неприятеля со стороны Баш-Абарана строго мною предписано хорунжему Грекову, немало не удерживая поста своего, извещать без малейшего замедления: ваше высокоблагородие в Караклис, инженер подполковника Литова в Джалал-оглы и меня в Гумри, отступая в то же время в одно из сих трех мест, куда сочтете удобнее. Сим вместе извещая вас, что, выступив сего числа, имею ночлег по дороге от Мирага к Гумрам у старого караван-сарая.

Сентября 25 15

Приказ казачьего Андреева полка
уряднику Филиппу Пивоварову

Приняв в командование твое команду, из 25 казаков и 50 человек грузинской конницы состоящую, имеешь ты с получения сего отправиться в с. Бекант и занять в оном наблюдательный пост. Предписывается тебе стоять со всевозможною осторожностью и, выставляя пикеты, посылая разъезды во все стороны, наблюдать за всеми движениями неприятеля, быть в ежедневном сношении с постом, в Амамлах под командою хорунжего Грекова находящимся, и с отрядом моим в Гумрах. В случае приближения неприятеля к посту, тебе вверенному, в меньших силах, то стараться удержать по возможности пост, в противном же случае, нисколько не удерживая поста своего, имеешь отступить к Амамлам или Гумрам, куда сочтешь удобнее, извещая в то же время без замедления меня в Гумри. Прилагаемый при сем конверт на имя войскового старшины Басова отправить чрез пост Амамлинский в с. Караклис.

Сентября 25 16

Войсковому старшине Басову

Находясь сего числа на походе из селения Хурум в Гумри, извещаю ваше высокоблагородие, что я отправил урядника Пивоварова с командою из 25 казаков и

50 человек грузин[ской] конницы, состоящею в с. Бекант, для занятия в оном наблюдательного поста. Ему строго предписано, наблюдая за всеми движениями неприятеля, быть в ежедневном сношении с вашим высокоблагородием чрез пост Амамлинский и со мною прямо в Гумри. О чем извещаю вас для зависящих со стороны вашей распоряжений.

Сентября 17
26

Приказ уряднику Пивоварову

Посылая с сим 25 человек грузинской конницы для разъезда от Гумри до с. Беканта и обратно, предписывается тебе доставить ко мне с оными известии о благополучном состоянии поста, тебе вверенного.

18

Князю Севарсемидзеву

Отправляя ваше сиятельство для взятия мер к продовольствию из Турции вверенного мне отряда, я не полагал, чтобы вы перешли за Арпачай. Беспокоясь о том, чтобы турки не подумали, что мы имеем против них неприязненное намерение, я предлагаю вам с получения сего перейти в границы наши и, сделав нужное с вашей распоряжение, для обеспечения продовольствия нашего из Карса возвратиться в Гумри, если в присутствии вашем на левом берегу Арпачая не предстоит необходимой надобности для исполнения пору-

чения сего, на вас возложенного. Какое по сему предмету будет сделано с вашей стороны распоряжение, предлагаю вам немедленно меня известить.

Сентября 19
26

Командиру 21-й пехотной дивизии
генер. лейт. Вельяминову

При выступлении моем с отрядом из Джелал-оглу 19 дня сентября месяца по сделанному изчислению находилось заготовленного провiantа в магазейне на продовольствие войск примерно на 20 дней; не предвидя способов к заготовлению такового на предбудущее время, покорнейше прошу ваше превосходительство не оставить присылкою в отряд, мне вверенный, провiantа, ибо доставка оного при нынешнем состоянии дорог не представит тех затруднений, которые могут встретиться впоследствии времени при наступившей осени.

26 20

Предписание войсковому старшине
Басову

Предлагаю вашему высокоблагородию, оставив в Караклисе казаков, у вас находящихся, прибыть самим на пост Амамлинский, занятой ныне 25 казак. под командою хорунжего Грекова, которого пошлите на место себя в Караклис, передав ему и наставление, коим я снабдил вас. В команду вашу поручаются, кроме сих

двух постов, еще и Бекантский, состоящий из 25 казаков под командою урядника Пивоварова. Вы возьмите надлежащие меры, дабы сообщение между сими тремя постами и Бекантским с Гумрами, где я ныне нахожусь с отрядом, устроилось самым деятельным и сколь возможно безопасным образом. Возьмите также меры, дабы при отъезде вашем из Караклиса в Амамлы, где вы останетесь, соблюдалась на посту Караклиском самая бдительная осторожность; по прибытии же вашем в Амамлы мне донести.

Сентября 21

Е му же

В дополнение предписания моего с № 20 я предлагаю вашему высокоблагородию рапорты о благополучном состоянии вверенных вам постов ежедневно не посылать, а представлять мне оные при разъездах и встречающихся случаях, но о всяком движении неприятеля уведомлять меня с нарочным.

Приложенный при сем рапорт № 19 на имя начальника 21-й пехотной дивизии г. генерала лейтенанта и кавалера Вельяминова предлагаю вам отправить самым исправным образом и о том мне донести.

26

22

Инженер-подполковнику Литову

Не имея с самого дня выступления моего с отрядом из Джелал-оглы никакого

сведения о вас, предлагаю вашему высокоблагородию не замедлить донесением мне о происшедшем в части, вам вверенной, и о состоянии края, вам порученного, известить меня также с каким успехом производится жителями жатва и работы при укреплении. Между тем я поручаю вам распорядиться испечением из имеющейся в магазинные муки, хлеба и иссушением на сухари для продовольствия 3000 чел. на 10 дней. Донесение ваше ко мне вы можете отправить прямо, чрез Караклис, в Гумри с казаками или армянами, или прямо на Амамлы чрез Бекант, где у меня находятся казачьи посты.

Сентября 23
27

Князю Севарсемидзеву письмо

Письмо ваше, любезнейший князь, я получил, а немного погодя получил и рапорт. Признаюсь вам, что я, отделя вас от отряда моего для продовольствия оному, никак не воображал, чтобы вы перешли Арпачай и вошли в турецкую область. Я весьма опасаюсь, чтоб чрез ваш сей самовольный залет турки не вошли в претензию и чтобы не произошло чего-нибудь весьма неприятного между обеими державами. Ваше дело теперь исправлять то, что вы сделали и выйти из границ Турции как можно дружелюбнее. Я опасаюсь также, чтоб толпа армян, с вами ходивших, от безначалия своего не наделали

чего-либо предосудительного и обидного для жителей турецких. Сделайте мне одолжение, также и в свою пользу, уладьте так, чтобы от пашы Карсского никакой не было жалобы, ибо если таковая случится, я не в состоянии буду противустать ей; по письму и по рапорту вашему я вижу, что мне нельзя надеяться на хлеб и скот, почему я нахожусь принужденным сего дня отсюда выступить и идти в Джелал-оглу; вам же позволяю немного отдохнуть в Гумрах и идти за мною.

Сентября 24
27

В самое время выступления моего из деревни Харума в Гумри прибыл ко мне посланный от вашего высокостепенства Гаджи Ибрагим, которой, изъявив мне дружеское расположение ваше, сообщил мне, что деревни Шурагельского...* узнав о прибытии моем сюда, бежали внутрь земли, опасаясь с нашей стороны нападения, прося меня известить его, для доклада вам, о намерении нашем и о происшествиях, случившихся в Грузии при теперешних военных обстоятельствах. Исполняя с удовольствием желания вашего высокостепенства, я, при изъяснении вам дружбы и благоприязни моей, имею честь известить вас, что двинувшись из Джелал-оглы с войском в границы персидские, я разбил при Мирагах Гассан-хана, хотев-

* Пропуск в тексте документа.— М. Н.

шего противиться вторжению моему в границы общего врага нашего и, прибыв в с. ериванские, истребил их несколько и теперь возвращаюсь в Гумри для занятия сперва мест, нам принадлежащих, и приведения их в устройство, причем прошу ваше высокостепенство быть совершенно покойным на щот деревень ваших, лежащих по границам, ибо хотя...* пограничного санджака сего и не преставаля во все время грабить жителей; но взирая с презрением на поступки его, представляем вашему высокостепенству, как начальнику его, наказать его по вашему усмотрению за разбои, им произведенные, несовместные с дружбою, существующею между великими державами. При сем я прошу вас, благоприятель мой, доставить ко мне в скорейшем времени в Гумри продовольствие для войск мукою и скотом, обязываясь заплатить жителям, кои оное доставят, плату. Полагаясь на дружбу вашу, я также прошу вас о присылке ко мне обратно грузин, захваченных с арбами, везшими соль, а также и немцов, захваченных в плен в недавнем времени Шариф Агою.

Посланному от вас Гаджи Ибрагиму поручите от меня изустно сообщить вашему высокостепенству о происшествиях,

* Пропуск в тексте документа.— М. Н.

случившихся в Карабаге, не имея времени изложить их теперь письменно, впрочем.

Сентября 24
27

Донского подполковника Андреева полка
войсковому старшине Басову

Получив сего числа рапорт вашего высокоблагородия, конм доносите мне, что разъезд, посланный вами к стороне Кишляга, встретился с десятью персиянами, я предлагаю вам подтвердить казакам, дабы они в таких случаях съезжались ближе с неприятелем, ибо, имея известие, что по всей линии от Гумров к постам, вами занимаемым, персияне нигде не показывались, я не могу поверить, чтобы встретившись с казаками всадники были неприятели, а полагаю скорее, что то были бамбакские жители, испугавшиеся казаков, конх они в ночное время узнать не могли. Прикажите казакам, чтобы они съезжались с теми вооруженными людьми, конх заметят нос с носом, и пока друг в друга не выстрелят, до тех пор не доносили бы вам, что это неприятель.

27 25

Приказ уряднику Пивоварову

Предписывается тебе с посылаемою при сем разъездною командою прислать ко мне донесение о благополучном состоянии поста, тебе вверенного.

26

Ему же

Предписываю тебе с получения сего сойти с поста Бекантского и следовать

через Амамлинский пост, которой также сменится, вручить приложенное у сего предписание войсковому старшине Басову.

Сентября
28

27 Донского казачьего подполковника Андре-
ева полка войсковому старшине Басову

Предлагаю вашему высокоблагородию, сняв посты, в Караклисе, Амамлах и Беканте находящиеся, присоединить их к команде, вам вверенной, и следовать с оною через Безобдал в Джелал-оглу, куда я и сам с отрядом выступаю.

— 28 Высочестепенный, высокопочтенный паша
сераскир Арзрюмский, истинный
благоприятель мой

Прибыв к отряду, расположенному при Лори, я по воле брата моего высокопревосходительного генерала и главнокомандующего Алексея Петровича Ермолова выступил с частью войск, находящихся при Джелал-оглу, для изгнания неприятеля нашего из границ наших и для занятия, во ожидании дальнейших приказаний, деревень, разоренных вторгнувшимися, подобно разбойникам, персиянами. Гассан-хан, грабивший страну сию, узнав о намерении моем, немедленно бежал, не смея противиться оружием, войскам великого государя моего, как человек, дерзающий только нападать на мирных и безоруженных жителей. Преследуя его чрез

Мираг во владения персидские, я настиг его однако ж довольно близко и разбил на самой границе, занял деревни, Ирану подвластные, где и, расположившись с войском своим, с нетерпением ожидал по дошедшим до меня слухам прибытия сардаря Ериванского, в надежде с ним сразиться, но ожидания мои были тщетны и даже сам Гассан-хан исчез пред победоносным войском, коим я предводительствовал. Не имея дальнейших приказаний от начальства моего и нуждаясь в хлебе, я пошел к Гумрам и просил карсского Осман-пашу, дабы он снабдил меня за плату хлебом и рогатым скотом; но так как и до сих пор еще не имею я ответа на сей предмет, то и нахожусь принужденным возвратиться к Лори, где находятся запасы наши.

Извещая о сем ваше высокостепенство, я обращаюсь к вам, как к подданному государя, союзного с нашим, полагая, что по дружественному расположению вашему к брату моему и по доброжелательству вашему к нам вы не оставите предписать Осман-паше карсскому, дабы он по требованию моему снабжал меня за деньги всем нужным продовольствием для войск, в команде моей состоящих, чем самым и доставите мне средство в скором времени возвратиться в Гумри, для продолжения наступательных действий, ныне предпри-

нятых, и приостановленных единственно от недостатка продовольствия в деревнях бамбакских и шурагельских, совершенно разоренных. Прося вас покорнейше, благоприятель мой, уведомить меня о распоряжениях ваших по сему предмету с нарочною доверенною особою в Лори или Гумри, где я буду ожидать ответа вашего.

Пользуясь случаем сим, дабы поручить себя в дружеское расположение ваше и при пожелании всякого благополучия засвидетельствовать вам чувства дружбы и почтения, с коим пребуду доброжелатель ваш.

Сентября 29
28

Полковнику князю Севарсемидзеву

Предписываю вашему сиятельству доставить ко мне с получения сего список за штаб и обер-офицерам, равно и нижним чинам вверенного вам полка, отличившихся в действиях против неприятеля и удостоившихся награждения, для представления оных вниманию высшего начальства.

— 30

Полковнику князю Севарсемидзеву
Оставлено без действия.

О том, дабы остался в укреплении Гумрах, старался продовольствовать отряд, ему вверенный, из Турции и проч. проч.

Сентября
30

31

Высокостепенный, высокопочтенный
Осман-паша, истинный благодетель мой

Письмо ваше доставил ко мне посланный от вас Гаїта-баша Магмет. Мне весьма приятно было видеть дружеское расположение ваше ко мне и я, основываясь на обещании, мне данном, доставить для войска моего все нужное продовольствие при следовании онаго в персидские владения, остаюсь в полной уверенности получить вспомоществование сие и воспользуюсь при следовании моем вперед дружбою вашею, известив вас в то время с нарочным о количестве муки и скоте, для меня нужных, которое прошу вас, благодетель мой, заблаговременно иметь в готовности, полагая, что мера сия будет соответственна дружбе и доброму согласию, существующими между двумя великими державами.

Впрочем, поручая себя в распоряжение ваше, остаюсь с совершенным почтением и душевною преданностию доброжелателем вашим.

Октября
1

32

Полковнику князю Севарсемидзеву

Вследствие предписания начальника 21-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Вельяминова 1-го от 18-го сентября за № 5189 о произвождении мясной порции по полуфунта на человека нижним чинам,

обращающимся в работе при крепости на Джелал-оглу, предлагаю вашему сиятельству поручить кому заблагорассудится отпустить им таковой и удовлетворение за прошедшее время в случае, что сие еще не исполнено, а о последующем уведомить меня.

Октября 33

Главному борчалинскому приставу
г. капитану и кавалеру Орбельянову

Отправляя при сем Кавказской гренадерской артиллерийской бригады прапорщика Отраду в дистанцию, вашему сиятельству вверенную, для закупки ячменя для лошадей, в отряде находящихся, предлагаю вам делать ему все возможные пособия, со стороны вашей зависящие, к успешному исполнению порученности, на него возложенной; в особенности к немедленному доставлению закупленного ячменя в Джелал-оглу.

1 34

Главному приставу Казахской дистанции
подполковнику К. Орбельянову

С воли господина главнокомандующего прибыл в отряд, мне вверенный, прапорщик Абдула-бек с 200 чел. казахской конницы, по неимению с собою достаточного количества провианта и фуража, нужным считаю отправить его обратно для приготовления команды его к походу. Посему предлагаю вашему сиятельству, избрав 200 чел. самых доброконных, устроить

конницу сию и, предписав им запастись провиантом и фуражом по крайней мере на 1 месяц, отправить команду сию под начальством прапорщика Абдула-бека ко мне в отряд, без замедления.

Октября 35

Командиру казачьего полка
подполковнику Андрееву

Предписываю вашему высокоблагородию к исполнению следующее:

1) Посылать ежедневно два разъезда для открытия неприятеля; каждый разъезд должен состоять из 15 казаков, из коих первый будет ходить с покоса, где у вас будет находиться 50 казаков для заготовления сена, по дороге до Амамлов, а второй отсюда к урочищу Элидара (что за Карагачем), где был последний ночлег отряда.

Делать разъездным казакам наставление, на шот предосторожности, которую они брать должны, но между тем напоминать им, что они должны доставлять сведения, основанные на личной уверенности, и что ими дознано будет доносить мне лично. Разъезд, сего числа отправляющийся, будет препровождать находящегося здесь турецкого посланника.

2) Так как ваше высокоблагородие не надеетесь заготовить к зиме достаточного количества сена для продовольствия казачьих лошадей, то вы имсете заготовить на полях оставленную жителями солому.

которую, добавляя к селу, можно употреб-
лять на сей предмет.

3) Находящихся здесь за слабостию
здоровья гг. офицеров вверенного вам пол-
ка имеете отправить в г. Тифлис для из-
лечения.

4) Отправившихся сего числа с вой-
сковым старшиною Басовым 4-х казаков и
5 находящихся при урочище Каджарах
имеете немедленно вытребовать к полку.

Октября
2

36

Свидетельство

Дано сие отставному 42-го егерского
полка майору Алексею Челаеву и отстав-
ному же 41-го егерского полка порутчику
Даниле Челаеву в том, что во время сле-
дования отряда, мне вверенного, из ук-
репления при Джелал оглу в границы пер-
сидские находились действительно при
оном и в деле против неприятеля 21-го
сентября при урочище Мирагах действо-
вали с приличным храбрым офицерам му-
жеством. Укрепление Джелал-оглу, октя-
бря 2-го дня 1826 года.

—

37

Билет Григорью Педросову с 29 това-
рищами на свободный проезд до Бурчалы
и обратно, сроком на 10 дней.

3

38

Капитану Павленке Тифлисского полка

Для выбивки жителей на жатву и мо-
лотьбу хлеба предписываю вашему бла-
городию делать со стороны вашей сыну

католического священника Исаку Григорьеву все возможные пособия и давать ему на сей предмет достаточное число рядовых из роты, вам вверенной.

Октября

39

Тифлисского полка штабс-капитану
Ростованову

По случаю возложенной на вас обязанности наблюдать за поспешною жатвою и молотьбою жителями хлеба, также за перемолом онаго в муку, предписываю вашему высокородию донести мне с получения сего, в скором ли времени и какое количество муки надеетесь вы доставить в отряд в Джелал-оглу?

3

40

Управляющему Алавердским медным
заводом 9-го класса Афанасьеву

Уведомляю ваше благородие, что отошение ваше от 1-го октября м-ца за № 251 на имя Бамбакского главного пристава, за отсутствием его, мною получено и препровожденные при оном два арестанта татары: Абдулл Мустафа-оглы и Заман Сенм-оглы приняты и посажены мною под стражу.

41

Тифлисского полка порутчику Мастыке

Находясь с вверенною вам ротою для прикрытия табуна за Черной речкой, имеете, ваше благородие, наблюдать следующее:

1) Принять все меры предосторожности для охранения всего табуна от могущего случиться неприятельского нападения, расставив пикеты и посты на местах, кои вам показаны свиты его величества по квартирмейстерской части порутчиком Коцебу.

2) Людей, отправляющихся с лошадьми, имеете взять в полное заведывание ваше.

3) Лошадей под прикрыtie ваше не принимать, а принятых уже из табуна не отпускать иначе, как по запискам от адъютантов тех частей, к конм оные принадлежат.

4) Иметь строгое наблюдение, дабы на ночь все лошади были треножены.

Для исполнения сего по отряду отдано мною сего числа по оному в приказе.

Покосной команде под начальством 7-го карабинерного полка порутчика Жирковича состоять также в заведывании вашим.

Октября 42

Тифлисского пехотного полка
штабс-капитану Ростованову

На рапорт вашего благородия от 3 числа настоящего м-ца № 23-й подтверждаю вам употребить самые деятельные меры к скорейшему иссушению пшеницы и молотбы оной, ибо успех поручения, на вас возложенного, единственно зависит от бла-

горазумных мер, кои вы изыскать можете, и деятельности, какую употребить для точного исполнения сей порученности.

Октября
4

43

Отношение исправляющему должность грузинского губернатора генерал-майору и кавалеру Ховену

По именению здесь совершенно ни одного чиновника, коему мог бы поручить управление Бамбакской дистанцией за отсутствием главного пристава оной надворного советника Загобеля, отбывшего в недавнем времени в г. Тифлис, покорнейше прошу ваше превосходительство не оставить высылкою г. Загобеля к своему месту, ибо присутствие его здесь при нынешних обстоятельствах наиболее необходимо, чем когда-либо.

44

Отношение ему же г. Ховену

Тифлисский житель армянин Погос Аганисов, находившийся здесь в отряде по собственной надобности, прибыл сюда на лошади, купленной им в Тифлисе по его показанию за 18 руб. серебром монетою у тамошнего жителя армянина, имени не упомянул, но коего обязывается отыскать в Тифлисе. Лошадь сия признана уворованною в августе м-це у находящегося здесь жителя с. Гумров Петроса Оганисова, и что лошадь сия действительно принадлежит сему последнему подтверж-

дено несколькими свидетелями. Имея честь препроводить при сем означенного армянина Погоса Оганезова, покорнейше прошу ваше превосходительство не оставить приказанием Тифлисской градской полиции о розыске сего дела и сделании по возможности всех пособий Погосу Оганезову в отыскании убытка, им по сему случаю понесенного; имею честь вместе с сим уведомить ваше превосходительство, что лошадь сия возвращена мною прежнему ее хозяину Петросу Оганесову, имеющему ныне жительство в с. Гергерах и обязавшемуся в случае востребования представить оную без прекословия.

Октября
4

45 Тифлисского п. полка капитану Павленке

Получив рапорт вашего благородия от 4-го октября за № 106 о успешной уборке хлеба, вами производимой, приятною обязанностию себе поставляю, за таковую деятельность обстоятельное донесение и усердие ваше, объявить вам совершенную мою благодарность.

46 Того ж полка штабс-капитану Ростованову

Уведомляю вас, что из числа жителей, на работе при укреплении Джелал-оглу находившихся, некоторые бежали, а наиболее из с. Лежани, Беканта, малого Караклиса, Караша и Куртани, вследствие чего предлагаю вашему благородию взять

все меры к выбивки из означенных селений сто двадцати жителей и трех арб и доставления оных в скорейшем времени в Джелал-оглу.

Октября
6

47

Свидетельство князю Агало Аргутинскому
Долгорукову

Данное в том, что во время следования отряда в персидские владения в оном и в действии против неприятеля 20 и 21-го сентября находился.

7

48

Главному приставу Борчалинской дистанции капит. К. Орбелиани

Войска Донского подполковник Андреев рапортом от 5-го сентября за № 978 доносит мне, что 28 числа минувшего сентября м-ца несколько человек армян явились вверенного ему полка к есаулу Епифанову, на Самистском посту находящемуся, и объявили, что того числа во время ночлегов у бабьего мосту напали на них четыре татарина и отбили двенадцать штук рогатого скота и одну лошадь и погнав оных лесом к речке Храму. 3-го числа сего м-ца артиллерии прапорщик Отрада, отправившийся в Борчалы для закупки ячменя, встретил в проезд свой от Ахзибука до Самиста еще двух ограбленных же армян. Извещая о сем ваше высокоблагородие, уже с своей стороны сделал донесение господину главнокомандую-

щему генерал от инфантерии и кавалеру Ермолову.

Октября
8

49

Свидетельство

Дано сие командующему Тифлисским п. полком полковнику барону Фредериксу в том, что вверенного командованию его полка ротами 1-й, 2-й гренадерскими, 1-й, 8-й и 9-й мушкетерскими выпущено в действии против неприятеля в присутствии моем 21-го сентября при реке Мирагах боевых патронов девять сот девяносто два, в чем и свидетельствую.

50

Свидетельство

В таковой же силе дано командиру казачьего полка подполковнику Андрееву о выпущенных его полка казаками чetyреста девяноста двух патронах.

51

Корпусному командиру Ермолову

Войска Донского подполковник Андрей рапортом от 5-го октября за № 978 доносит мне, что вверенного командованию его полка есаул Епифанов 1 донес ему, что 27-го числа минувшего сентября м-ца явились к нему несколько человек армян и объявили, что того числа во время ночлега их у бабьего мосту напали на них чetyре татарина и отбили 12 штук рогатого скота и одну лошадь, погнав оных лесом к речке Храму. 3-го же числа сего м-ца ар-

тиллерии прапорщик Отрада, отправившийся в Борчалинскую дистанцию для закупки ячменя, известил его же есаула Епифанова, что в проезд его от Ахзибиука до Самиста встретил он также двух ограбленных армян; имея честь донести о сем вашему высокопревосходительству, я вместе с сим известил о сем происшествии главного борчалинского пристава.

Октября
8

52

Свидетельство

Дано сие 7-го карабинерного полка г. майору Хамуцкому в том, что вверенного ему батальона воинск. ниж. чин. выпущено в действ. против неприятеля в присутствии моем 21-го сентября при речке Мирагах боевых патронов триста девяносто семь, в чем и свидетельствую.

53

Свидетельство

Дано грузинского ополчения дворянину Багдасару Гамозову в том, что во время следования отряда в персидские владения в оном и в действии против неприятеля 20 при с. Амамлах и 21-го при речке Мирагах находился.

54

Г. подполковнику Андрееву

По случаю отбытия всего грузинского ополчения предписываю вашему высоко-

благородию сверх разъездов полком, вам вверенным занимаемых, посылать еще таковой же отсюда чрез Безобдал до с. Кишлага.

Октября 55 Тифлисского п. полка подпорутчику Берле

Предлагаю вашему благородию донести мне немедленно с сим же нарочным казаком в скором ли времени прибудет в отряд транспорт, под прикрытием вашим следующий, и какое примерно количество провианта находится в сем транспорте, а вместе с сим предписываю вашему благородию следовать сюда с оным сколь возможно поспешнее.

9 56 Начальнику артиллерийских гарнизонов
грузинского округа генерал-майору и
кавалеру Комаровскому

Находя необходимым пополнить число боевых патронов и зарядов, выпущенных в действии против неприятеля войсками в отряде, мне вверенном состоящими, покорно прошу ваше превосходительство снабдить предписанием запасный парк, в [Джалал] Оглу находящийся, о выдаче по свидетельствам мною и до прибытия моего, полковником князем Севарсемидзе-вым выданным, материалов и снарядов полком и артиллерийской роте, здесь находящимся.

Октябрь
9

57

Генералу Ермолову

Работы в крепости у переправы на Джелал-оглу приходя к окончанию, я нахожу нужным назначение одного штаб-офицера для отправления должности коменданта по крепости, которой имел бы надзор за лазаретом, провиантским магазином, караулами и артиллерийским парком, здесь устроенными, по сему и прошу покорнейше ваше высокопревосходительство, если признаете меру сию нужною, не оставить назначением на сей предмет кого-либо из штаб-офицеров и о последующем почтить меня предписанием вашим.

9

58

Командующему Тиф. п. полком полковнику и кавалеру барону Фредериксу 2

На рапорт вашего высокоблагородия от 5-го октября за № 1163 препровождаю при сем свидетельство на число выпущенных боевых патронов полком, командованием вашему вверенным, в действии против неприятеля 21-го сентября при речке Мирагах; о тех же, кои выпущены до прибытия моего к отряду и оставленные за неимением способов к вывозу из ротных цейхгаузов, вы имеете обратиться на получение свидетельства к командовавшему в то время отрядом полковнику князю Севарсемидзеву.

Октября 9 59

7-го карабинерного полка майору
Хамуцкому

На рапорт вашего высокоблагородия за № 377 препровождаю при сем свидетельство на число выпущенных боевых патронов нижними чинами батальона, вам вверенного, в действии против неприятеля 21-го сентября при урочище Мирагах; о тех же, кои выпущены до прибытия моего к отряду, имеете обратиться на получение свидетельства к командовавшему в то время отрядом полковнику князю Севар-семидзеву.

9 60

Командиру казачьего полка
подполковнику Андрееву

На рапорт вашего высокоблагородия от 5-го октября за № 976 препровождаю при сем свидетельство на число выпущенных боевых патронов в действии против неприятеля 21-го сентября при речке Мирагах нижними чинами вверенного вам полка

9 61

Смотрителю Гергерского провиант.
магазинна 12-го класса Жаворонкову

По словесному показанию вашему известился я, что войскам в отряде, мне вверенном состоящим, здешний провиантский магазин состоит должным провианта примерно до 500 четвертей, почему

предписываю вашему благородию начать удовлетворять войска со дня прибытия сюда транспорта,— подать мне при рапорте вашем отчетную ведомость, по которое число войска удовлетворены были, равно и сколько еще оным следует получить по день прибытия транспорта; за прошедшее же время, впредь до моего приказанья, отноудь не удовлетворять.

(О)ктября 9 62

Генералу Ермолову

Имею честь представить при сем на благоусмотрение вашего высокопревосходительства списки об отличившихся в действии против неприятеля, поданные мне маршалом Горнийского уезда майором князем Тархановым, свидетельствующим о заслугах представленным им князьям и дворянам грузинского ополчения.

10 63

Командиру казачьего полка подполковнику Андрееву

Предписываю вашему высокоблагородию послать одного офицера или исправного, знающего места в Караклисе, урядника с разъездом, ходящим до Кишлага, коему предпишите дэйти до Караклиса и осмотреть место, где находился прежде артиллерийский парк между гауптвахтою и домом полковника князя Севарсемидзева, дабы удостовериться, взрыто ли сие место или нет, наблюдая однако же всю осто-

рожность, чтоб не подать виду жителям, ежели там таковые находятся, по какой причине туда послан и что оным будет дознано донести мне.

Октября
11

67

Командующему Тифлисским полком
господину полковнику и кавалеру барону
Фредериксу 2-му

Предлагаю вашему высокоблагородию назначить с полка, командованию вашему вверенного, команду при унтер-офицере, знающем плотничье ремесло, или ежели за нужное почтете при 1 обер-офицере. Команду сию имеете отправить в Гергери для переезда из онаго в Джелал-оглу одной казармы. Унтер-офицеру сему прикажите находиться при разбирании оной, дабы, пометив бревна, в состоянии был собрать оную здесь. Для сего имеете предписать г. подполковнику Дехтяреву, избрав лучшую казарму, с прибытием сей команды тотчас разобрать и ожидать прибытия арб, кои отсюда для переезда к нему доставлены будут. Казарму сию прикажите складывать в крепости, на месте, которое показано будет инженер-подполковником Литовым.

11

68

Тифлисского полка подпорутчику
Павлоцкому

Предписываю вашему благородию с
получения сего прибыть в Джелал-оглу

для принятия в заведывание ваше команду хлебопеков, из 1-го унтер-офицера и 10 рядовых с каждой роты состоящую. Приняв оную, имеете немедленно приступить к вырытию печей отдельно от ротных и вслед за сим принять из здешнего провиантского магазейна 500 четвер. муки, приступя со всевозможным прилежанием к испечению хлеба и иссушению оного на сухари, имеете сдавать в магазейн по расчету сухарями. Впрочем предписываю вам поступать по приказу, отданному мною по отряду 10-го числа сего м-ца.

Октября
11

69

Смотрителю Гергерского времен.
провиант. магазейна 12-го класса
Жаворонкову

Находя нужным заготовить достаточное количество сухарей в магазейне, кроме 10-ти дневного провианта, о котором уже приказом по отряду в 28-й день сентября м-ца № 14 мною отдано, предписываю вашему благородию отпустить 500 четвертей муки Тифлис. полка подпоручику Павлоцкому, коему поручено мною приступить немедленно к печению хлеба и иссушению оного на сухари и сдавать оные по расчету в магазейн.

12

70

Тифлисского полка поручику Мастыке

Получив сведение, что со стороны Башкичета замечен неприятель, предлагаю ва-

шему благородию усугубить меры осторожности к охранению команды и табуна от могущего случиться неприятельского нападения.

Октября
12

71

Тифлисского пехотного полка
капитану Павленке

В подтверждение предписания моего вашему благородию от 3-го октября м-ца № 38 предписываю сделать известным жителям деревень, в заведывании вашем состоящих, дабы повиновались католическому священнику Григорию Эгитову, а в случае отсутствия его, сыну его Исааку Григорьеву и объявить им, что за ослушание подвергаются ответственности и в сем случае давать военную команду католическому священнику для приведения повелений его к исполнению.

12

72

Ему же г. Павленке

Предписываю вашему благородию продолжать наблюдаемую вами осторожность, также продолжать делать разъезды и при появлении неприятеля, или получа сведение о полковнике Муравьеве, немедленно мне сообщать с двумя казаками, которым ехать как можно поспешнее.

12

73

Е м у ж е

В случае, что из с. Караклиса, Мули-солиман, Чарудар-оглы и Чах-маглы, в

заведывании вашем состоящих, будут выбиваться подводы на работу к укреплению, предлагаю вашему благородию наложить на оные за купленный в сих селениях артиллерийский ячмень, для доставления того, при сем случае, в Джелал-оглу.

Октября
12

Тифлисского полка штабс-капитану
Ростованову

Предлагаю вашему благородию с получения сего непременно доставить в лагерь 20 арб для привоза дров, ибо хлебопечение не может производиться за неприбытием сих ароб, вами обещанных.

12

75

Командующему Тифлиским полком
полковнику и кавалеру барону
Фредериксу

Предлагаю вашему высокоблагородию предписать кому следует отпустить из вверенного командованию вашему полка 5 палаток и 30 рогож под расписку подпорутчика Павлоцкого, коему поручено от меня поспешное хлебопечение.

12

76

Тифлисского полка подпорутчику
к. Чавчавадзеу

Предписываю вашему сиятельству, в случае выбивки подвод для работ к укреплению, положить на оные закупленный артиллериею в с. Гайдербеке ячмень и дать возможные пособия для доставления онаго в Джелал-оглу.

Октября
12

77

Тифлисского полка штабс-капитану
Ростованову

По недостатку рабочих у крепости, предлагаю вашему благородию усугубить меры к выбивке жителей на работу. Я уверен, что вы и в сем случае окажете усердие и старание ваше.

13

78

Командующему Тиф. п. полком полковнику и кавалеру барону Фредериксу

Получив уведомление от начальника 21-й пехот. дивизии господина генерал-лейтенанта и кавалера Вельяминова о назначении по распоряжению г. корпусного командира 8 чугунных пушек и к ним зарядов в укрепление Джелал-оглу, предлагаю вашему высокоблагородию нарядить по получении сего одного обер-офицера и 100 чел. рядовых вверенного командования вашему полку для следования в с. Коды и по прибытии оных конвоировать до Джелал-оглу; вместе с ним имеете снабдить его предписанием дабы по прибытии своем в Коды уведомить без малейшего замедления корпусной штаб; кто же именно вами назначен будет, уведомить меня.

13

79

Начальнику 21 пехотн. дивизии генерал-лейтенанту Вельяминову 1-му

На предписание вашего превосходительства от 12 октября № 395 имею честь

донести, что, получив 9-го числа октября м-ца рапорт от письмоводителя главного пристава Бурчалинской дистанции коллежского регистратора Браславича, в ком доносит о появлении будто бы неприятельской партии к стороне Башкичета и не полагая известие сие вероятным, ибо разъезды, посылаемые от меня ежедневно по дорогам к Гумрам и на гору Безобдал ничего подозрительного не заметили, я в то же время послал разъезды один чрез Карагачь к Арпачаю наперерез дорогам, идущим от Гумров в Башкичет, и другой чрез Мокрую гору к Башкичету, из коих первый донес, что никаких следов не заметил, а последний видел будто бы 400 чел. неприятельской конницы около Башкичета. Тифлисского п. полка капитан Павленко, находящийся с вверенною ему ротою на речке Джилке, донес мне также рапортом от 11-го октября за № 113, что разъездом, от него посланным, замечена неприятельская партия, состоящая из 10 чел., в 5 верстах от поста, им занимаемого, которые, увидя наш разъезд, скрылись в лес. Не полагая сие возможным, для соблюдения же однако ж всех предосторожностей, отрядил я в ночи с 10-го на 11-е полковника Муравьева с пятьюстами чел. пехоты, 140 каз. и 2-мя орудиями для открытия мнимого неприятеля и перерезания ему обратного пути в случае,

что донесения сии справедливы. Полковник Муравьев донес мне рапортом от 11-го октября, что, дав несколько отдыха отряду, ему вверенному, на Джилке и узнав от капитана Павленки о появлении 15 чел. неприятельской партии, продолжал следование свое чрез Мокрую гору к Башкичету; рапортом же от 12 числа доносит, что, спустившись с Мокрой горы, остановился в 6-ти верстах от Башкичета; окрестности были им еще открыты днем и ничего не замечено, и разъезд, посланный им в Башкичет, по возвращении также ничего не видал, сам же с рассветом располагал следовать с отрядом к Доманисам и ежели сочтет нужным, даже к Квешам для узнания по крайней мере о причинах распространявших столь ложные слухи. Сейчас же получил я еще рапорт письмоводителя борчалинского пристава Браславича от 11 октября за № 115, в коем доносит, что посланные им разъезды на Башкичет и Агалари, возвратясь, известили его, что неприятельской партии нигде не было и полагают, что разъездные наши казаки издали показались жителям за неприятеля. Вместе с сим доносит, что жители Бурчалинской дистанции совершенно успокоены и уверены в несправедливом своем мнении, полковника же Муравьева с отрядом ожидаю сего дня или

завтрашнего числа обратно в Джелал-оглу.

Октября
13

80

Генерал-лейтенанту Вельяминову

Вследствие предписания вашего превосходительства от 11 октября за № 5677 имею честь донести, что для прикрытия 8 чугунных орудий с их зарядами, следующих в укрепление Джелал-оглу, назначен мною Тифлиссского полка подпоручик Изновский с командою 100 чел., которой выступает сего числа до с. Код, откуда донесет немедленно о прибытии своем в к. штаб.

13

81

Свидетельство

Дано сие Кавказской артиллерийской гренадерской бригады командующему 3-й легкой ротой поручнику Липницкому в том, что во время действий против неприятеля прошлого сентября 21 и 22 числ при урочище Мирагах выпущено боевых зарядов единорожных 1/4 пудов с гранатами 17 с картечью дальней дистанции 8 пушечных 6-ти фунт. с ядрами 25, фитиля палительного 318 саж. и 4 фута, трубок скорострельных 98, в чем и свидетельствую.

82

Ему ж на употребленную с прибытия генерала в отряд 6 пуд. 18 фунт. коломази о сем рапорт с № 623.

Октября
13

83 Командующему 3 гренадерской артиллерийской ротой

Баню, занимаемую ныне командованием вашему вверенной роты, предлагаю вашему благородию немедленно очистить и разместить оных в каком-либо другом месте, где сочтете удобнее, ибо больные в лазарете для пользования своего имеют в оной необходимость, будучи совершенно лишены способов ходить в баню.

84

Командующему Тифлиским пехотным полком господину полковнику и кавалеру барону Фредериксу

По представлению старшего по отряду врача штаб-лекаря Явленского о отправлении в Тифлиский военный госпиталь нижних воинских чинов вверенного командованию вашему полка по причине болезней, требующих долговременного лечения, предлагаю вашему высокоблагородию по прилагаемому при сем имянному списку отправить оных на арбах, прибывших из Тифлиса с провиантом, а вместе с сим уведомьте и войска Донского подполковника Андреева о отправленных по сему списку казаков вверенного ему полка.

85

Порутчику артиллерии Лепницкому

На рапорты вашего высокоблагородия от 9-го октября за № 621 и 623 препровож-

даю при сем два свидетельства на число выпущенных вверенных вам ротою боевых зарядов в действии против неприятеля прошлого сентября м-ца 21-го и 22-го числ при урочище Мирагах и в употребленной со дня прибытия моего в отряд коломази.

Октября 13 86

Штабс-капитану Ростованову

На рапорт вашего благородия от 13-го октября за № 277 о покраже у жителей Гайдарбекского Григория Ходжатова предлагаю вам отнестись к командующему артиллерийскою № 3 ротою порутчику Лепницкому и вместе с сим замечаю вам, что прежде чем утруждать начальство столь маловажною перепискою, надлежало вам снестись с ближайшим начальством сих готлангеров.

15 87

Генералу Вельяминову 1-му

Имею честь донести вашему превосходительству, что я получил известие от нарочно посланных, что неприятельская партия в числе 200 чел. находится в с. Хоруме для сожжения и истребления всех селений шурагельских; господин корпусной командир извещает меня о назначении в отряд мне вверенный, одного донского казачьего полка, которой по сие время еще не прибыл и я, не имея совершенно никакой конницы, лишен всех способов не только пре-

следовать неприятеля, но даже открывать онаго; почему покорнейше прошу ваше превосходительство не оставить поспешною высылкою казачьего полка, сюда назначенного.

Октября
17

88

Полковнику князю Севарсемидзеву

Получив отношение начальника артиллерийских гарнизонов Грузинского округа, генерал-майора Комаровского от 14-го октября за № 502, в коем уведомляет о предписании им заведующему парком в Джелал-оглу прапорщику Кожену об отпуске на пополнение выпущенных боевых зарядов и патронов по положению материалов, предлагаю вашему сиятельству вступить немедленно с требованием к прапорщику Кожену на выдачу полку, вам вверенному, сих материалов с приложением вашего к нему свидетельства, а с сим вместе имеете при рапорте вашем представить ко мне ведомость о числе выпущенных в ротах вверенного вам полка патронов до прибытия моего в отряд.

17

89

Е му же

Исправляющий должность грузинского гражданского губернатора на правах и военного губернатора г. генерал-майор Ховен уведомляет меня отношением своим от 13 октября за № 4195 о поручении вашему сиятельству г. главнокомандующим

в Грузии иметь попечение о жителях Бамбакской и Шурагельской провинций и принять о них все распоряжения, по сему предмету вам предписать кому следует о выбивке на завтрашнее число без малейшего отлагательства 250 чел. жителей и 20 ароб к укреплению на работу и 20 же ароб для возки дров к хлебопекам.

Октября 17 90

Полковнику барону Фредериксу

Предлагаю вашему высокоблагородию включить 2 роты полка, командованию вашему вверенному, в Гумрах находящиеся, в число нарядов, делающихся на работу к укреплению, по сему имеете предписать господину подполковнику Дехтяреву о немедленном препровождении сюда по 50 чел. с каждой роты, кои будут оставаться на работе неделю.

17 91

Командиру Тифлисского полка полковнику князю Севарсемидзеву

Командир Тифлисского артиллерийского гарнизона полковник Давыдов 2-й рапортом своим от 14-го числа сего м-ца № 2888 уведомляет меня, что находящиеся при заведывании казенного артиллерийского казенного имущества бывшего в с. Караклисе и Гумрах прапорщик Кожен донес ему, от 1-го августа за № 144, что по нашествии неприятеля некоторые казенные вещи оставлены им на местах хране-

ния, а некоторые перевезены в Джелал-оглу и что как рапорт сей был не засвидетельствован и недостаточен, то и было предписано ему г. Кожену, представить подробную ведомость всего спасенного и оставленного казенного имущества, подкрепляя оную свидетельством начальства. Не получая же на сие долгое время никакого от него донесения, предписал ему вторично донести ему немедленно с представлением ведомостей и свидетельства, прося вместе с тем отношением от 13-го сентября за № 2559 ваше сиятельство о снабжении свидетельством прапорщика Кожена и о понуждении его к скорейшему оных к нему доставлению, для донесения его императорскому высочеству генералу фельдцейхмейстеру и артиллерийскому департаменту. Ныне, получив рапорт и ведомость прапорщика Кожена, не подкрепленные свидетельством вашим, и усмотрев, что оставлено в Караклисе свинца и железа 47 пуд 12 1/4 фунтов, стоящего казне до 500 руб. ассигнациями в то время, когда он имел возможность из того же хранилища спасти 225 пуд. 15 фунт. чугуна, совершенно негодного и казне почти ничего нестоющего, которой и перевезен в Джелал-оглу, вместо коего с удобством мог бы перевезть помянутый свинец и железо и даже четыре зарядные ящика, в Караклисе им оставленные. Просит меня при-

казать учинить строгое свидетельство всему казенному имуществу, в ведении Кожена находящемуся, и открыть точно ли и по какой причине свинец и железо в Караклисе оставлены, так как подвоз оно-го казенного имущества в Джелал-оглу производился до прибытия моего к отряду, ныне мне вверенному, то и поручаю вашему сиятельству, снабдив г. прапорщика Кожена свидетельством, по сему делу подлежащим, объяснить г. полковнику Давыдову, точно ли и по какой причине свинец и железо сии оставлены в Караклисе.

Для удобнейшего по сему предмету соображению прилагаю при сем копию с ведомости, доставленной ко мне при рапорте вышеупомянутым полковником Давыдовым.

Октября 92
17

Генералу Ермолову

На предписание вашего высокопревосходительства от 11 октября № 2595 имею честь донести о получении мною доставленных при оном из экстраординарной суммы сто червонцев и двести рублей серебром.

17 93

7-го кар. полка майору Хамуцкому

Получив уведомление начальника артиллерийских гарнизонов Грузинского округа генерал-майора Комаровского от 14-го октября за № 502, в коем уведомляет

о предписании им заведующему парком в Джелал-оглу прапорщику Кожену об отпуске на пополнение выпущенных боевых зарядов и патронов по положению матернала предписываю вашему высокоблагородию вступить немедленно с требованием к прапорщику Кожену с приложением свидетельств, мною и полковником князем Севарсемидзевым вам выданным на отпуск батальону, вам вверенному, сих матерналов, а вместе с сим имеете при рапорте вашем представить мне ведомость о числе выпущенных патронов в ротах батальона, вам вверенного, до прибытия моего в отряд.

Октября 94
17

Артиллерии полковнику Давыдову
О т н о ш е н и е

На рапорт вашего высокоблагородия от 14 октября № 2888 имею честь уведомить вас, что вместе с сим дано мною предписание полковнику к. Севарсемидзеву, находившемуся старшим при отряде, ныне мне вверенном, во время перевоза казенного артиллерийского имущества в Джелал-оглу, дабы он снабдил г. прапорщика Кожена надлежащим свидетельством и уведомил вас, почему оставлено там 47 пуд. 12 1/4 фунт. свинца и железа, тогда как перевезен был чугун. Между тем уведомляю ваше высокоблагородие, что, по полученному мною сего числа донесению, войска

Донского от подполковника Андреева, которому предписано было послать разъезд в с. Караклис для дознания, открыто ли неприятелем артиллерийское казенное имущество, остававшееся в Караклисе и тогда же при выступлении зарытое в землю. Я извещился, что сарай, тогда же зажженный и обрушившийся над зарытыми вещами, остался неприкосновенен, почему и благоволите ваше высокоблагородие испросить у начальства средства для первоза сего оставленного имущества в Джелал-оглу, ибо медь, там находящаяся, состоящая в распиленных орудиях, не может подняться на здешних обывательских арбах, слишком малых и неисправных для сего.

На требование же ваше, дабы я приказал учинить строгое свидетельство всему казенному имуществу, в ведении прапорщика Кожена находящемуся, я имею честь уведомить ваше высокоблагородие, что на предмет сей желательно бы было чтоб с вашей стороны был выслан чиновник для участия в сем свидетельстве, которое удобней бы было сделать по привезению сюда оставленного в Караклисе имущества.

Октября
17

95

Подполковнику Андрееву

Такого ж точно содержания, как и майору Хамуцкому № 93.

Октябрь
18

96

Полковнику князю Севарсемидзеву

Вследствие предписания господина корпусного командира генерал от инфантерии Ермолова от 11-го октября за № 425 предлагаю вашему сиятельству занять линию от Гумров до Кишлага для прикрытия жителей Бамбакской и Шурагельской дистанций во время уборки в их пользу оставшегося на корню хлеба, и для сего поручаю вам 5-ть рот полка, вам вверенного, 5 орудий 3 лег. гренадерской роты, 100 казаков и столько армянской конницы, сколько вы собрать можете.

Выступление ваше будет следующим образом:

По сделании надлежащего распоряжения на счет переселения откочевавших сюда жителей в казенные селения Борчалинской дистанции ваше сиятельство имеете выступить, присоединив роту и 10 казаков, на Джилке находящиеся, к 2-м ротам в лагере при Джелал-[оглы] расположенным, 2-мя орудиями и 70-ю казаками в Гумри, где присоедините к себе две роты, там находящиеся, 2 орудия и 20 казаков под начальством подполковника Дехтярева. Перейдя с сим отрядом гору Безобдал, оставите одну роту, одно орудие и 20 казаков в с. Кишлаге и, следуя чрез Амамлы, оставите и там 1 роту, 1 орудие и столько казаков, сколько сочтете нужным, с

остальнойю же частью имеете следовать в Гумри.

Сохранность всей линии от Гумров до Кишлага и прикрытие Лорийской (степи) равнины, оставаясь на ответственности вашего сиятельства, предоставляю вам оставить три роты в Гумрах и одну в Амамлах или в обоих пунктах по две роты с приличным числом артиллерии и казаков, но при всем том роту, которая имеет находиться в Кишлагах, решительно предлагаю вам не перемещать ни в каком случае, ибо она служит передовым постом войск, здесь в лагере расположенных.

Вместе с сим предлагаю вашему сиятельству сохранять сколько возможно одно оборонительное положение, не принимая отнюдь наступательных движений, в случае же внезапного нападения превосходного числом неприятеля на какой-либо пункт линии, вами занимаемой, имеете дать наставление отдельным начальникам, чтобы они, сохраняя честь оружия, но между тем не подвергая опасности частей, им вверенных, отступали Амамлинский пост к Гумрам или к Кишлагу, куда будет удобнее, а Кишлагской к Гергеру, известив в то же мгновение меня ближайшею дорогою чрез горы посредством казаков.

По прибытии вашем в Гумры имеете известить меня, если возможность продо-

вольствовать отряд, вам вверенный, провиантом, там собираемым или доставляемым из Карса, в противном случае командируете сюда офицера для принятия из магазинна здесь находящегося провианта. Для доставления же онаго к вам в отряд имеете сделать по усмотрению вашему надлежащее распоряжение, имея к тому все способы по случаю поручения вашему сиятельству, данному г. главнокомандующим в Грузии, принять в заведывание ваше жителей Бамбакской и Шурагельской провинций; до отправления вашего отсюда предлагаю вам поручить кому заблагорассудите в заведывание жителей окрестных селений и известить меня, кто именно вами назначен будет, дабы в случае потребности оных к работам не предстояло к выбивке их затруднений. Чрез каждые три дни имеете ваше сиятельство делать мне донесение как о благополучии отряда, так и о всем, что вами дознано быть может со стороны неприятельской; в случае же особенных каких-либо происшествий уведомлять меня немедленно.

Впрочем известная мне опытность и совершенное знание вашего сиятельства как края сего, так и неприятеля оставляют меня в полном уверении о успешном исполнении возлагаемой на вас порученности.

Октябрь
18

97

Командиру полка полковнику Карпову

Получив известие о прибытии полка, вашему высокоблагородию вверенного, на Джилку, предлагаю вам, расположив полк на бывшей штаб-квартире казачьего подполковника Андреева полка, прибыть самим ко мне в Джелал-оглу завтрашнего числа.

19

98

Полковнику князю Севарсемидзеву

Жители, находящиеся на работе при укреплении, приносят мне ежедневно жалобы о недостатке в хлебе, почему предлагаю вашему сиятельству сделать на сей предмет зависящее от вас распоряжение и вместе с сим приказать им как пополнить выданный им уже в разные времена провиант под расписки батальонных адъютантов 7-го карабинерного подпорутчика Туркевича и Тифлисского пехотного полков порутчика Греньковского и находящегося у хлебопечения подпорутчика Павлоцкого и что вашим сиятельством по сему учинено будет уведомить меня.

19

99

Капитану Павленке

Предписываю вашему благородию выступить с рассветом из места расположения вашего и прибыть завтрашнего числа с ротою, вам вверенною, оружием и ка-

заками, при вас находящимися, в лагерь, при Джелал-оглу расположенный.

Октября 19 100

Полковнику к. Севарсемидзеву

По сделанным мною распоряжениям я предполагаю расположить несколько рот полка, вашему сиятельству вверенного, на квартиры в Гумрах, по сему предлагаю вам взять надлежащие меры к исправлению квартир, там находящихся, и к удобнейшему размещению сих рот.

19 101

Е м у ж

Смотритель Лорийского временного провиантского магазейна 12 класса Жаворонков получил уведомление из Тифлисского полевого провиантского комиссионерства о доставлении сюда в непродолжительном времени провианта и вместе с сим предписание отнести к вашему сиятельству о назначении места для складки онаго, по сему предлагаю вам, до выступления вашего, поручить кому заблагорассудите распоряжение о приуготовлении складочного места и кто именно вашим сиятельством назначен будет уведомить меня.

102

Тифлисского пехотного полка
капитану Павленке

Ваше благородие командируетесь с ротою, вам вверенною, в отряд, имеющий состоять под начальством полковника князя

Севарсемидзева и занимать Бамбакскую долину до Гумров для охранения жителей, которые будут заниматься уборкою хлеба на оставленных ими полях. Состоя под начальством его сиятельства при занятии линии сей, вы будете находиться в с. Кишлаге с ротою, вам вверенною, и одним оружием и составлять передовое войско главного отряда, оставшегося при Джелал-оглу, а потому и предписываю вам, заняв деревню сию, наблюдать все дороги, ведущие из-за границы, почему и выставить на окрестных высотах казачьи пикеты и обо всем, что вами будет открыто, доносить мне немедленно и в то же время полковнику князю Севарсемидзеву, в случае же, если б неприятель показался в больших силах, то вы имеете отступать через Безобдал, донеся мне о том без замедления и в то же время полковнику к. Севарсемидзеву, если то возможно будет. Пост же Кишлагской не должен вами быть оставлен ни в каком другом случае без особенного моего повеления, как только при отступлении полковника к. Севарсемидзева обратно из Гумров в Джелал-оглу.

Октябрь 103
20

Полковнику князю Севарсемидзеву

О немедленном распоряжении поспешною высылкою к укреплению на работу обывателей.

Октября 21 104 Войска Донского полковнику Карпову

Господин корпусной командир генерал от инфантерии Ермолов предписанием своим от 11-го сего м-ца № 425 извещает меня о назначении полка, вашему высокоблагородию вверенному, в полное распоряжение мое, по сему, поступая в состав войск отряда, мне вверенного, предлагаю вам во всем по службе относиться ко мне и о состоянии полка доставлять ежедневно в отрядную мою канцелярию рапортичку по прилагаемой при сем форме.

21 105 Полковнику князю Севарсемидзеву

Препровождая при сем к вашему сиятельству двадцать пять червонцев из экстраординарной суммы, моего распоряжения, на разные по делам службы надобности, предлагаю о получении меня уведомить и о расходе в свое время доставить о них надлежащий отчет.

24 106 Е му же

Препровождая при сем к вашему сиятельству казачьего Андреева полка с хорунжим Грековым татарина Кяфар Сеим Бек-эн-оглы, взятого под стражу как подозрительного вчерашнего числа Донского казачьего Карпова 2-го полка есаулом Пшеничным и доставленного ко мне при рапорте его за № 116. Татарин сей при

допросе показывает себя жителем Гумров и племянником жившего там Джафарбека; возвращаясь будто бы из Карса, где находился недели две, имел положение явиться к вашему сиятельству, будучи вам известным, и просить вас о выкупе из плена семейства его; но как он ехал не по прямой дороге в Джелал-оглу, а чрез Джилку, где и был взят под стражу и был уже извещен о выступлении вашем, и сверх сего приметное замешательство в показаниях его подает повод совершенно к подозрению; то я предлагаю вашему сиятельству допросить его и когда найдете его виновным, препроводить сюда, а в противном случае поступить с ним совершенно по благоусмотрению вашему и о последующем известить меня.

Октября 107
24

Полковнику князю Севарсемидзеву

По прибытии вашего сиятельства в Гумри предлагаю вам сделать мне немедленно донесение о положении, в коем нашли вы оставшийся на корню хлеб, равно и о успехе, которой надеетесь иметь в уборке онаго.

24 108

Капитану Павленке

Предписываю вашему благородию доставлять ко мне чрез каждые два дни донесение о благополучии поста, вам вве-

ренного; равномерно и о всяком могущем случиться происшествии.

Октября 24 109 Тифлисского п. полка порутчику Мастыке

По прибытии 7-го кар. полка порутчика Толмачева с командою, на смену вам для охранения табуна, предлагаю вашему благородию сдать ему все посты, вами занимаемые, и все письменные наставления, вам по сему предмету данные, как равно и табун и о исполнении сего по прибытии вашем с ротою в лагерь, здесь расположенный, мне донести.

24 110 Артиллерийского гарнизона прапорщику
Кожену

Командир Тифлисского артиллерийского гарнизона полковник Давыдов 2-й рапортом от 16-го октября за № 2932 извещает меня о направлении сюда материалов на делание зарядов по неимению готовых, по сему предлагаю вашему благородию, по принятии сих материалов от прапорщика Хомякова, приступить к заготовлению из оных зарядов.

25 111 7-го карабинерного полка майору
Хамуцкому

Назначая ваше высокоблагородие для освидетельствования и вывоза из Караклиса казенного артиллерийского имущества, там оставшегося, я приказал наря-

дять в комиссию, для сего составляющуюся, 7-го карабинерного полка порутчика Чумакова, 3-й легкой роты прапорщика Отраду и гарнизонной артиллерии прапорщика Кожена, коим предписано мною явиться к вам, а потому и предлагаю вам к исполнению следующее:

1) Выступить завтрашнего числа с 1-ю ротою 7-го карабинерного полка в с. Караклис, взяв с собою казенные подводы, прибывшие сюда с орудиями в заведывание прапорщика Хомякова, с коим они должны и следовать.

2) По прибытии в Караклис отрыть сперва яму, в коей зарыта медь, состоящая в распиленных орудиях, коей весом должно быть...* пуд...* фунт., наложив оную на самые крепкие повозки, открыть после того и другую яму, в коей хранится чугуны и железная ломь, в таком случае, ежели бы за помещением меди подводы были в состоянии оную поднять.

3) Ежели ваше высокоблагородие не будете в состоянии поднять на сих подводах все остальное казенное артиллерийское имущество, то вы должны остальное укрыть в сожженном же парке таким образом, чтобы жители не могли открыть онаго.

* Пропуск в тексте.— М. Н.

4) С нагруженным сим транспортом имеете вы следовать обратно в Джелал-оглу, сберегая как можно более казенных волов и по прибытии сюда приказав прапорщику Хомякову принять медь и железо для доставления в г. Тифлис, а чугун прапорщику Кожену для оставления здесь; вы имеете представить за общим подписом членов комиссии ведомость о числе привезенного и сданного вами казенного артиллерийского имущества, а также и оставленного в Караклисе.

Октября 30	112	Полковнику Карпову — о разъездах: на Карагачь
30	113	Подполковнику Андрееву на Караклис и Амамлы
31	114	Полковнику князю Севарсемидзеву

Из находящегося в команде вашего сиятельства отряда извольте отрядить немедленно две роты с одним орудием на Джилку, в с., занимаемое прежде капитаном Павленкою. Старшему в сих ротам извольте предписать в случае появления в значительных силах неприятеля подкреплять полковника Карпова, находящегося с полком в бывшей штаб-квартире казачьего полка на Джилке, ибо как казачий Карпова полк, так и сии две роты будут иметь в предмете удержание Джилкинского поста и защиту жителей.

Октября
31

115

Полковнику Карпову

Вместе [с] сим предписал я полковнику князю Севарсемидзеву отрядить две роты с одним орудием на Джилгу в с., занимаемое прежде капитаном Павленко, вследствие сего, несмотря на повеление вашему высокоблагородию, вчерашнего числа посланное: отступить в Джелал-оглу при появлении в значительных силах неприятеля — уведомив только меня, извольте защищать ваш пост совместно с означенными двумя ротами, которым в таком случае предписано примкнуть к вам.

— 116

Капитану Павленке

Предлагаю вашему благородию по прибытию на пост Гергерский, оставив штабс-капитану Алееву находящееся у вас орудие и 20 человек казаков, самым со вверенной вам ротою следовать в Джелал-оглу.

— 117

Штабс-капитану Алееву

Вместе с сим предписал я г. капитану Павленке оставить вашему благородию одно орудие и 20 казаков. Вам поручается наблюдение за дорогою чрез хребет Безобдальской, о всем случающемся извольте мне доносить немедленно.

Октября
31

118

Командиру Донского казачьего полка
полковнику Карпову 2-му

На рапорт вашего высокоблагородия от 29 сего октября за № 58, в коем представляет неудобства к продовольствованию нижних чинов полка, вам вверенного, провиантом из Квешинского провиантского магазейна, равномерно из Квешинского и Белоклученского, таковых же по причине дальнего их расстояния от теперешнего расположения полка вашего; уведомляю вас, что я отнесся рапортом к господину генерал-лейтенанту и кавалеру Вельяминову 1-му, испрашивая на сей предмет разрешения; впредь же до получения онаго предполагаю вашему высокоблагородию довольствоваться принятым уже вами по 15 ноября провиантом, полагая до сего времени получить разрешение его превосходительства.

119

Генерал-лейтенанту Вельяминову

Командир Донского казачьего полка полковник Карпов 2 рапортом от 29 октября № 58 доносит, что получил извещение из полевой провиантской комиссии отдельного Кавказского корпуса от 26-го октября № 2654 о продовольствовании полка, ему вверенного, провиантом из Квешинского временного провиантского магазейна, а по израсходовании в оном провианта из таковых же в Мангелисе и на

Белом ключе учрежденных, а вместе с сим представляя неудобства к доставлению онаго провианта в полк, по причине дальнего расстояния сих магазейнов от нынешнего расположения его и изнурения лошадей полка его по случаю прибытия их в недавнем времени с Дону, испрашивает дозволения довольствоваться провиантом из Лорийского провиантского магазейна. Так как полк сей поступил в состав войск отряда моего вверенного и уже удовольствован по 15-е ноября из означенного магазейна, то, представляя причины сии на благоусмотрение вашего превосходительства, покорнейше прошу дать разрешение на получение полку Карпова провианта из здешнего магазейна, до получения же такового на сей предмет от вашего превосходительства я дал предписание ему обратиться с требованием в Лорийский временной провиантский магазейн.

Октябрь
31

120

Тифлисского полка штабс-капитану
Грекову

Вместе с сим придет к вашему благородию еще рота и 1 орудие. Извольте расположиться со всеми войсками в католическом селении на р. Джилке, прежде занимаемом капитаном Павленкою; в случае появления неприятеля в больших силах извольте отступить к бывшей штаб-квартире казачей и, соединясь там с пол-

ковником Карповым, удерживать пост Джилгинский. О всем случающемся и о всех получаемых сведениях немедленно мне доносить.

Ноября
1

121

Генерал-лейтенанту Вельяминову

Имею честь представить при сем к вашему превосходительству вследствие предписания от 11-го числа октября № 5669 журнал о движении войск отряда, мне вверенного, с 1-го октября по 1-е ноября сего года.

—

122

Генерал-лейтенанту Вельяминову

Вследствие рапорта командира Тифлисского артиллерийского гарнизона полковника Давыдова 2-го от 22 октября за № 2970, в коем сообщает мне волю вашего превосходительства об отправлении в г. Тифлис на 16 подводах, доставивших в Джелал-оглу пять чугунных орудий, оставшееся в с. Караклисе и зарытое в землю казенное артиллерийское имущество, препровождаю с прапорщиком гарнизонной артиллерии Хомяковым сей транспорт; о числе же отправленного в г. Тифлис оставленного в укреплении Джелал-оглу и оставшегося еще, по неимению способов к вывозу и зарытого в землю в Караклисе, при сем ведомость представить честь имею. Для прикрытия же сего транспорта, сверх имеющихся при оном 48 человек

Херсонского гренадерского полка, назначил я еще 52 чел. при 1 обер-офицере с отряда, мне вверенного, до поста Салисетского.

Ноября
1

123

Полковнику князю Севарсемидзеву

Лорнийский провнантский магазейн рапортом от 30 октября за № 68 уведомляет, что полевая провнантская комиссия Отдельного Кавказского корпуса от 26 числа октября за № 2641 предписывает указом оному по настоящим воинским обстоятельствам и при беспрестанном движении войск для избежания недостатка в сем магазейне муки на продовольствие весь хлеб принимаемой в зерне перемалывать в муку и переделывать в крупу, на что испрашивать наряду подвод к перевозке на мельницы зернового провианта от местного начальства с заплаатою жителям прокатных прогонов по числу верст. Муку же ссыпать в закромы или лари, а в случае недостатка помещения испрашивать отвода обывательских строений, удобных к помещению в россыпе провианта; мешки же с мукою, имеющиеся в магазейне, не занимать по случаю надобности в них для насыпки и перезозки на мельницы провианта. Означенный магазейн испрашивает у меня отвода мельниц и строения под магазейн, в случае надобности оных на перемол пшеницы в муку и пе-

ределку в крупу ячменя и помещения муки. Почему предлагаю вашему сиятельству взять надлежащие меры на сей предмет и сколько мельниц и строений для складки муки назначено будет и какое расстояние верст будет от магазейна уведомить меня.

Ноября
1

124

Гарнизонной артиллерии прапорщику
Хомякову

Предписываю вашему благородию принять от заведующего здешним парком прапорщика Кожина металл и железо, вывезенное в присутствии вашем из Караклиса, и, положив оное на имеющиеся у вас 16 воловые подводы, отправиться в г. Тифлис и здать оное по принадлежности. По причине тяжести транспорта назначил я вам в помощь 52 чел. рядовых с отряда, мне вверенного, кои имеют конвоировать транспорт до поста Салисетского.

125

Полковнику Давыдову — начальнику
Тифлисск. артиллер. гарнизона

Вследствие рапорта вашего высокоблагородия от 22-го октября за № 2970 назначил я комиссию для освидетельствования оставшегося в Караклисе зарытого в земле казенного артиллерийского имущества. По прибытии в Джелал-оглу сего транспорта предписал я гарнизонной ар-

тиллерни прапорщику Хомякову, приняв привезенный металл и железо от прапорщика Кожина, отправиться с оным в г. Тифлис. О числе же отправляемого, оставшегося здесь по причине тяжести транспорта и худого состояния волов и оставленного еще в Караклисе, препровождаю при сем ведомость.

Ноября 1 126

Генерал-лейтенанту Вельяминову

Вследствие предписания г. корпусного командира от 11-го октября № 4 отрядил я полковника князя Севарсемидзева с 4-ю ротами Тифлисского п. полка, 4 орудиями 3-й лег. роты и 100 казаками в Гумри для прикрытия жителей, обращавшихся в уборке на корню оставшегося хлеба в Бамбакской и Шурагельской провинции. Полковник к. Севарсемидзев, пробыв там 8+2 дней с отрядом, ему вверенным, возвратился 30-го октября в Джелал-оглу, о чем вашему превосходительству донеся, имею честь представить при сем в оригинале рапорт кн. Севарсемидзева о причинах, побудивших его к возвращению.

5 127

7-го карабинерного полка майору
Х а м у ц к о м у

Вследствие рапорта вашего высокоблагородия от 1 ноября № 396 препровождаю вам засвидетельствованную мною с прило-

женнем герба моего печати книгу для
внесения провиантских статей.

Ноября 5 128

В Управление штаба
Кавказского отдельного корпуса

По именованию в отряде, мне вверенном,
открытых листов на взимание почтовых
лошадей и конвой, благоволите оный штаб
препроводить мне таковых.

— 129 Полковнику князю Севарсемидзеву

Предлагаю вашему сиятельству пред-
писать вверенного вам полка штабс-ка-
питану Грекову расположить одну из рот
на Джилге, состоящих в с. Шах-Назар,
или занять одно из селений, которое ваше
сиятельство сочтете удобнее.

6 130 Гарнизонной артиллерии прапорщику
К о ж и н у

Вследствие рапорта вашего благородия
от 5-го ноября за № 162 предписал я пол-
ковнику князю Севарсемидзеву о препро-
вождении вам нужного числа арб и ко-
мандующему артиллерийскою № 3-го ро-
тою порутчику Лепницкому о командиро-
вании в заведывание ваше двух портных
из вверенной ему роты, посему предлагаю
вам обратиться к ним для получения как
подвод, так равно и портных.

- Ноября 6 131 Командующему артиллерийскою № 3-го ротой порутчику Лепницкому

Согласно рапорту командира Тифлисского артиллерийского гарнизона полковника Давыдова от 16-го октября за № 2932, предписал я заведующему здешним артиллерийским парком прапорщику Кожину приступить к деланию зарядов из доставленных сюда материалов. Для покройки и шитья из армячу зарядных мешков предлагаю вашему благородию по требованию прапорщика Кожина командировать из роты, вам вверенной, 2-х портных, коим явиться и находиться в заведывании его до окончания означенной работы.

- 132 Полковнику кн. Севарсемидзеву

Разрешая рапорт командира Тифлисского артиллерийского гарнизона полковника Давыдова от 16-го октября № 2932, я предписал заведующему здешним артиллерийским парком прапорщику Кожину приступить к деланию зарядов из доставленных сюда материалов. Прапорщик Кожин рапортом от 5-го ноября за № 162 спрашивает у меня обывательских подвод к подвозу необходимого леса для постройки небольшой вдали землянки, где бы производилась означенная работа, по сему предлагаю вашему благородию при-

казать кому следует препроводить к нему нужное число обывательских подвод, а сколько именно вами назначено будет уведомить меня.

Ноября 9 133

Генералу Ермолову

Полученный мною рапорт командира Тифлисского п. полка полковника князя Севарсемидзева от 8-го ноября за № 744 с препровождением двух писем к нему от сардара Ериванского при сем вашему высокопревосходительству представить честь имею.

— 134

Командиру казачьего Карпова
полковнику Карпову

Его превосходительство генерал-лейтенант и кавалер Вельяминов на рапорт мой к нему № 119 извещает меня предписанием своим № 1434, что о продовольствовании вверенного вам полка провiantом из Лорийского провiantского магазейна предписано им Тифлисскому полевому провiantскому магазейну. О чем для надлежащего сведения ваше высокоблагородие сим уведомляю.

12 135

Генерал-лейтенанту Вельяминову

По наступлении холодного времени и выпавшему небольшому снегу покорнейше прошу ваше превосходительство почтить меня вашим предписанием о мерах, какие

будут предприняты насчет размещения полковника Карпова полка на зимовые квартиры.

Ноября 13 136

Полковнику Карпову

Получив рапорт вашего высокоблагородия № 147, сим вас уведомляю, что я уже донес его превосходительству генерал-лейтенанту Вельяминову о недостатке в продовольствии лошадям, в вашем полку состоящим, и о размещении вашего полка на зимовые квартиры. Когда же получу отзыв его превосходительства, то ваше высокоблагородие о мерах по сему предмету принятых уведомлю подробно.

15 137

Тифлисского полка подпорутчику
Павлоцкому

Предписываю вашему благородию выдавать жителям, находящимся на работе у хлебопечения, для возки дров по 1 фунту хлеба ежедневно на человека и по окончании перепечки сухарей подать мне о количестве израсходованного на сей предмет провианта записку.

— 138

Е м у ж е

Предписываю вашему благородию с получения сего прекратить хлебопечение и команду, в заведывании вашем состоящую, распустить в роты. Инструмент, мешки и пр., взятое вами под расписку вашу,

как из инженерного ведомства, так и из здешнего провиантского магазейна, имее-те здать по принадлежности. Сколько же именно было принято вами из магазейна муки и зано в оный сухарей представить мне при рапорте вашем ведомость.

Ноября
16

139

Генералу Вельяминову 1-му

Сего числа явились ко мне несколько человек армян — жители Бамбакской провинции с извещением, что не взирая на строгое воспреещение, данное им ходить за Безобдальскую гору для уборки оставленного там на корню хлеба, пробрались они стороною к с. Амамлам и, обращаясь там в сей работе, были настигнуты 13-го числа сего м-ца 60 человеками персидской конницы. Будучи вооруженными, они начали защищать себя, но при всем том один из товарищей их был захвачен неприятелем в плен. Желая выручить их, армяне сии бросились на неприятеля, отбили пленного и при сем случае убили двух и ранили двух перснан, с одного же убитого оружие и одежду представили ко мне. С их же стороны урону совершенно не было и скота ни одной штуки не отбито. Имея честь доносить о сем, извещаю ваше превосходительство, что все армяне возвратились в свои селения, собрав по показанию их до 500 сомар пшеницы.

Ноября 17 140

Полковнику Карпову

По предписанию начальника 21-й пешотной дивизии господина генерал-лейтенанта и кавалера Вельяминова от 15 ноября № 457 и по именованию продовольствия лошадям, в вашем полку состоящим, предлагаю вашему высокоблагородию выступить с полком, вам вверенным, в колонню Екатеринин-Фельд и занять там зимовые квартиры, занимавшиеся до сего полковника Сергеева полком. О дне выступления и о прибытии на новое месторасположение предлагаю вашему высокоблагородию донести мне особо.

— 141 Генерал-лейтенанту Вельяминову

Полученный мною рапорт полковника князя Севарсемидзева от 17-го ноября № 747 о известии, полученном чрез посланного им (из за границы) в Еревань армянина, при сем в подлинном вашему превосходительству честь имею, покорнейше прося, доставить оный к господину генерал от инфантерии Ермолову.

18 142 Полковнику князю Севарсемидзеву

Вследствие повеления господина генерал-лейтенанта Вельяминова от 2-го ноября под № 6247 я уменьшаю отряд, мне вверенный, и предлагаю вашему сиятельству

ству принять в ведение ваше часть, остающуюся на Каменной речке.

Защита Лорийской степи предоставляется вам и остается совершенно на вашей ответственности.

Хотя по настоящему времени года и по известиям, дошедшим до меня о неприятеле, нет ни малейшего сомнения, что он остается в бездействии, при всем том предостерегаю вас никогда не терять из виду осторожность, а с оной вместе и главное военное правило: **с о в о к у п н о с т ь**, ибо чрез рассеяние войск в большой обширности и размещения оных по деревням ваш отряд будет везде слаб и не в состоянии будет соединиться там, где нужда востребует. Поистине выгоднее и покойнее войскам расположение пространное, но сим покоем и сими выгодами надобно уметь жертвовать, когда польза службы сего требует. Я уверен, что ваше сиятельство будете руководствоваться сим правилом. Долгая опытность ваша, знание местности, неприятеля и отличное ваше служение в том мне порукою.

Я сужу о защите Лорийской степи так: три главных отверстия ведут к оной с Бамбака и Шурагеля: 1) чрез Узулярское ущелье, 2) чрез Безобдал, 3) чрез Карагачь.

Первые два не столько требуют внимания, как последние. Я думаю, что сто-

ит только пригласить сотню армян, живущих в Марсе или в других деревнях вдаль по ущелью, и приказать им, наблюдать оное и извещать вас немедленно о появлении там неприятеля, то сего будет достаточно для удержания оного до прибытия вашего с несколькими ротами, впрочем я говорю о сем ущельи мимоходом, ибо оное опасно было тогда, когда сардарь Ериванский занимал с главными силами Балых-чай, теперь же не имеет той важности и может служить только тем неприятельским войскам, кои, опасаясь идти чрез Карагачь или Безобдал, возьмут направление с Бамбакской долины в выше сказанное ущелье, дабы напасть на Лори и окрестные к оному селения.

О Безобдальском проходе нечего и говорить. Гергер, занятый тремя ротами и двумя орудиями, и оконченное (уже) и сооруженное уже укрепление при Джелалоглу, где ваше сиятельство остаетесь с главными силами, достаточно ручается, что с сей стороны нет возможности явиться неприятелю.

Теперь остается Карагачинское отверстие, самое важнейшее, во-первых, потому, что оно плоскостью своею способствует для прохода войск, во-вторых, что оно ведет в часть земли более открытую, в-третьих, что оно от вас в расстоянии 20

верст, почему трудно успеть вам прибыть вовремя на помощь селам, атакованным и ныне привлекающим добычею неприятеля чрез возвращение в них жителей и собрание сими последними вокруг жилищ своих стадов, прежде угнанных внутрь земли или укрывающихся за Ахзибиуком.

Вот пункт Лорийской степи, за коим нельзя достаточно употреблять наблюдения.

Вследствие сего предлагаю вашему сиятельству следующее размещение, отряда, вам вверенного.

В Гергере: 3 роты, 2 орудия и несколько казаков.

В укреплении Джелал-оглу: 4 роты, 8 орудий и казачий Андреева полк.

На Джилге 2 роты, два орудия и одну сотню полка Андреева.

Сии роты непременно должны иметь по 250 рядовых, не считая унтер-офицеров, и как пехота, артиллерия, так и казаки должны быть расположены в самом близком, между собою, расстоянии.

Так как ничего важного нельзя ожидать ни со стороны Шурагельского ущелья, ни со стороны Безобдала, и так как главное внимание ваше долженствует обратиться к стороне Карагача, то имеете вы назначить для командования на Джилге расторопнейшего, храбрейшего и бди-

тельнейшего офицера. Долг его будет при извещении о появлении неприятеля на Карагаче немедленно сокупить все свои войска, дать знать о том вашему сиятельству и воспрещать всеми силами вторжение неприятелю во внутрь земли.

Ваше сиятельство, получа от него известие, оставляет одну роту на месте и, приказав еще одной роте без орудия прибыть из Гергера, в укрепление Джелалоглу не дожидаясь оной, немедленно следует с тремя ротами, с нужным числом орудий и с казачьим Андреева полком или прямою дорогою к бывшей казачей штаб-квартире или прямо на Карагачь, чрез то угрожает тылу неприятеля. В сем случае надобно приложить все старания, отрезать оному обратный путь и если он успел захватить в плен жителей и скота, отбить сию добычу.

Если чего я предполагать не могу, неприятель будет чрезмерно силен, то в сем случае имеете дать повеление казачьим полкам и Донской артиллерийской роте, на Храме расположенным, прибыть в подкрепление вам и конечно по извещению вашему генерал-лейтенанта Вельяминова, он не замедлит прислать часть и пехоты, расположенной в Тифлисе. Все сие говорю я в случае общего предприятия неприятельска, чего, как вашему сиятельству известно, ожидать весьма сумнительно.

Так как необходимо следует поправить лошадей в казачьем Андреева полку, дабы оне годны были к весенней кампании, то имеете ваше сиятельство приказать командующему на Джилге не употреблять в пустые поездки казачью команду, посылать только донесения к вам в экстренных случаях и употреблять старание, чтобы оные казаки, чрез стоянку свою, в ныне уже довольно снабженных деревнях ячменем, мякиной и сеном, поправляли лошадей своих, не забывая однако ж осторожность, всегда необходимую, то же самое предлагаю вашему сиятельству в расуждении всего Андреева полка.

Обо всем происходящем имеете ваше сиятельство извещать немедленно господина генерал-лейтенанта Вельяминова в Тифлис.

Ноября 143
20

Генерал-лейтенанту Вельяминову

Имею честь донести вашему превосходительству, что по сделанному мною распоряжению испечено в отряде, мне вверенном, 344 четвер. 6 чет. и 49/30 гарнца сухарей, кои сданы для хранения в Лорийский магазейн, провиантский магазейн и вместе с сим дал я предписание командиру Тифлисского пехотного полка полковнику князю Севарсемидзеву, чтобы он без особого распоряжения высшего начальства не израсходовал оные, дабы при на-

чати движений против неприятеля с наступающей весной иметь уже оные в готовности.

Ноября 20 144

Полковнику князю Севарсемидзеву

По случаю выступления батальона 7-го караб. полка на зимовые квартиры в урочище Манглис предлагаю вашему сиятельству приказать кому следует выбить для оного под свозку больных, ротных тягостей и заручной амуниции 21 обывательских подвод, из числа конх 16 за указные прогоны, а 5 без оных.

— 145

Генерал-лейтенанту и кавалеру
Вельяминову

По случаю отъезда моего в г. Тифлис командование оставшимися войсками, в Дж. оглу и окрестностях расположенными, сдал я старшему по мне полковнику князю Севарсемидзеву, снабдив его предписанием, с коего копия при сем вашему превосходительству представить честь имею.

— 146

7-го карабинерного полка майору
Хамуцкому

По случаю размещения отряда, мне вверенного, на зимовые квартиры предлагаю вашему высокоблагородию выступить с батальоном, вам вверенным, и следовать в урочище Манглис и о прибытии туда до-

нести начальнику 21 пехотной дивизии генерал-лейтенанту Вельяминову.

Ноября
20

147 Штаб-лекарю и кавалеру Явленскому

По случаю расположения отряда, мне вверенного, на зимовые квартиры предлагаю вашему высокоблагородию отправиться к настоящему месту назначения вашего и поручить остающемуся здесь старшему по вас медицинскому чиновнику лазарет, тут находящийся.

—

148 Полковнику князю Севарсемидзеву

Предлагаю вашему сиятельству без особого разрешения высшего начальства хранящиеся в магазине вновь испеченные 344 четверти 6 четв. 44/30 гарница сухарей не израсходовать, дабы при начатии движений против неприятеля с наступающей весною иметь оные уже в готовности.

—

149 Командиру казачьего полка подполковнику Андрееву

Предлагаю вашему высокоблагородию отрядить с получения сего с полка, вам вверенного, 100 человек казаков с надлежащим числом урядников при 1 обер-офицере, коему следовать в С., где находится Тифлисского пехотного полка 3-я мушкатерская рота, и расположиться в оном на зимовые квартиры, поступая в

заведывание начальника той роты штабс-капитана Петрнева.

Ноября
20

150

Полковнику князю Севарсемидзеву

Вследствие рапорта вашего сиятельства от 15-го ноября за № 747 с приложением ведомости о израсходовании 25 червонцев экстраординарной суммы препровождаю при сем передержанных вами 8 черв. и 1 руб. серебром, о получении которых предлагаю меня уведомить.

— 151

Борчалинскому главному приставу капитану князю Орбеллиани

Доставленного ко мне взятого разъездом донского казачьего Карпова полка, едущего с неприятельской стороны, татарина Камил Калбалая, с имеющимися при нем: двумя лошадьми, саблею, кинжалом, натрускою и подсумком с патронами, при сем под конвоем к вашему сиятельству препровождаю. По показании его жителям Борчалинской дистанции предлагаю вам сделать под оным подробное следствие и что по таковому окажется донести немедленно начальнику 21 пех. дивизии генерал-лейтенанту Вельяминову в Тифлис.

— 152

Генерал-лейтенанту Вельяминову

О расходе экстраординарной суммы, присланной ко мне при предписании господина корпусного командира от 11-го

октября № 2595, при сем ведомость с показанием остатка оной вашему превосходительству представить честь имею с провождением остатка суммы. В расходе 34 черв. 10 руб. серебром, в остатке 66 червонц. 190 руб. серебром.

Ноября 22 153

Открытый лист

Следующему с батальоном 7-го карабинерного полка господину майору Хамутскому давать под своз слабых, больных, за ручной амуниции и 10-дневного провизанта по 16 подвод обывательских за указанные прогоны и по 5 подвод без прогонов.

— 154

Б и л е т

Предъявитель сего Кавказской гренадерской артиллерийской бригады поручик барон Ган уволен мною по собственным его надобностям в г. Тифлис сроком от нижеписанного числа впредь на 10 дн., во уверение чего и дан сей за подписом моим.

Т Е Т Р А Д Ь

ДЛЯ ЗАПИСЫВАНИЯ ПРИКАЗОВ ПО
ОТРЯДУ, ОТДАВАЕМЫХ г. ДАВЫДОВЫМ

Сентября 15-го дня
1826 года

Месяцы и числа	№	Месяц сентябрь
Сентября 15	1	Приказ по отряду

1-е.

Прибыв сего числа к отряду, расположенному в Бамбакской провинции на урочище Джелал-оглы, начальством мне вверенному, предписываю начальникам частей, состоящих в оном, относиться во всем по службе ко мне.

Генерал-майор *Давыдов*

2-е.

Командиру 7-го карабинерного полка полковнику Муравьеву 1-му поручаются

распоряжения для исполнения приказаний, мною отдаваемых; для исправления же должности адъютанта по отряду назначается Тифлисского пехотного полка подпоручик Нелюбов.

Генерал-майор *Давыдов*

Сентября 2
17

Приказ по отряду

1-е.

Ротам 7-го карабинерного полка, карабинерным 2-й и 3, егерским 8 и Тифлисского пехотного полка гренадерским 1, 2 и 3 и мушкатерским 1, 3 и 9 изготовиться к движению; в каждой роте иметь по одному патронному ящику, по одной артельной повозке и по одной полковой под сухарями на 4 дня; людям ранцов не брать; нести на себе сухарей на 6 дней, котлов в каждой роте иметь не более десяти.

Таким же образом изготовиться к движению десяти орудиям 3-й легкой роты и ста казакам.

Генерал-майор *Давыдов*

2-е.

В каждой роте иметь назначенных застрельщиков, которые должны состоять из 24 рядовых, 2 унтер-офицеров при одном барабанщике под начальством одно-

го офицера, дабы при первом вызове они были в ту же секунду готовы.

Генерал-майор *Давыдов*

3-е.

Ежедневно доставлять во время вечерней зори к господину полковнику Муравьеву подробные рапорты о числе воинских чинов, могущих быть в движении, во всех ротах и командах в отряде находящихся.

Генерал-майор *Давыдов*

Сентября 3
17

Приказ по отряду

Войска, назначенные в поход, выступают следующим порядком:

Казаки и 500 человек грузинской конницы.

1-я гренадерская и 1-я мушкетерская Тифлисского пехотного полка.

Два орудия 3-й легкой роты.

3-я мушкетерская рота и 2-я гренадерская Тифлисского пехотного полка.

4 орудия 3-й легкой роты.

1-я и 2-я карабинерные роты 7 карабинерного полка.

Весь обоз, за ним арьергард под командою майора Варламова, состоящий из роты 2 егерской 7-го карабинерного полка с 1 орудием 3 легкой роты и 10 казакми.

Генерал-майор *Давыдов*

Сентября 4
18

Приказ по отряду

1-е.

Отряд разделяется на 3 батальона, в коих по три роты в каждом.

1-й батальон состоит из рот 2 и 3 карабинерной и 8-й егерской 7-го карабинерного полка.

2-й батальон из рот 1 и 2 гренадерской и 1 мушкетерской Тифлисского пехотного полка.

3-й батальон из рот 3 гренадерской, 8 и 9 мушкетерских Тифлисского пехотного полка.

Генерал-майор *Давыдов*

2-е.

Завтрашнего числа со светом отряду выступить в поход следующим образом:

Авангард под начальством полковника князя Севарсемидзева: грузинская конница Тифлисского уезда: 10 казаков, 1-я мушкетерская рота Тифлисского полка, 3 орудия легкой № 3 роты, 2-я и 1-я гренадерские роты Тифлисского полка.

В голове колонны следуют: конница грузинская Горийского и Душетского уездов и за ними 8-я мушкетерская рота Тифлисского полка, 3 орудия легкой № 3 роты и 2-я и 3-я карабинерные роты 7-го карабинерного полка.

Весь обоз по старшинству полков.

В арьергарде 8-я егерская рота 7-го карабинерного полка и 1 орудие легкой № 3 роты и 10 казаков.

По прибытии отряда к Гергеру находящиеся там роты Тифлисского полка 3 гренадерская и 9-я мушкатерская с двумя орудиями 3 легкой роты и частью казаков присоединяются к колонне, так что порядок следования к Безобдалу будет следующий:

Авангард — как выше сказано.

Колонна: конница в прежнем порядке, потом 3 батальон отряда, 5 орудий 3-й легкой роты и 3-я и 2-я карабинерные роты 7-го карабинерного полка, часть же казаков, назначенная в поход из находящихся в Гергере, примкнется к казакам, следующим в голове колонны.

Арьергард остается так же.

Генерал-майор *Давыдов*

3-е.

Начальнику над обозом иметь строгое наблюдение, дабы по прибытии отряда на лагерное место все повозки становились каждые за своим батальоном шагов на 20-ть позади колонны, наблюдая, чтобы оные не переходили за фланг таковой и для сего становить их в два ряда.

Генерал-майор *Давыдов*

4-е.

С выступлением рот из селения Гергер никакого барабанного боя не бить, равно и по прибытии на лагерное место вечерней зорн не бить.

Генерал-майор *Давыдов*

Сентября 5
19

Приказ по отряду

1-е.

Ротам, в отряде находящимся, при привалах и остановках ружья составлять не дожидаясь на то эсособо приказання и ложась для отдохання ни пред каким лицом не вставать и шапок не снимать.

Генерал-майор *Давыдов*

2-е.

Отряд выступает в поход следующим порядком:

Авангард остается так же.

Колонна: конница следует в прежнем порядке; за ней 1-й батальон отряда, 5 орудий 3-й легкой роты и 3-я гренадерская и 9-я мушкатерская роты Тифлисского полка.

Арьергард, 8-я мушкатерская рота Тифлисского полка, одно орудие 3-й легкой роты и 10-ть казаков.

Генерал-майор *Давыдов*

3-е.

Подтверждается не употреблять барабанных боев ни в каких случаях впредь до разрешения, кроме сражения.

Генерал-майор *Давыдов*

Сентября 6
20

Приказ по отряду

Пароль г. Якутск.

Лозунг с. Иакова.

Отзыв якорь.

1-е.

Отряду приготовиться к походу в 4 часа утра тем же порядком, исключая, что в голове колонны следует отряда 3-й батальон; в арьергарде под командою г. майора Варламова 3-я карабинерная рота 7-го карабинерного полка.

Генерал-майор *Давыдов*

21 7

Приказ по отряду

Пароль г. Нарва.

Лозунг с. Никифора.

Отзыв Нева.

1-е.

Отряду приготовиться к выступлению в 4-ре часа утра. В голове колонны следует 1-й батальон отряда, в арьергарде

9-я мушкатерская рота Тифлисского пехотного полка.

Генерал-майор *Давыдов*

2-е.

С сего числа и впредь утренней и вечерней зори и прочие бои бить в отряде по-прежнему.

Генерал-майор *Давыдов*

Сентября 22 8

Приказ по отряду

Отряду приготовиться к выступлению в 4 часа утра. В голове колонны следует отряда 3-й батальон; в арьергарде следует 2-я карабинерная рота 7-го карабинерного полка.

Пароль г. Санкт-Петербург.

Лозунг с. Петра.

Отзыв патрон.

Генерал-майор *Давыдов*

23 9

Приказ по отряду

Пароль г. Рига.

Лозунг с. Рафаили.

Отзыв ружье.

Отряду приготовиться к выступлению к 5 часам утра и следовать следующим порядком:

300 человек грузинской конницы, казаки.

1-й батальон отряда.

6-ть орудий 3-й легкой роты.

2-й батальон отряда.

Весь обоз под командою майора Варламова.

3 орудия 3 легкой роты.

Две роты 3-го батальона отряда.

100 человек грузинской конницы.

Одна рота 3-го батальона отряда.

10-ть казаков.

Генерал-майор *Давыдов*

Сентября 10
24

Приказ по отряду

1-е.

Отряду приготовиться к выступлению в 5 часов утра. В авангарде под начальством полковника князя Севарсемидзева назначаются 1-я и 2-я гренадерские роты Тифлисского пехотного полка и 2 орудия 3-й легкой роты, сто человек грузинской конницы и 12-ть казаков. Начальникам сих частей явиться с получения сего к полковнику князю Севарсемидзеву для получения от него приказа.

Генерал-майор *Давыдов*

2-е.

Впредь до разрешения все барабанные бон в отряде воспрещаются.

Генерал-майор *Давыдов*

3-е.

Подтверждается строго во время похода и в лагере по пустому отнюдь не стрелять, а в случае надобности разряжать ружье пыжовниками, зачем в особенности иметь наблюдение дежурным по отряду.

Пароль г. Суздаль.

Лозунг с. Сергея.

Отзыв суша.

Генерал-майор *Давыдов*

Сентября 11
25

Приказ по отряду

Сим разрешаются в отряде, мне введенном, барабанные бон, конбить по-прежнему впредь до приказанья.

Пароль г. Томск.

Лозунг с. Трифона.

Отзыв труба.

Генерал-майор *Давыдов*

26 12

Приказ по отряду

Находя нужным дать другое устройство грузинской коннице, предписываю разделить оную на две части, одна составляется из князей и дворян с их крестьянами под начальством маршала князя Давыда Тарханова, другая из казенных и церковных крестьян под начальством отставного подполковника Калатузова, ко-

ему в помощь назначить трех князей по его избранию; одному из оных исправлять должность адъютанта, причем и являться ежедневно в 7 часов вечера за приказанием в канцелярию господина полковника Муравьева.

Пароль г. Харьков.

Лозунг с. Харитона.

Отзыв храбрость.

Генерал-майор *Давыдов*

Сентября 13
27

Приказ по отряду

Отряду приготовиться к выступлению в 5 часов утра и следовать следующим порядком:

Грузинская конница; казаки; 4 роты Тифлисского полка; 6 орудий 3-й легкой роты; 2-я карабинерная рота 7-го карабинерного полка; весь обоз; одно орудие 3-й легкой роты; 3-я карабинерная и 8-я егерская роты 7 карабинерного полка под командою майора Варламова.

Пароль г. Лубны.

Лозунг с. Леонтия.

Отзыв лафет.

Генерал-майор *Давыдов*

28 14

Приказ по отряду

1-е.

Отряду приготовиться к выступлению в 4 часа утра и следовать следующим порядком:

Грузинская конница, казаки, 8-я и 9-я роты Тифлисского полка и 8-я егерская 7-го карабинерного полка. 6 орудий 3-й легкой роты, 3-я и 2-я карабинерные роты 7-го карабинерного полка, весь обоз, одно орудие 3-й легкой роты, 3-я гренадерская и 1-я мушкатерская роты Тифлисского полка, под командою майора Хамутского.

Генерал-майор *Давыдов*

2-е.

По прибытии отряда в Джелал-оглу всем ротам и командам приступить немедленно к заготовлению 10-дневного провианта.

Пароль г. Калуга.

Лозунг с. Кириллы.

Отзыв курок.

Генерал-майор *Давыдов*

Сентября 15
30

Приказ по отряду

1-е.

По дошедшим ко мне просьбам грузинского ополчения о дозволении некоторых из оного возвратиться по недостатку в провианте и фураже позволяется тем, кои пожелают отправиться в течение двух суток, а гг. начальникам уездов предлагаю доставить мне подробные остающимся здесь именные списки.

Генерал-майор *Давыдов*

2-е.

Грузинского ополчения князьям Ростому и Давыду Эристовым находиться во время похода при мне бессменно.

Пароль г. Митава.

Лозунг с. Михайлы.

Отзыв мундир.

Генерал-майор *Давыдов*

Октября 16
1

Приказ по отряду

С получения предписания господина главнокомандующего ко мне от 29 сентября за № 407 из лагеря при Галансу для сведения по отряду при сем копию представляю.

Господину генерал-майору Давыдову

Получив рапорт вашего превосходительства о разбитии Гассан-хана, я сужу о успехе действий ваших по месту, из которого вы пишете оный.

Жалею, что Гассан-хан, укрыв пехоту свою и артиллерию, лишил вас трофеев, не менее того, однако же, делает чести начальствуемым вами войскам страх, который вселяют они в неприятеля, ожидаю обстоятельного описания действий ваших; между тем объявить войскам, что я, уверенный всегда в неустрашимости их, до-

волен их усердием и трудами. На подлинном подписано: генерал Ермолов.

Пароль г. Тирасполь.

Лозунг с. Терентия.

Отзыв тесак.

Генерал-майор *Давыдов*

Октября 17
2

Приказ по отряду

По случаю отъезда командира Тифлисского пехотного полка полковника князя Севарсемидзева в г. Тифлис командование полком по наружности поручается полковнику барону Фридериксу 2-му.

Пароль г. Москва.

Лозунг с. Макария.

Отзыв море.

Генерал-майор *Давыдов*

3 18

Приказ по отряду

1-е.

Предписываю посылать ежедневно от каждой роты отряда при Джелал-оглу по 5-ти патронщиков в заведывание к подпоручику Нелюбову, коему поручается надзор за деланием патронов из принятого им от прапорщика артиллерийского гарнизона Кожена пороху и прочих материалов, коему вести щот забранным материалам и выдаваемым в роты патронам. При

людях сих находится по 1-му унтер-офицеру с каждого полка.

Генерал-майор *Давыдов*

2-е.

Полкам и командам, а также и гг. штаб и обер-офицерам, не имеющим средства к продовольствию на коновязи лошадей своих, выпустить их на подножной корм за Черную речку, где для охранения табуна выставлена Тифлисского пехотного полка 8 я мушкатерская рота. Людям, отправляющимся с лошадьми, состоять в совершенном заведывании командира той роты поручика Мастыки, коему предписывается ничьих лошадей не принимать под свое прикрытие, а принятых уже не отпускать, без записок адъютантов тех частей, к коим оные принадлежат.

Генерал-майор *Давыдов*

3-е.

Вследствие предписания командира 2 пехотной дивизии господина генерал-лейтенанта Вельяминова объявляю по отряду, мне вверенному, что его высокопревосходительство корпусной командир г. генерал от инфантерии Ермолов разрешил производить мясную порцию на нижних чинах, обращающихся в работе при Джелал-оглу, выдавая по полуфунту говяди-

ны на каждого рабочего в сутки, почему и предписываю господину майору Хамутскому обратиться с требованием своим об удовлетворении нижних чинов, в заведывании его состоящих, как за прошедшее, так и на предбудущее время, к командиру Тифлисского пехотного полка г. полковнику и кавалеру князю Севарсемидзеву, коему поручено от меня сделать надлежащее со стороны своей распоряжение для исполнения воли его высокопревосходительства. Господин полковник князь Севарсемидзев возьмет также меры для удовлетворения нижних чинов вверенного ему полка, означенною порцией обращающихся на работе.

Пароль г. Полтава.

Лозунг с. Петра.

Отзыв перевязь.

Генерал-майор *Давыдов*

Октября 19
4

Приказ по отряду

1-е.

Всем начальникам команд, в отряде состоящих, строго воспрещается никаких конвертов в город Тифлис с нарочными казаками не отправлять без особенного от меня на то позволения; все те, кои пожелают отправлять конверты и письма в город Тифлис, имеют доставлять оные в отрядную канцелярию по вторникам и

четвергам, откуда, запечатав оные в пост-
пакеты, будут отсылаемы таковые по ле-
тучей карте.

Генерал-майор *Давыдов*

2-е.

Ротам, в откомандировках находящим-
ся, доставлять ежедневно рапортники в
отрядную канцелярию по прилагаемой при
сем форме о наличном числе людей за
всем расходом в оных состоящем. Присы-
лать оные с нарочными казаками к 3-м
часам пополудни, с коньми посылаемы бу-
дут им выписанные приказы и приказания,
отдаваемые по отряду.

Пароль г. Бобруйск.

Лозунг с. Бориса.

Отзыв барабан.

Генерал-майор *Давыдов*

Октября 20
5

Приказ по отряду

Замечено мною, что в лазарете, здесь
находящемся, отнюдь не соблюдается при-
личной опрятности и как внутри онаго,
так и снаружи нечистота и неопрятность
доходит до самой непозволительной степе-
ни, посему предлагаю артиллерийского
гарнизона прапорщику Кожену иметь
надзор за чистотой в лазарете, равно и по
всей крепости, для чего в полное заведы-
вание его наряжать ежедневно с роты,

занимающей караул по крепости, 2-х дежурных унтер-офицеров, коих обязанность состоит являться поутру к прапорщику Кожену и наблюдать, одного — за чистотою в крепости, а другого — за таковой же в лазарете и около одного и сему последнему находиться безотлучно при лазарете.

Генерал-майор *Давыдов*

Октября 6	Пароль г. Вязьма. Лозунг с. Василия. Отзыв вера.
7	Пароль г. Гдов. Лозунг с. Григория. Отзыв гром.
8	Пароль г. Дубосары. Лозунг с. Дорофея. Отзыв добродетель.
9	Пароль г. Екатеринославль. Лозунг с. Евгения. Отзыв ездок.
10	Пароль г. Зиньков. Лозунг с. Захария. Отзыв здоровье.
21	Находя нужным заготовить достаточное количество сухарей в магазейне, кроме десятидневного провнанта, о котором уже приказом по отряду в 23-й день прошлого сентября № 14 во 2-м пункте мною

предписано, — предписывается нарядить для сего хлебопеков с каждой роты по 1-му унтер-офицеру и 10-ти человек рядовых под команду Тифлисского п. полка подпоручника Павлюцкого, коему прибыть с получения сего в Джелал-оглу и принять из здешнего провиантского магазейна 500 четвертей муки, а по испечении сдавать сухарями в магазейн по расчету. Вместе с сим приступить ему сколь возможно поспешнее к вырытию командою, ему назначенною, печей, отдельно от ротных, но все в одном месте. Дрова на 10 арбах имеют быть приняты от Тифлисского полка штабс-капитана Ростованова.

Пароль г. Иркутск.

Лозунг с. Иоанна.

Отзыв ива.

Генерал-майор *Давыдов*

Октября
11

22

Предписываю полковнику Муравьеву, приняв в командование свое 500 челов. 7-го карабинерного полка, два орудия 3-й легкой роты и 140 казаков, выступить с получения сего с сим отрядом по дороге к Башкичету для открытия неприятельской партии.

Пароль г. Калуга.

Лозунг с. Кондратия.

Отзыв кремень.

Октября
12

Пароль г. Лубны.
Лозунг с. Леонтия.
Отзыв лук.

Генерал-майор *Давыдов*

13

23

Войска Донского казачьего подполковника Андреева полка есаул Елкин, будучи послан в разъезд, сделал ложное донесение о видимой будто бы им лично неприятельской партии, за что арестовывается на один месяц. Приказ сей прочесть в присутствии всех команд.

Пароль г. Моршанск.
Лозунг с. Мартына.
Отзыв морттира.

Генерал-майор *Давыдов*

14

Пароль г. Гродно.
Лозунг с. Герасима.
Отзыв гул.

15

Пароль г. Моршанск.
Лозунг с. Макария.
Отзыв молва.

16

Пароль г. Нарва.
Лозунг с. Никифора.
Отзыв натура.

17

24

Прибывшему обратно из г. Тифлиса полковнику князю Севарсемидзеву вступить по-прежнему в командование вверенного ему Тифлисского полка.

Пароль г. Рязань.
Лозунг с. Рафанла.
Отзыв радость.

Октября
18

Пароль г. Суздаль.
Лозунг с. Сергея.
Отзыв служба.

19

Пароль г. Уфа.
Лозунг с. Уллана.
Отзыв Ура.

20

25

В отряд под начальством князя Севарсемидзева Тифлисского п. полка роты 2, 3, 5 мушкатерские, 3-я гренадерская и 9 мушкатерская, 5 орудий 3 легкой роты и 100 человек казаков подполковника Андреева полка. Час выступления будет назначен полковником князем Севарсемидзевым.

Пароль г. Севастополь.
Лозунг с. Савелия.
Отзыв секрет.

21

26

Прибывший сюда Донской казачей полковника Карпова полк поступает в состав войск отряда, мне вверенного.

Пароль г. Бобруйск.
Лозунг с. Борнса.
Отзыв бомба.

23

27

Тифлисского пехотного полка 2-й гренадерской роты выступить с получения сего в Гергер.

Пароль г. Вильна.
Лозунг с. Василья.
Отзыв верность.

2-е.

На смену Тифлисского полка 8 муш. роте для охранения табуна находящейся нарядить с рот здесь в лагере оставшихся по 15 рядовых и по 1 унтер-офицеру при двух обер-офицерах, старшему из оных быть наряжену с 7-го карабинерного полка, коему явиться за приказанием к господину полковнику Муравьеву. Команде сей собраться и выступить завтрашнего числа с рассветом.

Октября
25

28

Для освидетельствования казенного артиллерийского имущества, оставшегося в Караклисе, назначается под предводительством 7-го карабинерного полка майора Хамутского комиссия, в коей находится онаго ж полка порутчику Чумакову, артиллерии прапорщику Отраде и гарнизонной артиллерии прапорщику Кожену, коим с получения сего явиться к нему г. майору Хамутскому. Для вывоза онаго назначаются повозки, прибывшие сюда из Тифлиса под заведыванием гарнизонной артиллерии прапорщика Хомякова, в конвой к оным нарядить 7-го караб. полка 8-ю егерскую роту, коей, приняв под прикрытие свое оные повозки, выступить

завтрашнего числа; час выступления предоставляется на волю г. майора Хомуцкого.

Пароль г. Иркутск.
Лозунг с. Иоанна.
Отзыв ива.

Октябрь
29

Пароль г. Кострома.
Лозунг с. Константина.
Отзыв камень.

30 29

Для имеющегося быть завтрашнего числа благодарственного молебствия по случаю коронования его императорского величества и ее императорского величества 22-го числа августа в царствующем граде Москве в Успенском соборе, назначается церковный парад, для коего наряжать по 30 чел. рядовых по 3 унтер-офицера и при одном обер-офицере с каждой роты в лагере, здесь находящихся; с артиллерийской же № 3 лег. роты 20 чел. при 1 обер-офицере, коим собраться в 7-м часов утра и выстроиться перед лагерем по старшинству полков. Всем парадом командует дежурный по отряду. С казачьего Андреева полка нарядить 30 чел. казаков при 1 обер-офицере, коим следовать прямо в церковь.

Пароль г. Лубны.
Лозунг с. Леонтия.
Отзыв лук.

Октября
30

Пароль г. Москва.
Лозунг с. Михайлы.
Отзыв межа.

Пароль г. Нарва.
Лозунг с. Николая.
Отзыв нива.

Ноября
1 30

В конвой к отправляющемуся транспорту с казенным артиллерийским имуществом в г. Тифлис нарядить завтрашнего числа с 7-го карабинерного полка 50 человек рядовых при 2-х унтер-офицерах и 1 обер офицере, коим следовать только до поста Самистского.

Пароль г. Орел.
Лозунг с. Афанасия.
Отзыв артиллерия.

2 Пароль г. Полтава.
Лозунг с. Павла.
Отзыв пушка.

3 Пароль г. Рязань.
Лозунг с. Романа.
Отзыв ружье.

4 Пароль г. Саратов.
Лозунг с. Саввы.
Отзыв сума.

5 31 По случаю наступившего холодного времени лошадей, в табуне находящихся, перевести в лагерь, равномерно и команду, при оных находившуюся, распустить.

Ноября		
6	Пароль г. Тверь. Лозунг с. Тараса. Отзыв труба.	
7	Пароль г. Уфа. Лозунг с. Устина. Отзыв удар.	
8	Пароль г. Фолешты. Лозунг с. Филарета. Отзыв фура.	
9	Пароль г. Харьков. Лозунг с. Харитона. Отзыв хобот.	
10	Пароль г. Ахтнар. Лозунг с. Анисима. Отзыв адмиралтейство.	
11	Пароль г. Балта. Лозунг с. Бориса. Отзыв батарея.	
12	32	1-е.

Вследствие предписания начальника 21-й пехотной дивизии господина генерал-лейтенанта Вельяминова от 19-го октября за № 5877 по воле г. главнокомандующего Тифлисского пехотного полка майор Варламов назначается мною для исправления комендантской должности в крепости Джелал-оглу; в заведывание его поступают: провиантский магазейн, артиллерий-

ский парк, лазарет, рота, содержащая караул, и все, что в крепости находится; равномерно поставляется ему в обязанность наблюдать как за порядком, так и за чистотою в оной.

2-е.

По случаю прекращения работ при укреплении людей на работы к оному без особого на то приказания более не посылать.

Пароль г. Георгиевск.
Лозунг с. Герасима.
Отзыв гвардия.

11 ноября
13

Пароль г. Вологодск.
Лозунг с. Василия.
Отзыв верность.

14

Пароль г. Дербент.
Лозунг с. Дениса.
Отзыв дуло.

15

Пароль г. Екатеринославль.
Лозунг с. Евстратия.
Отзыв единорог.

16

Пароль г. Зиньков.
Лозунг с. Захария.
Отзыв замок.

17

Пароль г. Иркутск.
Лозунг с. Илии.
Отзыв искра.

Ноября
18 Пароль г. Калуга.
Лозунг с. Климентия.
Отзыв кремень.

19 Пароль г. Лубны.
Лозунг с. Лариона.
Отзыв лафет.

Приказ по отряду

20 33 Пароль г. Москва.
Лозунг с. Михайлы.
Отзыв мортира.

21 Пароль г. [пропуск].

22 33 1-е.

Отъезжая по случаю распушения отряда, мне вверенного, и по распоряжению высшего начальства 23-го числа сего м-ца в г. Тифлис, я передаю командование оставшимися в Джелал-оглу и окрестностях войсками полковнику князю Севарсемидзеву, к коему Кавказской гренадерской артиллерийской бригады 3 легкая рота, казачий подполковника Андреева полк и находящееся здесь отделение Тифлисского артиллерийского гарнизона имеют во всем по службе относиться, состоя в непосредственном у него распоряжении; между тем, оставляя войска, начальству моему вверенные, я ставлю себе в приятную обязанность благодарить как началь-

ников оных, так и нижних чинов за усердную их службу и за то неослабное речение к исполнению своих обязанностей, которыми они ознаменовали себя во все время пребывания моего среди их.

Пароль г. Орея.

Лозунг с. Оликсая.

Отзыв ополчение.

Генерал-майор *Давыдов*

2-е.

Объявляю совершенную мою благодарность исправлявшему должность отрядного адъютанта Тифлисского пехотного полка подпорутчику Нелобову за ревностное усердие и точное исполнение возложенной на него обязанности во все время пребывания моего в отряде. Равномерно онаго ж полка подпорутчику Павлоцкому за точное и успешное исполнение возложенной на него порученности.

Генерал-майор *Давыдов*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абамелик-Лазарев Христофор 331
 Аббас-мирза 36, 55, 59, 65, 73, 161, 165, 175, 176, 178, 180, 285, 308, 331, 332
 Абовян Хачатур 274—276
 Абхазов 89
 Авдеев Игнатий 192
 Авенариус А. А. 47, 87, 90, 304
 Агсеева Ирина 315
 Адамян А. 264
 Аджи Магмуд эфенди 37
 Адлерберг 15
 Азадовский М. К. 72, 303, 312
 Айвазян К. В. 208, 303
 Акимов 330
 Акулов (Окулов) Н. П. 46, 81, 86, 111, 233, 257, 259
 Аламдарян Арутюн 262—265, 267
 Александр 1 74
 Александров Моисей 184
 Алексеев Григорий 185
 Алексеев Козьма 316
 Алексеева Прасковья 315
 Али-Мердан-хан Тавризский 308
 Андреев 19, 22, 30
 Андреев Алексей 197, 198, 316
 Андреев В. 156, 237, 240, 241, 270, 310
 Андреева Елнсавета 315
 Андреевич Я. М. 198
 Андроников И. М. 235, 236
 Анищенко Григорий 316
 Анненков (офицер) 254, 256
 Анненков П. В. 72
 Аносов 226, 230, 252, 253, 322
 Анреп 254, 256
 Антипов Фома 195
 Антонов Гаврил 184
 Артемьев Исак 195
 Арцыбашев Д. А. 45, 46, 87, 89, 99, 111
 Аслан-хан 308
 Астафьев Захар 192
 Афанасий Никитин 279
 Афанасьев Гурьян 200, 316
 Афанасьев Дементий 185
 Ахмет-паша 124, 125, 152
 Ахундов М. Ф. 262, 275
 Бакиханов А. К. 262
 Барамия Л. 303

- Баранов Иван 185
 Барятинский А. П. 42
 Басаргин Н. В. 42, 155, 156
 Басов И
 Бастамов Бастам 16, 17
 Бастамов Иосиф 273
 Бебутов Арсентий 16, 17
 Бебутов В. О. 262, 269, 270, 271
 Белов 76, 307
 Белоусов Михаил 185, 192
 Беляев Александр 47
 Беляев Константин 317
 Беляев Петр 47
 Бенкендорф А. Х. 144, 208, 216, 258, 311, 317
 Бенкендорф К. Х. 56, 64, 82, 266, 307
 Беранже Пьер Жан 242
 Берже А. П. 303
 Берстель А. К. 46, 53, 112, 115
 Берхман 226, 230
 Бестужев (Марлинский) А. А. 42, 46, 53, 85, 115, 118, 120, 125, 127, 129—140, 169, 206, 207, 215, 216, 238, 239, 242, 272, 275, 287—290, 303, 311, 312, 314, 319, 321, 324, 330, 332
 Бестужев М. А. 118, 120, 127, 129, 132, 133, 136, 240, 241, 319
 Бестужев Н. А. 42, 118, 120, 132, 133, 136
 Бестужев Павел А. 47, 118, 127—131, 133, 204, 239, 311
 Бестужев Петр А. 46, 47, 72, 92, 118—122, 124—128, 130, 131, 133, 139, 203, 204, 206, 238—240, 270, 292, 303, 310—312
 Бестужев-Рюмин М. П. 42, 193, 198, 260
 Бирюков Феодор 185
 Бобровский Петр 185
 Бобылев Андрей 197, 200
 Боговут А. Ф. 70, 182, 296
 Бодиско Б. А. 46, 53, 81, 86
 Бондаренко Гаврил 185
 Борисов А. И. 42
 Борисов Иван 192
 Борковский Ф. К. 247, 248, 325, 326
 Бородин 103, 104, 151, 167
 Ботвинка Аким 184
 Брагин Феодор 197
 Брокс А. А. 44—46, 112, 114, 257—259, 270
 Броссе (майор) 194
 Булгарин Н. Я. 117
 Булгарин Ф. В. 137, 207
 Бурцов И. Г. 45, 53, 96, 109, 115, 125, 148—156, 204, 211, 221, 222, 241, 271, 295, 310, 312—314, 324, 330
 Бутурлин Н. А. 224, 228, 241, 242, 321
 Бухарин 226, 238
 Бухарин Феодор 197
 Вадбольский А. П. 115
 Вадковский А. Ф. 45, 46, 73, 112, 113, 304

- Валов Лавр 199
Василенко Яков 317
Васильев В. 303
Васильев Павел 199
Васильев Феодор 197
Васильев Яков 195
Васильчиков Н. А. 47, 87, 89, 111
Вахвахов Сулхан 273
Вегелин А. И. 47
Веденяпин Алексей Васильевич 46, 81, 85, 99, 111, 280, 290, 291
Веденяпин Аполлон Васильевич 290
Вейде 84
Вейденбаум Е. Г. 49—51, 88, 110, 111, 158, 216, 243, 302, 304, 317, 321, 323, 324
Вережкин 180
Вершинин Алексей 184
Вислянов Карней 184
Вишневский Ф. Г. 46, 56, 79—81, 99, 108, 109, 238, 239
Вишневской 16
Влангали 264, 267
Войнилович А. С. 47, 90
Войнов 171
Волков В. Ф. 44, 47, 90
Волков Феодор 192
Волконский С. Г. 249, 320
Вольховский (Вальховский) В. Д. 47, 96, 148, 155, 159—164, 202, 209, 221, 244, 280, 283—286, 324, 331
Воронников Алексей 199
Ворцель Н. С. 223, 225, 227, 241, 242, 248—253, 255, 256, 322, 327
Вылетков Никифор 199
Габаев Г. 191
Гаврилов Прокофий 192
Гагки-паша 153, 309
Гаджи Ибрагим 25, 26
Гайта-башни Магмет 29
Гангсблов А. С. 44—46, 52, 56, 71, 74—77, 99, 106, 107, 142, 203, 217, 238, 239, 242, 269, 272, 274, 280, 286, 303, 305, 308, 311, 313, 324
Ганусовский Викентий 197
Ганц Иван 185
Гасан-хан 11, 13, 26, 27, 31, 36, 60, 62, 66, 78, 80, 81, 173, 174, 175, 177, 178, 306, 308
Гвоздев Н. П. 45, 87—89, 111
Гербер Р. 260
Герцен А. И. 41
Гессе К. Ф. 97, 257, 258
Гессен С. 197, 198
Гизетты А. Л. 306, 310, 329
Гилленшмидт 147
Гладков Владимир 192
Глинка С. 289, 290, 332
Глинка Ф. Н. 85, 181
Голицын В. М. 46, 112, 114, 238, 321
Голицын В. С. 226, 228, 229, 322
Головин 323
Голубов С. 129
Гончаров И. Л. 197, 198

- Горбачевский И. И. 42, 198
 Горчаков П. Д. 316, 318
 Гранкин Иван 185
 Греков Петр 316
 Гренъковский 20
 Грибоедов А. С. 132, 164, 201—207, 215, 219, 250, 304, 330
 Григорьев Николай 316
 Григорьев Нил 185
 Григорьев Филипп 195
 Григорьева Александра 315
 Григорян З. 303
 Грулев Матвей 184
 Губин Семен 199
 Гудим И. П. 44, 90
 Гурко В. И. 75, 307
 Гурьев Андрей 192
 Давыдов Д. В. 7—18, 20—26, 28—37, 55, 156, 173, 174, 217, 219, 318
 Давыдов В. Л. 320
 Давыдов П. В. 36
 Дековаленко Максим 184
 Дели баша 24
 Депрерадович Н. Н. 44, 47, 56, 72—74, 99, 111, 203, 222, 273
 Джафар-Кули-хан Марандский 308
 Джрпетян Шаган 262, 267, 268
 Дибич И. И. 44, 48, 62, 133, 158, 183, 183, 189, 221, 232, 322
 Дивов В. А. 47
 Димченко Давид 192
 Добринский А. А. 44—46, 87, 99, 110, 202, 205
 Добровольский Леонид 200, 316
 Долгоруков В. П. 242, 247
 Долгоруков И. А. 117
 Дорохов Р. И. 48, 50, 67, 142, 210, 304, 305
 Дубровин Н. 32, 174, 303, 305
 Евдокимов Николай 197
 Егоров Иван 195
 Егорова Агафья 315
 Екимов Иван 199
 Елисеев Алексей 316
 Епиколопов И. 164, 202, 303
 Еремин Матфей 316
 Ермолаев 303
 Ермолаев Емельян 192
 Ермолаев Иван 185
 Ермолов А. П. 7, 8, 15, 22, 27, 32, 33, 35, 35, 50, 55, 73, 91, 92, 165, 171—174, 187—189, 201, 205, 219—221, 270, 304, 305, 316
 Ерохин Андрей 192
 Ерыгин Петр 199
 Жихарев 259
 Жогулин Артем 317
 Жуков И. П. 46
 Жуковский 230, 252, 322
 Жуковский В. А. 31, 319
 Журавлев, Андрей 184
 Завалишин Д. И. 42, 244, 245
 Завилейский П. Д. 226, 230, 231, 256, 330
 Загорецкий Н. А. 47
 Зайцев Иван 199

- Зайцев Максим 185
Закревский А. А. 156
Занин Иван 197
Засс 313, 314
Зах Константин 247, 326, 327
Захаров Тимофей 199
Зварыкин 189
Зорин Василий 199
Зубов В. Я. 115, 116, 310
- Ибрагим ага Кападжи 37
Иванов Александр 195
Иванов Иван 185
Иванов Матвей 197
Иванов Матвей Иванович 194
Иванова Марфа 315
Иванова Наталья 315
Игельстром К. И. 47
Игнатьев И. И. 194
Игнатьев Осип 192
Игнатьев Семен 195
Иконников Тимофей 199
Иона 179
Исаев Степан 192
Искрицкий Д. А. 45, 46, 53, 87, 88, 99, 109, 110, 154, 155, 239, 244, 272, 294, 324
Каде 314
Каверин П. П. 117
Кайл-бек 125
Карамзин Н. М. 215
Караянц 269, 273
Карвицкий С. С. 225, 227, 241, 242, 248—252, 254—259, 322, 327
Каринян А. Б. 276, 278, 279
- Карпов 85
Карякин 185
Каряков Василий 316
Касим-хан 308
Каховский П. Г. 42, 260, 304
Квартано Н. Н. 323, 324
Кильчевский 258
Кнос-Магомет-паша 309
Кирилова Евгения 315
Кирилов Василий 197
Кожевников А. Л. 46, 115
Кожевников Н. П. 45, 46, 87, 88, 111, 239
Кожин Матвей 192
Коледченко Ефим 197
Кондратьев Семен 316
Коновницын П. П. 45, 140, 145—147
Коновницын П. П. 45, 46, 48, 50, 67, 106, 115, 140—145, 203, 212, 221, 313
Кононов Иван 316
Константин Павлович 325, 326
Кончин Филат 192
Кончианов 320
Копылов Г. 394
Корнилович А. О. 47, 85, 244
Корниженко Петр 199
Королук В. Д. 247
Корохов Николай 192
Корсаков М. М. 44—46
Костонецкий Я. И. 129
Косы Махамет-паша 108
Котляревский Н. 137, 206, 207, 303
Кох Карл 275

- Коцебу М. А. 16, 35
 Кошкарев 77, 106, 303, 304
 Кравцов Архим 184
 Крайников Григорий 197
 Красовский А. И. 58, 59, 63, 66, 75, 76, 176, 268, 269, 281, 287, 306, 307, 329
 Кржижановский 249
 Кригер 254, 255
 Кривцов С. И. 47
 Круглый А. О. 31
 Кудашев М. Ф. 182
 Кузнецов Николай 197
 Кузьмин Максим 185
 Кулаков Семен 197, 198
 Кюхельбекер В. К. 42, 85, 296, 304

 Лабинцов 100
 Лазарев 330
 Лазарев Л. А. 262, 269, 272, 289
 Лаппа М. Д. 46, 87, 111
 Лаптев 307
 Лачинов Е. Е. 46, 56—63, 99, 100—102, 203, 267—269, 274, 280—283, 296, 303, 304, 330, 331
 Лашкевич 87, 90, 111, 270, 310
 Лебедев Степан 316
 Левченко Никита 192
 Ледуховский Н. К. 46, 90, 115
 Леякин Г. Г. 178, 182, 185
 Леман П. М. 45, 46, 115, 148, 156—159, 221, 244, 272, 310, 324

 Ленин В. И. 41
 Леопольдов Андрей 93
 Лисевский Феликс 247, 326, 327
 Литов 20
 Лихарев В. Н. 47, 53
 Ломоносов 185
 Лорер Н. И. 42, 47, 51, 86, 87, 94, 95, 156, 242, 303, 320
 Лос 255
 Лушин М. С. 42
 Ляхович Феликс 325, 326
 Ляшко Феофор 197

 Мадатов В. Г. 55, 166, 262, 269, 271, 272, 285
 Майков Л. 72, 94, 213, 216, 305, 310
 Максимов Иван 316
 Малафаев Петр 197
 Малютин М. П. 44, 45, 81, 83, 84, 269
 Мартыненко Афанасий 316
 Мартыненко Е. 263—267
 Мартынов Денис 197
 Мартынов Павел 197
 Мартынов П. К. 215, 216
 Матвеев Егор 185
 Махов 187—192
 Машковский Гаспар 261
 Медведская Л. А. 260
 Мелников Иван 16, 17
 Меллин 185
 Мерлин 149
 Миклашевский А. М. 44—46, 53, 115, 148, 165—169, 271, 272, 286, 294, 295, 310, 314

- Миллер И. С. 247
Мин 323
Мирайлова Марина 315
Мирайлова Фекла 315
Миронова Авдотья 315
Михаил Павлович 323
Михайлов Ивлей 185
Михайлов Феодор 197, 316
Мозган П. Д. 47
Моздалевский Б. Л. 181, 321
Моллер Ф. Ф. 132
Молчанов Л. А. 91, 93, 96, 203, 204, 286
Муравьев 9, 14, 16
Муравьев-Апостол С. И. 42, 193, 260
Муравьев Никита 42, 160
Муравьев Н. Н. 32, 34, 163, 164, 232, 236
Муравьев С. 198
Муркин Андрей 316
Мусии-Пушкин В. А. 47, 115, 212, 239, 257—259
Мусии-Пушкин Е. С. 46, 53, 115, 239
Мустафа-паша 108, 309
Муханов П. А. 272, 296, 304
Мызников Петр 197

Назимов М. А. 47
Нарышкин М. М. 47
Нелюбов 10, 37
Нерсес Аштаракец 262—269
Нерсисян М. Г. 269, 275, 281, 302, 303, 330, 331
Нестеров Анисим 316
Нечкина М. В. 42, 43, 50, 159, 201, 202, 206, 207, 303, 304, 321
Никитин Андрей 316
Никитин Степан 197, 316
Никифоров Кирилл 316
Николаев Степан 195
Николаев Феодор 197
Николай I 7, 31, 35, 42—44, 48, 51, 72, 74, 75, 83, 85, 88, 89, 99, 105, 107, 114, 119, 126, 132, 133, 145, 147, 149, 157, 170, 178, 184, 186, 188, 190, 201, 208, 216, 224, 231, 233, 237, 239, 242, 243, 286, 306, 320, 325, 327
Новоселов Петр 185
Новоселов С. 152
Норов В. С. 47

Оболенский Е. П. 42, 145, 160
Одоевский А. И. 47, 53, 91, 137, 206, 207, 275, 276, 329
Олонецкий А. 303
Оносов Иван 185
Орбеллиани Г. Д. 262
Орбельянов 11
Оржицкий Н. Н. 46, 81, 84, 96, 99, 111, 203, 221—223, 239, 241, 242, 273, 286
Орлов Вл. 35, 36, 329
Орлов М. Ф. 320
Осеков Василий 184
Осипов Василий Осипович 194
Осман-паша 25, 27, 29, 126, 135, 309

- Остен-Сакен Д. Е. 67, 162—164, 204, 222, 232, 317, 324
- Павлов Андрей 199
- Павлов Афанасий 184
- Павлов Ефим 316
- Павлова Екатерина 315
- Павлоцкий 20, 37
- Палицин С. М. 47
- Пантелеев Алексей 192
- Парадовский К. О. 226, 252, 253, 255, 256
- Парсамян В. 303
- Паскевич И. Ф. 44, 48, 50—52, 55, 56, 62, 65, 66, 68—71, 74, 75, 77, 78, 82—85, 91, 94, 103—107, 109, 110, 114, 126, 134, 135, 137, 141, 142, 144, 146, 149—152, 154, 160—164, 166, 168, 174—178, 183, 184, 201, 204—207, 213, 216, 222, 225—229, 231, 233—235, 237, 239, 241—244, 248, 254, 256, 258, 272, 283, 285, 286, 293, 294, 298, 299, 306—311, 317, 320—322, 324, 325
- Патрекеев Дементий 199
- Пашков Федор 225, 227, 251, 322
- Переверзин Елисей 185
- Переверткин Иван 192
- Пересеткин Макар 197
- Пестель П. И. 42, 73, 157, 260, 276, 278, 279
- Пестеров Анисим 197, 198
- Пестриков Н. С. 176, 177, 185
- Петров Василий 192
- Петров Владимир 195
- Петров Герасим 185
- Петров Мартын 316
- Петров Семен Петрович 195
- Петров Феофан 184
- Петрушенко Кузьма 185
- Поджио А. В. 42
- Полевой К. А. 289
- Полевой Н. А. 215
- Попов 99, 168
- Попов А. В. 262, 273, 275, 303
- Попов Кузьма 185
- Потапов 146
- Потемкин 112
- Потоцкий 216, 217
- Потто В. 32, 65, 66, 68, 95, 220, 224, 231, 232, 243, 248, 303, 305, 321
- Прокопьев Макар 197
- Проскуров Мокей 316
- Прохоров Петр 192
- Прянишников 185
- Пузанов 175, 178
- Пупков Иван 192
- Путята Н. В. 117
- Пушкин А. С. 63, 93, 132, 159, 201, 207—217, 219, 250, 309, 310, 317—319, 330
- Пушкин Л. С. 93—96, 204, 214, 318
- Пушин И. И. 42, 63
- Пушин М. И. 46, 48, 50, 56, 63—69, 71, 72, 92, 96, 99, 102—105, 141, 142, 159, 203, 204, 209, 210, 212, 213, 221,

- 238, 239, 244, 263—267, 272.
274, 280, 286, 303, 313, 324
Пыхачев М. И. 45, 87, 89
Пятаков Семен 185
Раевская Е. Н. 320
Раевская С. Н. 241, 319
Раевский А. Н. 218, 219, 319
Раевский Н. Н. (младший) 73,
78, 79, 92, 93, 95, 96, 108, 126,
164, 203, 208—214, 218—243,
245, 246, 249—256, 286, 302,
310, 312, 318—324, 327
Раевский Н. Н. (старший) 218,
320
Резников Гаврила (рядовой)
197
Рельн 257—259, 327
Реутт 109, 272
Римский-Корсаков В. А. 117
Ринкевич (Рынкевич) А. Е. 44,
45, 81—83, 96, 204, 286
Роджицкий 294
Родичев Иван 197
Розен 78, 79, 307, 327
Розен А. Е. 47, 207, 241, 286,
295, 302, 319, 320
Романов В. П. 117
Рослов Тихон 197
Ростованов 20
Рощин Прокофий 192
Рубцов Петр 316
Рудинский 261
Рылеев К. Ф. 42, 83, 85, 132,
260, 310
Саблукова С. А. 272
Сагинов Иван 184
Самтов Хамет 195
Санковский П. С. 275, 330
Свистунов 73
Севарсемидзев 9, 10, 13, 15, 16,
18, 20—25, 30, 34, 36, 37
Селиверстова Маланья 315
Семевский М. И. 129, 311
Семенов Рамазан 199
Семенова Татьяна 315
Семичев Н. Н. 44—46, 53, 56,
77—79, 96, 99, 107, 108, 203,
210, 211, 222, 223, 230, 235—
237, 251, 255, 256, 271, 273,
286
Сергеев Иван 185
Сидоров Тарас 184
Симонич 309
Сипягин Н. М. 114, 157, 158, 178
Скрутковский С. Э. 173, 180—
182, 184—186, 190
Смирнов Архип 192
Соловьев В. Н. 42
Сорокин Григорий 197
Соснов Харлам 316
Сосновский 254, 256
Стаценко Иван 197
Степанов Петр 185
Степанченко Теренций 316
Стрекалов 224, 226, 317
Стрелков Петр 199
Субхан-Кули-хан 308
Суворов А. А. 91, 92
Суворов А. В. 91

- Сулханов Захар 273
Сумбатов 330
Сутгоф А. Н. 47
Сухиннов И. И. 42
Сухоруков В. Д. 46, 81, 85, 99,
110, 204, 211, 212, 215, 243,
244, 245, 293, 294, 324, 330
Сухтелен П. 94, 160, 161, 177,
308
Тагнадян Месроп 276, 278, 279
Тарханов Давид 16
Терентьева Марья 315
Тимофеев Григорий 185
Тимофеев Иван 199
Тимофеев Сергей 184
Титов П. П. 47, 117
Титов Яков 195
Тищенко Филипп 185
Ткаченко Афанасий 184, 192
Ткаченко Ефим 192
Толстой В. С. 46, 112, 115, 134,
238, 241, 295, 311
Толстой Л. Н. 72
Торнау Ф. Ф. 311
Третьяков П. Н. 247
Тржасковский Адам 247, 326
Трубецкой С. П. 42, 160
Трузсон М. 68, 69, 142
Туманов 330
Тургенев Н. И. 42, 165
Туркевич 20
Турков Василий 197, 316
Устимович П. 304
Ушаков 71, 185, 313
Фадеев А. В. 47, 85, 294, 303
Фадеев Иван 197
Феодоренко Игнат 195
Феодоров Григорий 195
Феодоров Никита 199
Феодоров Прохор 316
Феодорович Никифор 195
Фердинанд VII 323
Фетх-Али-хан 308
Фижан 326
Филиппов Игнат Рудневич 195
Фок А. А. 46, 87, 89, 99, 111,
257—259
Фомин Василий 185
Фредерикс 2-й 16
Фридрихс 132
Фролов Яков 192
Фукс 254, 256
Хачапуридзе Г. 303
Хватов Иван 192
Ховен 21
Ховен 16, 35, 185
Храповицкий М. Е. 222, 223
Цебриков Н. Р. 46, 81, 86, 87,
99, 111
Цявловский М. А. 208
Чавчавадзе А. Г. 98, 233, 235,
262
Чавчавадзе Язон 273
Чевкин 308
Черкасов А. И. 47
Черевкин П. 304
Чернышев А. И. 215, 224, 226.

- 228, 233—235, 243, 254, 256, 321, 322, 324
Чернышев З. Г. 46, 112, 113, 223, 225, 227—229, 237, 238, 241, 242, 251, 253, 256, 321, 322
Чнялев Борис 216
Шабельский 307, 308
Шадурн Вано 245, 262, 302, 303, 327
Шалдаев Никифор 184
Шалукнов Степан 192
Шаншиев Борис 273
Шариф Ага 26
Шевелев Иван 316
Шевелев Парамон 192
Шевченко Феодор 316
Шемчев 175
Шереметев Н. В. 44, 47, 81, 83, 111, 182, 205
Шерстюк Степан 185
Шипов 2-й И. П. 47, 69, 70, 79, 96, 171, 172, 175, 177, 181, 182, 185, 203, 221, 273, 286, 307, 315, 318, 330
Шипунов Степан 184
Штрайх С. Я. 131
Штраубе 230, 253
Шербатов 51, 52, 149, 160, 243, 244, 303, 310, 325
Шербинин Филипп 197
Шукин Феодор 185
Эрнстов Г. Е. 91
Эрман Г. А. 137, 287, 288, 312, 332
Эсадзе С. С. 303
Эссен 143
Юдин 103
Юдин 1 апреля 192
Юзефович М. В. 156, 214, 318, 321
Юрашев Феодор 197
Юсупов 253
Юшневский А. П. 42
Яблонский 249
Яковлев Алексей 192
Якубович А. И. 42, 304
Якушкин И. Д. 42
Ян Тан 316
Яневич А. К. 247, 248, 325, 326
Янтарева Антон 197
Яцук Кондратий 197

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Новые материалы о пребывании Дениса Давыдова в Армении</i>	5.
<i>Декабристы в Армении</i>	39
Глава 1. Ссылка на Кавказ	41
Глава 2. Участие декабристов в освобождении Армении от ига персидских ханов . .	54
Глава 3. Участие декабристов в русско-турец- кой войне 1828 -1829 годов	97
Глава 4. Братья Бестужевы и Коновницыны . .	118
Глава 5. Бурцов, Леман, Вольховский, Микла- шевский	148
Глава 6. Рядовые участники восстания декабри- стов в Армении	170
Глава 7. Встречи с Грибоедовым и Пушкиным	201
Глава 8. Дело Н. Н. Раевского	218
Глава 9. Дружба с польскими революционерами	246
Глава 10. Знакомства с армянскими деятелями	262
Глава 11. Декабристы об Армении	280
<i>Документы</i>	333
1. Журнал исходящий по отряду генерал- майора и кавалера Давыдова	335
2. Тетрадь для записывания приказов по отря- ду, отдаваемых г. Давыдовым	423
<i>Указатель имен</i>	451

МКРТИЧ ГЕГАМОВИЧ НЕРСИСЯН
ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ
КНИГА ВТОРАЯ

Художественное оформление
Л. А. САДОЯНА

*

Отв. редактор В. К. ВОСКАНЯН
Редактор издательства А. Г. СЛКУНИ
Тех. редактор Л. А. АЗИЗБЕКЯН
Корректор В. Б. АНДРЕАСЯН

*

Сдано в производство 8/X 1960 г. Подписано
к печати 28/III 1961 г. ВФ 00143. Бум. 84×103¹/₂.
29 л. л. + 13 вкл. 16,2 уч.-изд. л. Тираж 2000.
Зак. 244. РИСО 628. Изд. № 1903.
Цена с переплетом 1 р. 17 к.

Типография Издательства Академии наук
Армянской ССР. Ереван, ул. Барекамутян, 24

ԿԱՍ Յիմնարար Գիտ. Գրադ.

FL0630072

119-11-11-11

10775